

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

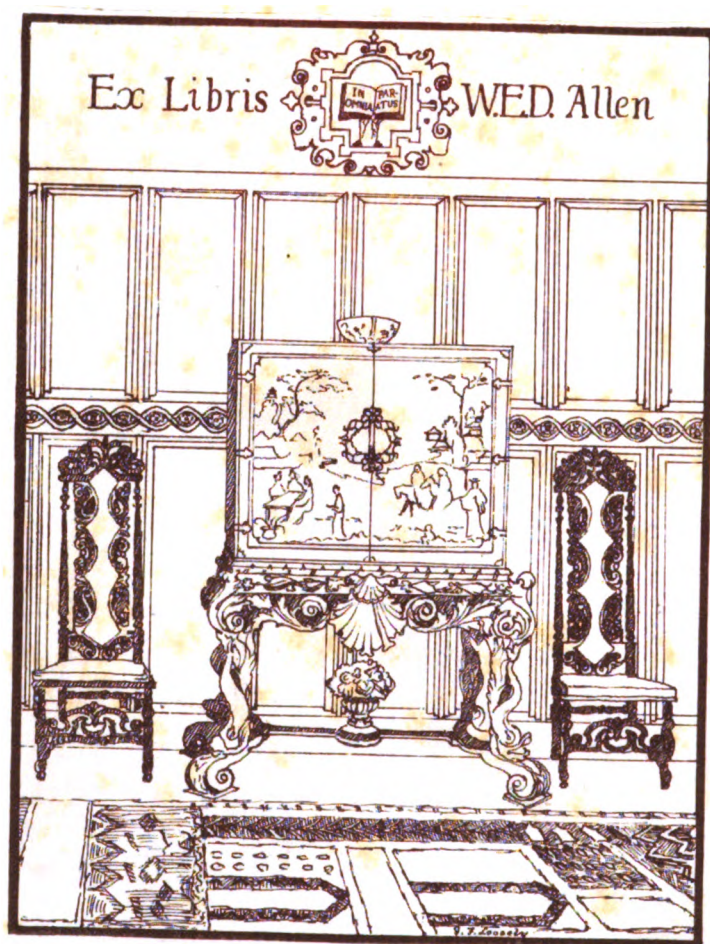
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

DS
1
.M9
v.3
pt.1

19

ДРЕВНОСТИ

ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

ИЗДАННЫЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. Е. КРЫМСКАГО,

дѣйствит. члена Общества и секретаря Восточной Коммисіи.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЫПУСКЪ I.

Съ 6-ю снимками въ текстѣ.

МОСКВА.

1907.

Печатано по опредѣленію Редакціоннаго Комитета Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

Предсѣдатель *Графиня Уварова*.

Москва, 21 марта 1906 г.

5 - 7 - 76

Типографія Гатцукъ, Долгоруковская ул., д. Бутюгиной.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Θ. Е. Коршъ: Происхождение формы наст. времени въ западно-турецкихъ языкахъ.	1—22
В. Θ. Минорскій: Национальныя стихотворенія Эминъ-Бея въ связи съ новымъ направлениемъ османской поэзіи.	1—24
А. Е. Крымскій: Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.	1—89
Л. З. Мсеріанцъ: Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.	1—44
А. С. Хахановъ: Грузинское апокрифическое Евангеліе Никодима — изъ Цагерскаго сборника XVI в.	1—20

ПРОТОКОЛЫ

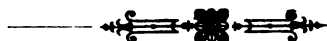
засѣданій Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества
за 1903—1907 гг.

(Доклады, изданные полностью, отмѣчены звѣздочкою.)

М. О. Аттая: Арабскія надписи изъ Асха-бада 2	Θ. Е. Коршъ: О мусульманско-татскомъ словарѣ В. Θ. Миллера 35
— Арабскія надписи на кускахъ шелковой матеріи и на церковной утвари въ Местской церкви въ Сванетіи . . 10	А. Е. Крымскій: Къ исторіи начальныхъ моментовъ новоевропейскаго востокѣдѣнія XVI в. 6
— Объ антихристіанскомъ арабскомъ сочиненіи одного испанца-ренегата 1409г. 23—24	— Школа, наука и просвѣщеніе у Россійскихъ мусульманъ 16
— *Описаніе арабской противомусульманской рукописи изъ собранія проф. А. Е. Крымскаго: „Бесѣда монаха Георгія съ улемами“ 31—33	— Монета Александра Македонскаго изъ Тебриза 21
Арсенизъ-ханъ: Персидское духовенство, его прошлая исторія и его новѣйшая освободительная роль 34	— *Описаніе антихристіанской арабской рукописи изъ собственнаго собранія: „О правой вѣрѣ—шейха Зіяде ибнъ-Яхья“ 24—31
П. П. Введенскій: Поѣздка въ Персію лѣтомъ 1903 г. 2—3	— Турецкая грамота султана Махмуда II, изъ собственной коллекціи 35
Ю. Н. Вороновъ: Остатки южныхъ самоѣдовъ въ Енисейской губерніи . . . 12—14	*Х. И. Мучунъ-Іоаннесовъ: О рукописныхъ открытіяхъ Н. Я. Марра на Синаѣ и въ Іерусалимѣ 1902 г. 4—6
*А. Гляйе: Азіатско-классическая народность „Митанни“ и современ. абхазцы. 14—16	— Двѣ армянскія надписи изъ Кишинева 16
К. К. Городыскій: Поѣздка въ Константинополь 1905—1906 г. 35, 36	— Рукопись „Нарекъ“ XV в. 19—20
о. Джанашивили: Старинныя грузинскія церковныя надписи 17	— Армянскія рукописи музея г. Щукина въ Москвѣ 34

Б. В. Миллеръ: Путешествіе изъ Бушира	<i>Стр.</i>
въ Ширазъ въ 1905 г.	24
В. Ө. Миллеръ: Персидскій ментеръ (закли- наніе) изъ Асхабада	2
— Der Ursprung der armenischen Fürsten- thümer Б. Халатянца	4
— О персидскомъ нарѣчій мусульманъ- татовъ	8—9, 10
— Работа г. Мункачи объ аланскихъ (=осетинскихъ) элементахъ въ ма- дьярскомъ языкѣ	19
— Новыя осетинскія этимологіи	23
— Кавказское языковѣдніе и его зна- ченіе для староазиатской этнографіи	24
— Die Litteratur der Babylonier und Assy- rier von Otto Weber (Лейпцигъ 1907)	34
— О работѣ Ф. Томаса: Sacastana (J. R. As. S. 1907) по поводу первоначаль- наго мѣстожителства скифовъ-саковъ	34
— Хаттійскія раскопки Х. Винклера въ Богазъ-коѣ	34
— По поводу работы Л. З. Мсеріанца о страсбургскомъ египетско-арамей- скомъ папирусѣ	35
Л. З. Мсеріанецъ: О страсбургскомъ еги- петско-арамейскомъ папирусѣ	18

В. П. Никитинъ: Двѣ южно-арабскія таблицы	<i>Стр.</i>
съ сабейскими надписями, присланныя кн. Б. Н. Шаховскимъ изъ Бургаса (съ двумя снимками)	21—23
М. В. Никольскій: Клинописная коллекція Н. П. Лихачева	1—2, 4
Н. Пантусовъ: Китайская кумирня Бей- Юнь-Гуань въ Аксуйскомъ ущельи Илійскаго края	18—19
Д. В. Солодовъ: Опытъ сводной біографіи Саддія	17
Г. А. Халатянцъ: Маттавія Гарагашянъ	9
— Итоги научной критики „Исторіи Ар- меніи“ Момсея Хоренскаго	9
— *Памяти П. Феттера и Г. Гельцера	36—40
А. С. Хахановъ: Грузинскій апокрифъ о судѣ Пилата надъ Іисусомъ Христомъ	17
Ии. Б. Н. Шаховской: Письмо о сабейскихъ пластинкахъ, приобретенныхъ имъ въ Бургасѣ	19
И. Г. фонъ-Шлиппе: Армянская надпись на Елеонской горѣ	17
— Поѣздка на востокъ лѣтомъ 1904 г.	18, 20
Ш. С. Щенинъ: Греческія геммы изъ Сисстана (вост. Персія) съ гностическими надпи- сями (съ приложеніемъ 4 снимковъ)	6—8, 11, 21

Происхождение формы настоящего времени въ западно-турецких¹⁾ языкахъ.

Подъ западно-турецкими (или иначе, южно-турецкими) языками разумѣются, какъ извѣстно, языки османскій, азербайджанскій (азѣри) и тюркменскій. Въ числѣ ихъ отличій отъ языковъ не только сѣверно-турецкихъ (или татарскихъ), но и восточно-турецкихъ, съ которыми западно-турецкіе составляли нѣкогда одну группу, занимаетъ видное мѣсто особая форма настоящего времени, имѣющая при томъ, по крайней мѣрѣ, въ османскомъ языкѣ такое значеніе, которое въ языкахъ двухъ другихъ группъ выражается только описательно, посредствомъ соединенія дѣспричастій на —а (—ā) или —уn (—ün) со вспомогательными глаголами *турмак* «стоять» и *јатмак* «лежать». Какъ это отличіе, такъ и отсутствіе единства въ способѣ образованія соответствующихъ по значенію формъ между отдѣльными языками сѣверной и восточной группъ — по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ — легко могутъ навести на мысль, что формы строго-настоящаго времени (т. е. безъ отбѣнка обычности или готовности) появились въ эпоху, сравнительно позднюю, послѣ распаденія обще-турецкаго языка (или пра-языка) на группы сѣверную и южную (говоря примѣнительно къ данному случаю, такъ какъ помимо его на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ можно предположить и третью, впоследствии слившуюся отчасти съ восточной, отчасти съ сѣверной). А если такъ, трудно понять, какимъ образомъ западная вѣтвь южно-турецкой группы сохранила въ себѣ столько производительной силы, что создала новую грамматическую форму, и почему эта сила обнаружилась лишь въ данномъ случаѣ, такъ какъ другихъ, въ такой-же степени самостоятельныхъ новообразованій западно-турецкіе языки не представляютъ. Или, можетъ быть, эта форма, хотя въ нѣсколько иномъ видѣ, была свойственна уже обще-турец-

¹⁾ Или, какъ говорятъ наши тюркологи, «тюркскихъ» въ отличіе отъ «турецкаго» въ смыслѣ «османскаго». Такое значеніе словъ «турецкій» и «тюркскъ» сложилось у насъ по причинамъ историческимъ; но вѣдь по тѣмъ-же самымъ причинамъ у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ соответствующія слова въ обиходѣ также относятся къ османцамъ, однако тамошніе ученые не боятся называть «турецкою» (*turque, türkisch, turkish, turkisk, turco* и т. д.) всю ту семью языковъ, къ которой принадлежитъ османскій языкъ. А если «тюркскій» не особенно нужно, то лучше предать его забвенію, потому что оно (какъ и «петербургскій») произведено просто безграмотно, съ грубымъ нарушеніемъ законовъ нашего словообразованія.

кому языку, но удержалась только въ части западно-турецкой группы? Противъ такого предположенія какъ будто говорить то обстоятельство, что это образованіе появляется въ письменныхъ памятникахъ едва-ли ранѣе XVI—XVII в. Однако это возраженіе не имѣетъ безусловной силы, потому что 1) о хронологіи западно-турецкихъ языковъ можно говорить на основаніи памятниковъ примѣнительно почти только къ османскому языку, такъ какъ языки азербайджанскій и туркменскій, помимо искусственной обработки по османскому образцу, извѣстны намъ чуть не со вчерашняго дня, да и то плохо, особенно послѣдній; 2) древнѣйшій видъ западно-турецкой формы (съ наставкой *jor*) сохранился до нашихъ дней только въ Европѣ и въ нѣкоторой части Малой и Средней Азіи, а древнѣйшіе памятники османскаго языка происходятъ изъ тѣхъ мѣстностей Азіи, гдѣ эта форма подверглась болѣе или менѣе сильнымъ измѣненіямъ по нарѣчіямъ и говорамъ, что съ одной стороны указываетъ, по видимому, на давнишнее ея существованіе въ этихъ мѣстахъ, а съ другой объясняетъ причину, по которой она не появляется въ письменности, такъ какъ языкъ литературный требуетъ грамматическихъ формъ установившихся и признаваемыхъ большинствомъ пишущихъ и читающихъ, — условіе, которому въ гораздо болѣе мѣрѣ соответствовала форма настояще-будущаго времени, общая не только всѣмъ западнымъ, но и восточнымъ туркамъ, упредившимъ своихъ западныхъ сородичей въ дѣлѣ письменнаго пользованія своимъ языкомъ; 3) что до азербайджанскаго и туркменскаго, то литературныя произведенія на этихъ языкахъ (на послѣднемъ—весьма немногочисленныя) носятъ на себѣ болѣе или менѣе сильный отпечатокъ языка османскаго, испортившій даже грамматику азербайджанскаго языка, написанныя туземцами (Казембекомъ въ общей грамматикѣ турецко-татарскаго языка, Будаговымъ, Ганіевымъ). Прежде, чѣмъ приступимъ къ рѣшенію вопроса о времени происхожденія занимающей насъ формы, рассмотримъ ее по отдѣльнымъ западно-турецкимъ языкамъ, нарѣчіямъ и говорамъ на основаніи доступнаго намъ матеріала ¹⁾. Для примѣровъ воспользуемся глаголами *jazmañ* «писать» съ твердыми звуками и *gälmäk* «приходить» съ мягкими, насколько это возможно при скудости данныхъ по нѣкоторымъ говорамъ, доходящей иногда до того, что не только построеніе полной схемы настоящаго времени оказывается дѣломъ рискованнымъ, но и точное произношеніе случайно извѣстной формы позволительно сообщить лишь съ оговорками.

¹⁾ Этотъ обзоръ, по всей вѣроятности, далеко не полонъ и не вездѣ точенъ, особенно въ топографическомъ отношеніи, потому что мы остались неизвѣстны нѣкоторые источники, отчасти очень важные, какъ изслѣдованія Блау объ османскомъ языкѣ въ Босніи, Тури (Thury) о кастамунійскомъ нарѣчіи, Цакирбеглу о нарѣчіи турецкихъ кочевниковъ въ Малой Азіи (Juryk), Буноша о нарѣчіяхъ малоазійскихъ турокъ.

1) Османскій языкъ.

а) Стамбульское и вообще господствующее нарѣчіе: *язы́жорум*, *язы́жорсун*¹⁾, *язы́жор*²⁾, *язы́жоруз*³⁾, *язы́жорсунуз* (или *язы́жорсуз*⁴⁾), *язы́жорлар* (послѣ *о* или *у* въ корнѣ—*у* вмѣсто *ы*: *сорѹжор*—спрашиваетъ, *дурѹжор*—стоитъ); *гелѹжорум*, *гелѹжорсун*⁵⁾, *гелѹжор*⁶⁾, *гелѹжоруз*⁷⁾, *гелѹжорсунуз* (или *гелѹжорсуз*⁸⁾), *гелѹжорлар* (послѣ *о* или *у* въ корнѣ—*у* вмѣсто *і*: *гөрѹжор*—видитъ, *гүлѹжор*—смѣется).

б) Сивасское: *язы́ірім* и т. д., *гелѹірім* и т. д.

в) Болгарское (напр. около Рущука) и сѣверное мало-азіатское: *жазѹжорум* и т. д., *гелѹжорум* и т. д.

г) Трапезунтское (см. В. Писарева «Нѣсколько словъ о трезбизондскомъ діалектѣ» въ «Запискахъ восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества», т. XIII, вып. II—III, стр. 173—301): *жазѹірім* (вѣроятно, такъ, хотя ударенія г. Писаревымъ не отмѣчены), *жазѹірсін*, *жазѹір*, *жазѹірук*, *жазѹірсіз*, *жазѹірләр*; *гәлѹірім*, *гәлѹірсін*, *гәлѹір*, *гәлѹірук*, *гәлѹірсіз*, *гәлѹірләр*⁷⁾).

д) Крымское (сходно съ трапезунтскимъ, но безъ смятченія гласныхъ во флексіи и съ удержаніемъ старинныхъ окончаній 1 и 2 л. мн. ч.): *жазѹірым*, *жазѹірыын*, *жазѹір*, *жазѹірыз*, *жазѹірынынз*, *жазѹірлар*; *гелѹірім*, *гелѹірсін*, *гелѹір*, *гелѹіріз*, *гелѹірсініз*, *гелѹірлер*.

е) Говоры Коніи и Худавендгара (но, какъ видно изъ примѣч. 4 и 5, не

¹⁾ Въ Караманіи *язы́жорун*, *гәлѹжорун* (судя по *укѹжорун* «читаешь», «сойлѹжорун» «говоришь» (безъ ударенія) у В. Максимова, «Опытъ изслѣдованія тюркскихъ діалектовъ въ Худавендгарѣ и Караманіи». С.-Пб., 1867 (транскрипція измѣнена).

²⁾ Въ Коніи и Худавендгарѣ *язы́жорур* или *язы́жору*, *гәлѹжорур* или *гәлѹжору* (ср. тамъ же *чы́жорур* и др., также безъ удареній) съ приставкой—*у(р)*, не имѣющей этимологическаго значенія и возникшей по аналогіи первыхъ двухъ лицъ, можетъ быть, не безъ вліянія *-дур* или *-дүр* въ 3 л. прош. соверш. *язымыш-дур*, *гелміш-дүр*, иначе просто *язымыш*, *гелміш*, при первыхъ двухъ лицахъ *язымыш-ым*, *язымыш-сын*, *гелміш-ім*, *гелміш-сін*.

³⁾ Въ Коніи и Нигдѣ *язы́жорук*, *гәлѹжорук* (ср. тамъ же *аснѹжорук*, *отурѹжорук*).

⁴⁾ Въ Караманіи и Худавендгарѣ —*суз*.

⁵⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые тюркологи стали выражать посредствомъ *ä* звукъ османскаго *e* (приблизительно=*e* въ *шесть*, но не въ *шесть*), трудно бываетъ на основаніи транскрипціи рѣшить вопросъ, имѣемъ-ли мы дѣло съ открытымъ *e* или со звукомъ англійскаго *a* въ *шап*, свойственнымъ выговору азербайджанцевъ, казанцевъ, сартовъ и др. Впрочемъ объ *e* и *ä* поговоримъ, можетъ быть, особо. Изъ приведенныхъ г. Писаревымъ *сәвјрсін* «любишь», *сәвјрсіз* «любите», *сәвјр* «любитъ», *конушүјсін* «разговариваешь», *конушүј* «разговариваетъ» можно вывести для трапезунтскаго нарѣчія также *язы́йсін*, *язы́й*, *язы́йсіз* (если не *жазѹй*, какъ въ бессарабскомъ), *гәлѹйсін*, *гәлѹй*, *гәлѹйсіз*.

повсемѣстно или не исключительно): *язы́jom* (вѣроятно, съ такимъ удареніемъ), *язы́jon* (о 3 л. ср. примѣч. 4), *язы́jоз* (о 2 л. ср. примѣч. 6 и 8), *язы́jорлар*; *gäljôm*, *gäljôn* (ср. примѣч. 5), *gäljo* (ср. примѣч. 6), *gäljorlär* ⁸⁾.

ж) Говоры юга Малой Азии (по Гартманну и Фою въ *Keleti Szemle* I и II) *язы́jom*, *язы́jon*, *gelijom*, *gelijon*, *gelijo* изъ Айдына (въ сѣверной Сирин; ни формы другихъ лицъ, ни ударенія не приведены).

з) Нарѣчіе бессарабское (не вездѣ) и херсонское (у григоріопольскихъ армянъ): *жазайм*, *жазайсын*, *жазай*, *жазайк*, *жазайсыныз*, *жазайлар*; *gelijim*, *gelijisin*, *gelij*, *gelijik*, *gelijisiniz*, *gelijiler* ⁹⁾.

Азербайджанскій языкъ.

язы́рам, *язы́рсан* ¹⁰⁾, *язы́р*, *язы́рых* (въ Персін *язы́рух*), *язы́рсуз*, *язы́рлар* (послѣ *о* или *у*—*у*: *сорұр*, *дурұр*, но только въ Закавказьѣ, а въ Персін *ы*); *gäliräm*, *gälirsän* ¹⁰⁾, *gälir*, *gälirik* (въ Персін *gälirux*), *gälirsüz*, *gälirlär* (послѣ *ö* или *у* въ Закавказьѣ *у*: *гөрұр*, *гүлұр*).

Туркменскій языкъ.

У Йомудовъ *язы́jарын*, *язы́jарсын*, *язы́jар*, *язы́jарыз*, *язы́jарсыз*, *язы́jарлар* (чаще безъ окончанія мн. ч.) или сокращенно: *язы́jаң*, *язы́jаң* ¹¹⁾, *язы́jа*, *язы́jаз* (у Гоклановъ *язы́jаң*), *язы́jасыз*, *язы́jалар* (чаще *язы́jа*), у Саларовъ ¹²⁾ *язы́jорын*, *язы́jорсын*, *язы́jор*, *язы́jормыз* ¹³⁾, *язы́jорсыз*, *язы́jорлар* (*язы́jор*), у Эсенъ-или *язы́jұрун*, *язы́jұрсун*, *язы́jұр*, *язы́jұруз*, *язы́jұрсуз*, *язы́jұрлар*,

⁸⁾ Судя по *gädjom*, *чалыjon*, *япыjon*, *сүрүjon*, *варыjоз*, *чыкыjоз*, *gäljоз*, *утуруjоз*, но *gäljорур* и т. п., *отуруjорсыз*, *язы́jорлар*, *gäljорlär*, приведеннымъ у В. Максимова. Иными словами: основы безъ *р* употребительны только въ 1 и 2 л. ед. ч. и въ 1 л. мн. Но въ Кастамуни (гдѣ ударенія мнѣ извѣстны): *азы́jom*, *язы́jon*, *язы́jo*, *язы́jорук*, *язы́jорунуз*, *язы́joла*; *gäljôm*, *gäljôn*, *gäljo*, *gäljорук*, *gäljорунуз*, *gäljoла*. Сходно спряженіе наст. вр. въ Бехесни (въ Курдистанѣ—см. Балканоглу въ *Keleti Szemle* IV): *савjom*, *савjoг*, *савjosigiz*, *савjoлар*.

⁹⁾ Сравненіе съ *жазай* показываетъ, что *gelij* изъ *geléj* и, слѣдовательно, восходитъ не къ *geljor*, а къ *geléjor*. Кое-гдѣ въ Болгаріи спрягаютъ *жазайм*, *жазайн*, *жазай*—*geléim*, *geléin*, *geléj*, также *язы́йм*—*gelim*.

¹⁰⁾ Казембекъ даетъ также формы безъ *с*, а 3 л. ед. ч.—на *i* (ср. алт. *ядырын* при *ядырзын*, *ядыры* при *ядыр*, шор. *jары* при *jар*, о которомъ см. стр. 10), 1 л. мн.—на *а* к. Есть у него и другія отличія отъ помѣщенныхъ здѣсь и ниже образованій, употребительныхъ въ обиходѣ между турками Закавказья и Азербайджана. 3 л. ед. ч. на *-i* свойственно ардебильскому говору.

¹¹⁾ Ср. въ Худавендгарѣ чѣф *сүрүjon* «я пашу» и «ты пашешь».

¹²⁾ Кромѣ самыхъ восточныхъ, перенявшихъ у бухарскихъ сартовъ *язып* *туруп-ман* и т. д.

¹³⁾ Съ окончаніемъ восточно (или сѣверно)-турецкимъ, но едва-ли повсемѣстно. Какъ-бы то ни было, между *язы́jорын* и *язы́jормыз* получилось тоже противорѣчіе, какое замѣчается въ соответствующихъ чувашскихъ формахъ *сірадып* и *сіратпыр* (впрочемъ при 2 л. ед. ч. *сірадын*).

(язы́р); у Йомудовъ gäljârın, gäljârı, gäljâr, gäljârız, gäljârı, gäljârлар (gäljâr) или gäljân¹⁴⁾, gäljâ, gäljâz (gäljâk), gäljâsı, gäljâлар (gäljâ), у Саларовъ¹⁵⁾ gäljârın и т. д., у Эсень-или gäljârın и т. д.

И такъ настоящее время западно-турецкихъ языковъ состоитъ изъ причастной формы на *p* и изъ личныхъ окончаній того отдѣла глагольныхъ формъ, къ которому относится это время, кромѣ «историческихъ» окончаній н 2 л. ед. ч. въ южно-османскихъ и азербайджанскихъ говорахъ, а *k* или *u* 1 л. мн. ч. въ азербайджанскомъ и отчасти въ тюркменскомъ и *n* 1 л. ед. ч. въ тюркменскомъ¹⁴⁾. Что причастіе это вездѣ оканчивается на *p*, тому не противорѣчить отсутствіе этого звука въ херсонскомъ и южныхъ говорахъ османскаго языка и въ тюркменскомъ, потому что южно-османскіе говоры, какъ и азербайджанскій языкъ, въ ді(*p*), олы(*p*) и т. п. причастіяхъ, даже, напр., въ gâtî(*p*) «неси», обнаруживаютъ склонность къ устраненію этой согласной въ концѣ словъ (по крайней мѣрѣ, послѣ *i*, какъ въ ю.-осм. ôî и dî, гдѣ она, очевидно, предварительно ослабилась въ *j*), а въ херсонскомъ говорѣ и въ тюркменскомъ языкѣ *p* исчезъ передъ личными окончаніями въ силу своеобразнаго слиянія (древнѣйшее, тождественное съ трапезунтскимъ, jâzâîrîm—въ jâzâîm, jâzârın—въ jâzârîm, откуда впоследствии и jâzâî, jâzârî по аналогіи остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ). Причастіе на *p*, но болѣе простого состава, есть во всѣхъ турецкихъ языкахъ, не исключая и западныхъ: оно состоитъ изъ основы глагола и окончанія *p*, между которыми, если основа оканчивается на согласную, вставляются гласныя *a* (*â*, *e*) или *u* (*ü*), а впоследствии во многихъ нарѣчіяхъ *y* (*i*) вмѣсто *u* (*ü*), если гласная основы есть *a*, *â*, *e* или *y* (*i*): jâz-â-r—gâz-â-r, ал-û-r (или ал-ы-r)—gâl-û-r (или gâl-î-r), кыл-û-r (кыл-ы-r)—bîl-û-r (bîl-î-r). Это причастіе вездѣ имѣетъ значеніе дѣйствія или состоянія, еще не осуществившагося, но задатки котораго находятся уже въ настоящемъ, или настоящаго, которое можетъ продолжаться, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Въ западно-турецкихъ языкахъ эта форма употребляется, по видимому, только въ смыслѣ сказуемаго при опредѣленномъ подлежащемъ для выраженія возможнаго дѣйствія со стороны этого подлежащаго въ сокращен-

¹⁴⁾ Если оно тождественно съ -ын, -ін 1 л. ед. ч. жел. (повел.) накл., какъ jâzârın (jâzârîm), kâlârın, а не произошло изъ -мын, -мін (якут.-бын, -бін), какъ и окончаніе 1 л. мн. ч. -ыз, -із изъ -мыз, -міз (команское, волжское и кумыцкое -быз, -біз, абаканское и алтайское -быс, -біс, чувашское -пыр, -пір, як.-быт, -біт, -бут, -бүт). Во всякомъ случаѣ -н (а не -м) свойственно издревле 1-му л. ед. ч. настоящее-буд. вр. отрицательныхъ глаголовъ, а въ османскомъ языкѣ автора словаря «Абушка» (اللغات النوائبة والاستشهادات الجغتائية) употребляется совсѣмъ по-тюркменски, напр. не только يبرا الورمين ويره بيلورين دمكر, но и ايتمان ايتمين دمكر, какъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ старой османской письменности.

номъ придаточномъ предложеніи, но чаще съ глаголомъ существительнымъ для описанія нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ или въ видѣ основы настоящее-будущаго времени и прошедшаго несовершеннаго (также въ смыслѣ французскаго *conditionnel*), а въ другихъ языкахъ той-же семьи нерѣдко и самостоятельно, при чемъ форма дѣйствительная служитъ для выраженія всѣхъ залоговъ, напр., въ кумыцкихъ пѣсняхъ: «айтар сѳзун̄ унут-ма» (не забудь слова, которое тебѣ предстоитъ сказать или: которое говоришь) или (гдѣ это причастіе встрѣчается и спрягаемымъ и склоняемымъ):

Мен сага гелі́р-і́дім,
Мен сені сү́јер-і́дім;
Сү́јер-і́мік̄ һал-һи́ јо́к̄,
Бері́п алма мал-һи́ јо́к̄

(я за тебя пошла бы, я тебя любила бы, да нѣтъ у тебя средствъ, позволяющихъ разсчитывать на любовь, нѣтъ состоянія, достаточнаго для того, чтобы, заплативъ, взять, т.-е. жену¹⁵). Сродство формъ *ја за́р—гелі́ур* и *ја зы́јор—гелі́јор* очевидно: второе отличается отъ перваго лишь какой-то вставкой между основой и окончаніемъ *р*. Бросается въ глаза и удареніе формы *ја зы́јор—гелі́јор*: извѣстно, что всѣ турецкія слова и простыя грамматическія формы имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ; если же удареніе падаетъ на одинъ изъ предшествующихъ слоговъ, то это (за рѣдкими исключеніями, какъ осм. *ка́рдаш* «братъ» и т. п. въ зват. пад.) служитъ признакомъ того, что къ слову приставлено

¹⁵) Разнообразныя примѣненія этого причастія въ языкахъ сѣверныхъ турокъ выясняются, между прочимъ, слѣдующимъ примѣромъ, также пѣсеннымъ: Акъ Кѳѳѳтін айдар сѳс, алып̄ јанчы́ка салар сѳс, угарларга угар сѳс, у́нпас јаманга улук̄ сѳс = слова, которыя говоритъ Акъ-Кѳѳѳъ, — такія слова, что ихъ стоитъ взять и положить въ карманъ; такія слова, что для людей способныхъ слушать стоитъ ихъ послушать, а для дурного чело́вѣка, не способнаго слушать, — тягостны (Грамматика алтайскаго языка. Казань, 1869, стр. 242). По-османски было-бы возможно «Акъ Кѳбек дејер сѳз», т. е., какъ сказано выше, въ сокращенномъ относительномъ предложеніи съ выраженнымъ подлежащимъ. Чтѣ до происхожденія этой формы причастія, то она находится, по видимому, въ связи съ монгольскимъ дѣепричастіемъ на *-рун—рун*, какъ *болорун* будучи (напр. въ *дзарлік б.* = приказъ б., т.-е. приказывая или изволя говорить), *санарун* думая, *бічірун* пиша. Сюда-же (ср. примѣч. 18), а не къ османскимъ причастіямъ на *-ыјор* или *-ајор*, относятся орхонскія *јорыјур* похаживаетъ (Памятникъ Кюльтегина 12 изд. Меліор.), *јашајур* (напр. *отуз ј.*, *бір кырк ј.* тамъ-же 41—42) находится (находящійся, находясь) въ (такомъ-то) возрастѣ, которыя произведены, отъ основъ на гласную—*јоры*, *јаша* такъ же, какъ причастія или дѣепричастія на *-ју*, каковы *улају* слѣдующій (за кѣмъ по порядку), *оплају* нападая, *башлају* начиная, родственныхъ за то, быть можетъ, съ дѣепричастіемъ на *-уп—уп* (*-ып—ип*) или *-убан—убан* (*-ыбан—ібан*), если *у—у* въ нихъ не фонетическая вставка (а *-п* или *-бер* съ монгольскимъ окончаніемъ прош. вр. *-ба* или *-бай*).

другое, не ударяемое (энклитика). И такъ въ *язы́јор*—*gelijor* содержатся двѣ части: *язы́*—*гелі́*, представляющія собою какую-то глагольную форму, и *јор*, въ которомъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ искать причастнаго образования на *р* отъ другого, конечно, вспомогательнаго, глагола. Изъ глаголовъ этого рода всего естественнѣе заподозрѣть здѣсь присутствіе глагола *јатмаѣ* въ формѣ причастія *јатур*. Что касается первой части сложенія, то она, какъ мы видѣли, является въ видѣ не только *язы́*—*гелі́*, но и *яза́*—*гелѣ́*. Которая изъ двухъ формъ древнѣе? Для перехода *ы-і* въ *а-е* не видно никакого повода, а для обратнаго онъ на лицо, именно приближеніе *а-е* по степени открытости къ слѣдующему *ј*, какъ въ бессарабско-херсонскомъ *гелі́й* вмѣсто *гелѣ́й* (ср. *язай*), или стяженіе *ај—еј* (*аѣ*) въ *ы-і*, какое мы находимъ въ въ сирійско-османскихъ желательныхъ *јапѣм*, *верѣм*, *алѣм*, *гезѣм* и, съ уподобленіемъ стянутой гласной предшествующимъ, *öldürüm* (см. *Keletü Szemle*, II, стр. 144—150), также въ азербайджанскихъ желательныхъ *алым* (2 л. *аласан*), караг. *алѣм* (койб. *алѣн* у Кастрена), *вырым*, *öldürüm* или *öldirüm* и т. п., изъ *јапаѣм*, *вереѣм* и т. д. и въ приволжскихъ (казанскихъ, мещеряцкихъ) желательныхъ (пригласительныхъ) *джазік*, *kilik* изъ *язай*, *käläik* и въ спрягаемыхъ причастіяхъ настоящаго времени *картілі*, *джазми*, *kilmi* изъ *кара-ја—караѣ*, *яз-ма-ја—яз-май* и пр.¹⁶⁾, въ причастіи настояще-будущаго времени у Черневыхъ Татаръ (Туба) *адыјір* вмѣсто общеалтайскаго *адајір* (изъ древнѣйшаго *атајур* будетъ называть) и т. п. Стяженіе *јатур* въ *јор* находитъ себѣ полную аналогію въ сартскомъ *јоп* изъ *јатуп*, дѣепричастія отъ того-же вспомогательнаго глагола, когда оно входитъ въ составъ формы строга-настоящаго времени, присоединяясь къ тому-же спрягаемому дѣепричастію на *а—ă* (*е*): *kelijop-pän*, *kelijop-sän*, *kelijop-te* и т. д. или, сокращенно, *kijop-pän* (*Jam coming*) и пр., хотя, впрочемъ, въ Кокандѣ говорятъ *kilija-pän*, а въ Ташкентѣ *kija-pän*, изъ *kälä-јатуп-мăн*, *-сăн*, *-тур*. Выпаденіе *т* въ *јатур* и *јатуп* объясняется тѣмъ-же, чѣмъ и дальнѣйшее ихъ ослабленіе въ *ыр*, *іј* у западныхъ турокъ и сокращеніе формы *kili* (изъ *kälä*) въ *кі* у сартовъ,—положеніемъ неударяемой части въ сложеніи. Такъ и дѣепричастіе *алып* утратило свою срединную согласную и затѣмъ подверглось стяженію въ широко распространенныхъ *ап-кѣлмăк* (взявъ приходитъ=приносить) и *ан-пармак* (взявъ итти=относить, у

¹⁶⁾ О качествахъ *і* въ такихъ стяженіяхъ см. Paasonen, *Tatarische Lieder*. S. VI (въ *Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja* XIX). У черневыхъ Татаръ (Туба) *албыјин* (изъ *албајин*) «не бери» произносится *албіин*, но напр. въ *адыјір* (изъ *адајір*) «назоветъ» *ы*, по видимому, не измѣняется (см. Грамм. алт. языка. Казань 1869 § 102, 103 и 107а).

киргизовъ *ап-четпек* взявъ уходить = уносить), которые первоначально должны были имѣть удареніе не на общей обобщенной части, а на той, по которой они различались—*кәлмәк* и *бармак*,—какъ напр., по-пѣмскимъ *ap-setzen*, *ab-setzen*. Киргизы въ спряженіи стягиваютъ, напр., *келә-турган* «приходящій» въ *келә-туғун* и даже въ *келә-тин*, да и помимо этихъ условій говорятъ иногда бои вмѣсто *болуп*, *кап* вмѣсто *кағып* и т. п., а у Алтайцевъ съ тѣмъ-же *турган* образуются *ала-ттан*, *келә-ттен*. Стяженіе *ау* (*äy*) въ *о*, физиологически самое естественное, не чуждо и турецкимъ языкамъ, какъ видно, напр., изъ койбальскихъ *бс* (ладонь) вмѣсто *а(ү)* *уч*, *карбл* (мышка на ружьѣ) вмѣсто *кара(г)* *ул*, *тырбос* (грабли) вмѣсто *тырмауч*, *бузо* (теленокъ) вмѣсто *буза(г)* *у*, кумыцкихъ *сағормаға* вмѣсто *саба(-сени)* *урмаға* (тебя бить), *ипорлауч* изъ *инә* (игла) *урлауч* (воръ, а вмѣстѣ почему-то стрелоза). Между *ау* могли быть звенья *аү—оү*, какъ въ основномъ западномъ *та(в)* *ушан* заяцъ (обще-тур. *табушкан*)—осм. *таўшан*, да *ўшан*,—азерб. *доўшан*. Какъ-бы то ни было, въ возможности стяженія безударнаго *јатур* въ *јор* нѣтъ, кажется, никакого сомнѣнія, а въ западно-турецкихъ языкахъ дѣло облегчалось еще тѣмъ, что они забыли употребленіе глагола *јатмак* въ видѣ вспомогательнаго. Потому мы имѣемъ право возстановить для западно-турецкаго праязыка форму *јаз-а-јатур—гәлә-јатур*, вполне тождественную какъ морфологически, такъ и семасиологически съ киргизскими *жаз-а-жатыр* (англ. *he is writing*, арабск. *һуѣа кәтибу*, перс. *дәрад м-и-в-ис-ад*)—*келә-жатыр* (*he is coming*, *һуѣа'әти*, *дәрад м-ј-ә-јад*).

Процессъ развитія діалектическихъ формъ изъ только-что выведенной основной представляется совершенно яснымъ. По сокращеніи причастія *јатур* въ *јор* первоначальныя *јаз-а-јатур—гәлә-јатур* должны были явиться въ видѣ *јаз-а-јор—гәлә-јор*. Отъ основъ на гласную, въ которыхъ дѣе-причастіе на *а—ä* принимаетъ передъ окончаніемъ звукъ *ј*, должны были получиться **дара-ја-јор* «чешетъ» (*pectit*)—**әлә-ја-јор* «дѣлаетъ», **оңы-ја-јор* «читаетъ»—**чүрі-ја-јор* «гніетъ» и т. п. и далѣе, по нарѣчіямъ, съ обычнымъ усѣченіемъ (какъ въ сѣверныхъ *тарай*, *оңуй* и т. п.), **дара-й-јор*—**әлә-й-јор*, **оңы-й-јор*—**чүрі-й-јор* (позже не только *оңы-јор*—*чүрі-јор*, формы старо-османскія, но и, какъ нотомъ всегда послѣ *о*—*о* и *у*—*ү*, *оңу-јор*—*гүрү-јор* при *таный-јор* «знаетъ»—*әрі-јор* «таетъ» съ сохраненіемъ исконнаго *ы—i* послѣ корневого *а—e*). Отсюда, по ослабленію гласной безударнаго окончанія подъ вліяніемъ *ј*, крымскія и трапезунтскія *јаз-а-ір—гелә-ір*, *дара-ір—әлә-ір*, *оңу-ір—чүрү-ір* и, съ дальнѣйшимъ сокращеніемъ, бессарабско-херсонскія *јаз-а-й—*

геліі (изъ гелёі, какъ было указано выше), дараі—елёі, таныі—еріі, окуі—чуріі и, вѣроятно, антебское гелёі (примѣры съ твердыми мѣ не извѣстны). Изъ јазајор—гелёјор, путемъ уже упомянутого суженія *а—е* (*ä*) передъ *ј* въ *ы—і*, возникли османскія обыкновенныя *јазыјор—геліјор*, но дарајор—елёјор съ удержаніемъ тематической гласной первой части, однако съ указаннымъ выше измѣненіемъ ея послѣ корневыхъ *о—ö* и *у—ü* въ формахъ *окујор* и т. п. на основаніи того-же позднѣйшаго закона, который и отъ согласныхъ основъ повлекъ къ образованіямъ *сорүјор—гөрүјор*, *дурүјор—гүлүјор* вмѣсто *сорыјор* и т. д. Позже и основы на *а—е* подчинились давленію многочисленныхъ *ыјор—іјор*: *дарыјор—еліјор*, а потому и въ отрицательныхъ формахъ: *јазымыјор—гелмијор* вмѣсто *јазмајор—гелмејор* и далѣе даже *дарымыјор—еліміјор* (въ Константинополѣ). Изъ *јазыјор—геліјор* малоазійскія *јазіі—геліі* (послѣднее и въ бессарабскомъ). Оттуда же черезъ такое-же ослабленіе второй части, какъ въ крымскихъ и трапезунтскихъ формахъ, произошли **јазыір—*гәліір*, откуда азербайджанскія *јазыр—гәлір*, а послѣ *о—ö*, *у—ü* отчасти съ *у—ü* вмѣсто *ы—і*: *сорүр—гөрүр*, *дурүр—гүлүр*, но въ Персіи *сорыр—гөрір*, *дурыр—гүлір*, первоначально, конечно, вездѣ съ долгой въ окончаніи.

Судьба основъ на гласную въ азербайджанскомъ языкѣ была почти такова же, какъ въ османскомъ, а именно основы на *ы—і* не измѣнились: *таныірі—әріірі*, что, впрочемъ, осталось лишь на сѣверѣ, въ Закавказьѣ, а на югѣ, въ Персіи, стянулось въ *таныр—әрір*, въ основахъ же на *-а—ä* и *-у—ü* произошло унодбленіе: *даріірі—еліірі*, *охыірі—чуріірі* (но и *охуірі—чурүірі* и даже *охүірі—чүрүірі*), на югѣ *дарірі—елірі*, *охыр—чүрір*, и такъ-же отрицательныя *јазымыірі* (съ удержаніемъ *ы*)—*гәлмиірі*, на югѣ *јазымыр—гәлмір*, въ Нахичевани — *дарыірі—еліірі*, *таніірі—әріірі*, *охыірі—чүріірі*, но *јазымыр—гәлмір*, въ Шемахъ *дарыр—елірі*, *јазымыр—гәлмір*, но *таныірі—әріірі*, *охыірі—чүріірі*. Но въ самой исторіи этихъ формъ у османскихъ и азербайджанскихъ турокъ возможна нѣкоторая разница, такъ какъ у первыхъ дѣйствовала здѣсь одна морфологическая аналогія, а у послѣднихъ, по крайней мѣрѣ, относительно *а—ä* допустима причина фонетическая: передъ *ј* эти гласныя всегда переходятъ у азербайджанцевъ въ *ы—і*, при чемъ *ы* звучитъ мягче обыкновеннаго и даже прямо измѣняется въ *і*, напр. *гаргыја* изъ *каргаја* «воронъ», *јашіјіб* изъ *јашаіб* «живи», *піјя* изъ *наја* «къ чему?» (но съ притяжательнымъ мѣстоименіемъ *на-ј-і* *вар* «что у него есть?»), *елііјан* изъ *елләјан* «дѣлающій», *блміјим* изъ *блмајим* «пусть

я не буду» и т. п., очевидно, через е: ср. ч̣өм̣че̣ і̣н̣а̣н̣ отъ ч̣өм̣ч̣а̣ «разливательная ложка» въ пословицѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія ямъстностей и племенъ Кавказа, XIX, отд. II, стр. 301 № 186).

Но ја(т)у р могло стянуться не только въ јо р, а и въ ј а р, какъ ј а т у п у сартовъ стягивается не только въ јо п, но и въ ј а п, или какъ изъ ба̣г̣р (абаканскаго, по-западно-турецки ба̣г̣ы р) «печень» получается въ приволжскихъ нарѣчіяхъ ба̣у̣р, ба̣у̣р, съ приглагольнымъ мѣстоименіемъ— ба̣у̣р-ы, и далѣе у кара-киргизовъ б̣о̣р, а у черневыхъ татаръ п̣а̣р, или какъ изъ са̣г̣ыс̣к̣ан—са̣у̣с̣к̣ан «сорока» вышло въ шорскомъ и абаканскихъ нарѣчіяхъ с̣а̣с̣к̣ан (впрочемъ непосредственно скорѣе изъ телеутскаго са̣н̣ыс̣к̣ан). И въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые Кондомцы (шорцы) говорятъ не только, подобно другимъ Алтайцамъ, алып—јадыр или алып—ј а т беретъ, келіп—јадыр или келіп—ј а т приходитъ, но и ал—ј а р (по выговору ал—ча р), кел—ј е р (кел—чер) и также албан—ј а р не беретъ, келбен—ј е р не приходитъ. Гласная, возникшая путемъ слиянія, бываетъ естественно долга, а въ турецкихъ языкахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного якутскаго, ни одна гласная не отличается такой воспримчивостью къ долготѣ, какъ а—ā (е). Потому, напр., говорящіе по-ученому османскіе турки, если позволяютъ себѣ протянуть гласную на персидскій ладъ въ персидскомъ или арабскомъ словѣ, то скорѣе всего ā передъ удареніемъ, какъ въ м̣е̣р̣д̣а̣н̣ е̣, к̣ы̣ј̣ ạ̄ м̣ е̣ т̣¹⁷⁾. У кумыковъ, по крайней мѣрѣ, живущихъ на сѣверѣ отъ Сулака (Авар-

¹⁷⁾ Вамбери (Alt-osmanische Sprachstudien, стр. 7) утверждаетъ, что разница между долгими и краткими гласными существуетъ въ османскомъ языкѣ точно такъ же, какъ въ мадарскомъ; если такъ, отчего же османскіе поэты признаютъ долгія гласныя только въ арабскихъ и персидскихъ словахъ, а въ турецкихъ допускаютъ естественную долготу почти только въ конечныхъ слогахъ подъ ритмическимъ удареніемъ, тогда какъ мадары въ своихъ подражаніяхъ древнимъ количественнымъ стихамъ не прибѣгаютъ къ словамъ греческимъ и латинскимъ? Впрочемъ долгота гласной глагола ба̣р «есть», о которой см. мое изслѣдованіе «Турецкіе элементы въ языкѣ Слова о полку Игоревѣ» (Извѣстія Отдѣленія р. яз. и сл. Импер. Академіи Наукъ, т. VIII, кн. 4, стр. 18, примѣч. 21), была нѣкогда свойственна и западнымъ языкамъ, на примѣръ у Фузули въ газели *یوخ نظام رخسار کا طاقت* (размѣръ *منسرح مطوی مکسوف*):

д̣а̣һ̣р̣д̣а̣ һ̣а̣м̣т̣а̣ са̣на̣ ва̣р̣ бі̣рі̣ јо̣х̣ де̣с̣а̣м̣,
ва̣р̣ г̣у̣з̣а̣л̣ чо̣х̣, ва̣лі̣ са̣н̣ г̣і̣бі̣ х̣у̣н̣х̣у̣ра̣ јо̣х̣

и ниже:

з̣а̣р̣лы̣г̣ы̣м̣ ы̣ш̣к̣да̣ ва̣р̣ Ф̣у̣д̣у̣лі̣, ва̣лі̣
о̣л̣ ма̣һ̣-і̣ бе̣ м̣і̣һ̣р̣д̣а̣ ра̣һ̣м̣ ба̣н̣-і̣ з̣а̣ра̣ јо̣х̣.

Есть, правда, и у султана Сулеймана 19 (изд. Якоба) стихъ 3^а (размѣръ *هزج مکفوف مقصور*):

скаго Койсу), въ слогахъ, предшествующихъ открытымъ *ы*—*і*, очень короткимъ, склонность къ протяженію обнаруживаютъ именно *а*—*е*: *к̄а̄з̄ы̄к̄* «козь», *т̄ем̄і̄р*, «желѣзо», и такая долгота иногда перетягивается на себя удареніе точно такъ же, какъ происшедшая изъ стяженія, напр. въ *јахшӯлан* изъ *јахшіулан* «хорошій парень», *тур̄а* изъ *тоур̄а* «прямо» (западно-тур. до *г̄ры*, до *г̄ру*). Возможно, что такой путь прошли тюркменскія формы: **ја̄зы̄јаур*—**ја̄зы̄јаур̄*—*ја̄зы̄ја̄р* (или *ја̄зы̄ј̄ор*)—*ја̄зы̄ја̄р* (или *ја̄зы̄ј̄ор*), **г̄әлі̄јаур*—*г̄әлі̄јаур̄*—*г̄әлі̄ја̄р* (или *г̄әлі̄ј̄ор*)—*г̄әлі̄ја̄р* (или *г̄әлі̄ј̄ор*, и *gelijör* и т. п. приняты также для османскаго языка въ новейшей *Türkische Konversations-Grammatik von Henry Jehlitschka. Heidelberg. 1895*, стр. 131, 187 и др.). Возможна и ступень **ја̄зы̄јаыр*—*г̄әлі̄јаыр* подъ вліяніемъ предшествующаго *а*—*ә*, сказавшимся въ неудараемомъ окончаніи раньше, чѣмъ, напр., въ *ка̄лыр*—*г̄әлі̄р* изъ *ка̄лӯр*—*г̄әлі̄ур*, а изъ этой ступени, со вставкой *ј* въ зіяніи и послѣдовавшимъ за ней смягченіемъ *ы* въ *і*, **ја̄зы̄јајір*—*г̄әлі̄јајір*, откуда *ја̄зы̄јаір*—*г̄әлі̄јаір*, какъ алтайское *аіа* (деревня) изъ ряда *агыла* (въ западно-турецкихъ языкахъ)—**ауыл* (откуда *аул* въ сѣверныхъ)—**аыл*—**ајыл*; а *ја̄зы̄*

б̄ір̄ с̄ан̄-ц̄і̄л̄а̄йн̄ вар̄-мы̄ б̄ун̄ца̄ г̄ам̄ і̄ч̄ін̄д̄а̄?

но только одинъ и въ одной рукописи (Вѣнской), а дальше идутъ стихи

4^а: *б̄ір̄ с̄ан̄-ц̄і̄л̄а̄йн̄ вар̄-мы̄ та̄б̄і̄б̄-і̄ ді̄л̄ ӯ ца̄н̄-а̄!*

5^а: *б̄ір̄ ба̄н̄-ц̄і̄л̄а̄йн̄ вар̄-мы̄, і̄ча̄р̄ ца̄м̄-і̄ ма̄һ̄а̄б̄ба̄т̄?*

6^а: *б̄ір̄ с̄ан̄-ц̄і̄л̄а̄йн̄ вар̄ мы̄, са̄тар̄ ва̄сл̄ ма̄та̄ ы̄н̄?*

За то напр. у поэта позднѣйшаго, но ученаго, мирзы Наср-алла бенъ Абу-ль-касіма Ширванскаго, писавшаго подъ прозвищемъ *Bāhār* (весна), одна газель начинается такъ (размѣръ *مختوم مقصور*):

на̄ б̄үг̄үн̄ ба̄гда̄ ја̄рым̄ на̄ ме̄ј̄им̄ ва̄р̄ ба̄нім̄,

сей̄р̄ гӯл̄за̄р̄да̄ бей̄һ̄ү̄да̄: па̄ј̄им̄ ва̄р̄ ба̄нім̄?

сі̄зі̄ та̄ры̄, је̄тӯрӯн̄ пі̄р̄-і̄ ха̄ра̄ба̄та̄ ба̄ні̄,

кі̄ б̄үг̄үн̄ са̄кі̄ а̄лі̄нд̄ан̄ гі̄ла̄ј̄им̄ ва̄р̄ ба̄нім̄

и т. д. Долгота гласной въ этомъ словѣ, повидимому, слышится кое-гдѣ и теперь; ср. ширванскую поговорку по записи смотрителя Геокчайскаго училища Н. Д. Калашева (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа XIX, отд. II, стр. 292 № 78): «багда әрік̄ вар̄-ыды, с̄алам̄-әленк̄ вар̄-ыды» и т. д. Особенная воспримчивость гласныхъ *а* и *е* къ долготѣ наблюдается и въ мадырскомъ языкѣ, гдѣ говорится напр. *atyak* (фонетически = *атяк*, — отъ ед. ч. *atya*) отцы, *kefek* (ед. ч. *kefe*) щетки, *atyat* отца, *kefet* щетку, *atym* мой отецъ, *kefem* моя щетка, *varjatok* (= *варьяток*) вы ждете (отъ основы *varja* онъ ждетъ), но *kocsik* (= *кочик*) повозки (ед. ч. *kocsi*), *kocsit* повозку, *kocsim* моя повозка, *veritek* вы бьете (отъ основы *veri* бьетъ), *faluk* деревни (ед. ч. *falu*), *falut* деревню, *falum* моя деревня.

jaip—*gālījaip могли стянуться въ *jazyjār—*gālījār, какъ кайчы «ножницы» въ качі у таранчей (и у некоторыхъ азербайджанцевъ, хачу чувашъ) или, еще ближе, kajış (ремень) въ kās у абаканцевъ (ср. W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türkssprachen* §§ 99—100); да и въ османскомъ нарѣчїи вмѣсто jazaīm—geleīm часто говорится jazām—geleīm. Замѣчательно сходство сокращеннаго спряженія jazyjān—gelijān и пр. съ соответствующими jazijom—gelijom (примѣры у Гартманна гідіјом и гідіјон или гідіјо) айдынского и сѣверно-сирійскаго османскаго нарѣчїя, которое называется не только «каба түркче», но и прямо туркменскимъ (ср. примѣч. 14). Утрату *p* профессоръ Гартманнъ объясняетъ ссылкой на тамошнія бī, dī вмѣсто бір, дір, гдѣ въ самомъ дѣлѣ послѣ *i* звукъ *p* могъ смягчиться до *j* или *y*, какъ въ бессарабско-херсонскомъ jazāy—gelīy, и въ такомъ видѣ слиться съ предшествующимъ *i*, откуда и долгота. Въ туркменскомъ выпаденіе *p* могло пойти изъ 2 л. ед. и мн. ч. jazyjār-syn—gelijār-syn, jazyjār-syz—gelijār-syz, чему нѣкоторую аналогію представляютъ кумыкскіе род., вин. и дат. пад. мн. ч., какъ атлань (т.-е. съ открытымъ *y*)—itleni (съ открытымъ *i*), атлагā—itlejē вмѣсто атларнън—itlārni и атларны—itlārni, атларгā—itlārgā и формы желательнаго, условнаго и повелительнаго наклоненій отъ глагола болмак (быть)—бугай, бусā, бусун вмѣсто болагай, болсā, болсун (бугай и т. п. и у ногайцевъ уже въ грамотахъ крымскихъ хановъ), и также у киргизовъ боған вмѣсто болаған, а еще болге—распространенный теперь во всѣхъ турецкихъ языкахъ пропускъ *p* передъ согласной, между прочимъ и передъ *s*, въ формахъ существительнаго глагола ерсā, ерді, ермас, еркān, откуда ісā, іді, імās, ікān и т. п.; ср. также чувашскія пādым «я далъ», пачі «онъ далъ», пāны «давший, данный», памā «давать» отъ пар «дай» и т. п. и формы сūdurumen зажигаю=куйдурү-(p)мāн, chatisturumen смѣшиваю=катыштурү-(p)мāн, turumen стою=турү-(p)мāн, sechirumen прыгаю=сакірү-(p)мāн, olturumen сижу=олтурү-(p)мāн въ Codex Comanicus. Такимъ же образомъ, т. е. вслѣдствіе положенія *p* передъ согласной окончанія, образовались и упоминаемая Гартманномъ сѣверно-сирійскія формы 2 л. ед. ч. настояще-будущаго времени гіден, варын (съ окончаніемъ прошедшаго вр. гиттін, вардын, условнаго накл. гитсен, варсан и др.) вмѣсто гідерсен, варырсан.

Такова приблизительно исторія формъ причастія настоящаго времени въ западно-турецкихъ языкахъ. Само собою разумѣется, что не за всѣ изъ указанныхъ переходовъ можно ручаться; такъ, напр., азербайджанскія jazyr—gālīr могутъ

восходить къ *жазājор—гālājор*, откуда, путемъ указанныхъ выше ослаблений и стяжений, *жазāір—гālāір* и далѣе—черезъ **жазāір—*гālāір*—отличающіяся отъ современныхъ намъ лишь долгою *жаз̄ір—гāl̄ір*. Однако возможность вывода всѣхъ перечисленныхъ западно-турецкихъ формъ изъ *жазā-јатур—гālā-јатур* не подлежитъ, кажется, никакому сомнѣнію. Остается предупредить недоумѣніе, которое могутъ вызвать азербайджанскія причастія настояще-будущаго времени при сравненіи ихъ съ причастіями настоящего, только-что разобранными.

Первое изъ этихъ причастій, которое, какъ сказано выше, въ большинствѣ турецкихъ языковъ сохранило изъ праязыка двойное окончаніе -ār или āр и -ūr или -ūr (впослѣдствіи -ырили -ір послѣ слога съ *а—ā* и съ *ы—ı*), оканчивается въ азербайджанскомъ языкѣ неизмѣнно на āр—ār, передающія свое удареніе личнымъ приставкамъ: *варар-ām*, *варар-сан*, *варār*, *варар-ūх*, *варар-сūз*, *варар-лār—гālār-ām*, *гālār-сан*, *гālār*, *гālār-ūх*, *гālār-сūз*, *гālār-lār*, тогда какъ по-османски *варыр-ым*, *варыр-сын*, *варыр*, *варыр-ыз*, *варыр-сыныз*, *варыр-лар* (прежде *варұрам* и т. д.)—*gelir-im*, *gelir-sin*, *gelir*, *gelir-iz*, *gelir-siniz*, *gelir-ler* (прежде *gelūr-ām* и т. д.), въ большей части сѣверныхъ языковъ *барыр-ман*, *барыр-сан*, *барыр*, *барыр-мыз* (или -быз), *барыр-сыз*, *барыр* (прежде *барұрман* и т. д.)—*kālr-mān*, *kālr-san*, *kālr*, *kālr-miz* (или -біз), *kālr-siz*, *kālr* (прежде *kālūr-mān* и т. д.). Такимъ образомъ исконныя *алūr*, *јатур*, *калūr*, *кылūr*, *олūr*, *урūr*, *берūr*, *білūr*, *көрūr* превращаются у Азербайджанцевъ въ *алār*, *јатар*, *калār*, *кылār*, *олār*, *вурār*, *верār*, *білār*, *гөрār* и т. п., и даже произведенныя отъ многосложныхъ основъ на согласную, какъ *бојур-ур*, *о(л)тур-ūr*, *јалбар-ūr* (*јалвар-ыр*), *ешит-ūr* (*ешитір*), *богūr-ūr*, *јібār-ūr* (отъ сѣв. и вост. *јібār*—«посылать» изъ *ijāber*¹⁸⁾, и въ томъ

¹⁸⁾ То-же окончаніе придавалось въ обще-турецкомъ языкѣ и многосложнымъ основамъ на гласную, что доказываютъ упомянутыя въ примѣч. 15 орхонскія формы (гдѣ -јор, а не -јур, внесено Томсеномъ, кажется, только по аналогіи съ османскимъ наст. вр.) и уйгурскія *башлајур* начинается, *tälājūr* просить и т. п., и что также можно заключить изъ сопоставленія пріенисейскихъ формъ: карагасскія *ойнар—төлār* съ абаканскими *оинір—төлір* (отъ *ойна*-играть, *төлā*-платить) заставляютъ предполагать древнѣйшія **ойна-јир—*төлā-јир* (ср. алтайскія *оинојир—төлөјир* или *тулејир*) изъ первоначальныхъ **ойнај-ур—*төлā-ј-ур*; ср. як. *асыр ысть* (отъ *асā*), *дир* говоритъ (отъ *діā*). Странно *кустār-бин* (отъ *кустā*=*гүз-lā*—проводитъ осень) въ поправкахъ проф. Катанова къ койбалскому словарю Кастрёна (*Mélanges asiatiques IX*, стр. 129) вмѣсто даннаго послѣднимъ *küstirben*, котораго и слѣдовало ожидать въ этомъ нарѣчій. Какъ-бы то ни было, очевидно,

числѣ отъ распространенныхъ залоговыми примѣтами основъ односложныхъ, какъ *ја-з-ды-р-у-р* (*ја-з-ды-ры-р*) — *је-ді-р-у-р* (*је-ді-рі-р*), которыя почти во всѣхъ турецкихъ языкахъ имѣютъ исключительно это окончаніе, образуются по-азербайджански *бо-ју-ра-р*, *отур-а-р*, *ја-а-ва-ра-р*, *ја-з-ды-ра-р* — *је-ді-ра-р*. То-же вторженіе окончанія -а-р — а-р находимъ въ алтайскихъ нарѣчіяхъ и въ сартскихъ говорахъ: *а-а-ра-р*, *кел-а-р* (*кел-а-р*), *оттур-а-р*, *ју-ра-р*, *ја-да-р* (алт. вмѣсто *ја-т-у-р*, но въ качествѣ вспомогательнаго глагола — *ја-д-ы-р*). И по-османски *ду-ра-р* с-у «стоячая вода», хотя въ другихъ случаяхъ *ду-р-у-р*. По-азербайджански древнюю гласную сохранили въ причастіи будущаго времени только двусложныя основы на *ы-і* и *у-ү*: *та-ны-р-а-рі-р*, *ох-у-р-ч-у-р-у-р*. Изъ нихъ въ первыхъ причастіяхъ настоящаго и будущаго совпали такъ, что различаются только въ спряженіи, благодаря одному ударенію: *та-ны-р-а-м* «знаю», но *та-ны-ра-м* «буду знать, узнаю», и т. д. Сѣверные Азербайджанцы устраняютъ это неудобство аналогически образованными *та-ны-ја-р-а-рі-ја-р*, *ох-у-ја-р* (пахичев. *ох-ы-ја-р*) — *ч-у-р-у-ја-р* въ будущемъ времени. Удержаніе формъ *та-ны-р-а-рі-р*, *ох-у-р-ч-у-р-у-р* въ смыслѣ будущаго времени, само по себѣ понятное, если мы будемъ имѣть въ виду ясность основы и вмѣстѣ съ тѣмъ значенія, заставляя однако-же предполагать, что тѣ-же *ы-і* или *у-ү* сохранялись долго у Азербайджанцевъ и въ тѣхъ причастіяхъ настояще-будущаго времени отъ односложныхъ основъ на согласную, въ которыхъ эти гласныя или, первоначально, *у-ү* были свойственны всѣмъ Туркамъ, т. е. что до появленія — по крайнѣй мѣрѣ, литературнаго — формъ *со-х-ы-р-а-м* «бью», *гөр-і-р-а-м* «вижу» и съ другой стороны — *со-х-а-р-а-м* «буду бить, прибую», *гөр-а-р-а-м* «буду видѣть, увижу» Азербайджанцы, какъ Османы, имѣли форму *со-х-у-р-а-м*, *гөр-у-р-а-м*¹⁹⁾, пригед-

что память о стяженіи въ причастіи настояще-будущаго времени отъ основъ на гласную жила и послѣ раздѣленія Турокъ на племена, выражаясь долгою тематической гласной: *о-й-н-а-р*, *та-ны-р* (абак. *тан-і-р*) и т. п. Тѣмъ болѣе странно орхонское *ја-са-р*, если оно значить «распоряжается, распредѣляетъ», какъ его переводятъ, производя отъ *ја-са-;* но ср. алтайское и абаканское *ја-ја-* «созидать, создавать, даровать, назначать», которое можетъ навести на подозрѣніе, что подлинное чтеніе было *ја-ја-са-р* и потому слова *өд-т-а-н-рі-ја* (*ја-ја-са-р* на памятникѣ Кюль-тегина 50) значить не «небо распоряжается временемъ» или «распредѣляетъ сроки», а «когда небо назначить время (срокъ)». Въ защиту формы *ја-са-р* вмѣсто *ја-са-ју-р* можно сослаться на встрѣчающееся тамъ же двумя строкѣми выше (48=сѣв. стор. 8) дѣепричастіе *кы-ш-ла-п* «перезимовавъ», но съ точки зрѣнія османскаго и азербайджанскаго языковъ оно еще страннѣе; въ соответствующемъ мѣстѣ памятника Бильге-кагана (вост. стор. 31) *кы-ш-ла-ду-ка*.

¹⁹⁾ По-османски, конечно, *со-к-у-р-у-м*, *гөр-у-р-у-м*. Правда, въ древнѣйшихъ памятникахъ османскаго языка 1 л. ед. ч. обыкновенно оканчивается на -а-м — -а-м и попадаетъ въ нихъ кое-гдѣ *х* вмѣсто *к*, но всѣ они возникли въ Азій, и ихъ языкъ содержитъ въ себѣ немало общаго съ азербайджанскимъ.

ную для обозначенія того и другого времени. Что касается османскаго языка, то, какъ уже было сказано, форма на -ıj o r (-áj o r)—ıj o r (-áj o r) въ его древнѣйшихъ памятникахъ не встрѣчается (что впрочемъ, конечно, еще не значитъ, что ея совсѣмъ не было). Вѣроятно, и соответствующая азербайджанская форма на -ыр—ір, если уже сложилась въ такомъ видѣ въ XIV—XVI в., употреблялась только кое гдѣ въ просторѣчїи, а въ господствующемъ нарѣчїи замѣнялась обще-турецкой формой настояще-будущаго причастія. Да и теперь первая попадаетъ только въ разсказахъ, написанныхъ простонароднымъ языкомъ, а въ поэзіи употребительна лишь вторая. У Бурханъ-ад-дина, писавшаго, по видимому, на своемъ родномъ нарѣчїи, сивасскомъ, одномъ изъ промежуточныхъ между османскимъ языкомъ и азербайджанскимъ, въ смыслѣ настоящаго времени употребляются سَوَايَم (т. е., вѣроятно, = с а в а́ р а́ м — رباى 7). تَوَرَمَ (= г о р ѳ р а́ м — رباى 14 и 15) и т. п. (см. статью П. М. Меліуранскаго въ «Восточныхъ Замѣткахъ»). У Фузули, нарѣчіе котораго близко къ азербайджанскому, встрѣчается настоящее بلورم въ редиѣ (неизмѣнной части сложной римы) газели یار حال دلمی زار بلوبدر بلورم, но это несомнѣнно не современное білі́р а́м, которое въ то время, если уже дошло до этого стяженія, по всей вѣроятности, сохраняло еще долготу гласной, происшедшей изъ слиянія (ср. примѣч. 17), а общее со стариннымъ османскимъ білі́у р а́м білі́у р ѳ м), котораго ѳ, конечно, кратко, какъ того требуетъ размѣръ стиха (رمل مخبون مقصور), безъ вниманія къ грамматическому ударенію на ѳ:

یار hāl-i dīl-ūm-i zār bilūb-dūr, bilūr-ām.

Что еще удобнѣе для стиха было-бы білі́а р а́м, о томъ и спора не можетъ быть, но эта форма означаетъ исключительно будущее, какъ білі́а ц а́ г а́ м²⁰⁾ и давно устарѣвшее білі́с а́ р а́ м. Но откуда же, наконецъ, эти білі́а р а́ м и т. п.? Мы уже видѣли причастія на -а р — а́ р вмѣсто -у р (-ы р)—-у́ р (-і́ р) въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ; но въ азербайджанскомъ для ихъ образованія было и особенное условіе: когда при исконномъ настояще-будущемъ причастїи а ч а́ р — с а́ в а́ р явилось настоящее а ч ѳ́ р — с а́ в і́ р (теперь а ч ѳ́ р — с ѳ́ в і́ р), сложилось мало по малу представленіе, что признакъ настоящаго есть ѳ — і́, а признакъ настояще-будущаго, ставшаго съ тѣхъ поръ

²⁰⁾ На югѣ г а́ л а́ ц а́ г а́ м, безъ соблюденія гармонїи звуковъ, какъ въ неопред. г а́ л м а́ х (сѣв. г а́ л м а́ к), въ 1 л. мн. ч. буд. г а́ л а́ р ѳ х (сѣв. г а́ л а́ р і́ к, г а́ л а́ р а́ к) и въ упомянутомъ выше 1 л. мн. ч. наст. г а́ л і́ р ѳ х (ср. транез. и кастам.). Въ Нахичевани также г а́ л а́ ц а́ г а́ м, г а́ л м а́ х, г а́ л д ѳ́ к въ полную противоположность Шушѣ, гдѣ г а́ л а́ ж а́ а́ м (съ мягкимъ ж), г а́ л а́ ж а́ с а́ н, г а́ л а́ ж а́ х, г а́ л а́ ж і́ х, г а́ л а́ ж а́ х с і́ н і́ з (если можно вѣрить сообщившему эту форму Шушинцу).

исключительно будущимъ, —а—ā. Что до ударенія а ч а р а м—с ѳ в а р а м, то оно было перенесено на окончаніе, вѣроятно, вслѣдствіе близости тематической гласной въ сравненіи съ і, особенно долгимъ, а за основами на согласную подчинились этому правилу не только д а р а-р а м—е(й)l а-р а м, но и т а н ы-р а м—ā р і-р а м и о х у-р а м—ч у р у-р а м. Такое удареніе при слабости тематической гласной часто ведетъ послѣ р и л (l) къ ея выпаденію, при чемъ -р окончанія уподобляется корневому л (l): в а р р а м «пойду»—в е р р а м—«дамъ», а л л а м «возьму»—г ā l l ā м «приду» (но всегда в а-р а р—в е р а р, а л а р—г ā l ā р, за то иногда о т р а р вмѣсто о т ы р а р «сядетъ», какъ уже по-уйгурски въ стихѣ размѣра мутакаріб Älik bir kün oltrup özi jalğuzun «Эликъ, сидя однажды наединѣ съ самимъ собой» Кутадгу Билик 32, 3, также г ā т р а р вмѣсто г ā т і р а р «принесетъ», хотя, разумѣется, г у д т і р а р «заставитъ пасти», о ğ ы р р а р «украдетъ»—последнее съ рр вмѣсто рл, какъ бек¹ а р р ы х «бездѣлье», һ у н ā р р і «искусный» и т. п.).

Впрочемъ удареніе въ азербайджанскомъ будущемъ на -р подлежитъ чуть-ли не такимъ же колебаніямъ, какъ въ османскомъ настоящемъ на -j о р; напр. въ Нахичевани говорятъ j а з ā р а м, j а з ā р з у н (съ яснымъ с а ğ ы р н у-номъ), въ Шушѣ—о х у j ā р а м (при настоящемъ о х і р а м) и т. д.

По аналогіи древнихъ причастій будущаго времени а л ū р—г ā l ū р и н о-выхъ настоящаго о х ū р—ч у р у р, т у т ū р «хватаетъ»—һ у р у р «лаетъ», отчасти удержанныхъ изъ старины, отчасти образованныхъ аналогически, явились кое-гдѣ въ Закавказьѣ т у l i j ū р (у Казембека § 276 примѣч. 1, т ю л е ю р е м ѣ, но ср. приведенныя выше г а р ğ ы j а, е й l i j ā н и т. п.) «онъ платитъ», гдѣ, пожалуй, еще возможно подумать о древнемъ образованіи, но и г е д ū р «онъ уходитъ», аналогическое происхожденіе котораго очевидно.

Въ заключеніе подведемъ итоги въ видѣ таблицы, изъ которой видно развитіе діалектическихъ формъ настоящаго времени въ западно-турецкихъ языкахъ и говорахъ изъ основной, обще-турецкой.

Обще-турецкій языкъ.

j а з ā j а т-у р пишетъ—к ā l ā j а т-у р приходятъ (ср. кирг. жазъ-жатыр, келѣ-жатыр), т а р а-j ā j а т-у р чешетъ—е й l ā-j ā j а т-у р дѣлаетъ, т а н ы-j ā j а т-у р знаетъ—ā р і-j ā j а т-у р таеетъ, о ğ у-j ā j а т-у р ²¹⁾ читаетъ—ч у р у-j ā j а т-у р ²¹⁾ гніетъ или—можетъ быть, по говорамъ—j а з ā j ā т-у р и т. д.

Общій западно-турецкій языкъ.

j а з ā-j а у р—г ā l ā-j а у р, д а р ā й-j а у р—е й l ā й-j а у р, т а н ы й-

²¹⁾ Примѣръ условный, такъ какъ исконность тематическаго у—ŭ здѣсь болѣе чѣмъ сомнительна.

јаур—äρίй-јаур, оñуй-јаур²¹⁾—чурұй-јаур²¹⁾ или јаза-јаур
и т. д., откуда въ нѣкоторыхъ говорахъ јазы-јаур—гäli-јаур или
јазы-јаур—гäli-јаур.

Общій османскій языкъ.

1) јазајор—гäläјор или 2) јазыјор—гäliјор, дара-
јор—ейläјор, таныјор—äријор, оñујор²¹⁾—чурұјор²¹⁾. Отъ
1—крымскія и трапезунтскія јазаір—гелéір, а изъ нихъ бессарабско-херсон-
скія јазаі—геліі, дараі—ейлéі и т. д.²²⁾ и, можетъ быть, антебское
гелејіи, если удареніе падаетъ на тематическую гласную; отъ 2—сѣверно-
сирийское геліјом, но съ тѣмъ-же условіемъ²³⁾, и конійское, худавендгарское,
кастамунійское јазыјом.

Азербайджанскій языкъ.

Изъ формъ, общихъ съ османскимъ, черезъ јазаір—гäläір
(крымское и трапезунтское) или јазыір—гäliір (сивасское) стяженные
јазыр—гäliр, којір или којур—гөрір или гөрұр, дариір—
ейliір, таныір—äриір, охуір или охұјур—чурұір или
чурұјур, стянувшіяся по говорамъ въ дариір—ейliір, таныір—
äриір, охыір (охіір.) или охур—чуріір или чурұр²⁴⁾,

²²⁾ Вотъ полное спряженіе настоящаго времени отъ двусложныхъ основъ
на гласную, известное мнѣ отъ Хр. И. Кучукъ-Ованнесова, григоріопольскаго
уроженца: дарајіи, дараісыи, дараі, дарајіи, дараісы-
ныз, дараілар—ділэјіи, ділэйсии, ділэй, ділэјіи, ділэй-
синіз, ділэйлер; таныјіи, таныісыи, таныі, таныјіи,
таныісыныз, таныілар—еріјіи, еріісии, еріі, еріјіи,
еріісиніз, еріілер; охұјум, охұйсун, охуі, охұјук,
охұйсуныз, охұілар—чурұјум, чурұйсун, чурұи, чур-
ұјук, чурұйсуніз, чурұилер.

²³⁾ Иначе эта форма состоитъ въ ближайшей связи съ тюркменскими,
что еще вѣроятнѣе относительно айдынскаго јазијом, такъ какъ долгота
едва-ли удержалась-бы здѣсь помимо ударенія.

²⁴⁾ Считаю излишнимъ сообщить вполнѣ известное мнѣ изъ живой рѣчи
Табризцевъ спряженіе настоящаго времени стяженныхъ глаголовъ, совершенно
отличное отъ того, образчики котораго даетъ Казембекъ въ своей общей грамма-
тикѣ турецкаго языка: дарирам, дарирсан, дариі, дарирух, да-
рирсуз, дарирлар—ейliрәм (произносится ēliрәм), ейliрсан,
ейliр, ейliрух, ейliрсуз, ейliрlär; танырам, танырсан,
таныр, танырух, танырсуз, танырлар—äрирәм, äрирсан,
äрир, äрирух, äрирсуз, äрирlär; охырам, охырсан, охыр,
охырух, охырсуз, охырлар—чурірәм, чурірсан, чурір,
чурірух, чурірсуз, чурірlär. Иногда р передъ с и въ концѣ
пропускается, а передъ л—l уподобляется: дарисан, дари, дарилар
(такъ и олысан, олы и т. п., и въ другихъ временахъ). Данныхъ о таб-
ризскомъ говорѣ, собранныхъ въ этомъ изслѣдованіи помимо книжныхъ источ-

и такъ-же отрицательныя *ја́змы́р* или *ја́змыр* — *гáлми́р* или *гáлми́р*²⁵).

Тюркменскій языкъ.

Изъ діалектической формы общаго западно-турскаго языка *ја́зыја́ур* образовались: 1) *ја́зыја́р* (вѣроятно, и безъ *р*, какъ въ Кастамуни) и 2) *ја́зыја́р* и *ја́зыја́*.

За полную самостоятельность своего объясненія настоящаго времени въ западно-турскихъ языкахъ я не только не ручаюсь, но мнѣ даже кажется, какъ будто я гдѣ-то читалъ, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное, и потому я не рѣшился-бы и предложить вниманію тюркологовъ это изслѣдованіе, если-бы мнѣ не удалось собрать и сопоставить данныя, извѣстныя мнѣ отчасти только изъ живыхъ источниковъ.

Эта статья печаталась такъ долго, что послѣ окончанія ея на письмѣ успѣло появиться нѣсколько важныхъ трудовъ, имѣющихъ отношеніе къ ея предмету. Изъ нихъ внесены въ нее кое-какія дополненія, что, обогативъ ея матеріалъ цѣнными частностями, отозвалось за то невыгодно на стройности цѣлаго. Одинъ изъ этихъ трудовъ, изслѣдованіе проф. Фоя, названное въ примѣч. 24, содержитъ въ себѣ, помимо множества поучительнѣйшихъ свѣдѣній, новую попытку объясненія наст. вр. на *-јор*.

Авторъ также признаетъ это образованіе сложнымъ, но въ первой части на *-ы* — *-і* видитъ готовое дѣепричастіе съ этимъ окончаніемъ, а самое *-јор* выводитъ отчасти изъ *јурјур* (идеть), отчасти изъ соответствующей формы отъ того-же корня, но съ широкими гласными, какъ въ орхонскомъ *јоры* — *јур*²⁶) или, какъ онъ пишетъ, *јорыјор*, которое само онъ считаетъ обра-

никовъ, теперь могутъ быть провѣрены по превосходному матеріалу, который находится въ обширной и содержательной статьѣ профессора Фоя *Azerbaigani-sche Studien mit einer Charakteristik des Südtürkischen*, помѣщенной въ *Mittheilungen des Seminars für Orientalische Sprachen an der Königlich Friedrich-Wilhelms Universität zu Berlin. Jahrgang VI—VII (Zweite Abtheilung: West-asiatische Studien)*.

²⁵) *ја́змы́рам* или *ја́змы́рам*, *ја́змы́(р)сан* или *ја́змы́(р)сан* и т. д. вездѣ съ *р*, какъ по-османски, но въ будущемъ чуть-ли не только у Дербендцевъ *ја́змара́м* (ударенія не знаю), а вообще *ја́зма́нам* (вмѣсто *ја́зма́н*, какъ по-османски въ Кастамуни, по-чагатайски и по-кумыцки), *ја́змá(з)сан*, *ја́змáз*, *ја́змáных*, *ја́змá(з)суз*, *ја́змáлар* — *гáлмáнám*, *гáлмá(з)сан*, *гáлмáз*, *гáлмáник*, *гáлмá(з)суз*, *гáлмáзлар*.

²⁶) И въ карагаскомъ *јорор* (вѣроятно, изъ **јорур* отъ основы *јор-*, а не *јоры-*, откуда орхонское *јорыјур*: ср. кайбальское *јѳі́р* отъ *јѳі́-*, гдѣ тематическая гласная формы (изъ *-іу* — *-іі*) долга.

зованіемъ, подобнымъ османскому наст. вр. И въ самомъ дѣлѣ напр. *jaša jo r* очень похоже на осм. *башлајор* и т. п. Но бѣда именно въ томъ, что такая огласовка, сама по себѣ возможная, потому что орхонское письмо не различаетъ *о* и *у*, основана, по видимому, лишь на кажущейся аналогіи съ османскимъ *-jo r*, а не на грамматическихъ соображеніяхъ, тогда какъ *алур*—*калур* и т. п. причастія заставляютъ при колебаніи между *о* и *у* выбрать въ этомъ случаѣ послѣднее. На *у*, а не на *о*, наводитъ и то обстоятельство, что осм. *башлајор* дало *башлаир* и *башлай*, но не *башлар* (хотя-бы съ долготой, какъ въ абхазскихъ говорахъ), которое ступилось изъ *башлајир* и далѣе—изъ *башлајур*. Оporою мнѣнія проф. Фоя служатъ старыя османскія написанія, отчасти извѣстныя лишь изъ европейскихъ источниковъ, съ *jur*, съ двумя *r* и даже прямо съ *jurur* въ концѣ, малоазіатскія формы на *-jo rur* (см. примѣч. 4) и азербайджанскія на *-ыры*—*ірі* (см. примѣч. 10). Но *-jo rur* и *—ыры—ірі* легко поддаются объясненію, предложенному въ томъ-же примѣч. 4, т. е., иными словами, могли возникнуть путемъ извѣстнаго изъ многихъ языковъ стремленія къ уравниванію числа слоговъ данной флексіи при помощи аналогіи, а *-jur* и *jurur*, если не представляютъ собою грамматическаго домысла или искусственнаго образованія (какимъ проф. Фой склоненъ признавать окончаніе 1 л. ед. ч. *-ам* или *ām* въ старыхъ османскихъ памятникахъ—см. примѣч. 19), произошли, быть можетъ, изъ тѣхъ-же *-jo r* и *jo rur* отчасти фонетически, отчасти аналогически, а именно такъ: *-jo r* превратилось въ *-jur* подъ влияніемъ *олур*, *дурур*, *алур*, *калур* и т. п., которыхъ въ старину было больше, чѣмъ осталось въ нынѣшнемъ говорѣ, и дѣепричастій на *-уб*, между прочимъ и такихъ, какъ *башлајуб*, а *-jo rur* естественно послѣдовало за *-jo r* и стало звучать *-jurur*; далѣе въ глаголахъ съ узкими гласными это *jur*, а за нимъ и *-jurur*, раздѣлило участь исконнаго *-ур*, т. е. сузилось въ *-jur*, *jurur*; въ послѣдствіи эти узкія окончанія начали присоединяться и къ основамъ съ широкими гласными, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ нарѣчіяхъ, которыя употребляютъ предпочтительно узкія окончанія²⁷⁾. Конечно, все это есть лишь предположеніе, однако не такое, за которымъ нельзя было-бы признать извѣстной доли вѣроятности. Противъ объясненія *-jo r* изъ *jurur* или *jo rur* и въ пользу объясненія изъ *јатур* можно привести и одно фонетическое соображеніе: *r* пропадаетъ у турокъ въ концѣ слога, но едва-ли между гласными²⁸⁾, а выпа-

²⁷⁾ Ср. напр. трапезунтскія *кызін*, *кызă*, *кызі*, *кыздăн*, *кыздă*, *бабалăр*, *анасынă*, *бујнузлі*, *патаклік*, *ачілірім*, *јапмалі*, *вурдулăр*, *јапалім* и т. п. въ статьѣ г. Писарева, упомянутой выше, стр. 3.

²⁸⁾ По крайней мѣрѣ, не у западныхъ Турокъ. Правда, у Енисейцевъ дѣло

деніе *т* въ *ј а т у б* и въ *ј а т у р* есть неоспоримый фактъ. Впрочемъ проф. Фой говоритъ, вѣроятно, не о *зунсоре*, а объ *аросоре*, путемъ которой образовалось напр. алтайское *ј а т* изъ *ј а т у р*. Съ точки зрѣнія синтактической можно замѣтить, что дѣепричастіе на *-ы*, *-і* (точнѣе: на *-у*, *-ү*) едва-ли соединяется съ глаголомъ *ј ү р*, по крайнѣй мѣрѣ, для составленія описательныхъ формъ спряженія, въ которыхъ вообще употребляются дѣепричастія на *-а*, *-ä* и *-у б*, *-ү б* (кромѣ *б е р*), почему и *ј а з ы ј о р* вѣрнѣе производить изъ *ј а з а ј о р*. Кромѣ того: встрѣчается-ли гдѣ *ј ү р* съ дѣепричастіемъ на *-а*, *-ä*? У Алтайцевъ оно соединяется всегда съ дѣепричастіемъ на *-у б*, *-ү б*. Правда, съ нимъ-же спрягаютъ они и прочія вспомогательные глаголы *-ј а т*, *т у р* и *о т т у р*-, но послѣдній можно не считать, какъ не обще-турскій въ этомъ качествѣ, а при первыхъ сохранились и у нихъ слѣды древнѣйшаго спряженія съ дѣепричастіемъ на *-а*, *-ä* въ наст. вр. *алады* или *алат* изъ *алат у р у р* (у Шорцевъ 1 л. *ала-бын* или *ала-м*, 2 *алазын*, 3 *ала-ды* и т. д.), въ причастіи *алаттан* изъ *алат у р ган*, въ недостаточныхъ глаголахъ *к л а а т* изъ *к е л е-ј а т у р* идетъ сюда и *п р а а т* изъ *б а р а-ј а т у р* идетъ туда (Грамматика алт. яз. стр. 92)²⁹. Со стороны семасіологій алтайскія нарѣчія не благопріятствуютъ объясненію османскихъ *алајор* и *алыјор* изъ **ала-ј у р ү р* и **алы-ј у р ү р*: по-алтайски *алып-ј у р ү р* значить чуть-ли не то-же, что у другихъ Татаръ *ала-тура*,—береть часто, постоянно, хоть и съ перерывами, подбираетъ, а татарскому *алып-тура*, османскому *алыјор*, т. е. беретъ или держитъ въ настоящій мигъ, у Алтайцевъ соответствуетъ *алып-ј а т*.

Ө. Коршъ.

обстоитъ нѣсколько иначе, и при томъ именно въ причастіи на *-р*: койбальскимъ *барербен* (*барырбын*, *иду*) *көрербен* (*вижу*) соответствуютъ у карагасовъ *бармен*, *көрмен*, и на оборотъ—карагасскому *олерармен* (=чаг. *олтурурман*) у Койбаловъ *бдырбын*, и на ряду съ *јөрірбен* (*хожу*) говорятъ и *јөрбен*; но вѣдь за то и **јаглајурмын* (*маслю*), по-койбальски *јаглірбын*, стягивается по-карагасски въ *ја́рмен*.³⁰ И у Абаканцевъ дѣепричастіе на *-а*, *-ä* вытѣснено дѣепричастіемъ на *-у п*, *-ү п*, однако они образуютъ наст. вр. *аладырбын* съ причастіемъ *аладырган* или спрягаютъ *алабын*, *алазағ*, *алады* (р) на ряду съ болѣе обычными *алырбын* и т. д.

О п е ч а т к и.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стран. 1, строка 11 св.: турмак... јатмак	турма̄к... јатма̄к
« прим. 2, стр. 3 снизу: языка	языкѣ
« 4, стр. 1 св.: јазыјом	јазы̄јом
Тамъ-же, стр. 2 св.: јазыјон	јазы̄јон̄
Тамъ-же, прим. 8, стр. 3 сн.: азыјом	јазы̄јом
Стран. 6, стр. 9: саг а	сага
Тамъ-же, прим. 15, стр. 11 св.: -рун—рун	-рун — -рӯн
Тамъ-же, стр. 12 св.: приказъ б	приказъ б.
Тамъ-же, стр. 1 сн.: -бср.	-б ср.
Стр. 7, стр. 18 св.: кар	ка̄ры,
« 8, стр. 10 св.: бузо	бузѣ
Тамъ-же, стр. 11 св.: сага (-сені)	сага̄ (=сени)
Тамъ-же, стр. 19: галля-	галля-
Тамъ-же, стр. 6 сн.: нотомъ	потомъ
Тамъ-же, стр. 5 сн.: гурѹјор	чӯрӯјор
Стр. 10, стр. 3 св.: ямѣстностей	мѣстностей
Тамъ-же, прим. 17, стр. 9 сн.: نظام	نظام
Тамъ-же, стр. 4 сн.: Фудѹлі	Фудѹлі,
Тамъ-же, стр. 3 сн.: мѣрдѹ	мѣрдѹ
Стр. 11, стр. 4 св.: јакшѹлан	јакшѹлан
Тамъ-же, стр. 5 св.: тура	тӯра
Тамъ-же, прим. 17, стр. 1 св.: сѹн... ічѣндѹ	сѹн... ічѣндѹ
Тамъ-же, стр. 9 св.: јѹрым... мѣјим	јѹрым... ма̄јим
Тамъ-же, стр. 11 и 13: вар	ва̄р
Тамъ-же, стр. 12: пѣр-і	пѣр-і
Тамъ-же, стр. 17 св.: багда... ѹленк'	багда... ѹлеик'
Стр. 12, стр. 21 св.: ногай—	ногай—
Тамъ-же, стр. 13 сн.: пачі	па̄чї
Тамъ-же, стр. 6 сн.: варын	ва̄рын

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр. 13, стр. 1 св.: гäläjör	гäläjör
Тамъ-же, стр. 2 св.: гäläir	гäläir
Тамъ-же, стр. 5 св.: гälä-	гälä-
Тамъ-же, стр. 4 (текста) сн.: вурар	вырар
Тамъ-же, стр. 3 (текста) сн.: бојур-ур	бојур-ур
Тамъ-же, прим. 18, стр. 6 св.: *ой-на-j-ir	*ойна-j-ir
Стр. 14, стр. 14: узнаю	узнаю
Стр. 15, стр. 4 св.: азербайджан	азербайджан-
Тамъ-же, стр. 7 св.: причастія	причастія.
Стр. 16, стр. 7 сн.: äri-j-ä	äri-j-ä
Стр. 17, стр. 6 св.: охујор	охујор
Тамъ-же, стр. 16 св.: охујур	охујур
Тамъ-же, стр. 18 св.: (охір.)	(охір)
Тамъ-же, прим. 24, стр. 7 сн.: арірсан	арірсан
Тамъ-же, стр. 3 сн.: дарі	дарі
Стр. 18, пр. 25, ст. 2 сн.: гälmänam, gälmä(z)sän	gälmänam, gälmä(z)sän
Тамъ-же, прим. 26, стр. 2 сн.: кайбальское	койбальское
Стр. 19, стр. 19 св.: ам	-ам
Стр. 20, стр. 10 св.: прочія	прочіе
Тамъ-же, прим. 28, стр. 2 св.: иду)	иду),

Кромѣ того, къ туркменскимъ формамъ gälijäryn—gälijän и т. д. (стр. 5 и 11), почерпнутымъ изъ устныхъ источниковъ, слѣдуетъ прибавить gälijärin или gäläjärin — gälijän и пр., которыя можно извлечь изъ написаній гелийерин, гелийерсин, гелийен, истейерсин, идейерлер и т. п. подполковника П. Шимкевича въ его книгѣ „Практическое руководство для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменъ Закаспійской области“ (Асхабадъ 1899).

Національнія стихотворенія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направлєніємъ османской поэзіи.

Члена Восточной Коммисіи В. Э. Минорскаго.

У насъ, конечно, нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о народной литературѣ турокъ, явившихся подъ предводительствомъ Эр-Тогрула въ XIII в. въ Малую Азію, но, судя вообще по богатству фольклора у тюркскихъ племенъ, мы могли бы заключить по аналогіи, что османы въ этомъ отношеніи не уступали другимъ своимъ сородичамъ. Однако отъ пословицъ, сказокъ и пѣсенъ было еще очень далеко до искусственной литературы, созданіе которой затруднялось еще и тѣмъ, что самый языкъ долженъ былъ, какъ разъ въ это время, испытывать важный переворотъ: онъ долженъ былъ приспособляться къ выраженію тѣхъ чуждыхъ кочевому быту понятій и мыслей, которыя теперь, по мѣрѣ роста силы и могущества новаго государства и измѣненія строя всей жизни, настоятельно требовали себѣ выраженія. Турки же были, преимущественно, людьми дѣла; они способны были завоевать, покорить, создать прочное политическое тѣло, но вопросы искусства мало занимали ихъ. Услаждать-то свой досугъ имъ было нужно, но какъ достигалось пріятное, это уже было безразлично. На бѣду для развитія національной литературы — у турокъ оказались слишкомъ талантливые сосѣди. Персидская литература въ XIII и XIV в. в. достигла, благодаря Саадію, Низамію, Аттару, Хафизу, полного разцвѣта. Самый глубокій и философскій изъ персидскихъ поэтовъ Джелалъ эддинъ Руми (1207—1273) даже прожилъ большую часть жизни въ центрѣ османскаго государства, въ г. Коніи, бывшей тогда столицею сельджуковъ. Принимая во вниманіе указанную практичность характера османлы, мы не удивимся тому, что поэзія ихъ подпала сильнѣйшему вліянію персовъ, доходившему до степени рабскаго подражанія, особенно въ виду неподготовленности къ той духовной пищѣ, которую турки получали отъ своихъ учителей. Вѣдь въ Персіи было свое долгое *пережитое* прошлое, чтобы могъ явиться поэтъ вроде Джелала, а туркамъ всѣ его произведенія, вся стройно сложившаяся система суфизма были даны готовыми; поэтому не мудрено, что тѣ же крылья возвышеннаго и отвлеченнаго, на которыхъ персы могли такъ легко летать, лишь тяжело пригнетали своимъ вѣсомъ и безъ того нѣсколько туповатую фантазію турокъ. Вторженіе Тимура въ Анатолію и разгромъ молодого османскаго государства

ознаменовались дальнѣйшимъ закрѣпленіемъ національной поэзіи. Правда, европейскій историкъ турецкой литературы, въ противоположность старинному турецкому писателю Али-Эфенди, утверждающему, что это произошло вслѣдствіе силы впечатлѣнія, которое непосредственно производило на умы присутствіе персидскихъ писателей въ свитѣ Тимура, склоненъ думать, что персидско-арабская система стихотворства получила полное преобладаніе въ турецкой поэзіи еще раньше 1402 года¹⁾. Какъ бы то ни было, со временъ Тимура исчезаютъ попытки самостоятельнаго творчества, и дѣло идетъ лишь о смѣнѣ авторитетовъ для подражанія. Оставляется тогда и старое силлабическое стихосложеніе, общее и естественное для всѣхъ тюркскихъ нарѣчій, и на мѣсто его воцаряются принципы арабо-персидской метрики съ ея чередованіемъ долготъ и краткостей, причемъ даже старая, чисто-тюркскія стопы были всѣми правдами и неправдами подсунуты подъ рамки всякихъ «баһровъ». Между тѣмъ долготы не свойственны тюркскимъ нарѣчіямъ²⁾, и приходилось неестественно растягивать и выпѣвывать нужные слоги турецкихъ словъ или писать почти исключительно иностранными арабо-персидскими реченіями, пересыпая промежутки элементами родной рѣчи лишь изрѣдка, гдѣ можно. Для чего уже тогда было настаивать на *турецкихъ* стихахъ? Не проще ли бы было писать на чистомъ персидскомъ языкѣ и создать поэзію вродѣ средневѣковой латинской?

¹⁾ E. J. Gibb, A History of Ottoman Poetry, vol. I, Lond, 1900, стр. 254. «I am inclined to believe that the complete ascendancy of the Persian system was practically established shortly before Timur's invasion, and so was not, as Ali would infer, a result of the event». Вотъ краткія черты борьбы персидскихъ и турецкихъ элементовъ въ османской поэзіи, согласно книгѣ Гибба. «Ребабъ-наме» (1301) *Султана Веледа*, содержащая, какъ извѣстно, 156 двустопій на тюркскомъ нарѣчій, написана главнымъ образомъ силлабически, но попадаются и количественные стихи (G. 152). «Гарибъ-наме» (1330) *Ашика Челеби* написана гексаметрическимъ ремеслемъ, но просодія—чисто турецкая (G. 184) Нѣкій *Алмедъ* (во второй половинѣ XIV в.), подражавшій «Шалъ-наме», писалъ съ преобладаніемъ турецкой просодія (G. 227). *Алмедъ Бурхан-у-динъ* (1378) въ своихъ газеляхъ смѣшивалъ персидскую и турецкую систему, причемъ первая преобладаетъ; въ рубаи держится исключительно персидской, а въ своихъ «туюу» исключительно турецкой (G. 210). [Интересныя произведенія этого автора были въ 1895 г. изданы П. М. Меліоранскимъ]. *Юнусъ* (конецъ XIV в.) писалъ свои стихи грубымъ турецкимъ языкомъ и придерживался національных размѣровъ (G. 167). *Несими* писалъ еще до татарскаго вторженія († 1402), но чисто на персидскій ладъ (G. 336). У *Сулеймана Челеби* († 1403) въ его знаменитомъ Мевлиди Неби примѣры турецкой скандировки крайне рѣдки (G. 236). *Муса Абди* («Джамесп-наме» 1430 года) старался избѣгать иностранныхъ словъ; въ лексикѣ его встрѣчаются интересные старые элементы (G. 437). Наконецъ у *Шейхи* († около 1451) исчезаютъ уже всякія уклоненія въ сторону турецкаго стихосложенія, и персидская метрика и риторика получаютъ полное преобладаніе (G. 307—310).

²⁾ если не считать тѣхъ долготъ, что получаются изъ сліянія. Radloff, *Phonetik*, стр. 12 говоритъ: «Долгія гласныя встрѣчаются во всѣхъ діалектахъ, но въ сѣверныхъ чаще, чѣмъ въ южныхъ. Большая часть этихъ долготъ возникла впервые лишь на тюркской почвѣ, вслѣдствіе механическаго сліянія гласныхъ или гласныхъ съ согласными. Гораздо рѣже попадаютъ позднѣйшее протяженіе первоначально краткихъ гласныхъ».

Лишь въ 1879 году—въ эпоху стремленія сблизиться литературно съ Европой, начатаго въ Турціи съ полстолѣтія тому назадъ починомъ Шинаси-эфенди и продолженнаго Кемаль-беемъ и другими писателями — издана была книжка стиховъ Абдуль Хакка Хамидъ-бея, подъ названіемъ «Сахра» (Деревня)^{*)}; ею и открывается въ турецкой поэзіи новый путь тѣмъ, что отбрасываются старыя правила риторики и поэтики и на мѣсто ихъ ставятся европейскіе приемы и разиѣры, гораздо болѣе пригодные для турецкаго языка и болѣе способные приблизить его къ тому, чѣмъ онъ нѣкогда былъ и чѣмъ долженъ бы быть остаться.

Всякое новаторство вещь нелегкая, и произведенія Хамидъ-бея уже своей малочисленностью показываютъ, что его трудъ не былъ похожъ на скороспѣлую работу его плодovitыхъ соотечественниковъ: главное произведеніе его «Саһра» (Деревня) заключаетъ въ себѣ лишь 59 страницъ ⁴⁾.

Тѣмъ съ большимъ интересомъ должны мы отнестись къ новому опыту въ той же области, именно къ книгѣ, составляющей предметъ нашего обзора и носящей имя *ترکجه شعرلر* («Стихи по-турецки»). Книга, купленная нами прошлымъ лѣтомъ въ Константинополѣ, издана ⁵⁾ необыкновенно изящно, на отличной бумагѣ, съ массой виньетокъ, съ картинками, изображающими турецкихъ солдатъ, и 2 портретами: автора иллюстрацій — придворнаго художника Зонаро — и автора книги, симпатичнаго, нѣсколько полного мужчины среднихъ лѣтъ, лицомъ напоминающаго скорѣе славянина. Авторъ ея — Мехмедъ Эминъ бей; какъ указано на обложкѣ, онъ занимаетъ мѣсто начальника архива податнаго управленія (Русумат эманети эврак мюдири); оказывается, что онъ впервые выступилъ на литературное поприще.

3) Gibb, o. c., стр. 133.—Кстати, вот что сообщает о Хамидъ-бей маленькая **تاريخ ادبيات عثمانیه** (Исторія османской литературы) (در سعادت ۱۳۰۶), составленная Абдуль Хелимомъ Мемдухомъ, стр. ۱۲۰. «Послѣ Экремъ-бея на поприще поэзіи въ качествѣ поборника гуманности выступаетъ Абдуль Хаккъ Хамидъ-бей. По всей справедливости можно сказать, что это поэтъ, постигшій (отлично) всѣ правила и детали поэтики. То, что Кемаль-бей произвелъ въ области прозы, то Хамидъ-бей съ полнымъ успѣхомъ совершилъ въ поэзіи. Для новой поэзіи произведенія его великій примѣръ для подражанія. Х.-б. напоминаетъ Сюли Прюдѳма: его стихи полны бодрымъ чувствомъ (نشطارت), глубокими мыслями и гуманностью. Произведенія его, строго соответствуя всѣмъ тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя необходимы для поэта, являются настоящими перлами. Если сопоставлять османскую литературу съ иностранной, то произведенія Хамидъ-б. одни только годны для сравненія. Главныя произведенія его суть: **ديوانه**, **تذکره اشیر**, **طارق**, **دختر هندو**, **تزر**, **لوگرو**, **بونلر اولو**, **مقبر**, **حجله**, **او در لکلم** и наконецъ **نظیفه**, заключающее въ себѣ исторію одной несчастной. Мы сожалѣемъ, что не можемъ здѣсь продолжать изложеніе мыслей о Х.-б. Примѣчаніе. Стихотворное творчество Х.-б. прервалось».—Sapienti sat. Бѣглыя упоминанія объ Абдуль Хаккъ можно найти также въ книгѣ *The Literature of the Turks* by Ch. Wells L. 1891, ср. стр. XIV.

*) Лично намъ не удалось достать „Сахра“, что же касается до небольшихъ книжекъ **برسغيله نك عرض حالى** и **اولو; بونلر اودر**, то замѣтимъ лишь вскользь, что онѣ написаны метрически, а лирическія пьесы довольно манерны; языкъ же далеко не такъ простъ и чистъ, какъ у Эминъ-бея.

⁵⁾ Константинополь, типографія Абу-зья 1316 (=1899).

На наше обращеніе письмомъ, Эминъ-бей любезно отвѣтилъ, и намъ теперь представляется возможнымъ сообщить съ его словъ кое-какія свѣдѣнія о его жизни и о его стремленіяхъ.

Краткая его автобіографія—слѣдующая:

«Я родился въ Константинополѣ въ 1285 году (=1869). Окончивъ училище (مکتب رشدی)⁶⁾ въ Бешикташѣ, я затѣмъ получилъ аттестатъ (تصدیقنامه) въ средней гражданской школѣ (مکتب اعدادی)⁷⁾, находящейся въ томъ же кварталѣ. Хотя я пробылъ нѣкоторое время въ училищѣ правовѣдѣнія (مکتب حقوق), однако мнѣ его не удалось кончить. У меня есть еще книжка подъ заглавіемъ کوز یاشم («Моя Слеза»), составляющая вторую часть «Стихотвореній по-турецки», но она не напечатана⁸⁾. Такъ-какъ у турокъ нѣтъ поэтическихъ произведеній, предназначенныхъ для дѣтей, то я занятъ въ настоящее время сочиненіемъ стиховъ для нихъ. У меня есть и другія произведенія, кромѣ стиховъ, однако я о нихъ умолчу здѣсь».

Содержаніе «Стихотвореній по-турецки»: 1) 5 писемъ, полученныхъ авторомъ отъ различныхъ лицъ, пользующихся въ Турціи литературнымъ авторитетомъ; именно, отъ Экремъ-бея, вышеупомянутаго Абдуль Хакка Хамидъ-бея, служащаго въ настоящее время совѣтникомъ турецкаго посольства въ Лондонѣ, далѣе Сами-бея, доктора Ризы Тевфика и наконецъ салонискаго литератора Фазли Неджиба; 2) 9 стихотвореній автора; 3) музыка къ одному изъ нихъ.

Поэтическая дѣятельность Эминъ-бея, по его собственному заявленію⁹⁾, началась во время греко-турецкой войны, и, какъ и слѣдуетъ ожидать, произведенія его затрагиваютъ мотивы, которые подсказывались временемъ. То выражаются чувства умирающаго на полѣ битвы солдата, то скорбь осиротѣвшей жены, то наконецъ просто подъемъ національнаго духа въ минуту, когда весь народъ сплочивается тѣснѣе.

Оригинальность стихотвореній нашего автора заключается прежде всего въ способѣ изложенія. Именно, они написаны силлабически, простымъ, яснымъ и, по возможности, чистымъ турецкимъ языкомъ.

Какъ мы уже упоминали (стр. 2), метрическое стихосложеніе совершенно не годится для турецкой поэзіи въ виду отсутствія долготъ въ языкѣ¹⁰⁾;

⁶⁾ Ecole secondaire, соотвѣтствующая нашимъ городскимъ училищамъ.

⁷⁾ Нѣчто вродѣ нашей гимназіи съ преподаваніемъ иностранныхъ языковъ (въ томъ числѣ греческаго и армянскаго). Въ школахъ „и'дади“ учился много христіанъ.

⁸⁾ У насъ въ рукахъ ужъ находится большая часть рукописи. Къ сожалѣнію, авторъ прислалъ стихотворенія изъ серіи کوز یاشم тогда, когда статья уже была набрана, а потому приходится отложить ихъ разсмотрѣніе до другого раза.

⁹⁾ Стр. 25, примѣчаніе.

¹⁰⁾ Впрочемъ срав. несовсѣмъ понятное заявленіе Вамбери въ его Alt-osmanische Sprachstudien (Leiden 1901) стр. 7: Die Differenz zwischen langen und kurzen Vocalen, die im Osmanischen ebenso wie im Magyarischen existiren... etc. Ужъ не подразумеваются ли здѣсь формы вродѣ о л д у у, что, напр. Куношемъ, транскрибируется, какъ о л д у. Срав. также A. Wahrmund, Prak. Gram. der os. tür. Spr. (Giessen 1884) стр. 29, гдѣ, на основаніи

тоническое также довольно неудобно вследствие того, что подавляющее число ударений падаетъ на послѣдній слогъ ¹¹⁾; далѣе, ударенія часто не достаточно рѣзки, и въ словѣ ихъ нерѣдко бываетъ нѣсколько ¹²⁾; наконецъ длинныя слова (вродѣ саделештирилдилер), которыми славится турецкій языкъ, врядъ ли бы умѣстились въ какомъ нибудь ритмѣ. Остается одинъ исходъ—силлабическій стихъ, и, дѣйствительно, онъ съиздавна примѣнялся въ народной поэзій, нося специальное названіе «пармак хисабы» т. е. «счетъ (словъ) по пальцамъ».

Его-то и избралъ своимъ орудіемъ Эминъ-бей ¹³⁾. Въ народныхъ повѣстяхъ, происходящихъ главнымъ образомъ изъ Азербейджана, стихи по словамъ Куноша ¹⁴⁾—преимущественно 13 (4+3+3+3?) и 8 (4+4=6+2) сложные, а въ пѣсняхъ они состоятъ изъ 8 или 7 (4+3=3+4) слоговъ ¹⁵⁾. Приблизительно такая же система чередованія трехъ и четырехсложныхъ группъ замѣчается и у нашего автора, который, однако, долженъ былъ нѣсколько удлинить свою строку вследствие большей сложности своихъ сюжетовъ. Въ первыхъ восьми стихотвореніяхъ каждый стихъ въ 15 слоговъ; цезуры дѣлятъ его на слѣдующія группы: 4+4+4+3; и только въ рѣдкихъ случаяхъ эта формула немного измѣняется (№ 6 стр. 1, —4+4+3+4). Въ № 9 чередованія 4 и 3 остается, но строки варьируютъ въ длинѣ отъ 15 до 7 слоговъ, причемъ группа 3 всегда на концѣ.

Риѣмы большей частью глагольныя мужскія, хотя встрѣчаются и женскія (серпѣрен, билѣрим и т. д.). Расположены онѣ обыкновенно довольно искусно ¹⁶⁾. Риѣмы въ № 9 въ каждой строфѣ размѣщены иначе, а многіе стихи не имѣютъ риѣмъ, хотя вообще это стихотвореніе звучитъ оригинально и пріятно (быть можетъ, отъ риѣмъ и ассонансовъ въ серединѣ).

авторитета Редхауза, указана долгота словъ *اوز ایل صو* и нѣкоторыхъ другихъ [однако, судя по ссылкѣ K. Foy, въ изданіи словаря Redhouse'a 1890 г. при словѣ *ایل* указано и другое произношеніе: *э ј л*]. Далѣе K. Foy, въ своихъ *Türkische Vocalstudien* [въ *Mittheilungen des Seminars für Orient. Spr. zu Berlin*, 1900, II Abtheilung, стр. 214] заявляетъ объ имѣющихся у него матеріалахъ изъ разныхъ частей Турціи относительно существованія „долгихъ гласныхъ, которыя происходятъ не изъ стяженія“, но самъ же считаетъ эти матеріалы недостаточными. Попытка названнаго автора доказать долготы въ языкѣ орхонскихъ надписей врядъ ли убѣдительна.

¹¹⁾ Это правило, конечно, не безъ значительныхъ исключеній, особенно въ глагольных формахъ: гилѣрим, аладжауым и т. д., гдѣ неударный послѣдній слогъ есть собственно энклитика.

¹²⁾ Radloff, *Phonetik*, стр. 97.

¹³⁾ Эминъ-бей самъ ясно сознаетъ связь силлабическаго стихосложенія съ народностью языка. Онъ говоритъ, что отдѣлившись отъ остальныхъ писателей въ стилѣ и характерѣ писаній, онъ долженъ былъ уклониться отъ нихъ и въ способѣ стихосложенія: „такъ-какъ языкъ у меня не поворачивался сочинять мои стихи иначе, какъ въ „пармак-хисабы“.

¹⁴⁾ Введеніе въ VIII т. Радлова стр. IX.—Gibb, о. с., стр. 104 говоритъ, что въ народныхъ поэтическихъ произведеніяхъ строки бываютъ отъ 7—15 слоговъ.

¹⁵⁾ *ibidem*, стр. XXI.

¹⁶⁾ № 7 *ababedcedefggf*, чаще однако *aaabcccbdddb* и т. д. (такъ написаны №№ 2, 3 4...), или черезъ строку (№№ 5 и 8).

Вообще всѣ поэмы Эминъ-бея отличаются звучностью, и, напримѣръ, читая полный энергіи и воодушевленія стихъ

Яраданын китабыны калдыртмам,	يارادانك كتابىنى قالدیرتمام
Османджыуун байрауыны алдыртмам,	عثمانچىك بايراغنى الدیرتمام
Дюшменими ватаныма салдыртмам,	دشمنى وطنمه صالدیرتمام
Тенри эви виран олмаз. Гидерим!	تکرى اوى ويران اولماز کيدهرم

нельзя не вспомнить персидской поговорки о томъ, что ¹⁷⁾ *تركى هنراست*

Относительно языка нашего поэта можно лишь повторить вмѣстѣ съ Сами-беемъ, что «оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ требованій, онъ таковъ, какимъ можетъ говорить и какой можетъ понимать любой турецкій рядовой». Другими словами, онъ — *народный*, и въ этомъ новая заслуга автора. Мы не должны при этомъ забывать, насколько тенденція Эмина бея писать простымъ языкомъ должна представляться смѣлымъ предпріятіемъ передъ турецкой публикой. Вамбери говоритъ: «Вообще во время моего долготѣняго общенія съ османскими турками, я въ высшей степени рѣдко слышалъ разговоръ о *чисто-турецкихъ* сочиненіяхъ, такъ-какъ эпитетъ «каба тюркдже» (грубый, неотдѣланный турецкій языкъ), которымъ обозначаютъ турецкую рѣчь, пощаженную отъ арабско-персидскихъ заимствованій, прямо отпугивалъ всякаго османлы». И для иллюстраціи чисто турецкой рѣчи венгерскій ученый могъ отыскать въ своей памяти лишь два незначительныхъ четверостишія ¹⁸⁾.

Нашъ авторъ сознательно придерживается простонароднаго языка: *عوام ديلى ديلم*, какъ онъ выражается. Чтобы показать, какъ легко чисто-турецкія выраженія ложатся въ его стихъ, приведемъ слѣдующія 3 строки (изъ № 6):

اون ياشنده بويني بوكوك بغرى يانيق برچوجق
اوستى باشى اسكى پوستى يالين آياق ياوروجق
козлрени يوله ديكمش بريسنى بكليور

Въ томъ же стихотвореніи интересенъ длинный и типичный турецкій періодъ (первые 9 стиховъ): сперва идутъ обстоятельства мѣста (3 стиха) далѣе обстоятельства времени (3 стиха) и, наконецъ, только-что цитированное описаніе бѣднаго мальчика ¹⁹⁾.

Тамъ же находится любопытное скопленіе дѣеprичастій, гдѣ про мальчика говорится, что онъ

کوی چوبانى قويونلری کچилری گودهرک
طاغدن اينوب ياقلاشنجه اغلايه رق کيدهرك
يورکلری صيزلاتيجى برسس ايله ديورکه

¹⁷⁾ Жуковский, Матеріалы для изученія ... стр. XIII *تركى هنراست* *لفظ لغظ عربست* *فارسی شکر است*.

¹⁸⁾ Die Alt-Osm. Sprache. Введение.

¹⁹⁾ Также въ № 1. Описанія «Кör Оглу» и «Фатиха» занимаютъ каждое по шести стиховъ.

Наряду съ этимъ встрѣчаются короткія, выразительныя, какъ-бы отрубленныя фразы; ими, напри., написано стихотвореніе, озаглавленное «Голосъ изъ Анатоліи» (См. цитированный отрывокъ въ началѣ предыдущей страницы).

Авторъ старается употреблять всѣмъ понятныя, старыя, настоящія турецкія слова, которыя въ разговорѣ константинопольскихъ эфендіевъ обыкновенно замѣняются разной иностранщиной. Отмѣтимъ изъ нихъ хотя бы слѣдующія: *اون طاشق اوکوت چارینتی ایصسن یورت چарینتی* (он—слава), *گودمک* (гѳдмек—пасти), *قورومق* (сезмек—замѣтить) *سوزمک ایستک سوزگی قایغی طویغو* (корумак—охранять).

Хотя у Эминъ-бея попадаетъ много стиховъ, написанныхъ одними турецкими словами, однако все же небезынтересна статистика иностранныхъ элементовъ въ его словарномъ запасѣ: и въ немъ оказывается арабскихъ словъ 41, персидскихъ 29, (есть также словъ 6 или 7 греческихъ)²⁰⁾. И это лишь въ 9 стихотвореніяхъ, къ тому же написанныхъ съ явно народной тенденціей. Правда, нѣтъ турка, который не пойметъ словъ *غایت عقل* (или *باغچه آتش*) но любопытно видѣть, какъ пропитанъ османскій языкъ чужими словами, даже въ своихъ низшихъ слояхъ. Не даромъ турки давно уже разсматриваютъ эти реченія, какъ турецкія, т. е. какъ составляющія нераздѣльную часть ихъ языка.

По отношенію къ формѣ, интересное нововведеніе Эминъ-бей произвелъ и въ правописаніи. Звуки у, о, ѳ, ѳ, составляющіе главную трудность турецкаго чтенія, хотя бы они и были маркированы черезъ *و*, всѣ передаются у него особыми различительными точками и знаками²¹⁾.

Вообще у него преобладаетъ *scriptio plena*: *آتش چیللق, حانگی, قوردورور*, (вспомните), *قولوبه* и т. д.

Что касается чисто художественной стороны произведеній Эмина бея, то по временамъ ихъ можно, пожалуй, упрекнуть въ нѣкоторой прозаичности (ср. напр. № 1). Есть и нѣсколько приторный сентиментализмъ (ср. № 5). Но все это искупается теплотой чувства жалости (см. № 6, строфы 3 и 4), истиннаго патріотизма, энергіей стиха и силой одушевленія²²⁾. Нашъ авторъ не принадлежитъ къ поэтамъ, у которыхъ преобладаетъ воображе-

²⁰⁾ Изъ нихъ 5 географическихъ названій, а остальные: 1) *قولوبه* (греч. *Καλύβη* или *χαλύβη*, у Zenker ср. также перс. *کلبه*) и 2) *سنور* (синур, синоръ и сынур изъ греч. *σύνωρον*?—Zenker почему-то обозначаетъ это слово тюркскимъ. Сверхъ совершенно ясной этимологіи уже произношеніе *синор* съ *о* въ серединѣ слова выказываетъ несвойственную османскому языку фонетику. Такое произношеніе извѣстно въ Константинополѣ, но Эминъ-бей при помощи своихъ діакритическихъ знаковъ маркируетъ синур. Слова кулибе и синур отсутствуютъ у G. Meyer'a.

²¹⁾ Кстати: Эминъ-бей въ стихахъ придерживается, очевидно, вульгарнаго произношенія арабщины; такъ, слово *شعر* въ № 1 надо несомнѣнно читать въ 2 слога «шір», какъ это и естественно по законамъ османской фонетики.

²²⁾ Нѣсколько странно маркировано кулубе(а) *قولوبه* (хижина) вмѣсто обычнаго «кулибе». Въ письмѣ своемъ Эминъ-бей пишетъ: кулибе.

²³⁾ Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи № 2, о которомъ переводъ дастъ лишь слабое представленіе.

ніе, онъ скорѣе поэтъ воли, поэтъ гражданскихъ чувствъ, «съ сердцемъ, бьющимся передъ лицомъ бѣды, и съ парой глазъ, проливающихъ слезы передъ дверьми сиротъ», какъ онъ самъ о себѣ говоритъ. Но несправедливъ былъ бы упрекъ Эмину бею въ отсутствіи поэтического дара. Одинъ изъ главныхъ признаковъ послѣдняго—удачность сравненій—можно особенно констатировать въ его стихахъ; таково, напр., сравненіе чтимаго авторомъ Корана съ матерью, ласково зовущей несчастныхъ сиротъ, таково уподобленіе народа, переходящаго войною въ чужіе предѣлы—рѣкѣ, которая вздуваясь выходитъ изъ береговъ и т. д. Правда, слово «подобно» (کبی) не встрѣчается въ стихотвореніяхъ Эминъ-бея, но это не мѣшаетъ намъ отыскивать въ нихъ грамматически замаскированные сравненія. Въ этомъ сказывается обычная черта восточныхъ писателей. При живости воображенія предметъ сравниваемый и тотъ, съ которымъ онъ сравнивается, отождествляются. Такъ, и народная пѣсня говоритъ:

قرنل سین قزارک یوق
غنچه کل سین تیمارک یوق
بن سنی چوقدن سورم
سنک بندن خبرک یوق

[т.-е. Ты цвѣтокъ гвоздики—нѣтъ у тебя постоянства; ты бутонъ розы—нѣтъ за тобой (тепличнаго) ухода. Я люблю тебя давно ужъ, а ты объ этомъ не знаешь]. Здѣсь не сказано: «ты *подобна* цвѣтку», «ты *какъ* цвѣтокъ», а прямое отождествленіе замѣняетъ простое сравненіе.—Художественныхъ эпитетовъ у Эминъ-бея тоже есть достаточно.

Переходя къ детальному изложенію содержанія стихотвореній, мы можемъ подраздѣлить ихъ на 3 группы: къ первой относятся №№ 1 и 9, содержащіе личные взгляды автора на поэтическое творчество и его задачи; ихъ можно вкратцѣ формулировать, какъ желаніе приблизиться къ природѣ, вникнуть въ ея жизнь, передать всѣмъ понятныя простыя чувства простыхъ людей, чтобы изображеніемъ ихъ тронуть сердца всего народа.

Полнѣе выражены мнѣнія Эминъ-бея въ его письмѣ, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «моимъ желаніемъ было написать стихи для всѣхъ моихъ соотечественниковъ, въ жилахъ которыхъ течетъ та же кровь, что и у меня, которые говорятъ тѣмъ же языкомъ, что и я; подумать о тѣхъ, о которыхъ никто не думалъ столько вѣковъ, пожалѣть тѣхъ, кого никто не жалѣетъ, дать что-нибудь и тѣмъ, которые ничего не получили». Говоря о technikѣ стиха, авторъ объясняетъ, что поставилъ себѣ задачей добиться такой звучности и выразительности стиха, которая уже сама по себѣ указывала бы на то, о чемъ идетъ рѣчь, о «бушующемъ-ли ураганѣ, или о глухой, безмолвной (طورغون) ночи». Онъ говоритъ: «стихъ—это голосъ земли и неба, людей, ночей, волнъ, птицъ,—словомъ, всей жизни, всей природы; слѣдовательно, онъ самъ долженъ уподобляться всѣмъ этимъ предметамъ. Надо описывать смѣющуюся природу языкомъ цвѣтовъ (چیچکلر دیلیله), жизнь полную слезъ—стонами волнъ». Въ этой нѣсколько наивной *ars poetica* на восточный ладъ какъ бы слышится отголосокъ извѣстнаго ученія о لسان الحال (букв. «языкъ положенія», такъ сказать: нѣмой языкъ). Человѣкъ

одаренъ способностью членораздѣльной рѣчи, но и всѣ предметы одушевленные и неодушевленные, вся природа—имѣютъ возможность изъясняться символически, давать понять свой смыслъ, свои сокровенныя желанія. Наши прозаическіе, европейскіе языки также отчасти не чужды понятія о восточномъ لسان الحال. Такъ, когда мы говоримъ: «этотъ зеленый лугъ манитъ отдохнуть на немъ», мы употребляемъ какъ разъ то, подъ чѣмъ арабъ разумѣетъ «языкъ положенія» ²⁴⁾.

Однако перейдемъ къ указанной нами первой группѣ стихотвореній нашего автора. Вотъ они:

№ 1. Какихъ мы желаемъ стиховъ?

Что такое «Кѳр-Оглу» ²⁵⁾? Повѣсть, которую читаютъ во всѣхъ рабочихъ хатахъ, во всѣхъ грязныхъ лачугахъ тѣхъ сѣренскихъ деревушекъ, что виднѣются въ анатолійскихъ горахъ ²⁶⁾,

О томъ, какъ сирота далъ украсть свою козу, какъ у земледѣльца увели въ горы сына ²⁷⁾; повѣсть, рассказывающая о вещахъ, трогающихъ умъ (и сердце).

Что такое «Фатихъ» ²⁸⁾? Подъ стѣнами Стамбула, на Босфорѣ, за Старыми укрѣпленіями ²⁹⁾ прекрасно задуманное, хорошо прочувствованное

Стихотвореніе, записанное алой кровью воиновъ, которые пали на полѣ сраженія. Это—мечъ, привѣшенный внизу къ книгѣ; воздвигнутый въ комнатѣ золотой памятникъ.

²⁴⁾ Les oiseaux et les fleurs d'Azzeddin El-mocaddessi par T. Garcin de Tassy P. 1821 p. VIII—IX.

²⁵⁾ Извѣстная турецкая (собственно азербейджанская) народная повѣсть, переведенная Ходзько въ его Spec. of the Popular Poetry etc Lond. 1842, стр. 17—344. [Русскій переводъ: Кѳръ-Оглу, Восточный поэтъ-наѣзникъ, съ англ. С. С. Пеннъ, Тифлисъ 1856]. Она же издана по-османски Куношемъ въ VIII т. Радловскихъ «Образцовъ» стр. 1—27.

²⁶⁾ Переводимъ немного вольно. Въ подлинникѣ, деревни не очень поэтично называются چامورلره بورون «закутанныя въ грязь».

²⁷⁾ Кѳръ-Оглу, желая похитить и усюновить красавца Айваза, сына мясника, дѣлаетъ видъ, что онъ торговецъ баранами. Явившись къ отцу мальчика, онъ запродаетъ вновь пригнанныя, будто бы, стада и предлагаетъ принять ихъ за городомъ. Выѣхавши вмѣстѣ, Кѳръ-Оглу отсылаетъ мясника, чтобы онъ привезъ немедленно недостающую часть платы, а самъ оставшись съ Айвазомъ, схватываетъ его и увозитъ къ себѣ въ горы, въ знаменитый разбойничій пріютъ Чамлы-бель. Chodzko, стр. 41 и слѣд.; Радловъ VIII, стр. 4 и сл. Въ нашемъ стихотвореніи отецъ мальчика называется земледѣльцемъ (چقنجی), и упоминается коза какого-то сироты; эти подробности, повидимому, относятся къ другимъ вариантамъ повѣсти о Кѳръ-Оглу.

²⁸⁾ «Фатихъ» т. е. завоеватель, титулъ Мехеммеда II, взявшаго Константинополь. У Эминъ-бея разумѣется, несомнѣнно, также какое-то произведеніе народной поэзіи, къ сожалѣнію неизвѣстное намъ.

²⁹⁾ Анадолу и Румели Хисары—старыя укрѣпленія на противоположныхъ берегахъ Босфора. Одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ подъ Константинополемъ.

Мы желаемъ такихъ стиховъ, чтобы идущіе на пашню отцы, жнущіе на полѣ молодыя дѣвушки, женщины, занятые рубкой дровъ,—всѣ, слушая грустно,тирали бы слезы,—

Чтобы, склонивъ голову на раскрытую бѣлую грудь, они послушали, какъ бьется сердце о томъ, что имъ близко. Отчего же стучитъ это сердце? Что это за голосъ раздается? Пусть узнаютъ они!...

№ 9. Передъ лицомъ красоты и добра.

(Посвящается г. Зонаро).

Въ то время, какъ яркое солнце будетъ разсыпать свой свѣтъ
на голубое озеро,

Мы оба тихо, тихо
Выйдемъ на вершину высокихъ горъ.
Посмотримъ на лѣса, поля,
Послушаемъ, поговоримъ, подумаемъ, восхвалимъ!
А на лугу молодыя крестьянки,
Наполнивъ по́лы цвѣтами,
Будутъ усыпать ими нашъ тернистый путь.

* * *

О красота, о стихъ горъ и солнца!
Изъ-за тебя я брожу по вершинамъ и склонамъ.
Мнѣ хочется, чтобы все разступилось предо мной
И безъ утайки показало мнѣ тебя.
Если нѣкогда глаза мои
Ослѣпнутъ, то пусть я, проходя по этому перелѣску, услышу, какъ
Между листьевъ дикой розы
Скажутъ тебя соловьи.

* * *

А когда ночная птица ³⁰⁾ будетъ пѣть на камняхъ развалинъ,
Мы одни одиноконьки, загадавъ слова,
Пойдемъ къ очагамъ, огонь которыхъ погасъ ³¹⁾.
Разспросимъ сиротъ и несчастныхъ,
Пожалѣемъ, поплачемъ, приласкаемъ, полюбимъ,
Между тѣмъ какъ созвѣздія на небесахъ,
Проливая прямо на насъ свой свѣтъ,
Будутъ открывать передъ нами этотъ мрачный путь нашъ.

* * *

³⁰⁾ переводимъ *کجه قوشی* буквально, хотя это можетъ значить и „летучая мышь“. Впрочемъ подъ „пѣніемъ“ летучей мыши можно, пожалуй, понимать ея заунывный, писклявый крикъ, жалобно звучащій среди развалинъ.

³¹⁾ букв. — дымъ которыхъ уже не курится.

Добро! Ты надежда міра и челоуѣчества;
 Еслибъ каждый внималъ тебѣ и созерцалъ тебя хоть каплю,
 Ахъ, тогда исчезли бы эти заботы,
 И лились бы слезы умиленія;
 Тогда мой незадачливый стихъ ³²⁾,
 Слышалъ бы изъ каждаго гнѣзда другіе голоса,
 Считалъ бы себя счастливымъ всѣхъ.
 Добрый голосъ, гдѣ же ты?

Второй отдѣлъ составляютъ стихотворенія патріотическія.

Патріотизмъ опасная тема для поэта: это чувство вообще очень легко переходитъ въ реторику, нетерпимость и исключительность; но еще труднѣе удержаться отъ упомянутыхъ недостатковъ въ такой моментъ, какъ военное время, когда всѣ склонны болѣе, чѣмъ снисходительно, смотрѣть на всякія преувеличенія подобнаго рода. Поэтому мы не разъ должны воздать справедливость Эминь-бею, что онъ никогда не переступаетъ границу должнаго, и слухъ нашъ не оскорбляется грубостью чувства или мысли.

Возьмемъ, напримѣръ, № 3.

№ 3. Переходя греческую границу (1897).

Красивѣйшее лицо для насъ не красиво: — мы хотимъ видѣть
 турецкое лицо.
 Лучшее сердце ³³⁾ для насъ не хорошо: — намъ нужно турецкое
 сердце.
 Слыша слово «турокъ», мы радостно восклицаемъ: «нашъ на-
 родъ!» ³⁴⁾
 Мы—турки; съ этимъ именемъ и кровью мы живемъ.

* * *

Это слово—колыбельная пѣсня, убаюкивающая насъ сегодня ³⁵⁾.
 Оно—уста, сегодня снова дающія намъ совѣтъ.
 Нашъ народъ былъ ребенкомъ: отъ словъ: «мы—турки!» онъ выросъ.
 Мы—турки и бѣжимъ на враговъ съ обнаженнымъ мечомъ.

* * *

³²⁾ بختی قره «съ чернымъ счастьемъ».

³³⁾ اوز—соб. сущность, характеръ, эссенція. Думаемъ, что не дѣлаемъ большой ошибки, замѣняя все это сердцемъ, какъ предполагаемымъ центромъ жизни и челоуѣка.

³⁴⁾ На необходимость такого перевода указываетъ то, что въ текстѣ стоитъ ملتزمی а не القشلازلز

³⁵⁾ Въ текстѣ странное سگودی. Здѣсь трудно придумать значеніе для «сѹют»—ива. Скорѣе уже предположить «сѹют»—молчаніе, молчи! болѣе подходящее къ стилю колыбельной пѣсни (вмѣсто صوص), но тогда какъ объяснить переходъ ت въ د въ винит. падежѣ а р а б. слова. Какъ вульгарную форму? ك вмѣсто ожидаемаго ك, конечно, можетъ быть и опечаткой.

Гдѣ турокъ, который позволить надѣтъ себѣ на шею веревку и
арканъ?
Гдѣ турокъ, который допустить придѣлать колокольню къ своей
мечети?
Народъ нашъ не можетъ быть рабомъ! Кто останется на мѣстѣ
въ такой день?
Мы—турки; вздуваясь, какъ Кызыл-Ирмакъ, мы выливаемся изъ
береговъ!

Развѣ есть здѣсь намекъ на презрѣніе къ врагу, или признакъ жестокости, которой мы, пожалуй, и ждали бы отъ турка? Воспоминаніе о нашихъ образованныхъ и гуманныхъ славянофилахъ, которые, однако, не могли удержаться на разныхъ патріотическихъ обѣдахъ отъ того, чтобы не заявить, какъ они желали бы «упиться кровью нѣмцевъ и мадяровъ»³⁶⁾—еще болѣе располагаетъ насъ въ пользу Эминъ-бея.

Прежде всего Эминъ-бей воспѣваетъ мужество, безстрашіе,—качества, которыя всегда были присущи туркамъ. Возвеличенію, главнымъ образомъ, этой національной доблести посвящено слѣдующее произведеніе нашего автора.

№ 4. Послѣ водруженія (турецкаго) знамени на крѣпости Трикала³⁷⁾.

Эти страны и земли были обиталищемъ нашихъ предковъ.
Вотъ снова мы зажгли сегодня старый, потухшій свѣточъ.
Мы также водрузили на этой крѣпости знамя Высокаго Государства.
О храбрые джигиты³⁸⁾! Пойдемъ испить воды въ Аѳинахъ³⁹⁾!
На этихъ горахъ и склонахъ⁴⁰⁾ мы соревновали съ тѣми, кого
уже нѣтъ⁴¹⁾.
Мы столкнулись со врагами, привѣтствуя ихъ залпомъ⁴²⁾.
Мы пролили кровь, мы получили раны, мы потрудились для государства,—
О храбрые джигиты! Кто смѣльчакъ и кто трусъ? Разберемъ!

³⁶⁾ В. Д. Смирновъ. Аксаковы, стр. 10.

³⁷⁾ *ترجالة قلعه سی*—Греческая крѣпость Трикала недалеко отъ Фессалійской границы.

³⁸⁾ Въ подлинникѣ *يكتيلر قوچ*—т. е. бараны - джигиты. Баранъ по восточнымъ понятіямъ является символомъ мужества, которое онъ проявляетъ во время бараньихъ боевъ. См. Chodzko—Spec. of the Popular Poetry. Lond. 1842, стр. 77, примѣч. 2. Буквальный переводъ неудобенъ, въ силу совершенно особыхъ европейскихъ ассоціацій.

³⁹⁾ параллель: «испить шоломомъ Дону».

⁴⁰⁾ *دل* inclinaison au sommet de la chaîne de montagnes (qui forme deux vallées l'une vis-à-vis l'autre)—N. Hilmi, Dict. de poche Ott.-Turc. Const. 1887 (Apraham) стр. 230.

⁴¹⁾ т. е. состязались со своими предками, желая выказать болѣе ихъ мужества.

⁴²⁾ *يايلم* значить букв. «салютъ».

Какъ счастливъ тотъ, кто заставитъ записатьъ въ исторію уда-
лецкое имя!

Какъ счастливъ тотъ, кто заставитъ сердца выкопать могилу
ему—герою!

Какъ счастливъ тотъ, кто прибавитъ величія этому государству!
О, храбрые джигиты! Покроемъ себя славой! Пренебрежемъ
жизнью!

Лучшимъ стихотвореніемъ Эминь-бея является № 2, гдѣ сильнымъ, мужественнымъ языкомъ прекрасно выражены чувства истинной любви къ родинѣ, какъ ее можетъ чувствовать простолюдинъ, привязанный всѣмъ сердцемъ къ своей землѣ, деревнѣ, вѣрѣ.

№ 2. Голосъ изъ Анатоліи или „Я иду на войну“.

Турокъ я, мой родъ и вѣра высоки;
Грудь, все существо мое полны огнемъ;
Человѣкъ—рабъ своей родины;
Рожденный туркомъ не останется дома. Я иду!

* * *

Я не дамъ уничтожить книгу Создателя;
Я не дамъ отнять знамя Османа;
Я не пушу врага вторгнуться въ мое отечество;
Домъ Всевышняго ⁴³⁾ не запустѣетъ. Я иду!

* * *

Эта земля—очагъ моихъ предковъ;
Мой домъ, деревня—лишь одинъ уголокъ этой страны;
Вотъ родина, а вотъ лоно Божіе;—
Сынъ не находитъ жилища предковъ? ⁴⁴⁾—Я иду!

* * *

Господь свидѣтель, я постою на своемъ словѣ;
Въ сердцѣ моемъ (живетъ) любовь къ моему народу;
Въ глазахъ моихъ, кромѣ родины, нѣтъ ничего.
Врагъ не возьметъ пристанища моихъ друзей. Я иду!

* * *

Бѣлой рубашкой я утру слезы;
Чернымъ камнемъ наточу свой ножъ;

⁴³⁾ По толкованію Dr. Ризы Тевфика (стр. 71), подъ этимъ разумѣется родина.

⁴⁴⁾ Смыслъ этого нѣсколько темнаго стиха быть можетъ и таковъ, что истинный турокъ, видя лоно Божіе, раскрытымъ, чтобы принять героя, не можетъ отъ волненія и восторга найти свой домъ и прямо оттуда, гдѣ онъ находился, спѣшить на войну.

Ради отечества я ищу трудовъ ⁴⁵⁾.

Вѣдь въ этомъ мірѣ (все равно) никто не остается ⁴⁶⁾. Я иду!

Въ ту же группу можно отнести и стихотвореніе № 8, касающееся Корана. Смысль Мохаммедова ученія Эминъ-бей старается истолковать въ самомъ гуманномъ смыслѣ. Его трогаютъ тѣ заповѣди милосердія, состраданія къ сиротамъ и бѣднякамъ, которыя онъ тамъ находитъ. Онъ особенно цѣнитъ свободу мысли, которую, по его мнѣнію, допускаетъ Коранъ, приказывающій «подумать, прежде чѣмъ повѣрить».

Вотъ буквальный переводъ стихотворенія.

№ 8.

Коранъ Милостивый.

Вотъ книга, поучающая человѣка о его внутреннемъ и внѣш-
немъ мірѣ.

Заставляющая на небѣ и на землѣ, въ тѣлѣ и въ душѣ усмот-
рѣть нѣкоего Творца ⁴⁷⁾.

. ⁴⁸⁾.

Вотъ книга, дающая человѣку его «я»; открывающая дорогу
(истины);

Побуждающая украшать подарками-приношеніями выставку че-
ловѣчности;

Она—свѣточъ, озаряющій свѣтомъ и палатки, и дворцы,

Она заставляетъ запечатлѣвать на страницахъ исторіи дѣла
простого крестьянина.

Вотъ книга, возвращающая сердца добромъ.

Она говоритъ: «въ чужой садъ не входи» ⁴⁹⁾; она приказываетъ
перевязывать раны друга.

Она — мать ⁵⁰⁾, которая подзываетъ каждаго сироту словами:
«Дитя мое!»,

Которая дѣлаетъ братьями столько душъ, заставляя ихъ плакать
другъ о другѣ.

Вотъ книга, побуждающая у мѣ разспрашивать обо всемъ,

⁴⁵⁾ يوجهلری собств. высоты, а затѣмъ—трудности и т. д.

⁴⁶⁾ Своего рода ورد زبان турецкихъ поэтовъ. Такъ, напри-
м., Сами-паша въ своемъ دنیاده قالمز هیچ کس الله بس باقی هوسل говоритъ کتابه سنک مزار

⁴⁷⁾ Въ текстѣ بریارادان سزديرن (sic).

⁴⁸⁾ 2 стиха пропущены и въ подлинникѣ.

⁴⁹⁾ ایل باغنه کیرمه. Намъ не удалось найти подходящаго мѣста въ Коранѣ.

⁵⁰⁾ Отголосокъ арабскаго أم الكتاب, о толкованіи котораго см. Gibb, I, 339.

Говорящая: «Подумай, а потомъ повѣрь»⁵¹⁾, указывающая правый путь.

Она—знаніе, научающее возводить зданія возвышеннаго.

Отъ нея зеленѣютъ горы, и становятся радостными заброшенныя деревни.

Братья! Не бросайте моего маленькаго подарка:

Онъ—бутонъ, ожившій въ саду Мохаммеда.

Смотрите, не смѣшивайте его съ букетомъ поддѣльныхъ цвѣтовъ:

Вѣдь онъ данъ для того, чтобы открыть вамъ вась самихъ.

Третій разрядъ произведеній нашего автора составляютъ картины жертвъ войны. Вотъ передъ нами солдатъ, умирающій на полѣ битвы. Какъ и подобаетъ мусульманину, изъ устъ его не вырывается жалобъ, вѣдь онъ палъ за вѣру и государство⁵²⁾, онъ—шехидъ, котораго Богъ сейчасъ приметъ на Свое лоно. Онъ даже уговариваетъ мать и невѣсту примириться съ необходимостью жертвъ для родины:

№ 5. Герой⁵³⁾, или Сердце Османа.

О, милая деревня! Не разрушайся и не старѣйся,
Пока въ твоихъ горахъ растутъ свѣжія травы и красныя розы.
Вы, пастухи! вспоминайте меня на берегу кипучихъ водъ,
Когда средь листвы поютъ молодыя птички.
О, яркая луна! Лей свой свѣтъ въ глаза путниковъ
Тамъ, гдѣ злая ночь скрыла мою могилу.
Путники! спросите про мужество моего народа⁵⁴⁾
Даже въ тотъ день, когда землетрясеніе сравняетъ мой надгроб-
ный холмъ.

Замолкни ты, турецкая дѣвушка и ты, мать! Разума у тебя нѣтъ,
что ли?

⁵¹⁾ *دوشون صکره اینان* Подобнаго выраженія въ Коранѣ не знаютъ мусульмане, къ которымъ мы обращались. Быть можетъ, здѣсь разумѣется: Сура II, 221, гдѣ про Бога говорится, что онъ *وَيَبَيِّنُ آيَاتِهِ لِلنَّاسِ لَعَلَّهُمْ يَتَذَكَّرُونَ* т.-е. «Богъ объясняетъ свои знаменія (стихи Корана) людямъ, чтобы они поразмыслили». (Да и этотъ переводъ — нагрузка. Данный стихъ Корана значить: «Богъ открываетъ людямъ свой Коранъ въ надеждѣ, что они опомнятся и раскаются». — *Примѣч. ред.*). Съ другой стороны, конечно можно указать мѣста совершенно противоположнаго смысла, гдѣ сомнѣнія угрожаются вѣчнымъ огнемъ; ср. V, 101; II, 142. Др. Риза-Тевфикъ толкуетъ стихъ такимъ образомъ: Коранъ *جبر ایتمدی اینانلر قناعت وجدان ايله اینانديلر*. Въ концѣ концовъ, все же приходится понимать слова автора *sim grano salis*. Соглашаться можно лишь съ общезвѣстной трезвостью, практичностью Корана, не требующаго большого напряженія вѣры. Эти-то свойства заставили В. Соловьева сравнить его съ здоровымъ „молокомъ“ въ противоположность вину высшей духовности христіанства и меду языческой чувственности.

⁵²⁾ При этомъ книга пріятно поражаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ раболѣпничанія передъ султаномъ, столь обычнаго у турокъ. Его имя даже ни разу не упоминается.

⁵³⁾ *شهید* — воинъ, павшій на полѣ битвы.

⁵⁴⁾ Соб. *ملتکم اوزینه* значить: про душу, про сущность.

Ты принесла въ жертву своего сына, свой бутонъ — развѣ это
такъ много?

Вѣдь изъ-за отечества на всѣхъ⁵⁵⁾ нагрянула забота.
Народъ турецкій! Родина! ты выше всѣхъ другихъ странъ.
Ты полна старыми, молодыми, сладкими и печальными голосами!
Пусть для тебя будутъ принесены въ жертву любовь, молодость,
страсть и здоровье.

Если кто страдаетъ отъ войны, такъ это жены, оставшіяся съ дѣтьми
послѣ смерти убитаго въ сраженіи мужа. Интересна мусульманская чер-
точка въ изображеніи авторомъ одной изъ такихъ вдовъ. Она не жалуется
на Бога и судьбу⁵⁶⁾: съ «кысметомъ» надо примириться; ей лишь больно
видѣть безчувствіе людей, на помощь которыхъ ей даетъ право надѣяться
ея религія:

№ 7. Ахъ, материнство! или Молитва Зейнебъ.

Дитячко мое!... Замерзнешь ты! Пойди, прижми свои руки къ
моей груди.

Быть можетъ, огонь, горящій въ моемъ сердцѣ, согрѣетъ тебя.
Братцы!.. Не слышать ничего. Ахъ, нѣтъ ни отъ кого надежды...
Снѣгъ идетъ, буря⁵⁷⁾ (злится, а я выхожу)... Дорогу скрыли обвалы.
Ты, снѣжная гора, не отрѣзай мнѣ пути. Дай мнѣ охапку⁵⁸⁾
дровъ:

Вѣдь ребенокъ мой смотритъ на дорогу, сидя въ моей холодной,
опустѣлой избѣ.

Морозный снѣгъ не даетъ мнѣ говорить... ухъ, какъ онъ жжетъ
мнѣ лицо!

Дорога не извѣстна. Не знаю я, не пропасть ли скрывается подъ
этимъ ровнымъ мѣстомъ.

О, Боже мой! не заботятся люди о другихъ!
Передо мной снѣжныя горы; пропасти безчувственно (молчатъ).
О, сохрани меня! Не дай сироту въ обиду птицамъ и волкамъ⁵⁹⁾.
Если эти люди не знаютъ, что значитъ жалѣть,

⁵⁵⁾ هرکسک یاننه можно объяснить пропускомъ کسک или آدمک т. е. هرکسک یاننه (или просто هرک یاننه.—Ped.).

⁵⁶⁾ Ср. Chodzko, Gram. de la langue persane, P. 1883, p. 218. „Par un respect sincèrement profond pour la divinité, les Persans n'accusent jamais Dieu de ce qui leur arrive de malheureux. Le destin est aussi une chose sacrée; mais on s'en plaint parfois, tout en reconnaissant qu'il est irrévocable et préexistant antérieurement à la naissance de ceux qu'il frappe“.

⁵⁷⁾ Интересно простонародное فیروطنه вмѣсто ожидаемаго فورطونه изъ fortuna, fortune G. Meyer, Türkische Studien стр. 53.

⁵⁸⁾ Собс. топку او جاقلق, т. е. сколько войдетъ въ печку, или сколько нужно, чтобы ее протопить.

⁵⁹⁾ Соб. не дай съѣсть волку и птицѣ права сироты. حق یمک обычное выраженіе= обижать.

Если они не утрутъ слезъ сиротамъ,
Прекрати родъ мой и не давай намъ-людямъ⁶⁰⁾ дѣтей на этой землѣ.

Страдаетъ и мальчикъ-сиротка, который съ дѣтской тоской ждетъ возвращенія своего отца. Посвященное ему авторомъ стихотвореніе, дѣйствительно, очень милая идиллія, какъ его называетъ одинъ изъ корреспондентовъ Эминь-бея, Dr. Риза-Тевфикъ:

№ 6. Сирота, или Забота Ахмеда.

1. Рядомъ съ кучкой наломанныхъ вѣтокъ, тамъ, гдѣ, во-кругъ подножья прохладной горы, отдѣляющей запускъную деревню отъ пастбища, вьется берегъ рѣки, томящейся по розовымъ и зеленымъ тѣнямъ,

2. Въ то время, какъ красное солнце разликаетъ по вершинамъ свой послѣдній свѣтъ, и тьма и непріютность⁶¹⁾ окутываютъ долины:—тамъ, вечеромъ, въ самое тяжкое время на землѣ⁶²⁾,

3. Мальчикъ лѣтъ десяти, со склоненной головой и сокрушеннымъ сердцемъ,—бѣдный ребенокъ, одѣтый въ лохмотья и босоногій,—стоитъ и ждетъ кого-то, устремивъ глаза на дорогу.

4. Онъ крѣпко, крѣпко жметъ къ своей маленькой груди яблоки, которыя онъ еще во время молотбы сорвалъ въ саду у дяди и сберегъ, а теперь снова досталъ изъ-подъ соломы.

5. Лишь увидитъ онъ издали на дорогѣ прямо передъ собой черное пятно, когда какой-нибудь молодой работникъ возвращается съ поля,—онъ бѣжитъ, радостно повторяя: «вотъ онъ, вотъ онъ!».

6. Если пастухъ, пася своихъ козъ и овецъ, приблизится, спустившись съ горы, мальчикъ подходитъ къ нему и, рыдая, говоритъ голосомъ, трогаящимъ сердце:

7. «Сильно соскучился⁶³⁾ я безъ моего льва, молодца-тяти. Сильно томился я по немъ. Ужъ день потемнѣлъ, а я все смотрю

⁶⁰⁾ Соб.: не заставляй эту землю принести отъ насъ дѣтей بوطوپراغه بزدن اولاد کتیرتمة.

⁶¹⁾ غریبانه можетъ означать здѣсь и непріютность и причудливость, причудливая тѣни.

⁶²⁾ Это, конечно, можетъ грамматически относиться ко времени дня, но не понятно, почему вечеръ самая тяжкая часть дня. Не лучше ли видѣть здѣсь намекъ на войну?

⁶³⁾ Данный нами переводъ — чисто предположительный. Слова: بابای پک غریبانه — для насъ очень неясны. Предположить глаголъ غریبانه со значеніемъ: быть чужакомъ, быть лишены кого, скучать безъ (хотя образовательный суффиксъ «се» извѣстенъ въ османскомъ, напр. کولسه مک) кажется прямо невозможнымъ, въ виду того, что его не даетъ ни одинъ словарь. Что касается условно-уступительной связи, то она не даетъ удовлетворительнаго смысла; мы ждали бы скорѣе уже причинной: «потому то и томился по отцу, что былъ отъ него далеко».

на дорогу. Придетъ ли мой тятя? Не видалъ ли ты его гдѣ-нибудь?

8. «Въ нашу деревню возвращаются многіе, что отбыли солдатчину, а онъ ушелъ еще въ тотъ мѣсяцъ, когда цѣнты распускались, и до сихъ поръ объ немъ нѣтъ вѣсти. Что съ моимъ тятей случилось? Не спрашивалъ ты путниковъ?»...

Мы сдѣлали обзоръ всѣмъ произведеніямъ нашего автора, столь непохожимъ на обширные «диваны» прежнихъ турецкихъ писателей, и могли бы покончить на этомъ, но, какъ мы уже сказали, къ книгѣ приложены письма разныхъ турецкихъ знаменитостей, высказывающихъ свое мнѣніе о стихахъ Эминъ-бея, и мы думаемъ, что не лишено будетъ извѣстнаго интереса ознакомиться со взглядами ихъ на новое направленіе.

Начнемъ съ письма доктора Ризы Тевфика. Первая половина его занята восхваленіемъ стихотворенія «Коранъ», причемъ высказываются различныя мысли о выполненной исламомъ культурной миссіи, не безъ попытокъ цитировать имена европейскихъ ученыхъ. Далѣе говорится о стихотвореніи «Голосъ изъ Анатоліи», которое докторъ, самъ бывшій на войнѣ, читалъ неоднократно раненымъ, и о томъ, какое глубокое впечатлѣніе оно на нихъ производило. Для насъ интереснѣе вторая половина письма, затрагивающая и общіе вопросы. Мы полагаемъ, что на насъ не постѣнутъ, если мы приведемъ изъ него длинный отрывокъ. Быть можетъ, многое въ немъ покажется избыткомъ и скучноватымъ, но намъ кажется, что уже самая манера образованнаго турка разсуждать о литературѣ довольно интересна.

— «Нельзя не отнестись съ похвалой къ Вашему искусству. Всѣ мы знаемъ эти переходившія изъ рода въ родъ турецкія слова и выраженія, однако мнѣ не извѣстенъ ни одинъ поэтъ изъ современныхъ, который бы употреблялъ ихъ съ такой высотой замысла и умѣлъ бы находить такіе прекрасные образы, какъ Вы. Есть у насъ много силлабическихъ стиховъ, есть и красивые среди нихъ, однако не всѣ они написаны дѣйствительно по-турецки. Я уже объяснялъ, насколько мнѣ доступно, тѣ объективныя причины и лично Ваши свойства, благодаря которымъ произведенія Ваши выдѣляются изъ всѣхъ подобныхъ имъ, по внутреннему содержанію (معنی) и по искусству стиха.

«Переходя къ технической сторонѣ, надо поздравить Васъ съ тою успѣшностью, съ какой Вы владѣете перомъ. Оказывается, и силлабически можно было написать очень красивые, возвышенные и изящные стихи.

«Вамъ извѣстно, что за послѣдніе два года въ литературномъ мірѣ вновь былъ поднятъ и оживился старый, но важный вопросъ объ упрощеніи османскаго языка (لسانك ساده‌لشدیرلسی). Пресса наполнилась спорами по различнымъ вопросамъ, вродѣ напр. вопроса объ освобожденіи османскихъ стиховъ отъ метра (وزندن فورتلرلسی). Частенько стали раздаваться голоса, которые говорили: «Силлабическое стихосложеніе—и весьма естественно, и свойственно нашему языку. Мы должны принять его. Метръ есть ничто иное, какъ вредныя оковы. Къ чему также такое рабство въ римахъ (قافیہ)»

پرستلك) Во всемъ этомъ кроется главное препятствіе развитію нашей литературы. Въ сущности, развѣ таковы были стихи нашихъ предковъ? Это арабско-персидское подражаніе». Среди подобныхъ, отчасти весьма справедливыхъ жалобъ попадались и высказывавшіяся съ большимъ жаромъ и малыми знаніями заявленія, что, дескать, «языкъ нашъ турецкій. Къ чему намъ теперь настойчиво стараться употреблять арабскія и персидскія слова? ⁶⁴⁾ Выбросимъ ихъ изъ нашего языка! Уничтожимъ иностранныя конструкціи (تركيبلى)!» Наконецъ, въ прессѣ стали находить отраженіе необыкновенныя мысли, хотя впрочемъ, онѣ врядъ-ли могли быть окружены блестящимъ ореоломъ во всѣхъ умахъ: именно, что надо османскую поэзію исправить:— лишивъ ее метра и рѣзны, сдѣлать неопредѣленнымъ и число слоговъ ⁶⁵⁾.

«Въ отвѣтъ на это, другая партія литераторовъ, по своему авторитету несомнѣнно превосходившая всѣ остальные, говорила, что «стиха безъ метра такъ же не можетъ быть, какъ горъ безъ луговъ (طاغیرچمنسز). И то и другое принадлежать къ числу неизбѣжно необходимыхъ вещей (لازم ملزوم). Метръ — музыка стиха. Музыка, это стихъ въ формѣ мелодіи, а стихъ — музыка, переложенная въ развѣренныя слова. Метръ не является черезчуръ докучными и надоедливыми путями; нужно лишь потрудиться немного, чтобы ознакомиться съ правилами метрики, и нѣсколько поупражняться въ писаніи».

«Я болѣе или менѣе внимательно слѣдилъ за этими спорами и пререканіями, и вотъ однажды, въ непринужденной бесѣдѣ относительно силлабическаго и метрическаго стихосложенія съ однимъ лицомъ, всю жизнь свою посвятившимъ служенію османской литературѣ, — человѣкомъ, сужденія котораго по этимъ вопросамъ заслуживаютъ полнаго вниманія, а знанія — совершеннаго довѣрія, — я выразилъ желаніе услышать краткое изложеніе его взгляда, на что и удостоился получить слѣдующій отвѣтъ: «силлабически можно сочинять небольшія стихотворенія, шарки и т. д. Они-то хорошо

⁶⁴⁾ Къ такимъ, казалось бы, совершенно справедливымъ требованіямъ, Дг. Риза Тевфикъ, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, относится скептически, такъ-какъ, дѣйствительно, „какими турецкими реченіями можно было-бы замѣнить арабскія *адамъ, дюня, лава* и др.? Настоящія турецкія выраженія этихъ понятій давно уже лежатъ въ могилѣ забвенія“, и пришлось бы ихъ учить, тогда какъ указанныя слова всякому простолюдину хорошо извѣстны и правильно разсматриваются турками, какъ составляющія нераздѣльную часть османскаго языка и подчиняющіяся правиламъ ея грамматики. Фой въ 5 строкахъ изданныхъ Куношемъ простонародныхъ сказокъ насчиталъ 21 иностранное слово. Ср. выше нашъ подсчетъ по отношенію къ стихамъ Э.-Б. См. K. Foy, Purismus bei den Osmanen, въ Mittheil. des Seminar. f. O. S. zu Berlin, 1898, II Abtheilung. Также: Vambéry, Die alt osmanische Sp., 33-4: „...die heute bei den Osmanen herrschende Ansicht, dass die Lehnwörter schon Bürgerrecht erhalten haben und im Osmanischen nicht mehr als Fremdlinge zu betrachten sind“.

⁶⁵⁾ Дг. Риза, повидимому, позабываетъ, что стихотвореніе № 9 Эминь-бея относится, какъ разъ, къ этой категоріи, но что это не мѣшаетъ ему быть звучнымъ и гармоничнымъ. Но на кого справедливо слѣдуетъ направить гнѣвъ, такъ это на турецкихъ декадентовъ... Увы, есть и такіе! Ихъ безсвязныя вирши безъ рѣзны и ритма, воспѣвающія какія-нибудь „трепетанія“ свѣта, не рѣдко красуются на страницахъ стамбульскихъ журналовъ, вродѣ *جموعه ادبیات*.

удаются. Но писать крупныя поэмы, съ высокимъ содержаніемъ, при настоящемъ положеніи нашего языка — не возможно. Составныя прилагательныя (وصف ترکیبی) и изафеты являются большою помѣхой, такъ что безъ метра въ этомъ случаѣ обойтись нельзя».

«И въ самомъ дѣлѣ, въ сужденіи этомъ есть, хотя и не абсолютная, но, по крайней мѣрѣ, относительная правда. Дѣйствительно, возьмемъ слѣдующіе Ваши стихи:

ای کوزل کوی ویران اولاً صاقین شوکنج یاشکده
طاغار کده تازه اوتلر پنجه کوللر بیتکر
ای چوبانلر بنی آکک جوشغون صولر باشنده
یاپراقلرک آراسنده یاوری بر قوش اوتکر

«Этотъ поэтическій отрывокъ, представляющій собой одну изъ прелестныхъ идиллій, конечно, выигрываетъ отъ того, что онъ безъ метра.

«Несомнѣнно, что отъ метра потерялъ бы часть своей меланхолической страстности (سودا) и слѣдующій стихъ неизвѣстнаго сочинителя:

آنشم یانمه دن دومانم توتر
ویران باغچه لرده بلبلر اوتر

[т.-е. огонь (моей страсти) не догорѣлъ, но дымъ уже клубится; въ запустѣлыхъ садахъ, (все еще) поютъ соловьи]*).

«Крайне проста слѣдующая кыта:

باش اورتوکى بر طرفه آتمشسين
صاچلرکى بر برينه قاتمшسين
نيچون بويله چمنلرده ياتمشسين
کونش طوغدى ارتق او يان سوديکم

[т.-е. ты сбросила въ сторону покрывало, ты спутала свои волосы; зачѣмъ улеглась ты такъ на лугу? Солнце взошло. Проснись же, милая!]

«Она—проста, но кокетлива и сладкозвучна, и хотя съ точки зрѣнія изысканности выраженій (احتشام افاده) она не выдержитъ сравненія со всячески изукрашенными [«съ тюлемъ въ рукѣ, съ розой на головѣ» (النده تول باشنده کل)] аристократическими стихотвореніями, однако можно-ли сказать, что она ниже ихъ, по искусству изображенія, по силѣ производимаго впечатлѣнія и наконецъ по эстетичности? Я лично этого не думаю.

«Я люблю стихи всякаго рода, если только они красивы. И не за то люблю ихъ, что они съ метромъ или нѣтъ, написаны изысканнымъ слогомъ или нѣтъ, а за то, что они прекрасны въ своихъ собственныхъ границахъ.

«Все это вѣрно, съ этимъ заранѣе всѣ согласны. Однако возражали, что родъ писаній, образцы котораго мы привели, удобенъ при изображеніи картинъ конкретныхъ (مناظر), а для стиховъ съ высокимъ, философ-

*) Кажется, что возможенъ другой переводъ: „Хотя огонь моей страсти еще не разгорѣлся, но дымъ ужъ клубится; хотя сады еще пусты (и розы не разцвѣли), но ужъ запѣли соловьи“.—*Red.*

скимъ смысломъ онъ, будто бы, не достаточенъ на томъ основаніи, что составные прилагательныя и изафеты являются тому препятствіемъ.

«Я всегда считалъ совершенно ошибочнымъ то, чтобы эти *отчасти* вѣрныя замѣчанія высказывались въ видѣ абсолютной истины, и у меня въ умѣ были наготовѣ достаточно сильныя доказательства, чтобы убѣдить кого угодно. Я и раньше вѣрилъ, что искусство есть чисто личный даръ ⁶⁶⁾. Однако, у меня въ этихъ вопросахъ не было все же достаточнаго количества подтвердительныхъ фактовъ, и я лишь утѣшался надеждою, что нѣкогда придетъ день, и въ этомъ родѣ будутъ написаны высокія произведенія. Вы осуществили мою надежду и укрѣпили мое мнѣніе. Вы показали, что вещь, которую многіе считали неисполнимой, была въ предѣлахъ возможности. И вотъ сочиненія ваши вмѣсто того, чтобы оказаться неудачными, вышли прекрасными, потому-что вы вложили въ нихъ серьезное содержаніе (مسلك حکمت) и не сочли удобнымъ украсить ихъ разными «составными прилагательными».

«Правду сказать, я и не знаю, какое изъ 4 логическихъ отношеній (منطقه نسب اربعه) существуетъ между метромъ и сложными прилагательными и изафетами; однако, каково бы оно ни было, мнѣ извѣстно лишь, что между силлабическимъ стихосложеніемъ и Вашимъ простымъ и, въ то же время, высокимъ способомъ изложенія связь есть, да еще какая!

— «Силлабически писать нельзя». — «Нѣтъ, можно». — «Не только можно, но и должно». «Нѣтъ не должно», — такими спорами были одно время полны столбцы газетъ и брошюръ, но Вашъ подписи еще нигдѣ не было видно. Однако опубликованіе литературныхъ произведеній гораздо больше убѣждаетъ, чѣмъ ненужные разговоры. Вы такъ и сдѣлали.

«Изъ всѣхъ моихъ разсужденій слѣдуетъ впрочемъ понять, что я заодно безъ всякихъ ограниченій лишь съ тѣми, кто настаиваетъ на необходимости созданія національной поэзіи (شعر ملی); я желалъ сказать, что такого рода поэзія должна писаться силлабически, — по мѣрѣ возможности — по-турецки и избѣгая иностранныхъ конструкцій. Съ другой стороны, я не противъ и аристократической поэзіи, будь она классическая, романтическая или символическая; въ техническихъ вопросахъ нельзя высказывать абсолютныхъ сужденій. Мастера метрики дѣлаютъ чудеса. Служать-ли, вообще, метръ и рима препятствіемъ къ тому, чтобы сочинить хорошіе стихи? Ну, это смотря по сочинителю!....

«Къаани Ширазскій, этотъ, по моему мнѣнію, Нефъи нашего вѣка, для созданія своихъ перловъ пользовался метромъ и римой, считая средствомъ къ обнаруженію своего искусства тѣ докучныя правила, которыя такъ плохо уживаются съ перомъ у столькихъ поэтовъ.

«Напримѣръ: بکردون نیره ابری بامدادان بر شد از دریا
جواهر خیز و کوهویز و کوه سازو کوه رزا
زیبس لاله زبس نسرين دمن رنگین چمن مشکین
زبوی آن زرنک این هوا دلکش زمین زیبا

⁶⁶⁾ (Т.-е. не зависящій отъ того, въ какихъ рамкахъ оно примѣняется).

[т.-е. Утромъ поднялось съ моря къ небу темное облако, рождающее перлы, подымающее, нанизывающее и сыплющее ихъ, и отъ тюльпановъ и розъ расцвѣло поле, и запахъ мускусомъ лугъ. Отъ благоуханій и красокъ сталъ воздухъ прелестнымъ и земля прекрасной].

«Есть-ли въ этомъ стихотвореніи хотъ одинъ пропускъ въ ритмѣ, недостатокъ въ риѣмѣ? А если бы и былъ, то развѣ причиной ему непремѣнно оказалась бы метрическая форма? Если уже непремѣнно метрическая форма, отчего же среди метрической поэзіи могутъ быть такіе возвышенные и глубокіе стихи, какъ хотя бы та элегія Абуль-Аля, которая начинается строфой:

غَيْرَ مُجَدِّدٍ فِي مِلَّتِي وَعِثْقَادِي
تَوْجَّحَ بَايَ وَلَا تَرْتَمَ شَاد

[т.-е. Нѣтъ пользы по моей вѣрѣ и убѣжденію отъ рыданій плачущаго и напѣвовъ поющаго].

«Далѣе—прочія произведенія того же автора, философское стихотвореніе Хаканія Ширванскаго,

هان ای دل عبرت بین

наконецъ сочиненія Са'дія и другихъ истинныхъ поэтовъ, каждое слово произведеній которыхъ подобно драгоценному камню.

«Я хочу знать, какъ же поступали эти люди, чтобы создать такія вещи, если этотъ способъ изложенія такъ труденъ. Какъ это Кайни именно имъ-то писалъ касыды сотнями? Я хочу знать, почему мнѣ пріятно слушать эти стихотворенія, если они плохо звучатъ? Мнѣ это не извѣстно, но зато я убѣжденъ, что требуется извѣстная подготовленность, чтобы быть поэтомъ; что надо имѣть способности, чтобы писать. Мастера создаютъ высочайшіе образцы, да еще съ какой легкостью! Не только быть противъ риѣмы и метра, но вообще вдаваться во всякія крайности значить слишкомъ уклоняться отъ той умѣренности, которая является точкой зрѣнія, опирающейся на вѣсы истины.

«Для всякихъ стиховъ нуженъ талантъ. У насъ есть чувства всякаго рода. Въ нашей національной жизни есть различныя стороны. Естественно и необходимо, что и языкъ нашъ въ каждомъ случаѣ (لسان حال⁶⁷) будетъ различаться. Однако, дѣйствительно національныя стихотворенія наши должны быть написаны силлабически; вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ-то и слѣдуетъ признавать важнѣйшими.

«Хотя въ природѣ моей и нѣтъ такого ужъ поэтическаго дара, я наслаждаюсь стихами, я отношусь къ нимъ съ уваженіемъ. Даже невѣроятно предположеніе, что я могу смотрѣть на стихи съ презрѣніемъ, и не нравятся мнѣ только поэты, желающіе унижить науку, которая намъ нужна прежде и больше, чѣмъ стихи. Таковъ мой взглядъ. Что касается поэзіи, то она есть (لسان حال) отголосокъ всего народа, выражающаго въ ней свою любовь, печали и чувства всякаго рода. Этимъ и почтенна и высока поэзія.

⁶⁷) См. ссылку 24-ую.

Поэтому, чѣмъ національнѣе поэзія, тѣмъ болѣе она воспитываетъ и возвышаетъ народныя чувства, соединяя ихъ воедино и связывая стремленіемъ къ одной цѣли. И съ того дня, какъ она теряетъ эту свою народность, она станетъ изсякать и замирать сама.» (стр. 22—29.)

Не желая отвлекаться детальнымъ разборомъ мнѣній доктора, которыя для критики не слишкомъ неприступны, мы обратимъ вниманіе лишь на то обстоятельство, что метрическіе примѣры всѣ выбраны изъ иностранныхъ литературъ, а далѣе—вопросъ о долготѣхъ, которыхъ нѣтъ въ турецкомъ яз. и безъ которыхъ метрика не возможна, оставленъ совсѣмъ безъ разсмотрѣнія.

Болѣе интересно по прямолинейности и смѣлости взглядовъ другое письмо заслуженнаго османскаго литератора—Сами-бея, ни болѣе ни менѣе, какъ отрекающагося въ немъ отъ старой литературы:

«Эфенди!

«Я получилъ Ваше письмо и прочелъ Ваши стихотворенія. Дѣйствительно, я увидалъ въ нихъ истинное изображеніе мужественныхъ и патристическихъ чувствъ турецкаго солдата. Нужно цѣнить по достоинству Вашъ выборъ языка, который, оставаясь въ предѣлахъ литературныхъ требованій, въ то же время таковъ, какимъ можетъ говорить и какой можетъ понимать любой турецкій рядовой. Когда представлялся случай, я неоднократно говаривалъ, да и теперь скажу, что литература и, особенно, поэзія должны заниматься изображеніемъ національных (ملی) чувствъ и мыслей, а литературнымъ языкомъ долженъ быть лишь въ немного сглаженномъ⁶⁸⁾ видѣ тотъ языкъ, которымъ всѣ говорятъ. Пусть эти мысли и чувства возвышаются до какой угодно высоты, пусть этотъ языкъ будетъ достигать какой угодно степени совершенства и искусства, все жъ основаніе его, корень и начало должны находиться въ сердцахъ, умѣ и рѣчи той совокупности индивидуумовъ, которую мы зовемъ «простой народъ» (عوام). Изложить національныя мысли и чувства національнымъ языкомъ—вотъ въ чемъ поэзія, вотъ въ чемъ литература. Какъ овца, обнюхавъ, узнаетъ своего ягненка (sic), такъ народъ признаетъ свои настоящія мысли и чувства. Въ противномъ случаѣ, какъ бы красивы ни были стихи, какія бы высокія чувства, заимствованныя изъ Европы, они ни выражали, къ какимъ бы блестящимъ риторическимъ приемамъ, взятымъ у арабовъ и персовъ, они ни прибѣгали, народу они не понравятся, онъ не сольетъ ихъ со своей личностью, не скажетъ: «Это моя мысль, это плодъ моего сердца.» Слова, не принадлежащія къ его языку, не соотвѣтствующія его чувствамъ, не произведутъ никакого впечатлѣнія.

«Именно, на этомъ-то основаніи, съиздавна находящіяся въ Анатолиі у всѣхъ на языкѣ силлабическіе стихи и пѣсни, хотя и не удостоены признанія въ нашемъ литературномъ мірѣ, все же заслуживаютъ предпочтенія передъ многими поэтическими произведеніями Неби, Бакы и Фузули. Быть можетъ, грубоваты они, зато они сочинены по-турецки. Быть можетъ, мысли ихъ не слишкомъ высоки, зато въ нихъ есть чувство, есть настоящее на-

⁶⁸⁾ دوزکونجه.

ціональное чувство. Какъ они ни чужды всякимъ риторическимъ ухищреніямъ, нельзя же не увидать и не почувствовать того, какъ полны они задушевностью! Нѣтъ турка, ученаго, или неученаго, который бы не почувствовался при чтеніи ихъ. Даже отрывокъ, не заключающій въ себѣ съ внѣшней стороны ничего такого, отъ чего можно было-бы плакать, заставить турка прослезиться; и это потому, что онъ трогаетъ струны его души, тогда какъ самый блестящій, самый искусный стихъ Фүзули не можетъ произвести никакого впечатлѣнія, не только на простого турка, а и на писателя подражательнаго направленія, будь онъ однимъ изъ пламеннѣйшихъ сторонниковъ старой школы (sic?!)

«Я нашелъ, что стихи, которые вы, руководствуясь лишь чувствомъ вашей любезности, представили на мое слабое разсмотрѣніе, написаны *турецкимъ* языкомъ и содержатъ *турецкія* мысли и чувства, и, полагая, что въ интересахъ національнаго прогресса нельзя не желать, чтобы наши молодые поэты вмѣсто поворачиванія поводьевъ отъ подражанія персамъ всецѣло въ сторону подражанія «френкамъ» пустили бы коней по ристалищу турецкихъ мыслей чувствъ и языка,—считаю нужнымъ поздравить лично Васъ, эфенди мой, и воздать хвалу Вашему благому дѣлу, такъ-какъ Вы открыли намъ путь къ указанной выше цѣли.

Сами.

18 Хазирана (=іюня) 1313 года гилжры.

Остальныя 3 письма менѣе интересны и заключаютъ въ себѣ общія похвалы языку нашего автора и его знанію народа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ цѣликомъ привести маленькую замѣтку европейскаго историка турецкой литературы объ интересующей насъ книгѣ:

«Въ началѣ нынѣшняго 1316 (1899) года появился небольшой томикъ стихотвореній, озаглавленный «Тюркдже ши'рларъ»⁶⁹⁾ (Турецкія стихотворенія) и принадлежащій перу Эминъ-бея. Въ этой книжкѣ сдѣлана первая попытка представить въ литературной формѣ настоящую рѣчь и чувства всей массы турецкаго народа. Въ этихъ маленькихъ поэмахъ, вложенныхъ въ уста простыхъ солдатъ и анатолійскихъ крестьянъ, впервые заговорилъ въ литературѣ истинный голосъ турецкаго народа»—Gibb, A Hist of the Ott. Poetry, Lond. 1900, стр. 134—5, (примѣчаніе 1). Это—все, что покаместъ сказано объ Эминъ-бей⁷⁰⁾.

Припоминая вкратцѣ всѣ неотъемлемыя заслуги Эминъ-бея: чистый языкъ, избавленіе стиха отъ несвойственнаго ему метра (عروض وزنی), любовь къ простому народу, гуманные и искренніе мотивы,—мы пожелаемъ, чтобы въ турецкой литературѣ не заглохъ этотъ свѣжій и здоровый отпрыскъ поэзіи⁷¹⁾ и чтобы подольше продолжалась дѣятельность симпатичнаго писателя.

Москва, мартъ, 1902.

⁶⁹⁾ Sic. Вм. ши'рлеръ.

⁷⁰⁾ Стихотворенія Эминъ-бея будутъ, конечно, разсмотрѣны въ одномъ изъ имѣющихъ выйти томовъ „Исторіи“ англійскаго ученаго. Въ I-мъ томѣ изложеніе доведено лишь до XV в.

⁷¹⁾ Замѣтимъ, что, повидимому, стихотворенія Эминъ-бея ужъ нѣсколько привились. Такъ, въ общепринятой въ настоящее время въ турецкихъ школахъ хрестоматіи اقتطافъ составленной Мехмедомъ 'Ата (Стамбулъ 1317), помѣщены его стихотворенія: «Голосъ изъ Анатоли» (часть I, стр. 102) и «Коранъ» (I, 68).

ИЗЪ БЕЙРУТСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛѢТОПИСИ

XVI—XVIII в.

Изъ бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.

(Рукопись «Мохтасар таріх эль-асâқыфе» изъ собранія А. Е. Крымскаго.)

I.

При моемъ изслѣдованіи православныхъ рукописныхъ книгохранилищъ Бейрута (въ 1896—1898 г.) мнѣ, между прочимъ, попался списокъ (сперва одинъ, а потомъ—еще одинъ) полуцерковной, полусвѣтской исторіи бейрутской митрополіи съ 1532 года, которая меня заинтересовала прежде всего тѣмъ, что въ ней я нашелъ свѣдѣнія объ осадѣ Бейрута русскимъ флотомъ при Екатеринѣ II. Исторія эта носитъ длинное заглавіе: مختصر تاريخ الاساقفة الذين رفقوا مرتبة كرسي رئاسة الكهنوت الجليلية في مدينة بيروت و ذلك من سنة ١٥٣٢ مسيحية فقط т.-е. «Краткое изложеніе исторіи епископовъ, восходившихъ на высокую архіерейскую кафедру города Бейрута, притомъ только съ 1532-го года христіанскаго лѣтосчисленія»; покороче можемъ называть ее «Мохтасар таріх эль-асâқыфе», или—основываясь на ея содержаніи—«Бейрутская церковная лѣтопись».

Тотъ ея списокъ, который мнѣ встрѣтился прежде всего, находится въ цѣнномъ собраніи арабскихъ рукописей Салима Шхâде (سليم شحادة) и изготовленъ имъ самимъ съ рукописи (нынѣ, должно быть, покойнаго) Халиля Файяда. Салимъ Шхâде очень не безызвѣстенъ въ арабской литературѣ нѣкоторыми трудами по арабской исторической географіи; по должности же онъ—драгоманъ Россійскаго генеральнаго консульства въ Бейрутѣ. Уступить мнѣ свою рукопись онъ не могъ, но предоставилъ ее на довольно долгое время въ мое пользованіе. Тщательно ее прочитавши, я разбилъ ее, для себя, по главамъ (которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ), составилъ по-малорусски подробный конспектъ и заглавное резюме къ каждой главѣ, а наиболѣе интересныя главы переписалъ цѣликомъ по-арабски; при перепискѣ арабскаго текста мною попутно были сдѣланы нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія по-малорусски.

Вернувшись въ Россію, я предоставилъ мой автографъ тремъ моимъ слушателямъ: В. О. Окуло - Кулаку, М. К. Марти и П. О. Введенскому. Всѣ трое служатъ теперь въ Персіи (два первые—въ учрежденіяхъ Россійскаго министерства финансовъ, третій—въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ), а тогда они были студентами Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Подъ моимъ руководствомъ они перевели на русскій языкъ всѣ сдѣланныя мною арабскія извлеченія изъ рукописи Шхаде. Малорусское же мое сокращенное конспективное изложеніе

прочихъ главъ, равно какъ заглавныя резюме и примѣчанія, перевелъ на русскій языкъ, сколько помню, К. А. Фрейтагъ (теперь онъ въ Техранѣ). Вотъ этотъ-то переводъ (не весь) четырехъ моихъ слушателей здѣсь и издается.

При изданіи я озаботился, чтобы читатель ни въ какомъ случаѣ не могъ смѣшать того, что переведено съ арабскаго, съ тѣмъ, что переведено съ малорусскаго. Текстъ моего сокращеннаго изложенія, переведенный съ малорусскаго, напечатанъ болѣе узкими строками и имѣетъ поля съ лѣвой стороны, а резюмирующія заглавія и примѣчанія напечатаны петитомъ. Такимъ образомъ, переводъ съ малорусскаго рѣзко выдѣляется по своему внѣшнему виду среди того общаго основнаго текста, который изданъ въ переводѣ съ арабскаго.

Замѣчу, что я и не имѣлъ времени и не считалъ нужнымъ сплошь провѣрять переводъ моихъ слушателей постоянною свѣркою съ арабскимъ оригиналомъ. Правда, просматривая ихъ переводъ передъ сдачей въ печать, я его значительно обработалъ: передѣлалъ студенческій буквальный дубовый стиль на удобочитаемый и сличилъ съ арабскимъ подлинникомъ всѣ тѣ мѣста, которыя при чтеніи ихъ перевода вызвали во мнѣ кое-какія сомнѣнія. Но въ общемъ арабскій языкъ лѣтописи настолько простъ и ясенъ, что едва ли мои слушатели могли при переводѣ надѣлать ошибокъ, существенно измѣняющихъ смыслъ.

II.

Шхаде скопировалъ «Бейрутскую церковную лѣтопись» со списка, принадлежавшаго бейрутскому священнику о. Ильѣ Мжѣасу (مجاىع), къ которому эта его рукопись попала отъ послѣдняго списывателя—Халиля Ны'металлаха Файяда. Спустя нѣкоторое время я досталъ и этотъ Файядовъ списокъ, принадлежавшій о. Ильѣ Мжѣасу; мнѣ удалось даже приобрести его отъ владѣльца въ мою личную собственность и привезти въ Москву. Такъ какъ Файядова рукопись вездѣ полна, нигдѣ не сокращена (и къ тому же она именно и послужила оригиналомъ для Шхаде), то при изданіи русскаго перевода я всюду сдѣлалъ ссылки на страницы именно этой самой,—прежде Мжѣасовской, теперь московской,—полной арабской рукописи. Для россійской публики ссылка на пагинацію московской рукописи, конечно, удобнѣе, чѣмъ ссылка на пагинацію рукописи бейрутской, Шхадевской. Вдобавокъ, эта Файядова рукопись подарена мною теперь въ общественное книгохранилище—въ библіотеку Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, гдѣ доступна всякому желающему.

Я еще въ Бейрутѣ успѣлъ сличить рукопись Файяда (нынѣ московскую) со спискомъ Селима Шхаде. Оказалось, что Шхаде переписалъ текстъ «Бейрутской церковной лѣтописи» со списка Файяда почти буквально и лишь кое-гдѣ сдѣлалъ незначительныя стилистическія и грамматическія измѣненія. Такъ, первая же строка обѣихъ рукописей начинается разнѣ:

у Шхаде — *بسم الاب و الابن و الروح القدس الاله الواحد امين* («Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единого Божества, аминь»), а у Файяда — много-словнѣ и съ крупными грамматическими ошибками — *بسم الاب و الابن* («Начнемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, единое Божество, аминь»). Бываютъ и другіе случаи, гдѣ оба списка чуть-чуть разнятся; такая разница объясняется тѣмъ, что Шхаде, какъ человѣкъ педантичный въ классическомъ языкѣ, привыкъ и при перепискѣ производить поправки на классическій или, по крайней мѣрѣ, на ново-литературный ладъ ¹⁾, тогда-какъ Файядъ переписывалъ точь-въ-точь: на л. 285 онъ, извиняясь передъ читателемъ за *بعض الجمل و ركاة*, въ которыхъ окажутся въ его спискѣ, прямо сознается, что свой оригиналъ онъ воспроизводилъ буквально: *نقلنا عنها حرفياً*. Но въ общемъ, несмотря на нѣкоторыя стилистическія отличія въ спискѣ Шхаде и спискѣ Файяда, можно ихъ назвать тождественными.

Надо замѣтить, что я имѣю въ виду тождественность только текста спеціально «Бейрутской церковной лѣтописи», а не обѣихъ рукописей цѣликомъ. Дѣло въ томъ, что рукопись Файяда вслѣдъ за лѣтописью содержитъ въ себѣ два приложенія полемическаго противополопистскаго свойства, о которыхъ мы еще скажемъ два слова ниже и которыя въ списокъ Салима Шхаде не вошли.

III.

Другихъ списковъ «Мохтасар тârix эль-асâқыфе» мнѣ найти въ Сиріи не удалось. Однако я не сомнѣваюсь, что даже въ томъ же Бейрутѣ, гдѣ я понапрасну производилъ разспросы, могутъ оказаться еще списки — у кого-нибудь изъ менѣе извѣстныхъ лицъ, а въ Дамаскѣ или, вообще, какомъ-нибудь митрополичьемъ городѣ — и подавно. По крайней мѣрѣ часто случается, что, когда въ бесѣдѣ съ православными бейрутинцами коснешься какого-нибудь событія изъ исторіи ихъ города, то они замѣчаютъ, что это событіе, помнится, хорошо изложено въ особой рукописной исторіи епископовъ Бейрута, которую тому или другому иногда случалось видѣть. Почти навѣрное можно сказать, что тѣ списки, которые еще со временемъ удастся найти, окажутся болѣе старыми, чѣмъ Файяда и Шхаде. Очень сожалѣю, что мнѣ не удалось разыскать того списка, который въ концѣ 40-хъ годовъ былъ въ рукахъ прежняго русскаго консула въ Бейрутѣ К. Базили и упомянуть въ предисловіи къ его сочиненію «Сирія и Палестина подъ турецкимъ владычествомъ» (2-ое изд. Спб. 1875). Тотъ списокъ принадлежалъ семьѣ бейрутскихъ нотаблей Бюстросовъ, и отъ нихъ его получилъ Базили. Теперь у Бюстросовъ этого списка нѣтъ, — по крайней мѣрѣ, я не могъ получить о немъ свѣдѣнія;

¹⁾ Рѣдкій арабъ можетъ при перепискѣ сохранить неизмѣннымъ то выраженіе или то слово, которое онъ считаетъ ошибкою противъ литературнаго языка. Срв. французское предисловіе о. Сальхани при вульгарномъ приложеніи къ V тому *الف ليلة وليلة*.

неизвѣстно даже, былъ ли онъ имъ возвращенъ обратно. Могу только догадываться, что и списокъ Файяда имѣетъ связь (не непосредственную) съ Бюстросовскимъ черезъ промежуточную стадію рукописи Абдаллаха Трада 1824 г., съ которой списывалъ Файядъ (см. л. 209).

Правда, съ точностью я не могъ установить этого: очень я неумѣло повелъ свои разспросы, такъ-что получилъ отъ угодливыхъ бейрутинцевъ отвѣты, слишкомъ подозрительно совпадающіе во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ съ моими априорными догадками²⁾.

Во всякомъ случаѣ сомнѣваться нельзя, что «Бейрутская церковная лѣтопись» составлялась и развивалась при участіи дома Бюстросовъ. Это видно изъ анализа составныхъ частей ея, къ которому мы приступимъ.

IV.

Составъ и способъ возникновенія «Мохтасар таріх эль-асâдыфе» представляютъ немало аналогіи съ исторіею всякой другой лѣтописи. Возьмемъ, напримѣръ, старо-русскую «Начальную лѣтопись». Въ основѣ ея лежитъ вовсе не годичное лѣтописаніе, но связная «Повѣсть временныхъ лѣтъ», откуда есть пошла русская земля, а затѣмъ ужъ эта «Повѣсть» получила постепенныя лѣтописныя наращенія и прибавки. Такъ же возникла и Бейрутская церковная лѣтопись. Ея основа и старѣйшая часть — не лѣтописаніе, но связное, вполне литературно изложенное «Сказаніе о введеніи латинской уніи въ Сиріи», которое — какъ показываютъ всѣ данныя — сперва существовало отдѣльно, а затѣмъ испытало три стадіи развитія и дополненій.

1) Сказаніе о введеніи уніи, составленное какимъ-то очевидцемъ событій (во 2-ой четверти XVIII в. — срв. л. 34 и 68)³⁾, оказывается давно извѣст-

²⁾ Не имѣю я въ виду чернить сирійскихъ арабовъ, — людей, которые во мнѣ всегда вызвали высшее изумленіе своей талантливостью и блестящими умственными способностями и къ которымъ я питаю самую глубокую симпатію, — однако невозможно скрыть, что чувство правдивости у сирійскихъ горожанъ вообще не слишкомъ развито, а врожденная ихъ любезность часто доводитъ ихъ до прямой таки лживости. Срв. мое „Мусульманство и его будущность (М. 1899)“, стр. 51 сл. и мою „Исторію арабовъ“, стр. 200 (Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревск. Инст. Вост. яв., вып. XV, М. 1903). Ландбергъ, авторъ *Proverbes et dictons du peuple arabe* (Лейд. 1883), замѣчаетъ, что въ бесѣдахъ даже о такихъ невинныхъ предметахъ, какъ арабская діалектологія, онъ тщательно долженъ былъ сохранять строго-апатичный видъ и не высказывать своихъ филологическихъ мнѣній прямо; а стоило ему только высказать какое-нибудь соображеніе или догадку прямо и настаивать хоть немного на своемъ объясненіи, — предупредительный собесѣдникъ-арабъ съ готовностью подтверждалъ его объясненіе, ошибочности котораго не могъ не видѣть. Я тоже много разъ имѣлъ случай убѣдиться, что если я обнаруживалъ малѣйшій интересъ къ тому, чтобы моя догадка была вѣрна, то арабъ-горожанинъ всегда давалъ утвердительный отвѣтъ.

³⁾ Выраженія, употребляемыя рассказчикомъ на тѣхъ листахъ, показываютъ, что онъ самъ былъ очевидцемъ-современникомъ.

нымъ, какъ совершенно самостоятельное сочиненіе. Достать это сочиненіе въ отдѣльномъ арабскомъ подлинникѣ мнѣ не удалось, но его имѣлъ въ своихъ рукахъ преосв. Порфирій Успенскій и опубликовалъ его по-русски въ I томѣ своего «Востока Христіанскаго» (Кіевъ 1874, оттискъ изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи). Нужно сказать, что арабскаго языка преосв. Порфирій не зналъ, и потому, желая ознакомиться со «Сказаніемъ», онъ заказалъ себѣ два перевода—греческій и (при помощи одного армянина) итальянскій. Греческій переводъ былъ исполненъ небрежно, а армянскій (по замѣчанію самого Порфирія) недобросовѣстно, — оттого и русскій переводъ самого Порфирія, основанный на этихъ двухъ переводахъ, не точенъ, сбивчивъ и полонъ недоразумѣній. Тѣмъ не менѣе онъ вполне достаточенъ для ознакомленія съ общимъ составомъ «Сказанія», и такъ-какъ оказывается, что старѣйшая часть «Бейрутской церковной лѣтописи» приблизительно совпадаетъ съ этимъ «Сказаніемъ», то можно утверждать, что лѣтопись составила путемъ послѣдовательныхъ прибавокъ къ «Сказанію». Характерная особенность этой, стариннѣйшей части лѣтописи—та, что свѣдѣнія про Бейрутскую митрополию втиснуты въ нее совершенно механически, и они только нарушаютъ общее плавное теченіе разсказа о введеніи уніи.

2) Тотъ моментъ, когда какой-то православный бейрутинецъ или, быть можетъ, цѣлая семья стали къ «Сказанію объ уніи» добавлять обзоръ послѣдующихъ событій за XVIII вѣкъ, явился второй стадіей въ развитіи «Мохтасар таріх эль-асâқыфе». Я употребилъ выраженіе: «или цѣлая семья», потому-что имѣлъ на это извѣстныя данныя. Какъ ужъ было сказано выше, консулъ Базили, пользовавшійся «Мохтасаромъ» для составленія своего труда: «Сирія и Палестина» (2-е изд. Спб. 1875), отмѣчаетъ, что имѣвшаяся у него рукопись Бейрутской церковной лѣтописи принадлежала семьѣ Бюстросовъ и хранилась фамилію въ ихъ родѣ. Хронологія событій, при изложеніи которыхъ (напримѣръ, осады Бейрута русскими) Базили ссылается на Бейрутскую церковную лѣтопись, позволяетъ думать, что Бюстросы довели лѣтопись до конца XVIII вѣка или до первыхъ годовъ XIX вѣка.

3) По всему вѣроятію, въ XVIII вѣкѣ на Ливанѣ существовала свѣтская исторія, или лѣтопись, княжескаго дома Шхэбовъ (Шинâбовъ), владѣвшаго Ливаномъ и Бейрутомъ: трудно предположить, чтобы этотъ владѣтельный родъ не имѣлъ своей лѣтописи. Въ предполагаемую мною свѣтскую лѣтопись эмировъ-Шхэбовъ входилъ, очевидно, и разсказъ объ осадѣ Бейрута русскими, и повѣсть о возвышеніи Джеззара Аккскаго, который сѣмѣлъ взять себѣ въ подчиненіе династію Шхэбовъ и сгубилъ эмира-Юсифа. И вотъ, надо думать, что одинъ изъ продолжателей православной «Бейрутской церковной лѣтописи» воспользовался этой (предполагаемой мною) свѣтской княжеской лѣтописью Шхэбовъ (маронитовъ), чтобы компилятивно пополнить обширными выписками изъ нея свою православную хронику. Произвелъ онъ такую компиляцію, однако, съ большою технической неумѣlostью, чисто механически, такъ-что читателю остаются ясны слѣды швовъ и рубцовъ; но что самое главное—произвелъ онъ эту компиляцію, не сведши концы съ концами: такъ, наприимѣръ, домоправитель эмира Юсифа—Гандуръ эль-Хури—въ

одномъ лоскуткѣ хроники оказывается изображенъ какъ заклятый и проклятый фанатическій врагъ православія (л. 132 сл.), а въ другомъ лоскуткѣ Гандуръ фигурируетъ, какъ самоотверженный другъ православной общины (л.).—Кто же совершилъ это неудачное компилированіе церковно-православной бейрутской лѣтописи съ маронитской свѣтской княжеской хроникой, конца XVIII вѣка? Былъ ли это одинъ изъ Бюстросовъ, ведшихъ лѣтопись, или кто-либо иной?—Мнѣ думается, что авторомъ компилятивной вставки былъ тотъ человѣкъ, который продолжалъ «Бейрутскую церковную лѣтопись» послѣ Бюстросовъ и который довелъ ее до четверти XIX столѣтія. Этотъ продолжатель былъ бейрутинецъ Абдаллахъ ибнъ-Михаиль Традъ (طارند). Его участіе (какое бы оно ни было) въ составленіи «Бейрутской церковной лѣтописи» совершенно точно свидѣлствуется Файядовой припиской красными чернилами послѣ изложенія событій 1824 года. Въ этой припискѣ (л. 209) Файядъ, продолжатель Трада, говоритъ: «До сихъ поръ шло то, что я нашелъ написанное рукою покойнаго Абдаллаха б. Михаила Трада, бейрутинца; а жилъ онъ тогда, по словамъ другихъ, въ городѣ Траболосѣ (Триполи); намъ теперь остается сообщить отъ себя о патріархахъ, слѣдовавшихъ за киръ-Меоодіемъ, равно какъ о митрополитахъ бейрутскихъ, слѣдовавшихъ за киръ-Веніаминомъ».

4) Авторъ этой приписки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній заключитель лѣтописи есть Халиль Ни'металлахъ (вульг. «Ны'мталла») Файядъ خليل نعمة الله فياض. Онъ довелъ лѣтопись до 1885 года. Повидимому, онъ не разсчитывалъ, чтобы ему пришлось еще что-нибудь вписывать въ нее, и потому (л. 244) закончилъ свою запись словами: «Аминь, и паки аминь!» (امين ثم امين). Однако онъ случайно оставилъ здѣсь небольшое количество пустого, незаполненнаго мѣста въ своей рукописи, и вотъ въ 1892 году новый владѣлецъ рукописи о. Илья Мжѣасъ внесъ сюда, болѣе блѣдными чернилами и менѣе красивымъ почеркомъ, новую запись—по поводу выборовъ на Антіохійскій патріаршій престолъ Спиридона, бездарнаго ставленника себялюбивыхъ грековъ-святогробцевъ. Объ этихъ выборахъ, во время которыхъ греческое духовенство, желающее держать свою арабскую паству въ темнотѣ и подчиненіи, сыграло самую некрасивую роль, можно бы было написать очень многое, но о. Мжѣасъ ограничился лаконической замѣткой (л. 245): «Про это избраніе смотри особую, печатно изданную книгу: الخلاصة الوافية في انتخاب بطريرك انطاكية. Изъ нея ты можешь поучиться, до чего начали доходить поступки греческаго духовенства и до какой степени оно способно попираетъ священные законы и позорить (تفحيش) всю православную вѣру ради исключительныхъ выгодъ греческой націи».

Съ этой Можѣасовой припиской собственно лѣтопись и кончается.

Итакъ «Бейрутская церковная лѣтопись» представляетъ по своему составу: а) «Сказаніе объ уніи Сирии», б) лѣтопись Бюстросовъ, в) лѣтопись Трада, г) лѣтопись Файяда.

V.

Но самая-то рукопись Файяда здѣсь еще не кончается.

На лл. 246-285 вписанъ цѣлый историко-полемиическій трактатъ, состоящій изъ предисловія, десяти главъ и заключенія и носящій заглавіе: «الدر المنظوم»;
 «دَحْضًا لَتَسْوَرِ الْمُقَاصِّصِينَ مِنَ الرِّعَاةِ الْارْثُودُ كَسِيَّيْنِ الرُّومِ»;
 авторъ его—о. Герасимъ Халѣбій (الحلبى), который, какъ видно изъ примѣчанія (تنبیه) Файяда на л. 285—286, былъ католическимъ, т.-е. уніатскимъ епископомъ, но позналъ лживость римскаго католицизма, бросилъ всѣ католическія почести, разошелся даже со своими родными и обратился въ православіе, причемъ ужъ не счелъ себя достойнымъ принять въ православіи тоже епископскій санъ; жизнь въ Халѣбѣ (Алеппо) сдѣлалась для него нестерпимой, и онъ переселился въ Бейрутъ, гдѣ провелъ свою жизнь въ составленіи книгъ, изобличающихъ католическія интриги. На одну его рукописную книжицу (كراسة), именно на الدر المنظوم—наткнулся (عثر على, л. 246) Халиль Файядъ и внесъ въ свою Бейрутскую церковную лѣтопись, какъ догматическое и историческое подтвержденіе тѣхъ взглядовъ на унію и православіе въ Антіохійской патріархіи, которые проведены и въ Бейрутской церковной лѣтописи. Трактатъ этотъ, какъ видно изъ даты самого Халѣбія (л. 284 Файядовой рукописи), составленъ въ 1856 году.

Отъ л. 287 почти до конца рукописи приведено (по-арабски, конечно) отлученіе, произнесенное Константинопольскимъ синодомъ 1725 года противъ тѣхъ, кто отступитъ отъ православія въ папизмъ.

Наконецъ на заключительномъ листѣ рукописи, послѣ слова «аминь», имѣется записъ, изъ которой я и узналъ имя послѣдняго переписчика и продолжателя Бейрутской церковной лѣтописи: الحقیير خلیل نعمة الله قیاض = «Презрѣнный Халиль Ни'металлахъ Файядъ».

Всѣхъ листовъ Файядовой рукописи 311. То, что здѣсь предлагается въ русскомъ переводѣ, занимаетъ собою у Файяда лл. 1—163.

[НАЧНЕМЪ]

во имя Отца, и Сына и Святого Духа

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ИСТОРИИ ЕПИСКОПОВЪ,

всходившихъ на высокую архіерейскую кафедру города Бейрута, и это — только съ 1532 г. христіанскаго лѣтосчисленія и далѣе.

л. 1. Излагая исторію бейрутскихъ епископовъ, мы коснемся и исторіи антиохійскихъ патріарховъ въ хронологически послѣдовательномъ порядкѣ, а кромѣ того, намъ придется упомянуть также и о возникновеніи въ ихъ время злой ереси *), распространявшей новшества при посредствѣ хищныхъ волковъ. Послѣдніе принадлежали къ сектѣ, прозываемой католической ¹⁾). Всякій, кому только придется прочесть эту краткую лѣтопись, будетъ знать изъ нея поганое происхожденіе уніатовъ и будетъ освѣдомленъ относительно того, откуда они похитили свое священство, которое въ сущности не смѣетъ и называться священствомъ. Ему также будутъ небезызвѣстны ихъ продѣлки, направляемыя не только противъ владыкъ-патріарховъ и митрополитовъ, но и прямо противъ святой восточной церкви. Познакомившись со всѣмъ этимъ, всякій будетъ въ состояніи взвѣсить заблужденія этихъ злыхъ еретиковъ и, отряхнувъ отъ себя ихъ гнусныя дѣянія, избѣгать даже сообщенія съ ними. Въ случаѣ же, если ему придется вести съ ними преніе, то онъ будетъ имѣть свѣдѣнія относительно основы ихъ секты и самой сути ихъ скверны. Онъ будетъ крѣпко уповать на свою святую апостольскую вѣру, о наставленіи въ которой мы просимъ нашего Господа Іисуса Христа. Да охранитъ и спасетъ Онъ насъ отъ гибели, которую неизбежно влечетъ за собой заблужденіе, и да не допуститъ насъ молитвами Пресвятой Дѣвы, источника чистоты, воплощенія чести и красоты, пасть въ ущелье этой гибели.

*) т. е. уніи.

¹⁾ Здѣсь подъ католиками надо, кажется, понимать дѣйствительно латинянъ (именно — миссіонеровъ). Обыкновенно же католиками арабы-сирійцы называютъ своихъ же земляковъ-уніатовъ.

л. 2—4. Въ 1532 году епископомъ города Бейрута назначенъ былъ Іоакимъ. По истеченіи одиннадцатилѣтняго служенія на этомъ поприщѣ онъ былъ выбранъ на антїохійскій патріаршій престолъ. Во время своего патріаршества Іоакимъ на должность бейрутскаго епископа посвятилъ Аѳанасія, настоятеля монастыря св. Симеона чудотворца. Послѣ смерти этого Аѳанасія на его мѣсто рукоположенъ былъ Парѳеній, священникъ изъ Кясбы. Преемникомъ же этого въ свою очередь былъ избранъ Іоакимъ, игуменъ Бельмендскаго монастыря. Послѣ смерти Іоакима епископомъ былъ Іоасафъ Хури, а за нимъ Хури Фарахъ, основавшій въ Бейрутѣ большую бібліотеку. Должность епископа послѣ Фараха исполнялъ Макарій, монахъ монастыря св. Ильи Мхайдаскаго. Онъ былъ назначенъ главнымъ образомъ по настоянію и оказанному содѣйствію со стороны одного очень вліятельнаго челоѣка, по имени Абу-Нѳаль²⁾.

Появленіе папскихъ миссіонеровъ въ Сиріи при патріархѣ Макаріи.

л. 4. Да будетъ тебѣ извѣстно, читатель, что въ концѣ семнадцатаго вѣка, во время патріаршества благословеннаго Макарія (1648—1672 г.)³⁾, въ Сирію явились папскіе монахи и обосновались въ Дамаскѣ, Халербѣ (Алеппо) и Сайдѣ (Сидонѣ). Поселившись въ вышеупомянутыхъ городахъ, они тайно стали заниматься лѣченіемъ и прилагали всяческія старанія къ тому, чтобы войти въ сношенія съ нашими епископами и священниками. Такъ, ходя часто въ православныя церкви, они старались выставить на показъ свою благотворительность, кротость и единство вѣры, и своей ловкой политикой обманывали православныхъ. Самую важную роль изъ нихъ играла хитрая лисица, прозывавшаяся Мальвиномъ. Но дѣло не ограничивалось только этимъ однимъ: они старались также убѣдить патріарха и въ томъ, что вѣра ихъ чисто православная. На это не потребовалось особыхъ усилій. Послѣдній, по чистотѣ своихъ сердечныхъ помысловъ, повѣрилъ ихъ лукавымъ словамъ, дозволилъ имъ, какъ чужестранцамъ, поселиться въ патріаршемъ подворьѣ, находящемся въ Дамаскѣ, и разрѣшилъ посѣщать мѣста, въ которыхъ находились православные. Разрѣшеніе такого рода дало католикамъ возможность во время своихъ визитовъ еще съ бѣльшимъ успѣхомъ сѣять сѣмена раздора, какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ умахъ отдѣльных лицъ. Для достиженія этой цѣли они прибѣгали къ различнымъ средствамъ. Они высказывали сожалѣніе о раздѣленіи церквей: восточной и западной, внушая при этомъ въ сердцахъ простого народа мысль, что вышеупомянутое раздѣленіе не существенно, и что оно возникло съ тѣхъ поръ, какъ исламъ пустилъ корни своего владычества на востокъ. Болѣе же хитрымъ и дѣй-

²⁾ Шейхъ изъ рода маронитскихъ дворянъ Хазанъ, оказывавшій большое содѣйствіе западнымъ миссіонерамъ и получавшій награды отъ Франціи.

³⁾ Того самаго патріарха Макарія, который ѣздилъ въ Россію во времена Алексѣя Михайловича и участвовалъ въ осужденіи патріарха Никона.

ствительнымъ было то, что католики привлекали къ своей вѣрѣ сердца послѣдователей сокровищами, подарками и тому подобными вещами. Практиковалось это до тѣхъ поръ, пока они не приобрѣли значительнаго числа сторонниковъ своего ученія. Ты, читатель, въ послѣдующемъ изложеніи старайся подмѣтить, каковъ съ ихъ стороны способъ добиваться разъ намѣченной цѣли (это будетъ тебѣ указано въ соотвѣтствующихъ главахъ, если только послѣднее будетъ угодно Богу).

Безпорядки въ антиохійской патриархіи: а) борьба Кирилла съ Неофитомъ.

л. 6—17. Послѣ смерти вышеупомянутаго патриарха Макарія нѣкоторые епископы вмѣстѣ съ жителями Дамаска просили Константинопольскій синодъ о рукоположеніи на мѣсто умершаго патриарха—его внука Кирилла, сына Павла⁴⁾. Константинопольскій синодъ утвердилъ ихъ выборъ, и Кириллъ былъ рукоположенъ. Произошло такое назначеніе, съ одной стороны потому, что Кириллъ, несмотря на свой ранній возрастъ, былъ даровитъ, краснорѣчивъ и образованъ, а съ другой стороны—и въ силу того, что были приняты во вниманіе заслуги его дѣда—патриарха Макарія. Пожалуй, можно добавить еще одно соображеніе, что деньги, оставленныя его дѣдомъ (и вывезенныя, слѣдовательно, изъ его странствованій по православнымъ землямъ—*А. Кр.*), могли также оказать воздѣйствіе и заставить молчать претендентовъ. Однако такой выборъ и утвержденіе Константинопольскаго синода должны были породить цѣлый рядъ неудовольствій среди владыкъ. Достаточнымъ будетъ напомнить слѣдующую исторію. Іерусалимскій патриархъ Досиѳей⁵⁾, проѣздомъ побывавшій въ Дамаскѣ и видѣвшій юнаго патриарха, у котораго, между прочимъ, онъ былъ принятъ гостепріимно, остался недоволенъ назначеніемъ такого юнаго Кирилла въ патриархи и затаилъ чувство злобы и желаніе, во что бы то ни стало, смѣстить послѣдняго. Онъ не долго задумывался надъ своимъ рѣшеніемъ и сейчасъ же приступилъ къ дѣлу. Для того Досиѳей вошелъ въ соглашеніе съ Неофитомъ епископомъ города Хамы (Епифаніи), который также былъ недоволенъ рукоположеніемъ Кирилла въ патриархи, какъ будто неканоническимъ; они сговорились, и вотъ одинъ изъ нихъ, все тотъ же Досиѳей, отправляется въ Константинополь и тамъ всякими правдами-неправдами склоняетъ синодъ на свою сторону. Послѣдній соглашается удалить Кирилла. Для этого онъ приглашаетъ Неофита явиться въ Константино-

⁴⁾ До времени избранія онъ былъ іереемъ антиохійской патриархіи, и имя его было Константинъ. Обычай переименованія, какъ это указалъ и проф. Лебедевъ въ своемъ трудѣ *Ист. Греко Восточной церкви*, т. II, стр. 762, вытекъ изъ того, что Антиохія своимъ первымъ епископомъ признаетъ апостола Петра, тоже переименованнаго—изъ Симона.

⁵⁾ Въ лѣтописи значится имя патриарха іерусалимскаго Хрисанъ, но это простая описка, такъ какъ въ то время патриархомъ іерусалимскимъ былъ Досиѳей. Однако эта ошибка, имѣющаяся и въ «Сказаніи объ уніи», вкралась также въ работу Порф. Успенскаго: «Востокъ христіанскій»; Хрисанъ же занималъ кафедру уже въ 18 вѣкѣ, и онъ между прочимъ принималъ участіе въ борьбѣ противъ антиохійскаго патриарха Сильвестра (1724 г.).

поль, рукополагаетъ его патріархомъ и, снабдивъ нужными грамотами и приказами, посылаетъ въ Дамаскъ ⁶⁾. Такой поступокъ Константинопольскаго синода, естественно, долженъ былъ обидѣть Кирилла. Почему онъ, въ свою очередь, заручившись прошеніемъ почетныхъ гражданъ, лично отправляется въ Синодъ и добивается отъ него возвращенія для себя патріаршаго престола. Здѣсь-то и коренится причина раздора, который такъ долго тянулся между нимъ и Неофитомъ,—раздора, потребовавшего большихъ расходовъ и въ концѣ концовъ породившаго большіе долги у обоихъ Наконецъ одинъ изъ нихъ, а именно Неофитъ, уступаетъ своему противнику и добровольно отрекается отъ престола. Онъ удаляется въ Лаодицію и тутъ по истеченіи четырехъ лѣтъ умираетъ; его хоронятъ въ церкви св. Николая, у предѣла ея во имя св. Моисея Мурина... Что касается его отношеній къ Бейруту, то замѣтимъ, что Неофитъ, во время пребыванія въ Триполи ужъ послѣ своего добровольнаго отреченія, рукоположилъ бейрутскимъ епископомъ священника Макарія, хотя патріархъ Кириллъ, глава церкви, не захотѣлъ этого сдѣлать. Послѣ вышеупомянутаго Макарія въ Бейрутѣ епископомъ былъ Сильвестръ, игуменъ монастыря пророка Ильи. Онъ тоже былъ рукоположенъ не патріархомъ Кирилломъ, такъ-какъ послѣдній тогда былъ смѣненъ и отозванъ въ Константинополь, а тремя епископами. Своей епархіей Сильвестръ управлялъ десять лѣтъ (онъ погребенъ въ Бейрутѣ).

6) Борьба Кирилла съ Аѳанасіемъ, и раздоры среди паствы.

Съ именемъ митрополита Сильвестра связано воспоминаніе о новыхъ раздорахъ въ въ Антиохійской патріархіи. Нѣсколько почтенныхъ алеппинцевъ, отправившихся на поклоненіе въ монастырь св. Савы, встрѣтили тамъ монаха родомъ изъ Дамаска, по имени Аѳанасія. Скромность и другія достоинства Аѳанасія очень понравились алеппинцамъ, и они рѣшили выбрать его епископомъ въ Алеппо на мѣсто своего только-что умершаго пастыря. Но не достаточно было ихъ собственнаго желанія и выбора, необходимо было еще и законное утвержденіе со стороны патріарха. Тутъ-то и встрѣтилось препятствіе: Кириллъ отказался рукоположить его на эту должность. Тогда жители Алеппо возмутились и написали заявленіе въ Константинополь о томъ, что они не хотятъ признавать Кирилла законнымъ патріархомъ, какъ назначеннаго не канонически и, мало того, требующаго теперь отъ нихъ денегъ за утвержденіе Аѳанасія въ епископскомъ достоинствѣ. Аѳанасій лично отправился въ Константинополь съ

⁶⁾ Этотъ примѣръ двоевластія уже не первый; такъ при патріархѣ Михаилѣ (1576—82 г.) жителями города Дамаска, которыхъ онъ отлучилъ отъ церкви, какъ принимавшихъ участіе въ козняхъ противъ него, былъ рукоположенъ новый патріархъ въ лицѣ триполійскаго епископа Іоакима Дова. Припомнимъ затѣмъ рукоположеніе Кирилла, имѣвшее мѣсто незадолго до смерти Аѳанасія при наличности другого патріарха Игнатія. То же повторялось и впослѣдствіи. См. у Лебедева: *Исторія Греко-Восточной церкви*, т. II стр. 765. Онъ пользовался Порф. Успенскимъ, (т. I, Кіевъ 1874 г.).

этими жалобами, и поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что онъ заручился рекомендательными письмами отъ консуловъ къ константинопольскимъ европейскимъ посланникамъ. Но, какъ тамъ ни было, онъ убѣдилъ и Синодъ, что обвиненія алеппинцевъ противъ Кирилла не ложны и синодъ назначилъ Аѳанасія патріархомъ вмѣсто Кирилла. По пріѣздѣ Аѳанасія въ Алеппо ужъ въ качествѣ патріарха, а не просто епископа, произошло разногласіе: одни оставались вѣрными Кириллу, другіе же признали Аѳанасія. Особую вражду противъ Аѳанасія проявлялъ новопосвященный Бейрутскій епископъ Сильвестръ: онъ усердно повторялъ, что Аѳанасія посвятили патріархомъ франки и что самъ Аѳанасій сдѣлался франкомъ.

Раздорами среди православныхъ искусно пользуются патеры и пытаются ввести нѣкоторыя латинскія новшества въ Халебѣ и другихъ мѣстахъ.

л. 17 — 20. Для доказательства, что Аѳанасій — франкъ, Сильвестръ увѣрялъ, будто Аѳанасій, немедленно по своемъ прибытіи въ Алеппо, сократилъ посты и великодушно разрѣшилъ христіанамъ ѣсть рыбу въ дни великаго поста и др. Это увѣреніе не имѣетъ никакого основанія и ошибочно: въ дѣйствительности ничего подобнаго не было. А было вотъ что. Рукоположеніе Аѳанасія патріархомъ и возникшія, послѣ его прибытія въ Алеппо, разногласія послужили началомъ сѣянія сѣмянъ патерской ереси и распространенія ихъ ученія. Хитрые католики съумѣли соблазнить наивныя умы христіанъ Алеппо, и тѣ (не питая достаточнаго уваженія къ Аѳанасію) стали вступать въ общеніе съ католиками для обсужденія догматовъ вѣры и, между прочимъ, вопроса объ облегченіи отъ постовъ. Католики сказали алеппинцамъ, что ѣсть рыбу въ дни великаго поста позволительно; жители Алеппо и сами сильно склонялись къ этому по причинѣ стѣсненія въ пищѣ, которое замѣчалось въ вышеупомянутомъ городѣ. Но въ душѣ католиковъ таилось и другое, болѣе глубокое намѣреніе, и конечной цѣлью своихъ стремленій они поставили, чтобы мало-по-малу привлекать алеппинцевъ на сторону латинской вѣры и подчинить такимъ образомъ владычеству папы. Дѣйствія католиковъ увѣнчались успѣхомъ: большинство людей присоединилось къ ихъ общинѣ. Имъ удалось поколебать прежнюю простоту жителей и вселить въ ихъ умахъ любовь къ пьянству, чревоугодію и другимъ удовольствіямъ, которымъ они и сами предавались тайно. — Когда слухъ объ этомъ дошелъ до Аѳанасія, то онъ велѣлъ христіанамъ прекратить общеніе съ католиками, перестать слушать ихъ ересь и оставить легкомысленное отношеніе къ постамъ. Слова Аѳанасія повидимому произвели впечатлѣніе на однихъ: они вняли его голосу и оставили послабленіе; другіе же изъ-за любви къ чревоугодію не оставляли ложнаго пути. Патріархъ Аѳанасій въ силу своего ума и дальновидности, дававшей ему возможность предвидѣть, къ чему можетъ привести лишняя строгость (и къ чему она насть въ дѣйствительности и привела), пересталъ настаивать на исполненіи постовъ и закрывалъ глаза на скоромничанье алеппинцевъ, видя, что они и сами склонны къ этому. Такая разумная политика оказала свое дѣйствіе.

волненіе мало-по-малу утихло, и алеппинцы остались въ лонѣ православной церкви. За то враги Аѳанасія, слыша о его снисходительномъ отношеніи, стали говорить, что онъ принялъ латинскую вѣру (соб. что онъ франкъ). Въ сущности же онъ, какъ человѣкъ умный и терпѣливый, допускалъ все это лишь съ извѣстной цѣлью, а именно: чтобы ласковымъ обращеніемъ снова вернуть христіанъ къ своему пасенію. И нужно сказать правду: Аѳанасій поступилъ, какъ нельзя благоразумнѣе, и предпринялъ посильное рѣшеніе, какое только могъ. Главнымъ его стремленіемъ въ это время было сохранить сущность вѣры и не допустить ее погибнуть въ спорахъ, что случилось съ ней впослѣдствіи. Опасность была большая: вышеупомянутые римскіе сподвижники, прибѣгая ко лжи и чрезмѣрной хитрости, подарками, прикрашиваніями своихъ законовъ, бесплатнымъ обученіемъ дѣтей, врачеваніемъ больныхъ и разными другими подобными средствами склонили большинство христіанъ на сторону своего ученія не только въ Алеппо, но и въ Дамаскъ, и въ Сидонъ, и въ другихъ ближайшихъ христіанскихъ общинахъ. Вообще католики обольщали христіанъ всякими почестями и привлекали ихъ къ своему заблужденію, пока христіане не дошли до того состоянія, въ которомъ находятся. За ихъ отступничество и отдѣленіе отъ насъ, за ихъ злыя рѣчи и за оказанное сопротивленіе мы назвали ихъ мятежными (нечестивцами); они же тайно называли себя католиками. Но мало того: они не только уклонились отъ ученій православной вѣры, но подчинились даже власти западной церкви.

Сидонской епископіи ищетъ Серафимъ и, отринутый патріархомъ, обращается за помощью къ латинникамъ и маронитамъ.

— Враждебныя отношенія и раздоры между патріархомъ Аѳанасіемъ и Кирилломъ не прекращались, пока наконецъ дѣло не дошло снова до Константинопольскаго синода. Послѣдній, взвѣсивъ и оцѣнивъ всѣ жалобы, представленныя обвинителями, рѣшилъ дѣло въ пользу Кирилла, оставивъ все-таки Аѳанасію право пребывать въ Алеппо и носить титулъ патріарха. Ему кромѣ этого представлено было право пользоваться доходами съ деревень — Адлябъ и Киллисъ. Само собой понятно, что такое рѣшеніе лишь внѣшнимъ образомъ уладило рознь, на дѣлѣ же далеко не приводило къ желанной цѣли. Да и могло ли оно привести? Припомнимъ, что Синодомъ было вмѣнено въ непремѣнное условіе — блюсти вышеуказанное двоевластіе, пока одинъ изъ соперниковъ не умретъ. Раньше умеръ Кириллъ. Аѳанасію поэтому, послѣ смерти своего противника Кирилла, удалось вновь воспользоваться своими правами патріарха. Онъ занялъ патріаршій престолъ, но жить остался по прежнему въ Алеппо. — Что касается дѣлъ Бейрута, то тамъ, вскорѣ послѣ смерти Кирилла, наступила смерть Сильвестра, послѣ котораго бейрутскій епископскій престолъ оставался вакантнымъ, пока на мѣсто покойнаго не былъ назначенъ Неофитъ. Во время этого послѣдняго умеръ сидонскій епископъ Евѳимій, тотъ самый, который былъ послѣдователемъ латинской вѣры и написалъ книгу подъ заглавіемъ «Сіяющее руководство» — «الدلالة الالامعة», стараясь въ ней доказать главенство папы.

л. 22—27. Вотъ этотъ-то злосчастный Евѳимій ⁷⁾ оставилъ послѣ себя наслѣдника еще худшаго, чѣмъ онъ самъ, — племянника своего по сестрѣ, Серафима. Послѣдній со смертью своего дяди сильно желалъ быть возведеннымъ на епископскую кафедру, чтобы имѣть возможность разлить ядъ своего ученія, распространить свою ересь и, однимъ словомъ, довершить дѣло своего дяди. Онъ былъ сильно обольщенъ заблужденіями папскихъ миссіонеровъ и, воспитавшись за столомъ католиковъ, возымѣлъ страстное желаніе самому сдѣлаться владыкой и во что бы то ни стало обогатиться. А потому онъ ожидалъ только, пока ему представится удобный случай привести въ исполненіе желаемое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространить свое заблужденіе. Теперь обстоятельства какъ разъ этому благопріятствовали. И вотъ Серафимъ послѣ смерти своего дяди беретъ съ собой солидные подарки и направляется въ Алеппо къ патріарху Аѳанасію, съ намѣреніемъ просить у него для себя рукоположенія въ Сидонъ на мѣсто своего дяди. Но это ему не удастся, потому что патріархъ Аѳанасій вѣдь зналъ еретическое направленіе мыслей дяди Серафима и соблазнъ, который таился въ его сердцѣ. Онъ зналъ и то, что Серафимъ также проникнутъ всецѣло смертоноснымъ ядомъ римскихъ проповѣдниковъ и убѣжденіями своего дядюшки, который раньше, при своей жизни, слишкомъ уже надоѣдалъ и ставилъ въ затруднительное положеніе патріарха Аѳанасія, не смотря на то, что этотъ послѣдній неоднократно давалъ Евѳимію добрые совѣты и увѣщевалъ его своими многочисленными письмами. Письма эти не оказали на Евѳимія никакого вліянія, и онъ не послѣдовалъ совѣтамъ патріарха Аѳанасія, такъ что тотъ, узнавъ теперь о смерти Евѳимія, въ душѣ даже обрадовался. И вотъ для того чтобы остальные православные христіане не были введены въ заблужденіе относительно его настоящаго образа мыслей, патріархъ не принялъ подарковъ и не даровалъ Серафиму желаемого: онъ его не рукоположилъ епископомъ, но тотчасъ же назначилъ другого и отправилъ въ Сидонъ. Однимъ словомъ, Серафимъ обманулся въ своихъ надеждахъ и долженъ былъ удалиться обратно. Но врагъ человѣческій — шайтанъ — не переставалъ ему внушать мысль сдѣлаться епископомъ, хотя Серафимъ могъ быть увѣренъ, что ему не удастся достигнуть этого безъ разрѣшенія патріарха. Но такъ-какъ прямо на патріарха разчитывать было нечего, то онъ рѣшилъ обратиться за ходатайствомъ къ кому-нибудь изъ правителей. Былъ тогда правителемъ горы Шуфъ эмиръ Хайдаръ Шхѣбскій, маронитъ. Серафимъ взялъ съ собой богатые подарки и большую сумму денегъ и поѣхалъ къ нему, (а надо сказать, что и римское духовенство, находящееся при вышеупомянутомъ эмирѣ, къ этому времени сдѣлало значительные шаги впередъ въ успѣхахъ ходатайства передъ послѣднимъ). Представивши по-

⁷⁾ Объ этомъ Сидонскомъ архіереѣ Евѳиміи, который въ числѣ первыхъ сталъ на сторону папскаго ученія и сдѣлался «первымъ послѣдователемъ появившихся тогда въ Сиріи папскихъ мудрованій», см. въ трудѣ проф. Лебедева, стр. 769, который беретъ свѣдѣнія изъ Порфирія Успенскаго, т. I, Кіевъ 1874 г., стр. 99—100.

дарки эмиру, Серафимъ склоняетъ его позвать бейрутскаго епископа Неофита для того, чтобы тотъ рукоположилъ его-Серафима епископомъ. Эмиръ соглашается, посылаетъ привести митрополита насильно (послѣдній не соглашался на рукоположеніе, но вѣдь Бейрутъ находился тогда подъ управленіемъ этого эмира) и приказываетъ ему рукоположить Серафима въ епископы. Митрополитъ на такое требованіе эмира отвѣтилъ, что «во-первыхъ, онъ можетъ сдѣлать это только по приказанію самого патріарха, а, во-вторыхъ, каноническія правила не допускаютъ, чтобы одинъ епископъ самостоятельно могъ рукополагать другого въ такое достоинство; напротивъ, въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ рукополагающихъ должно быть, по меньшей мѣрѣ, трое». Эмиръ, по полученіи отвѣта такого содержанія, увѣдомилъ Серафима. Послѣдній не удовлетворяется вышеупомянутымъ отвѣтомъ и вторично проситъ эмира, прибѣгая въ этомъ случаѣ уже къ содѣйствію приближенныхъ и совѣтниковъ эмира, которыхъ онъ задариваетъ подарками и деньгами. (Образъ дѣйствій папскихъ монаховъ и вліяніе послѣднихъ на маронитскую общину извѣстны). Приближенные, дѣйствительно, оказали воздѣйствіе на эмира, упростили его повліять на Неофита и склонить къ рукоположенію Серафима въ епископы безъ разрѣшенія патріарха. А кромѣ того, если Неофитъ станетъ отговариваться тѣмъ, что одинъ епископъ не можетъ рукополагать другого, то убѣдить его тѣмъ соображеніемъ, что въ крайнихъ случаяхъ два епископа могутъ рукоположить одного, и послать за находящимся въ это время въ горахъ Кясруана армяно-католическимъ епископомъ: оба они и совершатъ рукоположеніе. Эмиръ послалъ за вышеупомянутымъ епископомъ, и тотъ было явился, но, когда понялъ цѣль и сущность дѣла, затѣвимаго эмиромъ, сталъ отказываться отъ совершения такого рукоположенія, какъ неканоническаго. Эмиръ былъ недоволенъ подобнымъ заявленіемъ, а потому, призвавши обоихъ — и католическаго и православнаго — епископовъ, сталъ угрожать имъ смертю въ случаѣ отказа рукоположить Серафима въ епископское достоинство. Неофитъ, услыхавъ насильственное требованіе со стороны эмира, предъявленное подъ вліяніемъ римскихъ монаховъ и произнесенное въ присутствіи же самого претендента, обратился къ Серафиму и спросилъ: «Въ какую жъ епархію мы тебя рукоположимъ! вѣдь всѣ мѣста на должность епископа въ антїохійскихъ епархіяхъ заняты!» Серафимъ отвѣтилъ: «въ Кесарію Каппадокійскую». На это Неофитъ возразилъ, что указанная имъ епархія находится подъ вѣдомствомъ Константинопольскаго патріарха, и что на ея престолѣ сидитъ архіепископъ, который признается главнымъ изъ епископовъ Востока. Выслушавъ эти слова, претендентъ сказалъ Неофиту: «ну, такъ рукоположи меня на какую тебѣ угодно». Послѣ всѣхъ подобныхъ разсужденій эмиръ все-таки приказалъ епископамъ отправиться съ Серафимомъ и рукоположить его. Вмѣстѣ съ ними онъ послалъ также своихъ слугъ, дѣлая это по личному требованію Серафима.

Подъ давленіемъ эмира-маронита бейрутскій-православный и армяно-католическій епископы, напившись до-пьяна, совершаютъ рукоположеніе Серафима въ сайдскіе епископы, но при этомъ произносятъ на него анаѳему.

И вотъ они отправились. Во время пути оба епископа не переставали отлучать Серафима и всячески надругаться надъ послѣднимъ. Издѣвательства, впрочемъ, не оказали никакого воздѣйствія на Серафима: желаніе сдѣлаться епископомъ было у него очень сильно. Но прежде чѣмъ они успѣли дойти до деревни, въ которой рѣшено было остановиться, ихъ застигла дурная погода, и пошелъ сильный дождь. Тогда Серафимъ упротсилъ свиту эмира склонить епископовъ расположиться на ночлегъ въ близъ находящейся пещерѣ. Сдѣлалъ онъ это потому, что не хогѣлъ, чтобы епископы искали убѣжища въ какомъ-нибудь изъ сосѣднихъ селеній и провели тамъ ночь до утра. Ему это удалось, и они согласились пріютиться въ пещерѣ... Серафимъ же для такого случая припасъ много ѣды и вина въ мѣхахъ. А потому, расположившись здѣсь въ пещерѣ, они поужинали и напились до пьяна. Моментъ былъ благопріятенъ, и Серафимъ не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ; онъ обошелъ слугъ эмира, ослѣпивъ ихъ взятками, что впрочемъ и не трудно было сдѣлать въ виду ихъ опьяненія, и побудилъ къ совершенію насилія надъ епископами съ цѣлю такимъ хотя путемъ заставить послѣднихъ рукоположить себя въ епископы внутри этой пещеры. Въ самомъ дѣлѣ, Серафимъ могъ рассчитывать и побаиваться, какъ бы епископы, прибывши въ сосѣдную деревню, не попросили тамъ помощи у христіанъ; естественно, рукоположеніе Серафима тогда было-бы отложено. Слуги эмира, принявъ подарки, стали настаивать и требовать отъ епископовъ совершенія рукоположенія надъ Серафимомъ въ вышеупомянутой пещерѣ. Тѣ, видя насильственное требованіе со стороны пьяныхъ слугъ эмира и, сознавая, что они осквернены пьянствомъ, обратились къ Серафиму съ слѣдующей рѣчью: «О ты, несчастный,— тотъ, на кого обрушился гнѣвъ Божій! Вѣдь мы находимся не въ церкви, а въ пещерѣ, мало того—мы всѣ пьяны; какимъ же образомъ можетъ быть совершено надъ тобой рукоположеніе въ епископы?» Серафимъ отвѣтилъ: «каково-бы ни было,—пусть будетъ». Епископы, убѣдившись во очію въ его чрезмѣрномъ безстыдствѣ, облачили въ епитрахили и омофоры и, во гнѣвѣ стали совершать отлученіе надъ Серафимомъ, прося Всевышняго наказать его за подобное насмѣяніе надъ таинствомъ и за его великое злодѣйство. Такимъ образомъ, рукоположеніе Серафима оказалось не рукоположеніемъ, а анаѳемой и поруганіемъ. — Самъ же претендентъ, желая добиться разъ намѣченной цѣли, хотя и слышалъ все это, но не проронилъ ни слова. По совершеніи этого, всѣ легли спать и спали до наступленія слѣдующаго дня. На разсвѣтѣ свита эмира отправилась обратно къ себѣ во свояси, а каждый изъ епископовъ возвратился въ свою епархію. Что касается Серафима, то онъ вышелъ изъ пещеры подобно хитрой лисицѣ и подобно ехиднѣ, извергающей смертоносный ядъ.

Борьба патріарха Аѳанасія съ католическими интригами продолжается до самой его смерти

л. 28—30. Аѳанасій послѣ смерти своего соперника патріарха Кирилла, получивъ, по рѣшенію Константинопольскаго синода, патріаршій столъ, не захотѣлъ перебраться въ Дамаскъ, но предпочелъ остаться въ Алеппо. Священнику же своему Герасиму, котораго онъ посвятилъ въ Алеппскіе епископы, приказалъ поселиться въ Дамаскъ. Но этому всячески постарались помѣшать жители города Алеппо, побуждаемые къ тому тайными воздѣйствіями европейскихъ монаховъ. Они хотѣли, во что бы то ни было, отдѣлаться отъ своего патріарха и потому, войдя въ соглашеніе съ вышеупомянутымъ Герасимомъ, убѣждали его дѣйствовать въ свою пользу, т. е., другими словами, склоняли его къ тому, чтобы онъ перешелъ изъ Дамаска въ свой Алеппо. Последнее обстоятельство было бы для нихъ очень кстати: они могли бы тогда успѣшнѣй пропагандировать католическое ученіе, такъ-какъ Герасимъ самъ тайно былъ къ нему склоненъ. Желаніе ихъ осуществилось и на дѣлѣ. Патріархъ вновь настаивалъ, чтобы Герасимъ уѣхалъ въ Дамаскъ, но тотъ отказывался и выставлялъ предлогомъ то, что онъ не можетъ оставить своей паствы. Такой образъ дѣйствій со стороны Герасима не былъ желательнымъ для патріарха; опечалившись, онъ показалъ видъ, какъ будто отправляется въ Дамаскъ, но на самомъ дѣлѣ было иначе: патріархъ отправился въ Константинополь съ цѣлью принести тамъ жалобу на Герасима. Поѣздка его увѣнчалась успѣхомъ: Герасимъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ на островъ Лимносъ (?)⁸⁾. Когда патріархъ, совершивши путешествіе за милостыней по Валахії и Молдавіи, вернулся въ Алеппо, жители встрѣтили его съ торжествомъ и съ покорностью.

л. 30—32 Да будетъ тебѣ извѣстно, читатель, что все это произошло въ силу ловкихъ продѣлокъ римскихъ миссіонеровъ, не останавливавшихся передъ примѣненіемъ всевозможныхъ средствъ, лишь бы только привлечь алеппинцевъ въ число послѣдователей своей вѣры. Такъ, когда они видали безсильное положеніе патріарха, они побуждали алеппинцевъ къ открытому неповиновенію и къ нечестію. Напротивъ, когда католики видѣли перевѣсъ на сторонѣ патріарха, то научали жителей Алеппо лицемерію передъ священниками, убѣждая ихъ ходить въ церковь, исповѣдываться у православныхъ служителей и вообще облекаться въ одежду агнцевъ; но при этомъ они облегчили имъ исполненіе постовъ, позволивъ предаваться страстямъ и другимъ запрещеннымъ вещамъ, чтобы при помощи такихъ средствъ имѣть надъ ними постоянную власть. Пуская въ ходъ свою хитрость и пронырливость, они втянули алеппинцевъ такимъ искуснымъ способомъ въ подчиненіе папѣ, пославшему ихъ. Что касается патріарха Аѳанасія, то онъ зналъ обо всемъ этомъ, и сердце его горѣло огнемъ при видѣ смѣшенія алеппинцевъ съ папскими посланниками. Но его неустанное наблюденіе за ихъ

⁸⁾ Въ текстѣ написано: Л-и-м-и, такъ-что нельзя съ точностью установить названіе мѣста его ссылки.

дѣлами, произносимыя наставленія и всяческія запрещенія не приносили равно никакой пользы. Спустя нѣкоторое время онъ скончался и былъ погребенъ въ Алеппо. Послѣ его смерти нашлись такіе люди, которые взводили на него обвиненія въ приверженности къ мнѣнію заблуждающихся католиковъ и ихъ ереси. Такое утвержденіе, само собой понятно, могло поддерживаться развѣ сторонниками Кирилла, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не было: Аѳанасій не былъ согласенъ съ этимъ нечистымъ ученіемъ и лишь поневолѣ, какъ мы упомянули выше, долженъ былъ показывать видъ, что не замѣчаетъ уклоненія алеппинцевъ въ постахъ, и обходиться съ ними ласково и гуманно, чтобы хотя такимъ образомъ имѣть возможность и средство, не выпускать ихъ изъ-подъ своей власти, какъ это случилось въ концѣ-концовъ при другихъ патріархахъ. Со стороны жъ католиковъ такіе наговоры практиковались часто и вошли даже въ привычку: какъ только умиралъ какой-нибудь православный, въ силу своего миролюбиваго характера не вступавшій съ ними въ споръ, то они говорили, будто онъ умеръ приверженцемъ ихъ ереси. «Да онѣмѣютъ уста лживыя, которыя противъ праведника говорятъ злое съ гордостью и презрѣніемъ. (Псаломъ XXX, 19)». Какъ бы предвидя возможность такихъ толковъ о себѣ, патріархъ Аѳанасій во время своей болѣзни по божественному внушенію уже высказывалъ это находившемуся тогда въ Алеппо священнику Петру изъ Каира, настоятелю монастыря св. Георгія Хумейра, котораго онъ во все время своей тяжелой болѣзни не отпускалъ отъ себя. И потому всякій разъ, какъ у постели патріарха находились архіепископы города Алеппо, приходившіе навѣщать его по случаю болѣзни, онъ приказывалъ позвать къ себѣ вышеупомянутаго православнаго священника и говорилъ: «Подойди и прійми отъ меня исповѣдь». Повторялось это неоднократно, въ силу чего священникъ какъ-то обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «Зачѣмъ, Владыка, ты все призываешь меня и заставляешь принимать отъ тебя исповѣдь, дѣлая это именно тогда, когда у твоего святѣйшества находятся эти архіепископы?» На его слова патріархъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Да будетъ тебѣ извѣстно, что они, вслѣдствіе моего снисходительнаго къ нимъ отношенія, порождаемаго моею челоувѣчностью, послѣ моей смерти станутъ увѣрять, будто я умеръ, исповѣдывая при жизни ихъ ученіе, а потому, чтобы разсѣять ихъ заблужденія относительно моихъ настоящихъ помысловъ, я и позвалъ тебя, зная твою сильную къ нимъ ненависть; — да пусть и они это знаютъ!» Онъ умеръ въ святой православной вѣрѣ. Священникъ же, неотлучно находившійся при постели больного, лично повѣдалъ о словахъ патріарха многимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія.

Послѣ смерти Аѳанасія лжеепископъ сидонскій Серафимъ стремится къ патріаршеству, получивши посвященіе отъ католическаго патера.

л. 32—35. Разказы объ этомъ, послѣ смерти вышеупомянутаго патріарха, дошли и до Серафима, того самого, который получилъ рукоположеніе въ епископы въ пещерѣ, а вѣрнѣе сказать, того самого, который подвергся насмѣшкамъ и всяческимъ поруганіямъ со стороны какъ армяно-католиче-

скаго, такъ и православнаго епископовъ, и который удалился въ горы Ливанскія и тамъ сталъ распространять свое ученіе, равно какъ и слухъ о своемъ рукоположеніи въ епископы. Онъ началъ заботиться о постройкѣ монастыря на упомянутыхъ горахъ, который и назвалъ впослѣдствіи монастыремъ Спасителя: Дейр эль мохаллес. Въ немъ Серафимъ собралъ всѣхъ злосчастныхъ монаховъ, согласныхъ съ его лжеученіемъ, какъ изъ Дамаска, такъ и изъ прочихъ мѣстъ. Но однимъ этимъ дѣло не ограничилось: этотъ достойный насмѣшки человѣкъ не переставалъ и въ другихъ мѣстахъ проповѣдывать ученіе, противное православной вѣрѣ. Смерть патріарха Аванасія представилась злосчастному Серафиму очень удобнымъ случаемъ, и вотъ онъ, недовольный обладаніемъ только епископскаго достоинства, стремится стать еще и патріархомъ, чтобы воспользоваться еще большей свободой для всенароднаго распространенія своего нечистаго ученія.

У Серафима былъ братъ, по имени Тѣразій-паша, состоящій въ то время на службѣ у губернатора Сиріи и пользовавшійся особымъ вниманіемъ и расположеніемъ этого визиря. Имѣя въ виду значеніе Тѣразія у послѣдняго, Серафимъ пишетъ къ нему посланіе, въ которомъ совѣтуетъ отправиться къ правителю съ цѣнными подарками, склонить его на свою сторону и затѣмъ получить отъ него разрѣшеніе на отправленіе его-Серафима въ Дамаскъ, столицу Сиріи, въ качествѣ патріарха. Къ этому Серафимъ прибавляетъ, что онъ-де уже выбранъ для занятія вакантнаго престола послѣ смерти антиохійскаго патріарха; словомъ онъ убѣдительно просилъ брата приложить всѣ старанія для достиженія успѣшныхъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ.

Что касается упомянутаго несчастнымъ Серафимомъ избранія его въ патріархи, то это было дѣло хуже и гнуснѣе, чѣмъ даже его посвященіе въ епископскій санъ. Произошло вотъ что. Серафимъ написалъ главѣ римскихъ миссіонеровъ капуцинскаго ордена письмо, въ которомъ обѣщалъ послѣднему, въ случаѣ своего рукоположенія въ патріархи, подчинить всѣхъ православныхъ учению западной церкви. На это посланіе капуциновъ отвѣтилъ Серафиму: «Если ты дашь мнѣ слово и обѣщаніе, что при исповѣданіи вѣроученія западной церкви съумѣешь сохранять обряды церкви восточной, то я имѣю власть назначить тебя патріархомъ хотъ сейчасъ». Отвѣтъ такого содержанія со стороны вышеупомянутаго капуцина, посланника запада, былъ высказанъ со злымъ расчетомъ. Расчетъ былъ такой: дѣлая всевозможныя внѣшнія уступки простымъ и наивнымъ христіанамъ, склоннымъ по одному внѣшнему отсутствію разницы въ обрядахъ предположить, что и по существу въ обѣихъ вѣрахъ нѣтъ разногласія, легче будетъ привлекать ихъ такимъ способомъ на сторону своего ложнаго ученія. Серафимъ, прочитавъ заявленіе о подобномъ требованіи, направился къ патеру⁹⁾, и охотно согласился на все. Тогда капуциновъ дунулъ ему въ лицо и сказалъ: «по данной

⁹⁾ Въ текстѣ сказано: «услыхавъ», какъ будто бы Серафимъ лично присутствовалъ при отвѣтѣ капуцина, между тѣмъ раньше говорилось, что послано было письмо. Затруднительна связь и съ слѣдующей фразой: «тогда капуциновъ дунулъ ему въ лицо». Приходится поэтому вставить для связи: «прочитавши, направился къ патеру»....

мнѣ благодати отъ Бога и по власти, которою я облеченъ отъ римскаго папы,—я рукополагаю тебя патріархомъ надъ великой Антіохіей и надъ прочимъ Востокомъ». Вотъ на этомъ основаніи Серафимъ, какъ было упомянуто немного раньше, написалъ своему брату о назначеніи себя въ патріархи.

П р и м ѣ ч а н і е.

л. 34—35. Вышесказанное свидѣтельство исходитъ отъ католическаго же священника Михаила Джарбу'а алеппинскаго, брата митрополита Игнатія Джарбу'а. Взгляни же, читатель, на этого несчастнаго Серафима и на его посмѣяніе надъ божественными вещами. Какъ онъ жалокъ! А равно, пусть и тѣ, которые согласны съ ученіемъ Серафима, отвѣтятъ намъ и докажутъ его право на патріаршество, а что еще важнѣе, вообще на священство. Неужели у нихъ допустимы такія гнусныя дѣянія и развѣ гдѣ-нибудь бывало, чтобы патеръ-капуцинъ однимъ дуновеніемъ человѣку въ лицо могъ сдѣлать его патріархомъ?! Да, наконецъ, рѣшился-ли кто-нибудь черезъ подобное дуновеніе получить избраніе даже въ дьяконы! Надо удивляться, какъ только эта «хитрая змѣя» могла рѣшиться подобнымъ образомъ пролѣзть въ патріархи. Какъ велико Твое долготерпѣніе, Владыко нашъ Иисусе Христе! и какъ велика Твоя милость! А если у католиковъ явится желаніе отрицать вышеприведенное сообщеніе, то вѣдь вотъ же свидѣтельство ихъ собственнаго священника, признаннаго представителя католицизма. Очень возможно, что будущее ихъ поколѣніе станетъ отрицать это старое свидѣтельство, но ихъ отрицаніе врядъ-ли принесетъ какую-нибудь пользу: свидѣтельство ихъ же священника Михаила, какъ цѣпь, будетъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому—то въ письменномъ изложеніи, то въ устной передачѣ; отъ современниковъ оно въ формѣ такихъ сообщеній дошло до насъ,—ну, и послѣ насъ, если то будетъ угодно Богу, останется предметомъ вѣчнаго воспоминанія объ ихъ униженіи и позорѣ.

Серафимъ по губернаторскому фирману, пріѣзжаетъ въ Дамаскъ.

л. 35—36. Братъ Серафима Тѣразій немедленно по полученіи увѣдомленія отъ Серафима отправляется къ визирю съ великолѣпными подарками и старается склонить его своими просьбами поступить согласно плану, задуманному и предначертанному его злокозненнымъ братомъ въ своемъ письмѣ. Визирь уступаетъ просьбѣ Тѣразія и выдаетъ фирманъ, разрѣшающій его брату явиться въ Дамаскъ, не унывая ни сердцемъ, ни душой. Естественнo, получивъ такой благопріятный отвѣтъ, Серафимъ тотчасъ же направился въ Дамаскъ и съ роскошными подарками явился къ визирю. Послѣдній успокоилъ Серафима въ его стремленіяхъ и въ свою очередь отплатилъ ему подаркомъ (خلع عليه). Такимъ путемъ Серафимъ добился своего и занялъ патріаршество. Въ Дамаскѣ находилось тогда два православныхъ епископа. Но ни оба православные епископы, ни священники, ни простой народъ не вступали съ нимъ въ сношенія, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ обманутыхъ и соблазненныхъ римскими сподвижниками, да и то впрочемъ старающихся скрывать это и внѣшне выказывать себя приверженцами православія.

Успѣхи латинства въ Дамаскѣ еще до его пріѣзда, со времянъ Макарія.

л. 36—37. Дамаскинцы уклонялись въ латинство раньше алеппинцевъ, причину чего мы ужъ указывали выше. Начало ихъ переходовъ на сторону латинской вѣры совершилось впервые во дни блаженной памяти патріарха Макарія. Первый, кто посѣялъ эту ересь, былъ фратерь-капуцинъ, по имени Мальвинъ. Онъ, вводя своимъ поведеніемъ въ заблужденіе патріарха Макарія, часто посѣщалъ послѣдняго и проводилъ время въ бесѣдахъ съ нимъ. Патріархъ даже приблизилъ его къ себѣ, прельщенный тѣми достоинствами, какія онъ старательно передъ нимъ выказывалъ. Но и это еще не все. Мальвину удалось добиться гораздо большаго. Онъ, съ одной стороны, при помощи обманчиваго поведенія, о которомъ мы только что упомянули, а съ другой—прибѣгая и ко многимъ другимъ подобнымъ средствамъ, добился отъ патріарха разрѣшенія не только для себя лично на частыя посѣщенія домовъ христіанъ, но и для своихъ товарищей. Патріархъ не препятствовалъ этому, равно какъ и не запрещалъ христіанамъ принимать послѣднихъ въ своихъ жилищахъ. Причину этого нужно видѣть въ томъ, что Макарій, по чистотѣ своихъ сердечныхъ помысловъ, не могъ даже допустить мысли о возможности скрыванія зла въ сердцахъ подобныхъ хищниковъ. Такое посѣщеніе и распространеніе лжеученія продолжалось до смерти патріарха Макарія. Мы знаемъ, что на его мѣсто въ патріаршій санъ былъ возведенъ Кириллъ. При немъ Мальвинъ могъ пользоваться еще большей свободой въ своихъ дѣяніяхъ, вслѣдствіе расположенія къ себѣ этого патріарха, и онъ еще чаще сталъ посѣщать самого патріарха и жилища христіанъ. Сильное расположеніе патріарха къ Мальвину объяснялось тѣмъ, что Кириллъ помнилъ о любви своего дѣда къ нему. Благодаря продолжительнымъ и постояннымъ посѣщеніямъ домовъ христіанъ какъ со стороны самого Мальвина, такъ и со стороны его сообщниковъ-патеровъ, а также благодаря эффектнымъ софизмамъ и умѣнью незамѣтно разливать ядъ своихъ ложныхъ ученій, папскіе сподвижники посѣяли ересь въ умахъ нѣкоторыхъ православныхъ. Такимъ образомъ они продолжали сѣять и посѣяли не мало плевеловъ на Божьемъ полѣ вплоть до появленія Серафима въ Дамаскѣ.

При помощи мусульманской полиціи Серафимъ водворяется на патріаршество и насильно требуетъ себѣ присяги отъ негодующихъ православныхъ.

л. 39—40. По пріѣздѣ своемъ въ Дамаскъ Серафимъ былъ встрѣченъ со всевозможнымъ почетомъ вышеупомянутыми патерами, которые не замедлили повѣдать ему обо всѣхъ помыслахъ, скрытыхъ въ ихъ грязныхъ сердцахъ. Что касается двухъ епископовъ и священниковъ, о которыхъ рѣчь шла немного выше, то они не только не явились на зовъ Серафима, но, напротивъ, совсѣмъ скрылись. Тогда Серафимъ послалъ къ нимъ нѣсколь-

кихъ перешедшихъ на его сторону христіанъ, съ фирманомъ отъ визиря, приказавъ извлечь епископовъ и священниковъ изъ мѣстъ, въ которыхъ они укрылись. Дѣйствительно, посланные найдя епископовъ и священниковъ въ ихъ убѣжищахъ, силой потащили ихъ по улицамъ, совершая надъ ними всевозможныя издѣвательства, на глазахъ у мимо проходившаго народа, — издѣвательства, продолжавшіяся до самого момента прибытія посланныхъ къ патріаршему подворью. Здѣсь Серафимъ, явившись въ церковь и взойдя на патріаршій престолъ, повелѣлъ визирской полиціи ввести только-что приведенныхъ епископовъ и священниковъ и заставить послѣднихъ провозгласить ему: «исполла эти деспота». Какое позорное зрѣлище могло представиться твоимъ глазамъ, читатель! Внутри церкви около святого престола и, по обѣ стороны, на клиросахъ находилась толпа войска съ оружіемъ и палками въ рукахъ. И все-таки тамъ же, внутри церкви св. Господа, ты могъ бы услышать въ поднявшемся сильномъ гамѣ, что Серафимъ есть «воръ-похититель патріаршескаго достоинства, который подобно рыкающему льву возсѣдаетъ на престолѣ патріаршемъ и отдаетъ повелѣнія о наказаніи словно царь Навуходоносоръ, принуждавшій народъ и юношей къ преклоненію передъ изображеніями идоловъ, которыхъ онъ воздвигъ для себя». Такъ и этотъ несчастный принуждалъ епископовъ и священниковъ преклоняться передъ собой и приносить себѣ повиновеніе, угрожая наказаніемъ тѣмъ, которые вздумали-бы отказаться отъ принесенія покорности. Совершивъ такое насиліе надъ приведенными священниками и епископами и отославъ солдатъ, Серафимъ и самъ отправился въ подворье. Съ этого момента онъ сталъ называть себя патріархомъ и далъ себѣ вмѣсто Серафима имя Кирилла. Извѣстенъ онъ подъ именемъ Кирилла Танаса. Водворившись, Кириллъ Танасъ сталъ вступать въ сношенія съ христіанами, придерживающимися догматовъ православной вѣры, съ цѣлью склонить ихъ къ своему нечистому ученію, грозя и запугивая непокорныхъ наказаніемъ и мученіемъ. Конечно, результатомъ подобныхъ дѣйствій было то, что одни изъ нихъ, которыми овладѣлъ страхъ и угрозы или которые дали католикамъ обмануть себя ложными софизмами, склонились на сторону новаго патріарха; другіе же, оставшіеся вѣрными православному ученію, перестали даже посѣщать церковь, гдѣ загнѣздилось латинство, но, переживая подобныя несчастія и испытанія, въ душѣ молились объ избавленіи Всевышнему Богу, который нѣкогда освободилъ отроковъ отъ печи огненной.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Серафимъ послалъ указъ всѣмъ епископамъ антійской епархіи, объявляя въ немъ о своемъ утвержденіи на патріаршемъ антійскомъ престолѣ, чтобы они его признали, повиновались и произносили его имя во время службъ. При чемъ прибавилъ, что всѣхъ, кто вздумаетъ отказаться отъ исполненія его требованій, онъ низложитъ съ епархіи и на ихъ мѣсто пошлетъ людей, признающихъ его. Такъ вѣдь изстари поступали еретики въ тѣхъ случаяхъ, когда епископскій престолъ дѣлался вакантнымъ самъ собою или вслѣдствіе низложенія людей, твердыхъ въ вѣрѣ. Непокорныхъ Серафимъ грозилъ удалить силою мірской власти.

По жалобѣ православныхъ епископовъ Константинопольскій Синодъ назначаетъ надъ ними патріархомъ Сильвестра (1724). Серафимъ убѣгаетъ на Ливанъ.

л. 40—41. Православные епископы ничего не отвѣтили теперь Серафиму на его заявленіе, потому что еще раньше, до полученія извѣстнаго намъ указа, они отправили въ святѣйшій Константинопольскій синодъ посланіе, въ которомъ сообщали о смерти патріарха Аѳанасія, о возмутительныхъ дѣяніяхъ вора-Серафима, насильно завладѣвшаго патріаршимъ саномъ, о его насильственномъ входѣ въ патріаршее подворье Дамаска и о другихъ продѣлкахъ со стороны послѣдняго. Они сообщили также о цѣли его появленія и провозглашенія себя патріархомъ, равно и то, что онъ не оставляетъ Дамаска; при этомъ они просили Синодъ рукоположить для нихъ другого патріарха и прислать его немедленно. Синодъ, получивши письмо, единодушно, по божественному внушенію Святого Духа, остановился въ своемъ выборѣ на Сильвестрѣ, святость и кротость котораго, какъ человѣка безукоризненнаго, была ему извѣстна. Это тотъ самый Сильвестръ, который при патріархѣ Аѳанасіи былъ сначала дьякономъ, а затѣмъ при поѣздкѣ патріарха изъ Алеппо въ Константинополь и изъ Константинополя въ Румынію—священникомъ; затѣмъ онъ получилъ отъ патріарха позволеніе отправиться на монашество во святую гору, гдѣ онъ и оставался долгое время, совершенствуясь въ огнѣ чистой вѣры. Синодъ, выбравъ Сильвестра, послалъ ему извѣщеніе о пріѣздѣ въ Константинополь. Получивъ такой приказъ, Сильвестръ не противился рѣшенію Синода, но, напротивъ, по божественному внушенію, тотчасъ же прибылъ и былъ рукоположенъ въ патріархи на антиохійскую кафедру. Произошло это въ 1724 году. Затѣмъ, по рукоположеніи, члены Синода вручили Сильвестру обычные султанскіе приказы вмѣстѣ съ фирманомъ объ изгнаніи вора-Серафима, реченнаго Кирилла. Когда слухъ о назначеніи патріархомъ Сильвестра дошелъ до несчастнаго притѣснителя, силой завладѣвшаго патріаршимъ престоломъ, то онъ, порочный воръ-насильникъ, похитилъ все, что только нашелъ въ церкви и патріаршемъ подворьѣ, а именно: церковныя одѣянія, митры, кресты, чаши, диски, и всю священную утварь, представлявшую собою значительную цѣнность, въ особенности тѣ вещи, которыя привезъ съ собою блаженной памяти патріархъ Макарій изъ русскихъ городовъ ¹⁰⁾, бѣжалъ на гору Кясуранъ и тамъ нашелъ убѣжище.

Строгость Сильвестра возбуждаетъ алеппинцевъ противъ него. Покушеніе на его жизнь.

л. 41—44. Что касается патріарха Сильвестра, который по прибытіи въ Алеппо былъ встрѣченъ жителями города съ величайшими почестями,

¹⁰⁾ Макарій два раза ѣздилъ въ Россію. Первое путешествіе Макарія въ Россію описано его сыномъ Павломъ Алеппскимъ. Наилучшая рукопись—та, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ Бельфора (Лонд. 1829—1836). Съ этого англійскаго перевода сдѣланъ рукописный русскій — Полуденскаго — и хранится въ московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ вмѣстѣ съ новой, очень плохой арабской рукописью. По этой рукописи, повидимому, по русскому переводу Полуденскаго напечатанъ новый русскій переводъ . Муркоса (М. 1896—1900).

то онъ, узнавъ о дѣяніяхъ вора-Серафима, пребылъ здѣсь только нѣсколько дней и направился въ Дамаскъ. Жители этого города тоже приняли его съ большимъ почетомъ, такъ что это подѣйствовало даже на отступившихъ и выказывавшихъ себя сторонниками Серафима. Они снова вернулись къ исповѣданію правой вѣры и просили прошенія у блаженнаго Сильвестра. Патріархъ сильно негодовалъ, узнавъ о томъ, что воръ-Серафимъ, похитивъ церковныя сокровища, спасся бѣгствомъ, и зъ особенности отъ того, что чувствовалъ себя безсильнымъ заставить Серафима возвратить всѣ похищенныя вещи. Сильвестръ только два мѣсяца оставался въ Дамаскѣ, а затѣмъ отправился обзрѣвать свою епархію.

Это путешествіе продолжалось полтора года, по истеченіи которыхъ патріархъ пріѣхалъ снова въ Алеппо; онъ рѣшилъ остаться здѣсь по примѣру своего предшественника и учителя Аѳанасія и устроить здѣсь патріаршіи престолъ. Алеппинцы, какъ и въ первый разъ при пріѣздѣ Сильвестра, приняли его съ большимъ почетомъ. И вотъ, оставаясь тутъ долгое время, патріархъ началъ обличать жителей и настаивать на томъ, чтобы они совершенно не принимали въ своихъ домахъ католиковъ, не водили знакомства съ ними и отказались отъ дружбы. Равнымъ образомъ онъ убѣждалъ ихъ помнить и воздерживаться отъ ѣды рыбы въ великій постъ и въ каждую среду и пятницу, т.-е. поступать согласно съ постановленіями святой церкви; что же касается постовъ рождественскаго и апостольскаго — то патріархъ совѣтовалъ исполнять ихъ по уставу св. отцовъ, не смотря ни на какія трудности. При этомъ онъ грозилъ имъ, въ случаѣ уклоненія отъ исполненія такихъ заповѣдей, подвергнуть всѣхъ церковному и мірскому отлученію, полагая, что, можетъ быть, хотя такими мѣрами ему удастся возвратить ихъ отъ заблужденія на истинный путь. Но въ дѣйствительности получилось какъ разъ противоположное. Такія крутыя мѣры со стороны патріарха породили въ сердцахъ жителей только гнѣвъ и раздраженіе, какъ нѣкогда обличеніе Господа нашего Іисуса Христа вселило раздраженіе въ сердцахъ іудеевъ, книжниковъ и фарисеевъ, когда Онъ сталъ указывать на заблужденія ихъ. И вотъ алеппинцы, подобно іудеямъ, стали совѣщаться и замышлять зло противъ него, а пока, до конечнаго рѣшенія, перестали только посѣщать церкви и патріаршее подворье. Дѣло въ томъ, что въ ихъ сердцахъ укоренилось сѣмя ученія римскихъ миссіонеровъ, и послѣдніе уже успѣли заронить въ ихъ умахъ свои заблужденія....

Наконецъ, когда патріархъ Сильвестръ прогуливался какъ-то въ одномъ изъ своихъ садовъ, злоумышленники собрались и рѣшили его убить здѣсь, какъ нѣкогда іудеи собрались противъ нашего Господа Христа. Выбравъ удобный моментъ, они поднялись, направились толпой и напали на него неожиданно, какъ одинъ человекъ, совсѣмъ такъ же, какъ это сдѣлали злѣйшіе іудеи, нападая на Господа Христа въ Геосиманскомъ саду. Патріархъ же Сильвестръ, замѣтивъ внезапное направленіе къ себѣ такой толпы, бросился въ рѣку и, въ виду того, что онъ былъ искусный пловецъ, а также въ виду помощи, оказанной однимъ православнымъ алеппинцемъ, по

имени Зомрайа, переплылъ съ послѣднимъ на другой берегъ рѣки, не смотря на то, что и это было сопряжено съ большою опасностью. Благополучно достигнувъ противоположнаго берега рѣки, Сильвестръ немедленно оттуда направился тайно въ Адлябъ, а изъ него прямо въ Константинополь....

Константинопольскій Синодъ для разбора дѣла между патріархомъ Сильвестромъ и алеппинцами посылаетъ въ Алеппо, для провѣрки, своего представителя Григорія. Уступки, сдѣланныя алеппинцамъ въ постѣ, примиряютъ ихъ на время съ православнымъ патріархомъ.

л. 44 — 45. Злоумышленники, замѣтивъ, что патріархъ ускользнулъ отъ ихъ рукъ и не извѣстно, куда скрылся, тотчасъ же, по обсужденіи могущихъ возникнуть изъ этого дѣла послѣдствій, отправляютъ посланіе въ Константинопольскій синодъ съ жалобой на патріарха Сильвестра; она заключалась въ томъ, что онъ, дескать, бьетъ и истязаетъ священниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ отдаетъ даже подъ судъ; мало того — причиняетъ имъ всякаго рода ущербы, угрожаетъ изгнаніемъ и даже смертю, оправдывая подобныя дѣянія съ своей стороны тѣмъ, что они-де: — франки (латинники), тогда какъ на самомъ дѣлѣ они чисты отъ такого подозрѣнія. При этомъ они добавили, что такъ какъ ихъ терпѣніе изсякло, то они прогнали его и снова принять не могутъ. Если же Синодъ хочетъ знать о ихъ образѣ мыслей, то они твердо держатся православной вѣры и не повинны въ проступкахъ. Даже больше того: если Синодъ не вѣритъ ихъ письменному заявленію, то пусть пошлетъ отъ себя какого-нибудь митрополита произвести разслѣдованіе. Одновременно съ полученіемъ посланія въ Константинополь прибылъ и патріархъ Сильвестръ. Здѣсь онъ принесъ жалобу на тѣ дурныя отношенія къ нему алеппинцевъ, которымъ онъ подвергался со стороны послѣднихъ. Синодъ нашелъ лучшимъ и болѣе цѣлесообразнымъ обойтись съ ними кротко и снисходительно, чтобы видѣть къ чему приведутъ алеппинцевъ подобныя поступки. Съ этой цѣлью члены Синода испросили у патріарха Сильвестра согласіе на посылку къ нимъ въ Алеппо изъ своей среды митрополита, который, согласно ихъ просьбѣ, произвелъ бы надъ ними разслѣдованіе. Патріархъ далъ свое согласіе на такое предложеніе. Тогда Синодъ послалъ въ Алеппо въ качествѣ намѣстника — епископа, по имени Григорія, и повелѣлъ ему провозглашать имя патріарха Сильвестра. Помимо этого, члены Синода въ сообществѣ Сильвестра же составили письма къ алеппинцамъ, въ которыхъ увѣщевали послѣднихъ къ подчиненію и повиновенію патріарху. По прибытіи въ Алеппо Григорій вручилъ письма жителямъ этого города. Они стали оказывать ему почетъ и расположеніе, ходить въ церкви, посѣщать его и старались не выказывать передъ нимъ своего заблужденія, и не скрывали развѣ вотъ только нарушеній, совершаемыхъ въ постахъ. Патріархъ противъ этого ужъ не сталъ принимать никакихъ мѣръ и, полагая, что нарушеніе происходитъ по причинѣ трудности добывать съѣстные припасы въ Алеппо, не говорилъ объ этомъ ничего. Онъ увѣдомилъ обо всемъ тутъ происходящемъ константинопольскій Синодъ, который посмотрѣлъ на вещи одними съ нимъ глазами и предпочелъ миръ.

Сильвестръ отправляется собирать милостыню по православнымъ странамъ и отсутствуетъ шесть лѣтъ, а Григорій, соскучившись, тоже уѣзжаетъ изъ Халеба... Покинутые пастырями, халебинцы упрашиваютъ Константинопольскій Синодъ вернуть имъ изъ ссылки Герасима (латинствующаго). Герасимъ осторожно ведетъ Халебъ къ латинству, а патріархъ Сильвестръ разъѣзжаетъ по чужимъ землямъ.

л. 45—48. У патріарха возникла еще другая мысль, а именно отправиться въ Румынію за сборомъ средствъ для поддержанія апостольскаго престола ¹¹⁾, въ виду того, что на немъ накопилось очень много долговъ еще со временъ Кирилла, Неофита и Аѳанасія,—долговъ, явившихся результатомъ происходившихъ между этими патріархами враждебныхъ отношений. А къ тому же, вѣдь и воръ Серафимъ, какъ было указано немного выше, похитилъ все, что только нашелъ въ церкви и подворьѣ. На это путешествіе патріархъ Сильвестръ испросилъ разрѣшеніе у Синода. Отсутствіе Сильвестра по епархіи продолжалось въ теченіе шести лѣтъ. Что касается митрополита Григорія, то онъ, пробывъ въ Алеппо два года, въ концѣ концовъ соскучился, такъ какъ у него не было тамъ престола и, испросивъ разрѣшеніе и согласіе у алеппинцевъ, возвратился обратно въ Константинополь. Тамъ по своему пріѣздѣ Григорій доложилъ Синоду, что онъ не замѣтилъ со стороны алеппинцевъ никакихъ нарушеній въ вѣрѣ, кромѣ свободнаго отношенія къ постамъ, выражавшагося въ употребленіи рыбной пищи по средамъ и пятницамъ, а также въ томъ, что въ рождественскій постъ они постятся только пятнадцать дней, а въ апостольскій двѣнадцать. При этомъ онъ прибавилъ, что подобныя нарушенія происходятъ отъ недостатка пищи въ постные дни. Да въ дѣйствительности такъ и было; другими словами, епископъ Григорій говорилъ чистѣйшую правду и сообщалъ только свои личныя впечатлѣнія отъ поведенія алеппинцевъ, старавшихся не обнаружить передъ нимъ ровно ничего и даже не ѣвшихъ рыбы въ дни великаго поста. Синодъ повѣрилъ сообщенію Григорія. Что касается алеппинцевъ, то они въ свою очередь, увѣдомили Синодъ объ уходѣ митрополита изъ Алеппо и оставленіи имъ этого города, а равно и о томъ, что патріархъ ихъ Сильвестръ находится далеко въ отлучкѣ, да помимо того еще и гнѣвается на нихъ. А такъ какъ жителямъ епархіи по церковнымъ законамъ вообще не допускается быть безъ митрополита, то, если члены Синода найдутъ возможнымъ, пусть освободятъ митрополита Герасима изъ мѣста заключенія на островѣ Лимносѣ (? см. стр. 39), посланнаго туда еще патріархомъ Аѳанасіемъ, и пусть пришлютъ его къ нимъ. Расходы, тѣсно связанныя съ его возвращеніемъ, они готовы заплатить. Они ссылались при этомъ на то, что Герасимъ—бывшій ихъ митрополитъ и сынъ ихъ же города. Синодъ по полученіи только-что упомянутаго посланія былъ увѣренъ въ правотѣ алеппинцевъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе доклада Григорія, и полагалъ, что жители Алеппо мирно перейдутъ къ полнѣйшему подчиненію, а послѣднее, по ихъ мнѣнію, было бы лучше споровъ

¹¹⁾ Антиохійскіе патріархи считаются преемниками апостола Петра.

и всевозможныхъ пререканій. Но Синодъ и не подозрѣвалъ, что къ нимъ можно было совершенно справедливо отнести слова нашего Господа—хвала Ему: «Мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не плакали». (Ев. отъ Луки, гл. VII, 32). Ихъ нельзя было удержать облегченіями, ни привлечь дружественными отношеніями.

Уступая ихъ просьбѣ, Синодъ вернулъ митрополита Герасима изъ мѣста ссылки и заключенія, въ которомъ онъ пробылъ пять съ половиною лѣтъ, но строго-на-строго приказалъ ему поступать по правиламъ православной церкви, не возвращаясь снова къ прежнимъ заблужденіямъ, и возглашать имя патріарха Сильвестра. Герасимъ съ покорностью согласился на поставленныя условія и отправился въ Алеппо. По прибытіи своемъ въ Алеппо, Герасимъ былъ встрѣченъ жителями этого города со всевозможнымъ почетомъ и утѣшеніемъ въ перенесенныхъ имъ испытаніяхъ. При исполненіи своихъ обязанностей Герасимъ лично поступалъ очень осторожно. Хотя, какъ мы объ этомъ упомянули выше, онъ и принадлежалъ къ числу послѣдователей римской ереси, но все-таки, боясь новой ссылки, скрывалъ свою приверженность къ ней и лишь тайно въ сообществѣ съ единомышленниками проводилъ свои убѣжденія. Даже больше того: чтобы устранить всякія подозрѣнія, онъ провозглашалъ въ церкви имя патріарха Сильвестра и этимъ самымъ, хотя внѣшне, показывалъ видъ, что несетъ свои обязанности добросовѣстно, какъ это и подобаетъ православному епископу. Не хуже Герасима умѣли скрывать свои настоящія убѣжденія жители города Алеппо. Они всѣ безъ исключенія, какъ православные, такъ и неправославные, посѣщали церкви, оставаясь каждый въ глубинѣ души при своемъ настоящемъ мнѣніи. Между тѣмъ фратеры, римскіе сподвижники, не переставали вести враждебныхъ дѣйствій противъ православной вѣры, прибѣгая при этомъ ко всевозможнымъ средствамъ, какія только можно было пускать въ ходъ. Да и что важнѣе всего: они сѣяли ядъ своихъ заблужденій при тайномъ согласіи на то самого Герасима, привлекая такимъ путемъ ежедневно на сторону своего лжеученія большое количество послѣдователей.

Въ Дамаскѣ, пользуясь отсутствіемъ патріарха Сильвестра, возвращается изгнанный Серафимъ и, съ помощью европейскихъ посланниковъ, получаетъ султанскій берать на патріархію.

л. 48—50. Возвратимся снова къ несчастному вору-Серафиму, называемому иначе Кирилломъ Танасомъ. Онъ, послѣ бѣгства изъ Дамаска въ Ливанскія горы, скрываясь въ нихъ, занимался распространеніемъ ереси и также успѣлъ склонить къ принятію своего ложнаго ученія значительное количество мѣстнаго населенія. Продолжалось это до того самого момента, пока до него не дошло извѣстіе объ отъѣздѣ патріарха Сильвестра въ Румынію. Находя такой случай вполне для себя благопріятнымъ, Серафимъ прибѣгаетъ къ содѣйствію римскихъ миссіонеровъ и отправляетъ, вмѣстѣ съ большими взятками, письмо къ посламъ австрійскому и французскому, въ которомъ проситъ послѣднихъ исходатайствовать для него получение при-

казовъ отъ правительства Великой Порты, утверждающихъ его патріархомъ, на антїохійскую епархію. Онъ даже прямо заявляетъ имъ, что все это нужно для успѣшнаго распространенія проповѣди римскаго ученія въ прочихъ городахъ Востока и поголовнаго подчиненія жителей вышеупомянутыхъ городовъ западной церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ, значить, и папскому владычеству. [Справься, что писали объ этомъ римскіе миссіонеры]. Посланики, по полученіи письма Серафима, выхлопотали для него полученіе султанскихъ приказовъ, обычно выдаваемыхъ православнымъ патріархамъ, но—главное—сдѣлали это безъ вѣдома Константинопольскаго Синода и всѣхъ православныхъ христіанъ. Да послѣдніе и не могли знать объ этомъ, такъ какъ посланники сдѣлали все тайнымъ образомъ: съ одной стороны—путемъ вліянія своего западнаго посольства, что случалось и раньше, а съ другой стороны—при содѣйствіи знатныхъ армянъ, сторонниковъ римскаго ученія, тоже оказавшихъ имъ поддержку при Великой Портѣ. Серафимъ, по полученіи приказовъ, сейчасъ же отправляется въ Дамаскъ, столицу Сиріи, предъявляетъ тамъ вышеупомянутые приказы и занимаетъ патріаршій престолъ этой епархіи. Тогда къ нему начинаютъ стекаться всѣ тѣ, которые такъ давно съ нетерпѣніемъ его ожидали, и въ особенности тѣ, которые были согласны съ распространяемой имъ ересью. Что касается приверженцевъ православія, то они были удручены тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ пришлось подвергаться оскорбленіямъ и всевозможнаго рода притѣсненіямъ, какъ со стороны отступниковъ, такъ и ихъ архонта Серафима. Онъ,—подобіе непокорныхъ дьяволовъ, не удовлетворяется результатомъ настоящихъ своихъ дѣяній и дерзаетъ увѣдомить епископовъ всей епархіи, будто назначеніе его надъ ними патріархомъ произошло съ согласія Константинопольскаго Синода. При этомъ Серафимъ предписываетъ епископамъ отнынѣ возглашать его имя, а въ случаѣ несогласія и сопротивленія онъ подвергнетъ ихъ строжайшему суду. Не вѣрится, неужели этотъ воръ и злой насильникъ могъ рассчитывать, что епископы склонятся на его убѣжденія и повѣрятъ ему! Неужели Серафимъ могъ не сознавать, что онъ походитъ на вора, который похитилъ имущество изъ дома купца, находящагося въ отлучкѣ, и мнитъ себя господиномъ и имущества и дома. Неужели могъ найтись хоть одинъ человѣкъ, повѣрившій притязаніемъ Серафима, за исключеніемъ, можетъ быть, сторонниковъ его заблужденія да людей, согласныхъ съ нимъ относительно творимыхъ имъ дѣяній, которыя внушалъ ему дьяволъ.

Константинопольскій Синодъ вызываетъ законнаго патріарха Сильвестра изъ его странствованій и отправляетъ его, съ подтвердительнымъ султанскимъ указомъ, въ Сирію.

л. 50—52. Епископы не дожидались Серафима и, еще до полученія писемъ отъ него, увѣдомили сами Константинопольскаго патріарха и Святѣйшій синодъ о вторичномъ прибытіи вора-Серафима въ Дамаскъ и о всѣхъ его продѣлкахъ. Кромѣ того, они также просили Синодъ увѣдомить съ своей стороны патріарха Сильвестра обо всемъ происходящемъ и просить

его немедленно возвратиться въ свою епархію, чтобы тѣмъ самымъ избавить свое стадо изъ пасти герзающаго волка и вырвать изъ рукъ вора-похитителя. Въ случаѣ же, если патріархъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ не можетъ явиться во время, то пусть Синодъ приложитъ стараніе и найдетъ способъ удалить этого лицемѣра, принимая во вниманіе, что отъ чрезмѣрнаго зла, порождаемаго Серафимомъ, апостольскій престолъ близокъ къ разрушенію. Посланіе такого горестнаго содержанія, будучи получено въ Синодѣ, конечно, могло причинить членамъ его только великую печаль и заставило послѣднихъ скорбѣть объ антиохійскомъ престолѣ. Въ особенности удручающе подѣйствовала на Синодъ вѣсть объ исходатайствованіи для насильника и отступника Серафима султанскихъ приказовъ помимо Синода, при содѣйствіи австрійскаго и французскаго посланниковъ. Однако члены Синода ничего не могли предпринять до прибытія въ епархію законнаго патріарха Сильвестра, въ виду того, что у него-то въ рукахъ находились султанскіе указы, подтверждающіе его патріаршество. Кромѣ того они надѣялись, что если эти указы да будутъ еще подтверждены особымъ фирманомъ отъ правительства, то тогда у нихъ въ рукахъ будетъ сильная опора. Обсудивъ все это хорошенько, Синодъ посылаетъ увѣдомленіе патріарху Сильвестру, въ которомъ сообщаетъ ему подробно обо всемъ происшедшемъ. Послѣдній тотчасъ же является и, совмѣстно съ св. Синодомъ, пишетъ заявленіе въ Великую Порту о насильственномъ захватѣ воровъ-Серафимомъ антиохійскаго патріаршаго престола при жизни дѣйствительнаго, законнаго патріарха, безправіе тѣмъ болѣе важное что Серафимъ—латинянинъ и послѣдователь вѣры франковъ, а такого случая раньше не встрѣчалось при утвержденіи патріарховъ въ странахъ османской имперіи. Писали они и о томъ, что у Сильвестра въ рукахъ находятся подлинныя указы, и при этомъ сообщали вскользь объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ полученіе такихъ указовъ для вора-насильника Серафима черезъ западныхъ пословъ. Основываясь на всемъ вышесказанномъ, требовали отъ великой Порты подтвержденія указовъ, находящихся въ рукахъ Сильвестра, и отмены указовъ, принадлежащихъ насильнику-Серафиму. Все просимое было сейчасъ же исполнено, а вмѣстѣ съ тѣмъ данъ еще особый указъ объ изгнаніи Серафима. По полученіи такихъ указовъ патріархъ рѣшилъ отправиться въ Сирію.

Тѣмъ временемъ воръ-Серафимъ торжественно посѣтилъ Бейрутъ, гдѣ ужъ раньше образовалась уніатская община стараніями ибнъ-Сахкаля и успѣла отнять у православнаго бейрутскаго митрополита Неофита придѣлъ церкви св. Георгія. Серафимъ, прибывши, ставитъ бейрутинцамъ новаго митрополита—уніата Θεодосія Даххана.

л. 52—55. Тѣмъ временемъ насильникъ-Серафимъ, пробывъ нѣкоторое время въ Дамаскѣ, отправился оттуда въ Бейрутъ, гдѣ уже среди нѣкоторыхъ православныхъ, пользующихся уваженіемъ, къ этому времени былъ разлитъ смертоносный ядъ и обнародовано католическое ученіе такимъ же самымъ образомъ, какъ это имѣло мѣсто и въ Алеппо, Дамаскѣ, Акѣ и другихъ мѣстахъ. Причину успѣшнаго распространенія ложнаго ученія нужно

видѣть въ любви жителей къ роскоши и чревоугодію. Пропаганда этого ученія началась здѣсь очень рано и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ Бейрутѣ изъ Яфы прибылъ священникъ по имени ибнъ-Саккаль. Онъ, въ силу своей склонности къ взяткамъ и подаркамъ, поддался и былъ соблазненъ ученіемъ римскихъ миссіонеровъ подобно всѣмъ прочимъ, которыхъ они склоняли этимъ способомъ съ цѣлью сѣянія своихъ тлетворныхъ сѣмянъ. Такъ вотъ этотъ самый оболыщенный ибнъ-Саккаль сталъ въ свою очередь сѣять сѣмена ихъ ложнаго ученія въ сердцахъ и умахъ людей, поддавшихся и повѣрившихъ обману. Онъ облегчилъ жителямъ ѣду рыбы въ дни среды и пятницы, а равно и въ дни святого великаго поста, ссылаясь на то, что такое исполненіе постовъ не воспрещается закономъ, да и что, на самомъ дѣлѣ, посты не такъ уже необходимы для простаго народа. Въ этомъ якобы, можетъ убѣдиться всякій, кто прочтетъ законы, а епископы читать законы простому народу не разрѣшаютъ изъ боязни, какъ бы міряне не просвѣтились и не убѣдились въ ихъ лжи. Словомъ, онъ говорилъ въ такомъ родѣ. Какъ только голосъ его раздавался въ ушахъ большинства людей, любящихъ взятки и предающихся чревоугодію — они соглашались съ его мнѣніемъ, и такимъ образомъ мало-по-малу ибнъ-Саккаль сталъ привлекать жителей на сторону своей ереси, прибѣгая для этого ко всевозможнымъ средствамъ, какія только можно было пускать въ ходъ. Результатомъ явилось—сращеніе бейрутиицевъ.

Въ числѣ отступниковъ, согласившихся съ доводами ибнъ-Саккаля, были люди знатнаго рода, а именно:—члены дома Яредовъ и дома Даххановъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Георгій Дахханъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ у эмировъ и правителей, доставилъ священный санъ одному изъ членовъ своего семейства, и нарекли его Θεодосіемъ. Пользуясь вліяніемъ и силой своихъ послѣдователей, отступники взяли верхъ надъ православными христіанами и овладѣли сѣвернымъ предѣломъ алтаря, посвященнымъ во имя св. Ильи и находящимся въ церкви св. Георгія. Священники уніатовъ стали въ немъ совершать службу отдѣльно отъ православныхъ. Епископъ этого города Неофитъ отъ сильнаго волненія и гнѣва, возникшихъ въ его душѣ отъ того, что онъ чувствовалъ себя безсильнымъ оказать противодѣйствіе ихъ продѣлкамъ (а нужно принять во вниманіе, что правителями тогда были марониты изъ дома Шихабовъ и что успѣхи римской религіи у нихъ были значительны), получилъ тяжелую болѣзнь глазъ и лишился зрѣнія. Вотъ во время такого несчастья съ епископомъ Неофитомъ прибылъ въ Бейрутъ воръ - Серафимъ. Въ Бейрутѣ онъ съ большимъ торжествомъ и славой былъ принятъ вышеупомянутыми отступниками, а Георгій Дахханъ принесъ правителю-эмиру Мальхамъ-Шихабу большую сумму денегъ и показалъ ему указы отъ правительства, выданные черезъ посредство посланниковъ - папистовъ злосчастному Серафиму. Посмотрѣвши на эти указы, эмиръ далъ Серафиму и его общинѣ право завладѣть церковью. Это обстоятельство сильно опечалило православныхъ жителей, а между тѣмъ не было никого, кто могъ бы оказать имъ поддержку. Даже визирь сидонской области, къ которому можно было бы обратиться за содѣйствіемъ,

былъ смѣщенъ, а новый, назначенный на его мѣсто, еще не явился. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, они, естественно, могли только предоставить дѣло на волю Господню, не оставляющую ничего безъ попеченія. Между тѣмъ Георгій Даххънъ вмѣстѣ съ своими сторонниками потребовалъ отъ вора-Серафима, чтобы въ Бейрутѣ былъ рукоположенъ епископомъ Θεодосій. Серафимъ немедленно посылаетъ на Ливанскія горы и приказываетъ пригласить оттуда двухъ епископовъ: маронитскаго и сирскаго. Когда тѣ явились, это было ужъ послѣ полудня, но Серафимъ облачился вмѣстѣ съ ними въ церковныя одѣянія, облачилъ также епитрахилью и омофоромъ Неофита, принужденнаго явиться въ церковь по приказу правителя, и при такихъ обстоятельствахъ они совершили надъ Θεодосіемъ позорное посвященіе.

Извѣстіе о близкомъ пріѣздѣ законнаго патріарха Сильвестра заставляетъ Серафима и Θεодосія бѣжать изъ Бейрута на Ливанъ. Одновременно это же извѣстіе наноситъ ударъ его приверженцамъ въ Траболюсъ. Православные бейрутинцы вмѣстѣ съ ослѣпшимъ своимъ митрополитомъ Неофитомъ испрашиваютъ у Сильвестра новаго, благочестиваго митрополита для своего города — Іоанникія.

л. 55—58. Но, слава Богу, управленіе Θεодосія продолжалось недолго, всего только семь дней, съ утра понедѣльника до поздняго вечера субботы, такъ что они даже не имѣли возможности совершить воскресное богослуженіе. Божественное Провидѣніе не допустило такого дѣла. Случилось подобное тому, что произошло со святыми апостолами, когда они собрались вмѣстѣ изъ боязни передъ іудеями, послѣ воскресенія Христова. Между ними тогда явился Христосъ и разсѣялъ ихъ сомнѣніе. Вотъ такъ же произошло и въ Бейрутѣ. Когда вечеромъ въ субботу православные хрістіане собрались въ домъ одного изъ своихъ старѣйшихъ, блаженной памяти шейха Юнуса сына Николы, и стали предаваться великому горю и печали въ размышленіяхъ о томъ, гдѣ имъ въ воскресенье утромъ совершать литургію, къ нимъ внезапно прибыло извѣстіе, что сидонскій намѣстникъ — въ пути и находится въ Триполи, и что ему даны приказы отъ великой Порты о передачѣ православной церкви въ руки православной общины. Сообщалось также и о томъ, что патріархъ Сильвестръ отправился уже изъ Константинополя и скоро прибудетъ къ нимъ. Жители, получивъ такое утѣшительное увѣдомленіе, конечно, очень обрадовались и стали возносить хвалы Господу, творящему чудеса, дающему силу святой церкви и оказывающему поддержку правой вѣрѣ. Не то было съ Серафимомъ. Онъ въ ту же ночь, взявъ съ собою такъ позорно рукоположеннаго епископа, вмѣстѣ съ нимъ убѣгаетъ на горы Ливанскія, а онѣ въ то время были совсѣмъ неприступны, и ищетъ тамъ убѣжища. Выбралъ же это мѣсто Серафимъ еще потому, что ему удалось подарками и взятками расположить эмировъ и правителей въ свою пользу, дабы они его охраняли. Средства на подобныя нужды Серафимъ получалъ непрерывно отъ папскихъ миссіонеровъ¹²⁾.

¹²⁾ Относительно средствъ и источниковъ ихъ полученія см. у К. Базили: Сирія и Палестина подъ Турецкимъ владычествомъ. Спб. 1875 г. II, стр. 251—254.

Поселившись въ ливанскихъ горахъ, онъ началъ опять строить здѣсь монастыри и заселять ихъ монахами, послѣдователями его ложнаго ученія. А православные Бейрута, послѣ бѣгства Серафима, снова заняли церковь, и никто ужъ изъ отступниковъ послѣ этого не приближался къ ней.

Неудача постигла Серафима и въ Триполи. Надѣясь на свой прежній беретъ, которымъ давалась ему власть на занятіе церкви, Серафимъ копію фирмановъ отправилъ своему уполномоченному марониту. Посланіе это прибыло въ Триполи въ субботу днемъ. И такъ какъ нельзя же было противиться высочайшему повелѣнію, то пришлось уговориться, что православные отдадутъ свою церковь въ субботу вечеромъ, послѣ вечерни; такимъ образомъ у православныхъ отнималась возможность совершить въ ней литургію въ воскресенье. Не имѣя силъ противиться, православная община вмѣстѣ съ своимъ митрополитомъ Николаемъ, сыномъ шейха Ильи, предалась горю и вознесла громко мольбы къ Всевышнему, слезно прося у Него облегченія.

Мольбы ихъ были услышаны: во время вечерняго богослуженія и какъ разъ при чтенія вечерняго псалма *مزمور الغروب* явился ясаджидъ патріарха Сильвестра и принесъ имъ радостную вѣсть отъ патріарха о перемѣнѣ счастья для еретиковъ и о подкрѣпленіи православныхъ. Тотчасъ присутствующіе возрадовались, и въ церкви же раздались женскіе запѣвы (*زلاغيط*), всѣ усердно возносили хвалы Господу и праздновали день воскресенія. Клевретъ же лже-патріарха былъ опозоренъ.

Что касается его святости бейрутскаго епископа Неофита, то онъ, склонясь на просьбу старѣйшихъ изъ духовенства, послалъ къ патріарху Сильвестру увѣдомленіе о всемъ происшедшемъ, а именно: какъ приходилъ тиранъ-насилникъ Серафимъ, какъ онъ позорно рукоположилъ Θεодосіа въ епископы и какъ они убѣждали, узнавши о близкомъ прибытіи его святѣйшества; но—прибавлялъ Неофитъ—я ужъ ослѣпъ отъ горя и печали, причиненныхъ мнѣ отъ прежнихъ событій, а потому бейрутинцы просятъ, чтобы патріархъ выбралъ человѣка добродѣтельнаго, кроткаго и, рукоположивъ его епископомъ, немедленно прислалъ въ Бейрутъ. Посланіе это попало въ руки его блаженства во время его остановки въ Эрзерумѣ. При немъ какъ разъ тогда находился человѣкъ добродѣтельный—дьяконъ Іоанникій, уроженецъ Кипра, а потому патріархъ, получивъ вышеупомянутое посланіе, сейчасъ же рукополагаетъ Іоанникія священникомъ, а затѣмъ въ ближайшее воскресенье—епископомъ, и отправляетъ его въ Бейрутъ. Іоанникій по своему прибытіи въ Бейрутъ былъ принятъ съ почетомъ и уваженіемъ и занялъ кафедру этой епархіи. Неофитъ прожилъ послѣ этого не долго, скончался и былъ погребенъ въ Бейрутѣ, гдѣ онъ пробылъ слишкомъ тридцать лѣтъ митрополитомъ.

Однако въ Дамаскѣ и Халебѣ успѣхи патріарха Сильвестра значительно менѣе утѣшительны, и изгнанный воръ-Серафимъ тайнѣ продолжаетъ здѣсь имѣть своихъ послѣдователей.

л. 58—61. Патріархъ Сильвестръ, возвращаясь изъ своего путешествія, не заѣзжалъ ни въ Алеппо, ни въ другія мѣста, а тотчасъ же направился

въ Дамаскъ, столицу Сиріи. Православные жители этого города встрѣтили его со всевозможнымъ почетомъ и повѣдали ему съ горестью о дѣяніяхъ вора - Серафима. Выслушавъ жалобы, патріархъ сильно опечалился и главнымъ образомъ потому, что Серафимъ вторично ускользнулъ отъ его рукъ. Не въ меньшей степени опечалило его и то обстоятельство, что много народа, позволившаго себя обмануть этому нечестивцу и совращеннаго его клеветами, не пришло въ церковь. Патріархъ посылалъ за всѣми ими и увѣщевалъ ихъ, стараясь подѣйствовать на толпу ласковымъ обхожденіемъ, въ надеждѣ, что авось они возвратятся на правый путь отъ своихъ заблужденій. Когда же это не привело ни къ какимъ результатамъ, и совращенные не оставляли своихъ прежнихъ поступковъ, патріархъ рѣшилъ прибѣгнуть къ иному средству, а именно: порицаніямъ и угрозамъ. Эти мѣры также не оказывали на нихъ никакого воздѣйствія. Они, по прежнему, оставались твердыми въ своихъ сопротивленіяхъ и заблужденіяхъ. Къ нимъ можно было отнести слова посланника Божія: «отъ еретика послѣ перваго и втораго увѣщеванія отступи». Патріархъ, къ тому же боявшійся возможныхъ съ ихъ стороны какихъ-нибудь продѣлокъ, подобныхъ хотя бы продѣлкѣ алеппинцевъ, а именно какъ бы и они не замыслили покушенія на его жизнь, оставилъ ихъ въ покоѣ и ужъ не останавливалъ отъ заблужденій. Вѣдь въ нечистомъ западномъ ученіи, которому они предались по темнотѣ, допускается убить того, кто, по ихъ мнѣнію, еретикъ, похитить его достояніе и все, что только можно, а въ особенности—у православнаго. Они отдѣлились; назначили себѣ священниками лицъ изъ числа отпавшихъ отъ правой вѣры и изъ монаховъ, рукоположенныхъ Серафимомъ въ горахъ Ливана и согласныхъ съ римскимъ ученіемъ, чтобы они, не будучи обременены заботами о семьяхъ, могли свободно сѣять свое ученіе и заблужденіе: вѣдь Серафимъ нѣсколькихъ изъ нихъ прислалъ въ Дамаскъ и въ другія мѣста. Ходить по домамъ христіанъ эти лжесвященники могли лишь негласно, въ виду того, что правительство не подтвердило лже-избраніе самоправнаго вора-Серафима въ патріархи, но и негласно они разсѣвали сѣмена своего ложнаго ученія. Эти подвижники католической вѣры тайно въ домахъ христіанъ совершали и литургіи, и другіе обряды, за исключеніемъ вѣнчанія, крещенія и погребенія, которые совершались въ православной церкви, и жители платили имъ ¹³⁾ положенную — «нуріе» ¹⁴⁾ и крестильный сборъ; такое положеніе дѣлъ остается и доннѣ (т.-е. до времени покойнаго Абдаллаха Трада, писавшаго это) ¹⁵⁾. Патріархъ сильно печалился, видя, что даже и половина христіанъ не ходитъ и не посѣщаетъ церкви, а также и тѣмъ, что воръ-Серафимъ, послѣ вторичнаго похищенія всѣхъ вещей,

¹³⁾ кому «имъ», не ясно изъ контекста.

¹⁴⁾ «Нуріе» — или ежегодный сборъ съ епархіи въ пользу епископа — состоитъ въ томъ, что каждое семейство вноситъ по своимъ средствамъ и усердію отъ 10 к. до 2 1/2 р. сер. Цифры эти приведены у К. Базили въ цитир. сочиненіи на стр. 79.

¹⁵⁾ Приписка эта принадлежитъ, очевидно, Халилю Файяду, который списывалъ съ рукописи Абдаллаха Трада (см. л. 209).

принадлежащихъ православной церкви и патріархіи, укрылся на Ливанѣ и усердно старается привлечь къ себѣ и сбить съ пути большую часть и городского и сельскаго христіанскаго населенія.

Печалился патріархъ и оттого, что лицемѣръ-Герасимъ, освободившись изъ ссылки и вернувшись въ Халябъ (Алеппо), съумѣлъ развратить и остальную массу халябскихъ христіанъ, за исключеніемъ очень немногихъ, въ чемъ ему помогали римскіе миссіонеры. Приходилось однако терпѣть это, скрѣпя сердце, и утѣшаться словами Господа: «Мнѣ—отщепеніе, и Азъ воздамъ». Къ тому же съ своей стороны Герасимъ, изъ болѣзни новой ссылки, держалъ себя по внѣшности, какъ православный, возглашалъ имя патріарха Сильвестра и посылалъ ему ежегодный сборъ—«нузіѣе» и пособія.

Халябцы, при помощи своего земляка въ Константинополѣ, главнаго придворнаго врача Мансурія, добиваются султанскаго согласія на выдѣленіе Халябской митрополіи въ автокефальную епархію и намѣрены сдѣлать своимъ митрополитомъ Мансуріева брата Михаила.

л. 61-65. Такъ прошло пять лѣтъ. А жилъ въ это время одинъ чело-вѣкъ, по имени Мансурій, родомъ изъ Халяба, по профессіи врачъ, притомъ искусный. Этотъ Мансурій, поселившись въ Константинополѣ, отрекся отъ христіанства, принялъ исламъ и, этимъ путемъ, равно какъ своимъ замѣчательнымъ медицинскимъ умѣньемъ, достигъ того, что сдѣлался главнымъ врачомъ («хакимъ-башы») при Высочайшемъ дворѣ; вліяніе его здѣсь было огромно. Былъ у него братъ, монахъ, и какъ-разъ изъ числа тѣхъ, которые совратились въ вышеуказанную латинскую ересь. Когда халябцы про-вѣдали, что ихъ соотечественникъ аль-Мансурій достигъ такого высокаго положенія, они тайкомъ согласились безъ вѣдома Герасима и написали письмо къ монаху Михаилу;—такъ назывался братъ Мансурія. Михаилъ по письму явился къ нимъ. Они ему сообщили, что желали бы имѣть его своимъ епископомъ—въ виду того, что Герасимъ уже состарился, изнемогъ и не въ силахъ покрывать ихъ отпаденіе отъ православія и увлеченіе римскимъ идоломъ.—«Поэтому»—просили халябцы Михаила,—«ты напиши совмѣстно съ нами къ брату своему Мансурію, пусть онъ похлопочетъ объ отдѣленіи Халябской епископіи отъ Антіохійской епархіи и о признаніи самостоятельности за Халябскимъ митрополитомъ, который съ своей стороны будетъ выплачивать Верховному правительству годичный взносъ, равный взносу любого изъ патріарховъ».

Такое заявленіе, конечно, обрадовало священника Михаила, и онъ согласился исполнить ихъ просьбы. Онъ вмѣстѣ съ алеппинцами написалъ посланіе съ жалобой на притѣсненія, которымъ они-де подвергаются со стороны патріарха Сильвестра и которыя якобы нѣтъ никакой возможности переносить. При этомъ они прибавили, что возносятъ хвалу Всевышнему Творцу за возвышеніе его-Мансурія въ такую степень, за то что Онъ сдѣлалъ его, какъ соотечественника и единомышленника, помощникомъ и поддержкой для нихъ; они у него просятъ облегченія отъ несчастій, которыя они испытываютъ при Сильвестрѣ, а также просятъ похлопотать объ отдѣленіи алеппской епархіи отъ антіохійскаго патріархата, дѣлая, между прочимъ,

такую оговорку, что эта епархія пусть будетъ ввѣрена верховной власти Порты, и пусть епархія имѣетъ право на сохраненіе самостоятельности, платя ежегодно установленные взносы, какъ это дѣлаютъ и остальные патріархи. Избираютъ-де священника Михаила епископомъ именно потому, что въ лицѣ послѣдняго они отнынѣ найдутъ для себя поддержку.

Вмѣстѣ съ этимъ посланіемъ алеппинцы отправляютъ Мансурію щедрые подарки. Мансурій получивъ ихъ письмо, повѣрилъ ложнымъ заявленіемъ алеппинцевъ, и, естественно, какъ соотечественникъ, сильно пожалѣлъ о печальномъ положеніи послѣднихъ. Въ виду этого онъ приложилъ всяческія старанія къ исполненію ихъ желаній, а въ особенности того, чтобы назначенъ былъ для нихъ епископомъ его братъ Михаилъ. Для этого Мансурій немедленно отправляется въ великую Порту и добивается тамъ отдѣленія алеппской епархіи отъ антиохійской патріархіи, равно какъ и того, чтобы митрополитъ вышесказанной епархіи былъ признанъ зависящимъ отъ Порты. Что касается установленныхъ закономъ взносовъ, то рѣшено было посылать ежегодно 256 піастровъ великому визирю и 60 піастровъ дефтердару-эфендію. Мансурій одновременно получилъ и указъ на имя своего брата Михаила и переслалъ таковой жителямъ Алеппо вмѣстѣ съ отвѣтомъ съ своей стороны, въ которомъ сообщалъ о своей готовности исполнять всякія предлагаемыя ими требованія передъ правительствомъ. Алеппинцы, получивъ такой утѣшительный отвѣтъ, возрадовались, какъ говорится, великой радостью.

Все вышеупомянутое произошло втайнѣ: знали дѣло алеппинцы да священникъ Михаилъ, тогда какъ митрополитъ Герасимъ ровно ничего объ этомъ не зналъ. Получивъ приказы, выхлопотанные при содѣйствіи Мансурія, жители Алеппо явились къ митрополиту, убѣждая его отказаться отъ своего сана и рукоположить для нихъ еще при своей жизни священника Михаила. Добиться согласія митрополита они старались рѣчью слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ твое имя постоянно подвергается поношеніямъ вслѣдствіе подозрѣваемой за тобою склонности къ латинской вѣрѣ, то знай, что патріархъ не оставитъ тебя въ покоѣ, да и насъ съ тобою въ покоѣ не оставитъ, а вѣдь ты не забывай, что тебя извлекли изъ мѣста ссылки помимо его желанія и намѣренія; во вторыхъ, ты уже въ преклонныхъ лѣтахъ и слабъ, и не можешь рѣшать запутанныхъ дѣлъ паствы и ея тревогъ; въ третьихъ, ты долженъ опасаться, принимая во вниманіе свою старость, какъ бы не приключилось съ тобой неожиданно какого-нибудь несчастія; если же, чего добраго, это несчастіе случится, то патріархъ можетъ намъ прислать митрополитомъ какого-нибудь чужеземца, и мы снова очутимся въ непріятномъ положеніи. Для тебя, значить, выгодно отказаться добровольно; мы же, въ свою очередь, возьмемъ на себя заботы и попеченія о средствахъ для твоего существованія; если ты такъ поступишь, почетъ и уваженіе къ тебѣ сохранятся и, пожалуй, даже станутъ больше прежняго». Но всѣ разговоры алеппинцевъ ни къ чему не привели. Патріархъ отвѣтилъ имъ, что онъ не согласенъ отказаться и оставить свою кathedру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и епархію.

Ворвавшись ночью въ келію Герасима, халепинцы насильственно принуждаютъ его и бывшаго хомскаго митрополита Игнатія рукоположить Михаила и отречься отъ каведры въ его пользу.

л. 65—68. Этотъ отказъ со стороны Герасима послужилъ началомъ возникшихъ между нимъ и алеппинцами споровъ и породилъ великую распрю, въ теченіи которой они не оставляли митрополита въ покоѣ. Дѣло дошло до того, что, наконецъ, однажды ночью, по минованіи ея первой трети, алеппинцы явились къ Герасиму въ келію. Какъ разъ въ это самое время у него находился Игнатій, бывший раньше эмесскимъ митрополитомъ; родомъ онъ изъ Алеппо. Это, замѣтимъ, тотъ самый Игнатій, который былъ при патріархѣ Аѳанасіи іеродиаконъ и въ то же время тайно принадлежалъ къ числу лицъ, совращенныхъ ученіемъ римскихъ миссіонеровъ. Патріархъ, не зная этого, назначилъ Игнатія епископомъ въ Эмессу незадолго передъ своей смертью и отправилъ туда. Въ Эмессѣ Игнатій не оставался покойнымъ и началъ пускать въ ходъ всевозможныя средства для распространенія своего грязнаго ученія. Жители этого города питали къ нему сильное отвращеніе, но изъ уваженія къ его наставнику ничего не предпринимали противъ Игнатія. Но зато послѣ смерти патріарха эмессы прогнали Игнатія отъ себя, боясь, какъ бы онъ не склонилъ жителей на сторону своей ереси. Потерпѣвъ въ Эмессѣ неудачу, Игнатій отправился въ Алеппо, а это, вѣдь, была его родина, и поселился тамъ. Но вернемся къ старому. Итакъ этотъ Игнатій въ вышеупомянутую ночь засидѣлся у митрополита Герасима. Къ нимъ неожиданно ворвалась толпа католиковъ и обратилась съ такою рѣчью: «Мы настаиваемъ на томъ, чтобы вы намъ рукоположили священника Михаила». Герасимъ и Игнатій отказались отъ этого. Алеппинцы настаивали все-таки на своемъ, говоря: «Волей не волей, а вы его должны рукоположить; въ противномъ случаѣ мы войдемъ въ соглашеніе съ патріархомъ Сильвестромъ насчетъ васъ обоихъ и сошлемъ въ заточеніе». Тогда епископы, взявъ воду, выпили ее, чтобы этимъ самымъ показать, что они, принявши пищу, не могутъ исполнить службы литургіи и обряда рукоположенія. Алеппинцы на это имъ сказали: «Съѣшьте хотя барана, мы и этого не станемъ принимать въ соображеніе, пока вы не рукоположите намъ священника Михаила». Тутъ, епископы, убѣдившись, съ одной стороны, что они не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ передъ такой многочисленной толпой, а съ другой—побоявшись быть сосланными въ особенно-сти Герасимъ, который пять съ половиною лѣтъ пребывалъ въ заточеніи, гдѣ потерялъ было всякую надежду на освобожденіе, должны были отправиться въ церковь, совершить литургію и рукоположить священника Михаила. Это было совершено только устами безъ сочувствія сердца, потому-что Герасимъ громко хиротонисалъ, а потихоньку проклиналъ и отлучалъ Михаила. Новорукоположенному дали имя Максима вмѣсто прежняго Михаила, уступая и въ этомъ случаѣ требованіямъ толпы.

Когда Максимъ сдѣлался епископомъ, алеппинцы вмѣстѣ съ нимъ перестали скрывать свое отступничество, выказали свою и его приверженность къ заблужденіямъ католическимъ и стали ставить своихъ священниковъ, согласныхъ съ лжеученіемъ. Христіанъ же, не соглашавшихся съ ними и

остававшихся твердыми въ своей вѣрѣ—они отдавали въ руки судебныхъ властей; иногда отпускали, запугивая ссылками и даже угрожая смертью; бѣдныхъ же подкупали деньгами и подарками. Тяжело было положеніе христіанъ, исповѣдавшихъ святую вѣру и оставшихся ей вѣрными. Они находились въ презрѣніи и сильно печалились. Одни изъ нихъ разбѣжались, уходя въ другое отечество, на чужбину. другіе старались всячески укрыться, оставаясь на мѣстѣ. Страшно было смотрѣть на гоненіе противъ христіанъ, воздвигнутое лицемѣромъ Максимомъ, епископомъ отступниковъ, и на ненависть къ православнымъ; это превосходило гоненія прежнихъ еретиковъ, подобныхъ ему (спаси насъ Господи отъ сего явнаго заблужденія!).

Когда жители Алеппо достигли своей цѣли, они сказали своему бывшему митрополиту Герасиму: «Отправляйся на гору Ливанъ и живи тамъ въ монастырѣ; мы же будемъ давать тебѣ средства для существованія». Герасимъ не хотѣлъ на это согласиться, а потому они отправили его насильно. По прибытіе его въ монастырь св. Михаила архистратига они опредѣлили ему содержаніе. Но это было только нѣкоторое время; въ концѣ концовъ они отняли и это. Герасимъ отъ лишеній заболѣлъ какой-то болѣзнію въ колѣняхъ. Монахи вышеупомянутаго монастыря прописали ему средство: кипяченую воду съ сухой травой, въ которую и нужно будетъ поставить ноги. Онъ согласился и приказалъ имъ приготовить это средство. Но, какъ только онъ поставилъ свои ноги въ приготовленное снадобье, то не успѣвши ихъ вытащить, закричалъ: «ахъ, ахъ, я горю!» и затѣмъ испустилъ духъ.

Примѣчаніе (л. 68, срв. л. 34—35).

Знай, что смерть Герасима, рукоположеніе епископомъ Максима, а также рукоположеніе вора-Серафима въ пещерѣ—все это передано со словъ Игнатія, митрополита Эмессы, упомянутаго выше. Смотри же, какъ самъ Господь принудилъ Игнатія высказать правду, чтобы она была для нихъ вѣчнымъ воспоминаніемъ о позорѣ! Онъ вѣдь былъ изъ числа епископовъ латинской вѣры, и ему алеппинцы назначили опредѣленное содержаніе и отправили на гору Ливанъ (гдѣ онъ погибъ). Свидѣтельство это даже сами католики не могутъ считать ложнымъ, потому что Игнатій, какъ это указано выше, былъ однимъ изъ ихъ епископовъ и главнымъ распространителемъ ихъ ученія; онъ сначала изъ своей эмесской епархіи удалился въ Алеппо, а затѣмъ на Ливанъ. Относительно рукоположенія несчастнаго Серафима, — рукоположенія, происшедшаго въ пещерѣ, — есть свидѣтельство и отъ армянскаго епископа, который былъ вмѣстѣ съ блаженной памяти бейрутскимъ патріархомъ Неофитомъ. Онъ утверждаетъ, что Серафима вовсе не рукополагали, но предали внутри той пещеры проклятію и поруганію и что они были пьяны: принуждены же они были это сдѣлать по приказанію правителя, угрожавшаго имъ смертью въ случаѣ отказа; рукоположеніе это состоялось безъ избранія со стороны епархіи и паствы, а просто воровски. Что же касается рукоположенія и назначенія Максима, то свидѣтельство объ немъ тѣмъ достовѣрнѣе, что самъ Игнатій присутствовалъ при совершеніи обряда и потому зналъ, что оно было совершено по принужденію и подъ угрозами, а не по приказу патріарха, путемъ хищенія у епископа, назначен-

наго въ эту епархію и при его жизни, вопреки церковному закону. Герасимъ лично передавалъ Игнатію, что во время рукоположенія гнѣвъ огнемъ пылалъ въ его душѣ, а потому онъ отлучилъ рукополагаемаго и гнѣвался на него. И, право, онъ не виноватъ въ томъ, до чего его довели. Его можно уподобить тому человѣку, который сочетался бракомъ съ любимой женщиной, послѣ того какъ для достиженія этой цѣли претерпѣлъ много непріятностей: и вотъ, когда онъ сталъ уже ея полновластнымъ господиномъ, къ нему являются жестокіе насильники, увлекаютъ его жену противъ ея воли, сочетаютъ ее съ другимъ, на его собственныхъ глазахъ, и принуждаютъ, чтобы онъ на свадьбѣ вторгшагося пришлеца призывалъ на него благословеніе Творца съ пожеланіями ему всякаго благополучія. Что можно сказать о такомъ человѣкѣ? Неужели можно допустить, чтобы онъ дѣйствительно сталъ благословлять этого насильника и посылалъ ему благія пожеланія въ душѣ своей и помыслахъ? Это вѣдь недопустимая вещь. Такъ и при рукоположеніи Михаила: хотя по принужденію и противъ воли Герасимъ устами своими посылалъ благословеніе, но во всякомъ случаѣ въ глубинѣ сердца онъ долженъ былъ проклинать Михаила*).

Семь лѣтъ длилась уніатская автономія Халѣбской митрополіи. Съ потерей вліянія Мансуріемъ, Сильвестръ добился ссылки митрополита Максима (Михаила) и назначилъ вмѣсто него Геннадія, а когда тотъ оказался безсильнымъ справиться съ халѣбцами, — непреклоннаго Софронія. Воспользовавшись отсутствіемъ Халѣбскаго губернатора, уніаты напали на митрополищѣе подворье.

(л. 75—82). Когда патріархъ Сильвестръ узналъ о случившемся въ Алеппо, а именно: о рукоположеніи Максима, возникновеніи уніи и гоненіи, воздвигнутомъ противъ православныхъ, онъ сильно горевалъ и скорбѣлъ, не будучи въ состояніи что-нибудь подѣлать, такъ какъ вѣдь почти всѣ жители Алеппо совратились въ унію, за исключеніемъ очень немногихъ изъ нихъ, оставшихся вѣрными своей правой вѣрѣ, да и то скрывавшихъ приверженность вслѣдствіе сильнаго гоненія. Но что всего болѣе связывало руки патріарху, такъ это — покровительство, оказываемое уніатамъ Мансуріемъ, главнымъ врачомъ султана. При такихъ обстоятельствахъ патріарху, конечно, ничего не оставалось, какъ только предоставить это дѣло на волю Всевышняго Творца и ждать Его рѣшенія. Подобное положеніе дѣлъ въ Алеппо продолжалось семь лѣтъ, — до тѣхъ поръ пока патріархъ, отправившись лично въ Константинополь, не узналъ тамъ, что Мансурій удаленъ отъ занимаемой имъ должности. Послѣ того патріархъ Сильвестръ тотчасъ же сталъ дѣйствовать за одно вмѣстѣ съ Синодомъ. Онъ сталъ преслѣдовать свои цѣли до тѣхъ поръ, пока, хотя и съ большимъ трудомъ и при помощи значительныхъ затратъ и взятокъ, не успѣлъ исходатайствовать приказъ о возвращеніи митрополита алеппскаго подъ его начало, или собственно — Алеппской епархіи Антиохійскому престолу. Патріархъ Сильвестръ добился также приказа о ссылкѣ Максима, вмѣсто котораго на должность митрополита алеппскаго онъ съ согласія Синода назначилъ Геннадія и послалъ послѣдняго въ Алеппо. Максимъ узналъ объ этомъ еще до прибытія Геннадія. А потому, захвативъ изъ церкви всѣ ризы, священные сосуды и утварь,

*) Здѣсь кончается переводъ В. О. Кулака.

бѣжалъ съ ними къ собрату своему Кириллу Танасу въ Кесруанъ, гдѣ они оба стали привлекать многихъ православныхъ къ уніи*). Прибывъ въ Алеппо, Геннадій на первыхъ порахъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія со стороны уніатовъ. Онъ принялъ церковь и немногихъ христіанъ, оставшихся твердыми въ православіи, и сталъ совершать богослуженіе въ церкви. Приверженцы же уніи (а они были многочисленны) нѣкоторое время совершали литургію въ своихъ домахъ. Но затѣмъ, благодаря своему коварству, они добились того, что митрополитъ согласился уступить имъ и въ самой церкви одинъ или два придѣла, гдѣ бы священники для нихъ совершали литургію, но только послѣ окончанія службы православныхъ. Однако уніаты, не довольствуясь этимъ, до того забылись въ своей дерзости, что даже выразили желаніе совершать свою службу раньше православныхъ, и въ концѣ концовъ благодаря своему нахальству и хитрости, таки изгнали совершенно православныхъ и овладѣли ихъ церковью. Тогда Геннадій бѣжалъ въ Константинополь. Патріархъ Сильвестръ находился еще тамъ. Онъ счелъ нужнымъ замѣстить Геннадія, пославъ на мѣсто послѣдняго Софронія, прежняго митрополита Акарскаго, человека добродѣтельнаго и просвѣщеннаго. Сначала этотъ митрополитъ сумѣлъ понравиться жителямъ Алеппо и привлечь ихъ къ православію. Но это обращеніе длилось не долго: сыновья, какъ и отцы, снова приняли свою вѣру. Они стали просить Софронія, какъ раньше просили и Геннадія, уступить имъ въ церкви нѣсколько придѣловъ. Софроній отказалъ имъ въ этомъ, послѣ чего они нагло стали настаивать на своемъ требованіи и дошли до того, что посылали дѣтей своихъ бросать въ митрополита камни при его выходѣ изъ церкви. Софроній пожаловался губернатору Алеппо Саадъ-эддину пашѣ, который пригрозилъ злодѣямъ и наказалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но немного спустя, въ то именно время, когда Саадъ-эддинъ паша отправился на паломничество, эти злодѣи за извѣстную сумму денегъ подкупили намѣстника послѣдняго и напали на митрополита въ его подворьи.

Мученія, которымъ уніаты подвергали Софронія въ теченіи 4½ мѣсяцевъ. Изгнаніе Софронія изъ Халыба.

(л. 82 – 85). Тутъ, ворвавшись неожиданно къ митрополиту, они поносили его, плевали въ его пречистое лицо, а въ довершеніе всего заключили его въ маленькую келью во внѣшнемъ подворьи, приставивъ къ нему сторожей, которые караулили бы патріарха и днемъ и ночью. чтобы ему не представилось удобнаго случая для побѣга и чтобы никто изъ христіанъ не приходилъ къ нему. Мало того, къ нему приходили люди специально съ цѣлю насмѣхаться надъ нимъ и поносить его; и, подобно тому какъ это продолжалось съ Господомъ его Богомъ, они кивали ему головами и скрежетали на него зубами, словно желая поглотить его. «Нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ и ищетъ его умертвить, но Господь не отдастъ его въ руки его». (Псаломъ 36.) Стекались къ мѣсту заключенія и дѣти ихъ и, швыряя въ него камнями, кричали: «А ну-ка, гдѣ-ты,

*) На поляхъ рукописи (л. 42) о. Илья Можалъ слѣлалъ свою приписку: «Вѣроятно, они жили въ монастырѣ Маръ. Юханна т. Табпе подъ Шуэйромъ. Этотъ монастырь принадлежитъ къ округу Кясруанскому, и въ немъ кромѣ мѣстныхъ монаховъ жила и халевинцы».

лжецъ! пойдѣ-ка теперь въ свою церковь пѣть со своимъ народомъ и паствой!..» Они ругали его неприличными словами и, глядя на него черезъ маленькія окна, издѣвались надъ нимъ и плевали въ его лицо.

Плохо приходилось тому изъ христіанъ, кого они встрѣчали возлѣ подворья: сейчасъ подступали къ нему и расправлялись, говоря: «Ты пришелъ навѣстить своего митрополита? Мы его похоронили живьемъ. А вскорѣ и васъ всѣхъ сотремъ съ лица земли». Каково жъ было положеніе митрополита! Заключенный внутри той маленькой, темной кельи, онъ днемъ и ночью долженъ былъ сидѣть на полу, такъ какъ тамъ вовсе не было никакой постели. (л. 84). Мало того: ему не позволяли даже выходить наружу для отправленія естественныхъ потребностей, а заставляли выполнять это внутри той же кельи—въ теченіе ровно четырехъ съ половиной мѣсяцевъ!

Попеченіе Господа о немъ проявилось въ лицѣ одной православной женщины, вдовы покойнаго Ханны, сына Ильеса. Дѣти ея изъ-за постоянного преслѣдованія покинули Халѣбъ, но сама она все время оставалась тамъ, и при ней была лишь маленькая дочь. Ежедневно она съ дочуркою ходили къ окошку митрополита, закрытыя *), такъ что никто не могъ узнать ихъ среди прочихъ женщинъ и дѣвушекъ, приходившихъ любоваться и издѣваться надъ нимъ: онъ вѣдь сталъ обычнымъ посмѣшищемъ и предметомъ униженія для враговъ своихъ, хотя и оставался образцомъ для терпѣливыхъ вѣрующихъ. Эта женщина съ дочерью тайкомъ приносили митрополиту что-нибудь поѣсть и ловко бросали это черезъ маленькія окна, такъ что присутствующіе не замѣчали. Если бъ не состраданіе этихъ двухъ женщинъ, то митрополитъ померъ бы отъ голода, потому что подлые люди отпускали ему ежедневно только унцію сухого хлѣба изъ отрубей, который можно было ѣсть развѣ съ крайнимъ отвращеніемъ. (л. 85). Все подобное переносилъ этотъ святой отецъ, благодаря Всевышняго Творца за то, что Онъ, Преславный, сподобилъ его, подобно мученикамъ и святымъ, претерпѣть это гоненіе за правую вѣру; поддержку находилъ онъ въ молитвахъ, подобныхъ молитвамъ Даніила во рву львиномъ.

(л. 85). По истеченіи этого тягостнѣйшаго 4¹/₂-мѣсячнаго заключенія, жители Халѣба, узнавши о скоромъ возвращеніи Са'д-эд-дина-паши, вернули митрополиту свободу, но предварительно взяли съ него росписку, что онъ больше не вернется въ Халѣбъ. Софроній принужденъ былъ согласиться на такую росписку, далъ ее и уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и разсказалъ все, что съ нимъ случилось. Патріархъ Сильвестръ, чувствуя, что онъ лично не въ состояніи поправить дѣла, съ грустью только взиралъ на то, какъ ослабѣваетъ и гаснетъ православіе въ Халѣбѣ.

*) Во многихъ глухихъ городишкахъ Палестины и Сиріи до сихъ поръ женщины христіанки ходятъ укутанныя изарами и закрытыя вуалями-мандилями, словно мусульманки. Въ большихъ центрахъ этотъ обычай, конечно, исчезъ, хотя вызываетъ нареканія со стороны очень старыхъ людей, какъ своего рода развратъ.

Патріархъ Антіохійскій Сильвестръ уступаетъ Халѣбскую митрополию Константинопольскому патріарху. Константинопольскій Синодъ изгоняетъ уніата Максима и назначаетъ на халѣбскій престолъ Филимона. По смерти патріарха Сильвестра (1766) избираютъ Филимона въ Антіохійскіе патріархи. Ему наследуетъ на патріаршемъ престолѣ Даніилъ (1767), хотя въ числѣ кандидатовъ былъ Іоанникій, митрополитъ Бейрута. Постройка бейрутскими уніатами особой церкви. Перестройка бейрутскими православными своей церкви сопровождается несчастіемъ.

л. 87—104. Наконецъ, увидѣвши необходимость сложить съ себя и предоставить другимъ хлопоты о томъ, какъ бы помочь дѣлу, антіохійскій патріархъ Сильвестръ уступилъ, по требованію Синода, халѣбскую епархію константинопольскому патріарху. Этотъ послѣдній поспѣшилъ назначить халѣбскимъ митрополитомъ Филимона, своего синодальнаго архіерея, и отправилъ его въ Халѣбъ въ сопровожденіи турецкаго правительственнаго комиссара (1753 г.).—л. 92. Когда прибылъ митрополитъ Филимонъ, то уніатъ Максимъ, который съ успѣхомъ претендовалъ было на митрополичій престолъ, освободившійся послѣ изгнанія православнаго Софронія паствою изъ Халѣба, теперь снова бѣжалъ въ Кясуранъ. Жители Халѣба не рѣшились устроить прибывшему Филимону какую-нибудь враждебную демонстрацію. Число православныхъ было тогда очень незначительно; они имѣли только одного священника, да и то очень стараго.

л. 93. Патріархъ Сильвестръ умеръ 13 марта 1766 г. въ Дамаскѣ. Соборъ епископовъ избралъ въ антіохійскіе патріархи Софронія, того самаго, который былъ нѣкогда митрополитомъ въ Халѣбѣ и пострадалъ отъ уніатовъ; но самъ Софроній отказался принять избраніе. Послѣ многихъ затрудненій, константинопольскій патріархъ предложилъ дамасскому собору избрать въ антіохійскіе патріархи Филимона, поставленнаго отъ Константинополя въ митрополиты халѣбскіе. Предложеніе было исполнено (въ концѣ апрѣля 1766 г.). Филимонъ, отправляясь на патріаршій престолъ, назначилъ на свое мѣсто въ Халѣбъ своего архидіакона Неофита. Вскорѣ однако новый патріархъ Филимонъ умеръ, въ Лаодикии (5 іюля 1767 г.). л. 99. На антіохійскомъ престолѣ наследовалъ ему Даніилъ, избранный по настоянію патріарха константинопольскаго; мѣстные же сирійскіе епископы выставляли кандидатами въ свои патріархи Іоанникія Бейрутскаго, Макарія Сидонскаго и другихъ.

Въ Бейрутѣ за этотъ періодъ, во время епископства Іоанникія, часто происходили раздоры между православными и уніатами изъ-за храма. Наконецъ уніаты, видя, что имъ не справиться съ православными, приобрѣли себѣ садъ отъявленнаго бейрутскаго пьянчуги Абу-Бешира и построили тамъ свое собственное уніатское подворье съ церковью. Кромѣ того, они отвоевали у православныхъ придѣлъ св. Іліи.—л. 100. Православные тогда рѣшили разобрать свою церковь—она ужъ очень обветшала—и перестроить ее. Митрополитъ Іоанникій былъ противъ перестройки, и потому паства спѣшно привела свой планъ въ исполненіе тогда, когда митрополитъ находился съ прочими митрополитами въ Дамаскѣ. Во время службы 4-го марта 1767 года колонны, подпиравшія своды церкви обрушились, и 87 человекъ

погибло подъ развалинами. Спустя три мѣсяца возобновилась перестройка, ужъ болѣе прочная и основательная. Закончена она была 1-го марта 1772 года. 27-го марта того же года, вечеромъ, въ Страстную пятницу, первый разъ начали совершать въ ней богослуженіе.

Бомбардировка Бейрута русской эскадрой съ 7 мая 1772 года. Бѣгство богатыхъ христіанъ на Ливанъ. Русскіе одолеваятъ мусульманъ и одинаково грабятъ какъ дома мусульманскіе, такъ и христіанскіе. Послѣ изгнанія русскихъ на суда, Бейрутъ подвергается грабежу горцевъ-друзовъ. Получивши отъ бейрутскаго эмира Юсифа окупъ, русскіе отплываютъ къ Аккѣ. Опираясь на ихъ помощь, аккскій правитель шейхъ Дѣгеръ возстаетъ противъ Порты и старается овладѣть городами сирійскаго побережья, въ томъ числѣ и Бейрутомъ.

л. 104—107. Послѣ этого, въ четвергъ, слѣдовавшій за Вознесеніемъ, именно 7-го мая (1772 г.), прибыла къ Бейруту русская эскадра и открыла бомбардировку по городу. На жителей города напалъ страхъ. Послали они русскимъ съѣстные припасы и узнали отъ нихъ, что они намѣрены овладѣть городомъ. Правитель Бейрута, эмиръ Юсифъ Шихабъ, находился въ отсутствіи.

Бейрутскіе мусульмане проявили ожесточенное сопротивленіе русскимъ и стрѣляли въ нихъ изъ пушекъ — съ бортовъ крѣпости и башни («Бюржъ»), находившейся у гавани; они защищали и окрестности города, такъ какъ у Бейрута не было ни стѣнъ, ни другихъ башенъ.

Знатные христіане-бейрутинцы во время этой суматохи бѣжали со своими семьями на Ливанъ, оставляя свое имущество и добро въ магазинахъ каравансараяхъ и домахъ. Въ понедѣльникъ на первый день петровскаго поста солдаты, находившіеся на русскихъ военныхъ корабляхъ («гальюнахъ»), высадились на берегъ (л. 105) и вступили въ сраженіе съ жителями, которые строили у воротъ Сантіи стѣну изъ кулей и сундуковъ, наполненныхъ пескомъ, и рыли окопы. Въ ночь перваго дня поста десантъ вступилъ въ городъ, и первымъ мѣстомъ, куда онъ пришелъ, былъ каравансарай эмира Юсуфа. Русскіе его ограбили, равно какъ ограбили и дома христіанъ, находившіеся по сосѣдству съ нимъ, взявъ все, что можно было унести съ собой, изъ пожитковъ, утвари и имущества, хотя и легкое по вѣсу, но дорогое по цѣнѣ. Спустя нѣкоторое время послѣ этого, мусульманскіе жители города одержали надъ ними верхъ и прогнали ихъ обратно къ судамъ. Пользуясь этимъ случаемъ, горные жители друзья, какъ знатные — такъ и простые крестьяне, спустились въ городъ и начали грабить все, что находили въ домахъ и магазинахъ, а именно: всякаго рода имущество, пожитки и товары, разбивая одну фарфоровую посуду и стекло, которыя нельзя было унести съ собой. Только въ кварталъ Минâ (портовой части города) христіане потерпѣли значительный убытокъ отъ такого грабежа ихъ домовъ и магазиновъ, такъ какъ другая часть города, выдающаяся въ море, была защищаема мусульманами. Между тѣмъ прибылъ Са'дъ-эль-Хури, министръ эмира Юсуфа, и отпустилъ русскихъ съ миромъ, причемъ дѣло у нихъ кончилось тѣмъ, что онъ (Саадъ) уплатилъ имъ 300.000 піастровъ.

(л. 106). Русскіе взяли эти деньги и удалились къ Аккѣ; они были приглашены шейхомъ Дагеръ эль Омаромъ, правителемъ Акки, для того, чтобы овладѣть для него Бейрутомъ, если будутъ въ состояніи это сдѣлать. Поступалъ онъ такъ потому, что обнаружилъ неповиновеніе противъ Высокой Порты и согласился съ Али-беемъ, правителемъ Египта, соединиться съ русскими; событіе это имѣло мѣсто во время султана Мустафы (III-го) и продолжалось до времени султана Абдуль-Хаида. (Такъ написано въ оригиналѣ, но, кажется, смыслъ этого тотъ, что во время этихъ обоихъ султановъ тянулася война съ русскими *). Что касается эмира Юсуфа Шхаба, правителя Бейрута, то онъ не сошелся съ ними въ этомъ.

Дегеръ-эль-Омаръ, правитель Акки, потянулся далеко, взялъ Яффу и поставилъ въ ней своего намѣстника, затѣмъ взялъ Сидонъ при помощи силы шейховъ мотуалиевъ, правителей области Саффетъ, и поставилъ въ ней своимъ намѣстникомъ мавра, по имени Мухаммеда-Агу-Денгизли, но надежда завладѣть Бейрутомъ обманула его. Между тѣмъ эмиръ Юсуфъ Шхабъ собралъ сильное войско и отправился въ сопровожденіи его свѣтлости Османа-паши, намѣстника Сиіи, противъ Акки, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ вторично собралъ войско съ Ливана, отправился противъ Сидона вмѣстѣ съ его свѣтлостью губернаторомъ Халилемъ, но и здѣсь не имѣлъ успѣха по предопредѣленію, о которомъ знаетъ промыселъ Божій.

На помощь эмиру Юсуфу бейрутскому противъ завоевательнаго Дѣгера аккского, дамасскій губернаторъ присылаетъ конницу подъ начальствомъ Джеззаръ. Джеззаръ дѣлается полновластнымъ хозяиномъ Бейрута, и встревоженный эмиръ Юсуфъ бейрутскій мирится съ Дѣгеромъ аккскимъ, чтобы совмѣстно дѣйствовать ужъ противъ Джеззаръ. Тогда Дѣгеръ проситъ союзную ему русскую эскадру пойти на Бейрутъ вновь,—и русскіе за плату 600.000 піастровъ соглашаются начать вторичную осаду Бейрута.

л. 107-114. Когда русская эскадра ушла, эмиръ Юсуфъ написалъ Осману-пашѣ въ Дамаскъ письмо, прося послѣдняго прислать ему гарнизонъ въ Бейрутъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней прибылъ гарнизонъ въ числѣ 400 всадниковъ, подъ начальствомъ Ахмеда Джеззара. Эмиръ Юсуфъ оказалъ имъ хорошій пріемъ и приказалъ имъ повиноваться ему. Нѣсколько дней спустя Джеззаръ сталъ набирать новыхъ солдатъ, чтобы достроить укрѣпленія. Такъ какъ Джеззаръ сталъ собирать подати, то эмиръ Юсуфъ потребовалъ отчета о дѣйствіяхъ такого рода. Джеззаръ далъ весьма уклончивый отвѣтъ, а когда эмиръ продолжалъ настаивать на своемъ требованіи, Джеззаръ отвѣтилъ, что онъ вернетъ ему городъ по прошествіи 40 дней. Но на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было: работы по сооруженію укрѣпленій продолжались съ удвоенной энергіей, вслѣдствіе чего эмиръ Юсуфъ все болѣе и болѣе беспокоился. Наконецъ, придя въ отчаяніе, онъ держитъ совѣтъ со своими совѣтниками, результатомъ котораго и было постановленіе: просить свиданія съ Дагеромъ эль-Омаромъ, правителемъ Акки, для того

*) То, что въ скобкахъ, написано краснымъ черниломъ и принадлежитъ переписчику.

чтобы на свиданіи эмиръ могъ попросить у него помощи. Они написали письмо Дагеру-эль-Омару, прося послѣдняго о свиданіи подъ предлогомъ переговоровъ о мирѣ. Свиданіе состоялось около Сидона, у гробницы пророка Іоны. Къ гробницѣ пророка Іоны явился эмиръ Юсуфъ въ сопровожденіи членовъ своей семьи и шейха Ливана; сюда же со своей свитой прибылъ и шейхъ Дагеръ-эль-Омаръ.

(л. 113). Такъ состоялась ихъ встрѣча; противники подали другъ другу руки, помирились и заключили союзъ, причемъ эмиру Юсуфу было оказано полное уваженіе со стороны шейха Дагера. Они совѣщались другъ съ другомъ о дѣлѣ осады Джеззара въ Бейрутѣ. Эмиръ Юсуфъ просилъ шейха Дагера помочь ему своимъ совѣтомъ, на что шейхъ Дагеръ отвѣтилъ: «я напишу на островъ Паросъ требованіе о прибытіи русской эскадры въ Египетъ для оказанія помощи Али бею (вѣдь Али-бей, какъ разъ тогда отправился изъ Акки въ Египетъ, гдѣ былъ разбитъ и раненъ самъ, послѣ чего и умеръ) и, если придутъ корабли, пусть онъ отправитъ ихъ для осады Бейрута съ морской стороны, а ты собери свое войско и спустишься (съ горъ) къ Джеззару, чтобы осадить его съ суши». Порѣшивъ на этомъ, они разстались весьма дружелюбно и условились продолжать переписку другъ съ другомъ. Послѣ того какъ шейхъ Дагеръ отправился въ Акку, прибыла русская эскадра, и онъ направилъ ее въ Бейрутъ, чтобы она, осадивъ и взявъ его, передала послѣдній во власть эмира Юсуфа. Русскіе сошлись съ эмиромъ на 600.000 піастровъ, которые онъ долженъ былъ уплатить имъ послѣ взятія Бейрута. Къ городу прибыли большія и малыя военныя суда, числомъ до 40; явился со своимъ войскомъ и эмиръ Юсуфъ сухимъ путемъ, и начали осаду, открывъ огонь по городу.

Осажденный въ Бейрутѣ, Джеззаръ нѣсколько мѣсяцевъ храбро отражаетъ всѣ атаки русской эскадры. Только 2 ноября 1773 г. при посредничествѣ шейха Дагера аккскаго, Джеззаръ мирно покидаетъ Бейрутъ и удаляется наконецъ въ Стамбулъ.

л. 114—116. Кто можетъ описать, какіе труды пришлось перенести жителямъ города и войску Джаззара! Днемъ и ночью они находились на стѣнахъ или у моря, преимущественно въ кварталѣ Сантіи. Русскіе устроили тамъ валъ и окопы, поставили пушки и производили ночью внезапныя нападенія. Пушечные и ружейные залпы, крики людей и шумъ нападенія на (городскія) стѣны можно было слышать на разстояніи шести часовъ (ходьбы). Всякій разъ какъ они разрушали часть стѣны, Джеззаръ и горожане тотчасъ возобновляли ее, возводя передъ (разрушенной) стѣной другую стѣну изъ пустыхъ сундуковъ и кулей, наполненныхъ пескомъ. Дѣло все шло своимъ порядкомъ, и осада тянулась. Войско сухопутное не приносило пользы, такъ какъ шейхи стакнулись съ Джеззаромъ, и войско ихъ мало-по-малу разбѣгалось.

Когда капитанъ русской эскадры Адольфъ Михайловичъ *) и помощникъ его (второй капитанъ) графъ И. Войновичъ (?کونت جواى?) увидѣли

*) Капитанъ Кожуховъ.

такое положеніе сухопутнаго войска, то были огорчены этимъ и хотѣли уѣхать. Эмиръ Юсуфъ находился въ затруднительномъ положеніи и на колѣняхъ долженъ былъ умолять обоихъ капитановъ не уходить, прежде чѣмъ возьмутъ городъ. Тѣ, увидя дѣйствительно весьма затруднительное положеніе эмира, сжалились надъ нимъ и изъ сожалѣнія къ нему обѣщали продолжать осаду до тѣхъ поръ, пока не овладѣютъ городомъ, потребовавъ однако, чтобы онъ далъ имъ поручителя объ уплатѣ денегъ, или заложника. Эмиръ далъ имъ въ качествѣ заложника своего племянника, эмира Мусу. Они возобновили осаду и усилили нападенія.

Такъ дѣло продолжалось въ теченіе 4 мѣсяцевъ, при чемъ они не могли овладѣть городомъ, такъ какъ войско Джаззара и жители съ большимъ ожесточеніемъ защищали его. Послѣдніе не терпѣли нужды ни въ чемъ, ни въ военныхъ снарядахъ, ни въ сѣстныхъ припасахъ, а только развѣ въ нѣкоторыхъ незначительныхъ предметахъ, на которые цѣны повысились, какъ напр., турецкаго и персидскаго табаку.

Послѣ этого состоялась переписка между капитанами и Джаззаромъ, причемъ они приглашали къ себѣ другъ друга. (л. 116). Джаззаръ съ безопасностью для себя побывалъ на эскадрѣ; пріѣзжалъ въ городъ въ свою очередь и графъ Войновичъ, чтобы погостить у Джаззара, и ему былъ оказанъ полный почетъ. Но послѣ того какъ онъ вернулся на эскадру, возобновилась осада, и положеніе дѣлъ стало совершенно невыносимымъ; обѣ стороны находились въ затруднительномъ положеніи: эскадру ставила въ такое (стѣсненное) положеніе зима, непогода и продолжительность осады, а жителей—чрезмѣрная усталость. Наконецъ шейхъ Дагеръ сталъ посредникомъ мира между обѣими сторонами; состоялось соглашеніе, по которому Джаззаръ съ безопасностью можетъ выйти изъ города, а также будетъ пропущено его войско и имущество сухимъ путемъ, и никто не будетъ противодѣйствовать ему въ этомъ.

Такъ кончилось дѣло. Джаззаръ вышелъ изъ города 2-го ноября 1773 года со своими людьми и имуществомъ и направился въ Акку къ шейху Дагеру, а войско свое распустилъ. Нѣкоторое время онъ оставался у шейха, затѣмъ послѣдній послалъ его въ Шафа - Омаръ для наблюденія за аккуратнымъ поступленіемъ ячменя въ государственные амбары. Джаззаръ взялъ муловъ для перевозки ячменя и всадниковъ, отправился въ Шафа-Омаръ, откуда также взялъ нѣсколько всадниковъ, и бѣжалъ съ ними въ Стамбулъ. О немъ еще будетъ рѣчь впереди.

Передача Бейрута русскимъ законному бейрутскому эмиру Юсуфу Шхэбу. Заключеніе мира между Россіей и Турціей и окончательный уходъ русскихъ изъ Бейрута.

(л. 117). Когда Джаззаръ вышелъ изъ Бейрута, въ него вошелъ эмиръ Юсуфъ и вся семья Шхэбовъ; въ городъ вступили также и оба капитана русской эскадры. Войско ихъ помѣстили въ крѣпости и башняхъ, при чемъ Русскіе развернули свои флаги. Денежная контрибуція была разложена между христіанами и мусульманами; ее собрали и уплатили обоимъ

капитанамъ. Тѣ взяли ее и отплыли, оставивъ изъ своей среды въ крѣпости и башняхъ около ста человѣкъ, которые бы поднимали флагъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Такое положеніе дѣлъ продолжалось около 1 $\frac{1}{2}$ года. Затѣмъ былъ заключенъ миръ между турецкимъ правительствомъ и русскими. Русскія суда собрались и ушли совсѣмъ изъ Средиземнаго моря. Тогда эмиръ Юсуфъ сказалъ русскимъ, оставшимся въ Бейрутѣ, чтобы они спустили флагъ и вышли сами изъ крѣпости и башенъ, послѣ чего русскіе передали крѣпость и башни мусульманамъ.

Съ цѣлью смирить аккского шейха Дагера, къ берегамъ Сиріи является османскій флотъ. Абу-Захабъ, начальникъ османскаго флота, ознаменовавшій себя истребленіемъ христіанъ, гибнетъ ночью отъ руки пророка Іліи.

(л. 117—118). Послѣ этого Высокая Порта нарядила капуджи-баши съ прошеннымъ фирманомъ къ Дагеру-эль-Омару. А между тѣмъ Мухаммедъ-бей Абу-з-Захабъ отправилъ изъ Египта многочисленное войско сухимъ путемъ и государевъ флотъ моремъ, чтобы они по своемъ прибытіи завладѣли областями, которыми правилъ Дагеръ-эль-Омаръ. Прежде всего онъ, подойдя къ Яффѣ, осадилъ ее и, убивъ всѣхъ знатныхъ христіанъ, сложилъ изъ ихъ головъ гору. Съ этого времени страхъ овладѣлъ жителями Акки, Бейрута, Триполи, Ливана и всей Сиріи. Христіане города Акки бѣжали въ Бейрутъ, а христіане Бейрута хотѣли бѣжать на Ливанъ, но прѣвитель задержалъ ихъ. Тогда они отправили тайкомъ свои семьи изъ города безъ всякихъ пожитковъ. Горе христіанъ, находившихся въ смущеніи и великомъ страхѣ, разсѣялъ Всевышній (да будетъ Ему славословіе). Причиной этого было то, что Абу-з-Захабъ, переѣзжая изъ Яффы въ монастырь Св. Іліи (Марліаса) на (горѣ) Кармилѣ, разрушилъ его и въ эту ночь видѣлъ ревностнаго пророка, который, придя къ нему, мучилъ его, а на слѣдующій день задушилъ его. «Дивны дѣла Господа, совершаемыя черезъ его святыхъ». Распространилась вѣсть о его смерти, но люди не вѣрили этому. На слѣдующій день (это былъ день Троицы) слухъ подтвердился, люди удивлялись, радовались, славили Господа и, переставъ бояться за свою жизнь, вернули свои семьи и принялись за свои дѣла.

Прибытіе новой турецкой эскадры въ Сирію. Взятіе Акки и гибель шейха Дагера. Порты въ правители Акки ставятъ Джеззара. Джеззаръ устроившись въ Аккѣ, вовлекаетъ также въ сферу своего вліянія Бейрутъ и Ливанъ, управляемые эмиромъ Юсифомъ Шхэбомъ.

(л. 118—119). На второй годъ снова прибыла турецкая эскадра подъ начальствомъ капитана Гази Хасана-паши Джазаирскаго. Турки осадили Акку и легко и быстро овладѣли ею *), причемъ закололи Дагеръ-эль-Омара **), а Ибрагима Саббага и Денгизли, правителя Сидонскаго,

*) Вслѣдствіе измѣны Денгизли, который заклепалъ пушки и далъ знать объ этомъ Хасаву.

**) У Базиліи сказано, что его убилъ одинъ мавръ выстрѣломъ изъ ружья.

взяли въ плѣнъ; они конфисковали казну ихъ, состоявшую изъ неисчисли-
мыхъ сокровищъ, а также казну Али-бея. Дѣло въ томъ, что онъ, послѣ
своего удаленія изъ Египта, прибылъ въ Акку и отдалъ казну свою
тамъ на храненіе, послѣ чего отправился въ Египетъ, гдѣ былъ убитъ.
Всю эту казну взялъ капитанъ-паша и удалился. Въ Константинополѣ
Ибрагима Саббага и Денгизли казнили, но оставили (въ живыхъ) сына
Дагера-эль-Омара и обѣщали ему милость, а онъ между тѣмъ умеръ. Въ
этотъ промежутокъ времени послали Мухаммеда-пашу эль-Азама правите-
лемъ въ Сидонъ. Онъ короткое время оставался тамъ, затѣмъ былъ пере-
веденъ въ Румелию, послѣ чего Высокая порта выказала свое благоволеніе
по отношенію къ Ахмеду-бею Джаззару, даровала ему дружбу (دواخ) и по-
слала его намѣстникомъ въ Акку; по прибытіи въ городъ въ душу эмира
Юсуфа, правителя Бейрута и Ливана, запалъ страхъ: онъ послалъ Джаз-
зару дары и поздравленіе съ назначеніемъ на Аккскій постъ. И пришло
къ нему въ отвѣтъ отъ Джаззаръ благоволеніе и обезпеченіе, что онъ мо-
жетъ править Бейрутомъ и Ливаномъ по-старому. Послѣ этого Бейрутъ
на нѣкоторое время успокоился, такъ какъ Джаззаръ проявлялъ необычно-
венную справедливость во всей своей провинціи.

Вскорѣ къ Бейруту прибываетъ еще одна турецкая эскадра по поводу семилѣтнихъ недо-
имокъ. Едва она отъѣзжаетъ, какъ Джеззаръ Аккскій рѣшается совершенно овладѣть
Бейрутомъ и прогнать эмира Юсифа Шхэба. Домоправитель эмира Юсифа договяетъ
отъѣхавшій турецкій флотъ и приглашаетъ прійти на помощь противъ Джеззара. Вер-
нувшемуся турецкому адмиралу Джеззаръ отвѣчаетъ притворнымъ повиновеніемъ, а когда
тотъ окончательно уѣзжаетъ, Джеззаръ повелѣваетъ своему визирю держать Бейрутъ
въ осадномъ положеніи.

л. 119—123. Затѣмъ вторично прибыла въ Бейрутъ турецкая эскадра,
требуя недоимокъ и податей за 7 лѣтъ, накопившихся за то время, когда
правительство было занято (войной), Сидонъ былъ безъ правителя, а Ли-
ванъ вышелъ изъ повиновенія. (л. 120). Когда хищная эскадра подѣхала,
на жителей Бейрута и правителей его напалъ страхъ; правители и хри-
стіане бѣжали на Ливанъ; остались въ городѣ одни только мусульмане. Въ
то время, какъ эскадра подходила еще къ Кипру, она встрѣтилась съ венеці-
анскимъ судномъ, нагруженнымъ приблизительно 100 центнерами шелка, ве-
зеннаго изъ Бейрута и предназначеннаго египетскимъ купцамъ. Капитаномъ
на этомъ суднѣ былъ Хаджи Алій Звейнъ, родомъ изъ Сидона. Эскадра
овладѣла этимъ судномъ, причемъ шелкъ конфисковали, а Алія Звейна повѣ-
сили на мачтѣ. Что касается купцовъ, то они готовы были уплатить боль-
шую сумму денегъ въ выкупъ за шелкъ, но капитанъ-башы не пошелъ
на это, и причина этого та, что шелкъ стали перегружать въ то время,
какъ галеры таможеннаго вѣдомства стояли въ заливѣ.

По прибытіи эскадры въ Бейрутъ послали требовать отъ эмира Юсуфа,
находившагося на Ливанѣ, недоимокъ податей за 7 лѣтъ. Тогда выступили
шейхи областей и объявили капитану, что у эмира Юсуфа есть фирманы
отъ правительства, прощающіе недоимки податей за 3—4 года, а за осталь-

ные годы у него есть квитанціи отъ Османъ-паши, уполномоченнаго султана, намѣстника Дамасскаго, выданныя взаимнѣ расходоу, которые взялъ на себя эмиръ Юсуфъ во время 2-хъ походовъ противъ Дагера-эль-Омара: перваго — противъ Акки съ Османомъ-пашой, а второго — противъ Сидона съ правителемъ Халилемъ-пашой. Такимъ путемъ, а также подношеніемъ подарковъ, они удовлетворили капитана Хасана-пашу, который послѣ этого рѣшилъ уѣхать изъ Бейрута.

Въ то время, какъ эскадра удалилась изъ гавани и стала выходить въ открытое море, вдругъ Джаззаръ и его конница неожиданно подступили къ Бейруту, чтобы овладѣть имъ, какъ нѣкогда. Но объ этомъ узналъ негръ Вакидъ, завѣдующій имѣніемъ эмира Юсуфа. Онъ, взявши лодку (фелуку) догналъ капитана и извѣстилъ его о прибытіи Джаззара. Такъ какъ между ними были нелады и такъ какъ Хасанъ-паша выдалъ эмиру Юсуфу грамоту на управленіе Бейрутомъ и Ливаномъ въ качествѣ намѣстника султана, то тотчасъ вернулся съ эскадрой, высадился на берегъ и сталъ засѣдать въ диванѣ. Джаззаръ, узнавъ о его прибытіи, пришелъ привѣтствовать его. Хасанъ-паша тотчасъ принялъ его сдержанно, говоря: «Что за причина твоего прихода въ Бейрутъ?» Джаззаръ отвѣчалъ: «Это мой городъ, я и пришелъ сюда (въ него)». Хасанъ-паша возразилъ ему: «Онъ принадлежитъ не тебѣ, а эмиру Юсуфу». (л. 122). Джаззаръ отвѣтилъ: «Султанъ пожаловалъ его мнѣ, какъ принадлежащій къ моей провинціи, и я не намѣренъ предоставлять власти надъ нимъ эмиру Юсуфу». Хасанъ-паша сказалъ ему: «Я въ качествѣ уполномоченнаго султана пожаловалъ городъ ему (эмиру Юсуфу) и желаю, чтобы ты немедленно же вернулся въ Акку; въ противномъ случаѣ я уничтожу тебя и дамъ отвѣтъ султану». Джаззаръ, услышавъ такое заявленіе со стороны Хасана-паши, рѣшилъ уйти изъ города со своими людьми. Паша послалъ извѣстить эмира о случившемся, а также и о томъ, что Джаззаръ готовится выступить изъ города и что при немъ находится небольшое число всадниковъ; пусть они встрѣтятъ его на дорогѣ и расправятся съ нимъ. Извѣстіе это пришло къ эмиру Юсуфу; между тѣмъ Джаззаръ вышелъ изъ Бейрута, а Хасанъ-паша удалился со своей эскадрой, зная, что сила горцевъ (Ливана) такова, что они одолѣютъ Джаззара, стѣснятъ его и овладѣютъ городомъ.

Но по предопредѣленію, о которомъ знаетъ Богъ, это было первое несчастіе горцевъ Ливана и начало счастья Джаззара, что часть всадниковъ отправилась къ границамъ Сидона и съ ними дѣти шейха Колейба Накада, шейхъ Вакидъ и сынъ его дяди, и небольшое число всадниковъ, которые были пьяны. Они сразились съ Джаззаромъ (л. 123) и его воинами и были разбиты, причемъ всадники Джаззара захватили въ свои руки шейха Вакида, сына шейха Кулейба Накада, и сына его дяди, а остальные убѣжали. Джаззаръ помѣстилъ ихъ въ крѣпости Сидона.

Когда объ этомъ пришло извѣстіе къ эмиру Юсуфу и жителямъ Ливана, они были потрясены и растерялись и не осмѣливались явиться въ Бейрутъ, такъ какъ эскадра удалилась. Они стали придумывать средства къ освобожденію дѣтей шейховъ изъ крѣпости Сидона, ибо въ это время и

самъ шейхъ Кулейбъ Накадъ, и его семья пользовались вліяніемъ и поче томъ на Ливанѣ, а эмиру Юсуфу принадлежала власть только номинально. Шейхъ Кулейбъ Накадъ, пользовавшійся вліяніемъ въ странѣ, и всѣ приверженцы его написали Джаззару и предлагали ему деньги, но онъ не освобождалъ ихъ, пока они спустя нѣкоторое время сами не убѣжали изъ крѣпости при содѣйствіи христіанина изъ числа жителей Дейръ-эль-Камара, по имени Іоанна.

Джаззаръ послалъ своего «кяхью», приказавъ ему держать въ осадномъ положеніи Бейрутъ при помощи немногочисленнаго войска.

Осадное положеніе Бейрута въ рукахъ Джеззарова «кяхьи». Невыносимыя бѣдствія бейрутскихъ христіанъ-купцовъ, не убѣжавшихъ съ остальными на Ливанъ. Кровавое и грабительское хозяйничанье Джеззара по всему Ливану.

л. 123—125. Кяхья запретилъ горцамъ-друзамъ являться въ Бейрутъ ради какихъ бы то ни было надобностей. Что касается знатныхъ христіанъ изъ Бейрута, то они со времени прибытія турецкой эскадры не переставали жить на Ливанѣ; поэтому кяхья Джаззара не нашелъ (передъ собой) никого изъ христіанъ, кромѣ купцовъ, и сталъ онъ ихъ заключать въ темницу, мучить, а нѣкоторыхъ заставлялъ уплатить непосильную сумму денегъ, и такъ какъ у нихъ не было средствъ для уплаты, то они представляли поручителей, послѣ чего ихъ отпускали собирать милостыню у ихъ друзей, живущихъ на Ливанѣ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они, вернувшись, уплатили требуемую сумму. Были между ними такіе, которыхъ онъ казнилъ сажаніемъ на колъ, продѣваніемъ крюка и посредствомъ повѣшенія; поступилъ онъ съ ними такъ жестоко вслѣдствіе доноса клеветниковъ утверждавшихъ, что будто бы они провинились во время войны съ русскими. Между прочимъ прибыло греческое судно, нагруженное кассіей*). На этомъ суднѣ было 7 молодыхъ грековъ, на которыхъ наклеветали, что они были въ русской эскадрѣ. Кяхья Джаззара задержалъ ихъ и, когда они не пожелали отказаться отъ своей вѣры, повѣсилъ ихъ на сикоморахъ**). Съ этого времени настало весьма бѣдственное положеніе для христіанъ, переселившихся на Ливанъ, явившееся послѣдствіемъ дороговизны, осады, горя, пребыванія на чужбинѣ и опасенія, что оставшіеся въ городѣ люди убиты или заключены въ темницу, мучимы и унижаемы. Джаззаръ сталъ помогать своему кяхьѣ войскомъ и деньгами для охраны города. Войско размѣщалось въ домахъ христіанъ и разорило городъ, какъ прежде; (л. 125) оно не дало людямъ собрать шелкъ во время его сезона и разграбило станки.

*) Непонятное мѣсто; можетъ, вмѣсто شنبّر قیشای следовало бы ожидать турецкаго چنبر قایی, что значитъ «дровяникъ», судно для перевозки дровъ.

**) Сикоморы, о которыхъ идетъ рѣчь, растутъ (въ числѣ 3) въ самой людной части города Бейрута, и по ихъ имени эта часть называется «Сикоморный базаръ» (Су' жюм-мейзе). Находится неподалеку отъ гавани и такъ называемаго «Буржа».

Когда Джаззаръ увидѣлъ, что съ удаленіемъ эскадры изъ всего (Средиземнаго) моря для него настало благопріятное время и что онъ сталъ властитель страны съ задержаніемъ шейховъ, то собралъ войско и послалъ его произвести внезапно нападеніе на границы страны, прежде всего на Шуфъ, что въ сторонѣ Сидона. Войско его стало бить, грабить, похищать (имущество), затѣмъ вернулось обратно, причемъ никто не оказывалъ ему сопротивленія изъ опасенія за задержанныхъ дѣтей шейховъ. Послѣ этого Джаззаръ отправилъ войско въ область Бука (البقاع), предписавъ ему сжечь имущество и посѣвы жителей Ливана и ограбить ихъ. Намъ не хватило бы мѣста въ этомъ краткомъ очеркѣ упомянуть о всѣхъ происшествіяхъ, которыя имѣли мѣсто во время Джаззара. Все время онъ перемѣнялъ правителей, оставаясь доволенъ послѣдними только при уплатѣ ими крупной суммы денегъ. Для удовлетворенія Джаззара, на жителей Ливана были наложены чрезвычайные налоги, и люди продавали свое добро по самой низкой цѣнѣ. Затѣмъ, бывало, разсердился Джаззаръ вторично на правителя и смѣститъ его, требуя большей суммы денегъ, чѣмъ прежде.

Бейрутскіе христіане, жившіе уже три года на Ливанѣ и бѣдствовавшіе, посылаютъ къ Джеззару посломъ его прежняго пріятеля—православнаго шейха Юноса Нгуля. Джеззаръ ставитъ Юноса на должность главнаго откупщика Бейрутскаго и даетъ большія полномочія. При Юносѣ бейрутскіе христіане возвращаются въ свой городъ, въ томъ числѣ — православный митрополитъ Макарій и униатскій митрополитъ Игнатій.

л. 125—128. Что касается христіанъ Бейрута, то они испытывали горе вслѣдствіе трехлѣтняго пребыванія на чужбинѣ и очень тяготились бездѣйствіемъ и расходами, не находя средствъ выйти изъ этого положенія (л. 126). Шейхъ Юнусъ Никула (Юна Николаевичъ) рѣшилъ написать Джаззару, прося свиданія съ нимъ, и послалъ ему прошеніе свое черезъ христіанина-‘алайіица, по имени Соломона Иваба (въ другой рукописи — جواب). Джаззаръ былъ расположенъ къ упомянутому мужу и къ шейху Юнусу, такъ какъ Джаззаръ, по своему изгнанію изъ Египта, прибывъ въ Бейрутъ во время правленія эмира Юсуфа, часто посѣщалъ шейха Юноса въ таможнѣ, причемъ шейхъ оказывалъ ему почтеніе, и Джаззаръ помнилъ это. Поэтому тотчасъ, какъ прибылъ къ нему Соломонъ, онъ принялъ его съ довольнымъ выраженіемъ лица; съ радостью взялъ письма отъ шейха и отвѣтилъ ему такъ, какъ привыкъ всегда ему писать: «О, ты, слава тебѣ подобныхъ, вѣрный своимъ словамъ, нашъ почтенный шейхъ Юнусъ Никула!» Джаззаръ приказалъ ему явиться къ себѣ въ Акку, и быть спокойну въ душѣ и помыслахъ своихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Шейхъ тотчасъ собрался изъ городка «ساحل علیا»*) и, взявъ съ собой приличный подарокъ, отправился. Когда Джеззаръ узналъ о его прибытіи, онъ приказалъ отвести ему подобающее помѣщеніе, гдѣ бы онъ могъ остановиться. Состоялось свиданіе съ Джаззаромъ. Когда шейхъ былъ представленъ (передъ нимъ), Джаззаръ исполнилъ всѣ его желанія и ока-

*) Этотъ городокъ находится вблизи Акки.

заль величайшее почтеніе. Въ это время на службѣ у Джаззара въ качествѣ завѣдующихъ его дворцомъ находились и пользовались вліяніемъ два бывшихъ учителя Михаилъ и братъ его Петръ, сыновья Іоанна Сакружа (л. 127), такъ какъ они были еще со временъ Дагера-эль-Омара писцами въ Аккѣ. Въ виду расположенія самого Джаззара къ шейху Юнусу Никулѣ, о которомъ мы упомянули раньше, и въ виду пребыванія въ его дворцѣ этихъ православныхъ *سکاکة*, онъ пожаловалъ ему великолѣпный халатъ и назначилъ его таможеннымъ досмотрщикомъ въ Бейрутѣ и надзирателемъ за благоустройствомъ города и поручилъ ему, въ свою очередь, назначить намѣстникомъ и тафикджи-баши, кого онъ пожелаетъ. Поручилъ ему Джеззаръ завѣдывать бейрутскими чыфтыками, которые прежде были владѣніемъ эмировъ Шагабовъ, а со временъ Джеззара и до настоящаго времени составляютъ принадлежность казны.

Шейхъ Юнусъ прибылъ въ Бейрутъ и назначилъ мутасаллимомъ (т. е. намѣстникомъ области) Ахмеда-агу изъ Тортуса, а самъ сталъ засѣдать въ тамождѣ, причемъ подъ началомъ его находился братъ его Салимъ. Шейхъ послалъ христіанамъ Бейрута приказъ отъ имени визиря *) и письма отъ себя, чтобы они явились съ Ливана и вновь отстроили свои дома, разрушенные войскомъ, и занялись своими дѣлами. Между тѣмъ христіане, какъ мы уже раньше упомянули, очень скучали вслѣдствіе пребыванія на чужбинѣ и тяготились расходами, бездѣйствіемъ и тѣмъ, что остались несобранными ихъ посявы; къ тому же все время правители Ливана налагали на нихъ насильственные налоги. Когда пришла грамота Джеззара и письма шейха Юноса, (л. 128) христіане вполне довѣрились ему: они сами и ихъ семьи пожелали вернуться въ городъ. Вслѣдствіе своей обходительности шейхъ Юносъ написалъ его святости митрополиту Макарію, чтобы и онъ явился и привелъ съ собой митрополита католическаго Игнатія для успокоенія своей паствы. Всѣ вернулись (въ городъ), и не осталось на Ливанѣ никого, кромѣ Фѣриса Деххѣна и братьевъ его, ибо онъ, будучи очень состоятельнымъ человѣкомъ, тратилъ свои деньги на правителей Ливана и не желалъ видѣть шейха Юноса Никулу въ такомъ почетѣ, такъ какъ сильно ненавидѣлъ его изъ-за религіозныхъ и мірскихъ соображеній. Далѣе будетъ упомянуто, какой вредъ причинилъ христіанамъ этотъ несчастный **).

*) Надо помнить, что визиремъ очень часто титулуется здѣсь Джеззаръ (въ качествѣ султанскаго визиря), хотя у него были и собственные визири.

**) Дальнѣйшая исторія шейха-Юноса и его столкновеній съ Фѣрисомъ Деххѣномъ продолжается на л. 139 и слѣд.; впрочемъ конецъ л. 128-го, отнесенный мною въ начало слѣдующей главы, относится, повидимому, тоже непосредственно къ исторіи шейха-Юноса. А то, что здѣсь далѣе написано на л. 129—139, имѣетъ очевидный характеръ механической вставки и даже плохо согласуется съ подробностями продолженія исторіи шейха-Юноса.

Благодеяніе Бейрута полъ финансовымъ управленіемъ шейха Юноса нарушается возстаніемъ бывшаго бейрутскаго эмира Юсифа Шхэба на Ливанѣ. Джеззаръ прибываетъ изъ Акки въ Бейрутъ и велитъ христіанамъ носить иновѣрческія платья. Захватъ эмира-Юсифа въ плѣнъ и отправка въ Акку. Возвращеніе его изъ Акки и кровавая его расправа съ враждебными ему ливанскими эмирами. Противъ эмира Юсифа Шхэба выступаетъ войско Джеззара.

л. 128—132. Когда переселившіеся христіане вернулись, они занялись исправленіемъ своихъ домовъ и принялись за свои дѣла и занятія. Положеніе дѣлъ въ городѣ улучшилось; между мусульманами и христіанами во время короткаго правленія шейха Юноса существовало полное согласіе. Въ Бейрутѣ, отовсюду, стали стекаться люди, лишь только стало извѣстно, что наступилъ покой и безопасность. Визирь-Джаззаръ хорошо управлялъ жителями своей области, такъ что люди желали ему продолжительной жизни.

Продолжалось такъ это до тѣхъ поръ, пока въ Бейрутѣ не прибылъ однажды Джаззаръ, чтобы отправить войско противъ Ливана; онъ (л. 129) не поладилъ съ эмиромъ Юсуфомъ и послалъ войско осадить Джюбейль. Эмиръ Юсуфъ обратился въ бѣгство и бѣжалъ въ Лаодикійскія горы. Шейха Юноса это очень огорчило, такъ какъ онъ былъ воспитателемъ эмира Юсуфа и очень любилъ его. Вслѣдствіе сильной тоски, причиной которой было стѣсненное положеніе эмира Юсуфа, шейхъ заболѣлъ, и кровь полилась у него изъ горла. Жители города возмутились. Извѣстіе объ этомъ дошло до Джаззара и огорчило его очень. Онъ тотчасъ призвалъ своего врача Сулеймана Сывана и потребовалъ у него объясненія причины болѣзни. Врачъ отвѣтилъ: «это (у шейха) тоска, причиной которой является то, что произошло по волѣ твоей свѣтлости по отношенію къ эмиру Юсуфу, такъ какъ шейхъ воспитывалъ его, какъ своего сына». Визирь, убѣдившись въ томъ, что это дѣйствительно такъ, послалъ тотчасъ снять осаду съ Джюбейля, отправилъ приказъ эмиру Юсуфу вернуться въ свою область и распустилъ войско. Эмиръ прибылъ въ окрестности Бейрута и, послалъ своего сына на свиданіе съ визиремъ, былъ вновь облеченъ властью надъ областью и получилъ на это грамоту. Все это время, въ теченіе котораго Джаззаръ находился въ Бейрутѣ, было спокойно и безопасно для христіанъ. Когда знатные христіане пришли привѣтствовать его, онъ далъ имъ полное удовлетвореніе (л. 130) и успокоилъ ихъ, чтобы они были благонадежны относительно своего имущества и продолжали свою торговлю и торговые сношенія и молились бы за шейха Юноса Никулу о продленіи его жизни, такъ какъ городъ принадлежитъ шейху, а не ему (Джаззару). Таковы были его благодѣянія. Послѣ этого визирь вернулся въ Акку, и дѣла на нѣкоторое время стихли.

Но затѣмъ Джаззаръ вторично разсердился на эмира Юсуфа, собралъ войско, прибылъ въ Бейрутъ и осадилъ Ливанъ и приказалъ отобрать оружіе у христіанъ и перемѣнить имъ одежду свою. Они перемѣнили свое верхнее цвѣтное одѣяніе, парчевые плащи и вышитый кашемиръ на хлоп-

чато-бумажную матерію синяго цвѣта изъ Хомса (Эмессы) и на простое одѣяніе темнаго цвѣта изъ хлопчатой бумаги и полосатой матеріи изъ Дамаска. Перемѣнили свое одѣяніе всѣ кромѣ шейха Юноса, которому визирь приказалъ не перемѣнять парчевого плаща. Джаззаръ усилилъ осаду Ливана и отправилъ (новое) войско, предоставивъ начальство надъ нимъ эмиру Исмаилу и эмиру сейиду Ахмеду. Затѣмъ настало перемиріе, во время котораго состоялись переписка и переговоры между эмиромъ Юсуфомъ и Джаззаромъ. Послѣдній послалъ успокоить эмира и просилъ его явиться на свиданіе къ себѣ въ Бейрутъ, обѣщая ему безопасность. Эмиръ Юсуфъ явился, а визирь встрѣтилъ его, тотчасъ его захватилъ и увезъ его самого, его министра Саада-эль-Хури (л. 131) и шейха Касима изъ Джинблатовъ въ Акку на галерѣ, которая была у него на морѣ со множествомъ судовъ, побѣдоносныхъ благодаря страху, внушаемому Джаззаромъ, а это видно изъ того, что они захватили нѣсколькихъ корсаровъ, разбѣжавшихъ ради поживы по морю. Визирь привезъ въ Акку эмира Юсуфа съ его свитой. Здѣсь онъ содержалъ его въ полномъ почетѣ, пока не получилъ съ другихъ эмировъ, которыхъ назначилъ, большой суммы денегъ за ихъ назначеніе.

Послѣ этого онъ тайкомъ соединилъ отрядъ эмира Юсуфа со своимъ войскомъ и послалъ его на Ливанъ. Эмиръ неожиданно въ полночь прибылъ въ Дейръ-эль-Камаръ, тотчасъ захватилъ своего дядю, эмира Исмаила и, заключивъ его въ темницу, овладѣлъ его имуществомъ. Что касается эмира сейида Ахмеда, то онъ убѣждалъ. Но эмиръ Юсуфъ послалъ завѣдующаго его имѣніемъ (ملكباشی) выколотъ у него глаза и сталъ править на Ливанъ и налагать чрезмѣрные налоги.

Визирь-Джеззаръ послалъ съ полномочіями (طواخ) двухъ изъ своихъ мамлюковъ, которые стали у него пашами: это Салимъ-паша и Сулейманъ-паша, назначенные имъ только на время. Онъ далъ имъ войско и послалъ ихъ къ Сидону, чтобы они пошли на Ливанъ противъ эмира Юсуфа. Въ числѣ офицеровъ войска находился мавръ, по имени Абу-‘Ази, и письмоводитель и довѣренное лицо Джаззара при войскѣ, по имени Ибрагимъ Абу-Калушъ. Они прибыли въ Сидонъ.

У Юсифа Шхэба министромъ былъ въ это время Гандуръ; онъ извѣстенъ, какъ ревностный врагъ православныхъ. Вступивши въ переговоры съ Джеззаровыми военачальниками, онъ убѣдилъ одного изъ нихъ, Салима-пашу, отложиться отъ Джеззара и провозгласить себя господиномъ Бейрута. Войско возмущившихся Джеззаровыхъ полководцевъ и войско эмира Юсифа идутъ сообща противъ Джеззара на самую Акку.

л. 132—134. Министромъ у эмира Юсуфа былъ Гандуръ, сынъ Саада-эль-Хури. Онъ сталъ завѣдывать дѣлами эмира послѣ отца своего, когда тотъ очутился у Джаззара въ Аккѣ въ качествѣ заложника по уплатѣ денегъ. Впослѣдствіи Джаззаръ освободилъ Гандурова отца, такъ какъ его постигла болѣзнь, и онъ прибылъ на Ливанъ и лѣчился долго у врача Джабура-эль-Джилде; но не принесло ему пользы лѣченіе, онъ умеръ и похороненъ въ Джюбейлѣ. Онъ былъ хорошаго образа жизни и любилъ примирять (враждующія) общины.

Что касается его сына Гандура, то онъ, двинувшись впередъ въ своемъ (служебномъ) положеніи, сталъ домогаться даже званія французскаго консула ¹⁾. Онъ ужъ собирался было явиться въ Бейрутъ и поднять консульскій флагъ, что онъ и исполнилъ бы, если бы не вмѣшался Джеззаръ, который помѣшалъ выйти указу на его имя, обычному со стороны Высокой Порты. Что касается до его могущества, то оно было очень велико на Ливанѣ; самъ эмиръ Юсуфъ писалъ ему: «Дорогой братъ!», а правители страны и подданные затруднялись, какъ ужъ ему и писать. Когда онъ возгордился очень въ своемъ величіи, то воздвигъ гоненіе на православныхъ христіанъ, нарушалъ покой ихъ жизни, тѣснилъ ихъ поборами и наносилъ имъ ущербъ безъ жалости, (л. 133) и стремился къ тому, чтобы они вслѣдствіе такого обращенія съ ними отказались отъ своей правой православной вѣры и приняли неправую вѣру католическую. Объ этомъ усердствовалъ католическій митрополитъ Игнатій при содѣйствіи папскихъ миссіонеровъ. Нашлось много такихъ, которые вслѣдствіе сильнаго гоненія пали, а нѣкоторые дали себя обмануть деньгами и обѣщаніями. Католики овладѣли православными церквями на Ливанѣ и захватили нѣкоторыя силой. Въ это время его святѣйшество митрополитъ Макарій, испуская горестные вздохи, возсылалъ непрерывныя молитвы къ Господу съ горячими слезами, моля Его, чтобы Онъ прекратилъ это гоненіе, исходящее противъ святой церкви и ея смиренной паствы, со стороны еретиковъ. Мольбамъ этимъ внялъ Господь нашъ, какъ будетъ упомянуто послѣ, а теперь вернемся къ предмету нашего повѣствованія.

Итакъ, когда прибыли паши и войско къ Сидону, чтобы направиться противъ Ливана, состоялась переписка между министромъ эмира Гандуромъ аль Хури и довѣреннымъ лицомъ Джеззара Ибрагимомъ Абу-Калушемъ. Тотъ склонилъ пашей къ тому, чтобы они вышли изъ повиновенія Джаззару, и убѣдилъ Салима-пашу распространить извѣстіе (л. 134), будто онъ получилъ свое назначеніе на должность отъ османскаго правительства, и отправить объ этомъ грамоты въ Бейрутъ и Ливанъ. Затѣмъ они подкупили войско, чтобы оно согласилось на это, прекратили походъ противъ Ливана и вернули войско, чтобы взять Суръ и, отправившись оттуда, осадить Джаззара и взять Акку.

Когда пришелъ приказъ Салима-паши въ Бейрутъ, предписывающій провозглашать его имя, жители устроили совѣщаніе, на которомъ было рѣшено не соглашаться на это, и отвѣтили ему: «мы подданные султана; если повинется Акка и Джаззаръ, то и мы будемъ слѣдовать (имъ), но сами не сдѣлаемъ почина въ этомъ». Въ это время засѣдалъ въ диванѣ уже Селимъ Никула, такъ какъ его братъ блаженной памяти шейхъ Юнусъ недавно умеръ ²⁾. Когда пришелъ отвѣтъ къ Салиму-пашѣ, послѣдній раз-

¹⁾ Слѣдовательно, должности со специально-католическими интересами.

²⁾ Хроника предвосхищаетъ здѣсь событія и касается момента, состоявшагося ужъ по смерти шейха Юниса. Дальше же мы увидимъ, что хроника еще вернется къ исторіи шейха Юниса и очень подробно изложитъ ея конецъ.

сердился на жителей Бейрута, на Селима начальника таможни, и грозилъ имъ злобно отомстить въ случаѣ, если окажется побѣдителемъ и овладѣетъ Аккой... Это и было причиной злости Гандура на общину православныхъ христіанъ. Онъ вѣдь желалъ побѣды Салима-паши, ибо (ему) было обѣщано возвращеніе власти надъ Бейрутомъ эмиру Юсуфу. Онъ ожидалъ лишь исполненія этого обѣщанія, чтобы причинить православнымъ и ихъ митрополиту всякія бѣды (л. 135). Къ тому же до него дошло, что они проклинали его за гоненіе ихъ братьевъ на Ливанѣ.

Но, какъ сказалъ пророкъ (Давидъ): «нечестивый подсматриваетъ за праведникомъ, скрежещетъ на него зубами и ищетъ умертвить, а Господь не отдастъ его въ руки».

Салимъ-паша, Сулейманъ-паша, Абу-‘Ази выступили со всѣмъ войскомъ и отправились осадить Акку. Между тѣмъ у Джаззара не осталось совсѣмъ войска, такъ какъ все свое войско онъ отправилъ съ этими пашами; при немъ осталось только нѣсколько слугъ, каменщиковъ и рабочихъ, да нѣсколько мамлюковъ. Увидѣвъ такое вѣроломство по отношенію къ себѣ, Джаззаръ разсердился и убилъ большую часть своихъ мамлюковъ и наложницъ и нѣсколькихъ людей (постороннихъ). Войско, прибывъ къ Суру, взяло его и разграбило, затѣмъ направилось къ Аккѣ и осадило ее.

Сперва растерявшійся и лишенный своего войска, Джеззаръ по совѣту друга-Мохаммеда вооружаетъ аккскихъ каменщиковъ и рабочихъ и разбиваетъ возстанцевъ. Радость бейрутскихъ мусульманъ и православныхъ, избавившихся отъ маронита-Гандура. Не смотря на старанія Юсуфа Шхэба вымолить себѣ пощаду и власть, Джеззаръ казнитъ его съ Гандуромъ, а надъ Ливаномъ ставитъ Бешира Шхэба.

л. 134. Джеззаръ пришелъ въ смятеніе и растерялся. Тогда онъ освободилъ изъ темницы родъ Сакружей-учителей, такъ какъ раньше, разсердившись на нихъ, конфисковалъ ихъ движимое и недвижимое имущество, а самихъ ихъ посадилъ въ темницу. Теперь онъ вернулъ ихъ къ ихъ должностямъ, чтобы обсудить вмѣстѣ съ ними положеніе дѣлъ, такъ какъ онъ зналъ, что эта измѣна замыслилась противъ него во время устраненія ихъ отъ его дворца, по мысли Ибрагима Абу-Калуша, завѣдывавшаго дворцомъ во время заключенія въ темницѣ Сакружей. Вѣдь именно Абу-Калушъ измѣнилъ и склонилъ войско къ измѣнѣ. (Но Господь воздалъ ему по его дѣламъ, такъ какъ, послѣ того какъ войско разсѣялось, онъ бѣжалъ въ Хиснъ (الحصن), гдѣ ему отрубили голову и прислали ее Джаззару, который конфисковалъ его имущество и стеръ съ лица земли самые слѣды его дома. Таково было воздаяніе, полученное имъ за измѣну своему повелителю).

(л. 136). Когда паши разграбили Суръ и, отправившись къ Аккѣ, осадили ее, Джаззаръ очутился въ стѣсненномъ положеніи и просилъ совѣта у шейха города Акки Абдуллаха муфтія, что ему дѣлать. Шейхъ посовѣтовалъ ему при помощи хитрости перенести казну свою на одну изъ галерей и отправиться на Кипръ и (такимъ образомъ) спастись, покинувъ городъ. Но при Джеззарѣ былъ нѣкій другъ, по имени шейхъ Мухаммедъ аль-Кадый, умный и тонкій политикъ, которому эмиръ Юсуфъ выкололъ глаза и отрѣ-

залъ часть его языка и большой палецъ правой руки за его обильную политическую дѣятельность, послѣ чего послалъ его къ Джаззару въ качествѣ заложника. Визирь положилъ ему жалованье деньгами и натурой, оказывалъ ему великое почтеніе, такъ какъ онъ въ перепискѣ Джаззара съ Ливаномъ умѣлъ стилизовать ее именно такъ, какъ хотѣлъ Джеззаръ. Вотъ этотъ-то шейхъ Мухаммедъ, когда Джаззаръ у него попросилъ совѣта, что ему дѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи, далъ ему хорошій совѣтъ, а именно, чтобы Джаззаръ, оставшись въ Аккѣ, сразился съ врагами, несмотря на малочисленность оставшихся у него людей, и просилъ помощи у Бога, ибо Онъ дастъ ему побѣду надъ ними, а если онъ и не побѣдитъ, то все равно не умретъ раньше предназначеннаго ему дня (предполагаютъ, что шейхъ гадалъ по песку). Дѣйствительно счастье не переставало служить Джаззару. Это было такимъ образомъ: Джаззаръ вывелъ оставшихся у него людей, каменщиковъ и рабочихъ, которыхъ вооружилъ — сразился, и Богъ даровалъ ему удивительную побѣду, ибо войско пашей было разбито и разсѣялось.

(л. 137) Когда извѣстіе объ этомъ дошло до жителей Бейрута, мусульмане и православные христіане очень обрадовались, потому что избавились (такимъ образомъ) отъ угрозъ подлаго Гандура-аль-Хури (онъ былъ маронитъ) и воздавали великое благодареніе Всевышнему Богу. Когда войско пашей разсѣялось послѣ побѣды Джаззара, послѣдній конфисковалъ дома пашей и мамлюковъ, находившихся внѣ Бейрута, затѣмъ послалъ конфисковать домъ Абу-‘Ази, начальника мавровъ, въ Сидонѣ, и домъ Ахмед-аги-аль-Джабури въ Триполи и, овладѣвъ имуществомъ, находившимся въ нихъ, исключилъ ихъ изъ военной службы. Затѣмъ Джаззаръ послалъ продать съ аукціона всѣ пожитки и оружіе, которыя конфисковалъ у пашей, агъ и мамлюковъ въ Аккѣ, Сидонѣ и Бейрутѣ, совершая продажу по самой высокой цѣнѣ. (л. 138). Онъ собралъ всѣ деньги, вырученныя отъ продажи, и послѣ этого отправилъ сильное войско противъ Ливана и послалъ требовать къ себѣ эмира Бешира, сына эмира Касима Шхэба, котораго облекъ властью надъ Ливаномъ. Тогда эмиръ Юсуфъ бѣжалъ въ область Хиснъ, затѣмъ въ область Лаодикійскую. Войско эмира Бешира и Джаззара гнало и преслѣдовало его съ мѣста на мѣсто, пока онъ не находилъ ужъ себѣ мѣста, куда укрыться.

Наконецъ эмиръ Юсуфъ принялъ планъ министра Гандура-эль-Хури, состоявшій въ томъ, что они съ эфендіями ушли изъ страны и явились въ Акку, ночью. Эмиръ Юсуфъ тутъ и пробылъ нѣкоторое время въ Аккѣ, въ полномъ почетѣ, а эмиръ Беширъ, правитель Ливана, между тѣмъ собиралъ деньги для Джеззара. За это время гнѣвъ Джаззара на эмира Юсуфа улегся, и онъ согласился вернуть ему власть надъ Ливаномъ подъ условіемъ уплаты 7000 мѣшковъ денегъ, такъ какъ эмиръ Беширъ принялъ власть надъ Ливаномъ, обязуясь уплатить 4000 мѣшковъ денегъ и уже внесъ часть суммы. Въ тотъ день, когда Джаззаръ хотѣлъ водворить эмира Юсуфа, распространилась радостная вѣсть въ Бейрутѣ, по странѣ и среди приверженцевъ его партіи, что эмиръ Юсуфъ ѣдетъ назадъ. Они обрадова-

лись и стали поджидать его. Но явился къ Джаззару эмиръ Беширъ и обратился къ нему съ мольбой, говоря: «Я взошелъ благодаря тебѣ, ибо ты назначилъ меня правителемъ Ливана. Я проявилъ вражду по отношенію къ своему дядѣ эмиру Юсуфу и дурно обходился со всѣми жителями страны, собирая для тебя деньги. (л. 138). Теперь же ты возвращаешь эмира Юсуфа! Я не ожидалъ этого! Оставь же за мною управленіе страной, а я готовъ уплатить 11000 мѣшковъ денегъ, которыя внесу въ твою благоустроенную казну». Джаззаръ склонился на его просьбу и вторично предоставилъ ему власть надъ страной и отправилъ его. (Министромъ же у него былъ мужъ по имени Фарисъ Насифъ).

Послѣ этого Джаззаръ посадилъ эмира Юсуфа въ темницу, спустилъ его министра Гандура въ колодезь, задержалъ всю ихъ конницу и захватилъ ихъ оружіе, наказалъ ихъ и всѣхъ бывшихъ съ ними, только немногіе изъ нихъ убѣждали, укрываясь по всей странѣ. Немного спустя Джаззаръ казнилъ эмира Юсуфа и его министра Гандура черезъ повѣшеніе, своего совѣтника Мухаммеда-аль-Кадія «Слѣпого» закололъ, а шейха Абдуллаха, муфтія города Акки, четвертовалъ. Могущество Джаззара послѣ этого усилилось, равно какъ и значеніе эмира Бешира.

Жестокая перемена въ характерѣ Джеззара Аккскаго.—Вымогательства и поборы; казни; религіозныхъ убѣжденій онъ, впрочемъ, не касается.—Безуспѣшныя ходатайства податного откупщика шейха-Юниса за бейрутинцевъ, его отставка и назначеніе податнымъ откупщикомъ уніата Фѣриса Даххѣна.

Л. 139—144 *). Еще прежде, чѣмъ, кончились всѣ эти событія [т.-е. еще при жизни шейха Юниса и раньше казни эмира Юсифа и Гандура] многія наклонности въ характерѣ Джеззара измѣнились. Началъ онъ своихъ подчиненныхъ и приближенныхъ казнить, сталъ отсѣкать у нихъ ноздри, уши, уродовать; постоянно онъ ихъ смѣнялъ, однихъ казня и на мѣсто ихъ ставя другихъ. Копя въ теченіи многихъ лѣтъ пшеницу въ кладовыхъ, онъ сталъ продавать ее въ другихъ мѣстностяхъ; остатки же онъ пускалъ въ продажу на мѣстѣ по возвышенной цѣнѣ, съ цѣлью притѣсненія. Въ Бейрутѣ онъ продаетъ старый хлѣбъ, на мѣсто его ссыпаетъ новый. Беретъ онъ въ свою монополію хлопокъ (л. 140), съ тѣмъ, чтобы никто не могъ нажитья кромѣ него, устраиваетъ монополію продажи оливковаго масла, коровьяго масла и проч. Помимо этого Джезаръ сталъ истощать всѣхъ поборами и насильно требовать уплаты взноса по уничтоженнымъ обязательствамъ—въ Дамаскѣ, Аккѣ, Бейрутѣ и въ другихъ мѣстахъ своей провинціи.

*) Здѣсь (на л. 139) кончается переводъ М. Марти и начинается переводъ П. Введенскаго. Что касается состава рукописи, то именно въ этомъ мѣстѣ ярко замѣтенъ компиляторскій шовъ: здѣсь кончается эпизодическая вставка о судьбѣ эмира Юсифа Шхэба и его визиря Гандура (=лл. 128—139) и начинается продолженіе прерванной (съ листа 128-го) исторіи шейха-Юсифа и Фѣриса Деххѣна. Замѣчательно, что въ этомъ продолженіи Гандуръ (срв. л. 150, печ. 71) вовсе не является тѣмъ неприятнымъ человекомъ и врагомъ православныхъ, какимъ онъ былъ изображенъ въ эпизодической вставкѣ (л. 132, печ. 62).

Призадумались сильно люди, стѣсненные до крайности Джеззаровыми распоряженіями, его покровительствомъ наущничеству и его вымогательствами по отношенію къ тѣмъ, кто уже давно погасилъ обязательства. Онъ грабилъ имущества людей и присваивалъ ихъ себѣ. Никто не могъ себя считать застрахованнымъ отъ Джеззаровой безсовѣстности, пока не отдавалъ въ залогъ дѣтей и жену и пока самъ человѣкъ не дѣлался нищимъ. Ужасъ, побоища и разоренія, которые происходили въ его время, не поддаются описанію. Одно надо признать: онъ не причинялъ вреда вѣрѣ и не возставалъ противъ религіозныхъ убѣжденій чьихъ бы то ни было.

Пріѣхалъ однажды Джеззаръ въ Бейрутъ, чтобы произвести обычный наборъ рекрутовъ на Ливанѣ, именно въ частяхъ, управляемыхъ Ка'даномъ и Хейдаромъ. Во время его пребыванія въ Бейрутѣ Ферисъ Деххенъ, жившій на Ливанѣ, списался съ однимъ человѣкомъ, который имѣлъ силу у Джеззара, а назывался Фейзи-эфенди. Ферисъ попросилъ этого Фейзи-эфендіа походатайствовать за него передъ «везиремъ» *) и испросить у него позволенія—явиться къ нему въ Бейрутъ. Фейзи-эфенди преподнесъ Джеззару 4.000 «джензирли» стоимостью въ 22 мѣшка піастровъ **), (л. 141) расположилъ его въ пользу Фериса Деххена и выхлопоталъ ему грамоту на проѣздъ въ городъ. Немедленно Ферисъ явился къ Джеззару, вошелъ къ нему въ благоволеніе и вернулся домой—для занятія торговлей.

Шейхъ Юносъ Никула пока еще не отказывался отъ таможни и отъ завѣдыванія отчетностью города. Но съ тѣхъ поръ, какъ перемѣнился Джеззаръ и сталъ увеличивать шейху требованія на переводныя суммы,—этому приходилось дѣлать займы, тѣснить купцовъ. Юносъ Никула негодовалъ, что ему приходится притѣснять жителей, которыхъ онъ довѣрчиво и безбоязненно пригласилъ въ городъ. Написалъ онъ Джеззару: «Я уже сталъ немощнымъ старикомъ, я не въ состояніи служить, управлять городомъ и вѣдѣть деньги», а Сакружамъ написалъ о томъ, чтобы они подали отъ него Джеззару прошеніе объ отставкѣ и просили—дозволить ему, старику, отдохнуть дома; вмѣсто же него пусть Джеззаръ поручитъ кому-либо другому вѣдать финансовыя дѣла города. Такой отказъ со стороны шейха Юноса не былъ вызванъ дѣйствительно старостью. Просто, онъ старался казаться старикомъ только передъ Джеззаромъ, и единственно только для того, чтобы Джеззаръ пересталъ требовать у него присылки денегъ. Но, зная любовь и довѣріе Джеззара къ себѣ одному, (л. 142) шейхъ Юносъ не зналъ, что у него есть подъ бокомъ врагъ, силящійся всякими способами и просьбами добиться той должности, которая была предметомъ его желаній въ теченіи многихъ ужъ лѣтъ и которой онъ не могъ достигнуть. Этотъ врагъ былъ Фарисъ Дехханъ. Ради полученія почетнаго мѣста, онъ готовъ былъ жертвовать богатствами своими. Онъ былъ тщеславенъ, и его снѣдала ненависть къ шейху Юносу, который такъ близко стоялъ къ семьѣ Сакруджей. Надо сказать, что и Джеззару хотѣ-

*) Такъ вѣдь не разъ титуруется Джеззаръ, въ качествѣ султанскаго визиря.

**) = 11.000 піастровъ.

лось бы проложить себѣ дорогу къ богатствамъ Фѣриса Деххѣна, но не было повода: тотъ постоянно былъ занятъ дѣлами торговли и не имѣлъ отношенія къ казеннымъ имуществамъ. Оба, такимъ образомъ, ожидали удобнаго момента: визирь Джеззаръ, чтобы пограбить Фѣриса Деххѣна, Фѣрисъ Деххѣнъ—чтобы погубить шейха Юноса и столкнуть его съ должности. А шейхъ Юнисъ былъ себѣ покоенъ и ничего не зналъ. Поэтому, когда Джеззаръ не ослаблялъ своихъ требованій о присылкѣ денегъ, шейхъ Юнисъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, но притѣснять купцовъ и жителей города—не притѣснялъ. И вотъ вдругъ однажды получается къ нему грамота отъ Джеззара, слѣдующаго содержания: «О ты, гордость подобныхъ тебѣ, вѣрный въ своихъ словахъ, многоуважаемый нашъ шейхъ Юнисъ Никуля! Какъ-то ты поживаешь? (л. 143). Жаль намъ твоей старости, и потому мы даемъ свое согласіе на уходъ твой въ отставку. Успокойся же и отдохни отъ нашихъ дѣлъ и возноси молитву за насъ. А податную таможеню, казенные документы Бейрута и окрестностей вручи нашему уважаемому господину Фѣрису Деххѣну». Одновременно была получена грамота и Фѣрисомъ Деххѣномъ о томъ, чтобы онъ, принявъ отъ шейха Юноса таможеню и отчетность города, приступилъ къ отправленію своихъ обязанностей съ вѣрою и правдою.

Каждый повиновался полученнымъ рескриптамъ. Фѣрисъ Деххѣнъ принялъ отъ шейха таможеню, документы и отчетность города. Шейхъ ушелъ въ отставку, сохранивши почетъ и уваженіе жителей города Ливана еще больше, чѣмъ прежде.—Это былъ человѣкъ, внушавшій къ себѣ почтеніе, любимый, заслуженнѣйшій и умный. Люди надѣялись, что онъ еще вернется къ должности, да и самъ онъ, обсудивши все послѣ удаленія своего, сталъ раскаиваться въ томъ, что сдѣлалъ,—въ особенности, когда еще увидѣлъ въ этомъ происки Фѣриса. Шейхъ и не ожидалъ отъ него, (л. 144) что онъ приметъ такую должность: былъ это богатый купецъ и не нуждался въ правительственной службѣ. Впрочемъ шейхъ думалъ, что все еще кончится прекраснымъ образомъ, что онъ снова займетъ свой служебный постъ. И тѣмъ болѣе онъ этого желалъ, что онъ не могъ мириться съ мыслью сидѣть дома и нуждаться въ чужой помощи. Да зналъ онъ и характеръ Фѣриса Деххѣна. Фѣрисъ Деххѣнъ былъ человѣкъ очень гордый, упрямый, злопамятный, мстительный, фанатикъ своего вѣроисповѣданія, алчный къ деньгамъ. Кого-нибудь богаче себя онъ не выносилъ. Шейхъ заранее могъ себѣ представить, что Фѣрисъ, когда водворится и восторжествуетъ, то возможно, что проявитъ жестокость и гнусныя выходки и противъ его родныхъ и противъ всѣхъ православныхъ. Чувало сердце шейха, что сдѣлаетъ Фѣрисъ.

По уходѣ шейха въ отставку, Фѣрисъ навѣщалъ его, лицемерно осведомляясь о его здоровьи. А шейхъ тѣмъ временемъ терпѣливо ждалъ желаннаго момента, когда къ нему опять вернется утраченная должность.

Опала, постигшая Фѣриса Деххѣна и возвращеніе православнаго шейха Юниса на должность податнаго откупщика въ Бейрутѣ. Великодушіе его по отношенію къ Фѣрису Деххѣну и рядъ козней Фѣриса противъ него. Часто козни разоблачаются, но въ концѣ концовъ Джеззаръ Акксій налагаетъ на шейха Юниса штрафъ въ 100 кошелековъ. Всеобщее участіе жителей къ пострадавшему. Кончина и похороны шейха Юниса (11 марта 1789 г.).

л. 144—152. И дѣйствительно, продержался въ должности Фѣрисъ не долго. Джеззаръ, приводя въ исполненіе, какъ раньше сказано, намѣченную имъ мысль, взвелъ на него какое-то обвиненіе и отдалъ распоряженіе губернатору Бейрута заключить Фѣриса въ тюрьму, примѣнить къ нему строгія мѣры наказанія и взыскать съ него (л. 145) 1000 кошелековъ. Шейха же Юниса Джеззаръ обычною грамотою возвращалъ къ таможенѣ. Убѣжденный въ его честности и въ нечестности Фѣриса Деххѣна, Джеззаръ просилъ теперь шейха не отказываться отъ предлагаемой должности, не быть нерадивымъ по отношенію къ своему государю, дѣйствовать согласно его волѣ и заняться взысканіемъ денегъ, требуемыхъ съ Фѣриса, какъ обманувшаго довѣріе.

Шейхъ могъ бояться, какъ бы Фѣрисъ не умеръ отъ дурнаго обращенія и какъ бы не была взыскана съ него черезчуръ крупная сумма (это подало бы поводъ Джеззару вообще предъявить болѣе сильныя вымогательства по отношенію ко всѣмъ жителямъ Бейрута, якобы разбогатѣвшимъ), а потому шейхъ уговорилъ и тюремщика и намѣстника-губернатора мягко обращаться съ Фѣрисомъ и смягчить мѣры наказанія. Но перепуганный Фѣрисъ уже согласился, по первому принужденію, внести цѣлыхъ 700 кошелековъ въ счетъ растраты, въ присутствіи нѣкоторыхъ мусульманъ и христіанъ. Услышавъ объ этомъ, шейхъ былъ изумленъ и не зналъ что дѣлать. Убѣдивши причастныя лица не разглашать нигдѣ объ этомъ фактѣ, онъ вмѣстѣ съ другими сталъ распространять, что Фѣрисъ съ трудомъ, и то лишь въ силу тюремнаго гнета и мукъ, въ состояніи внести 300 кошелековъ. Такъ шейхъ доложилъ Джеззару, причемъ прямо сѣтовалъ на злополучное положеніе Фѣриса, принужденнаго выплачивать непосильную сумму вслѣдствіе лишь тяжелыхъ мукъ. «Фѣрисъ, — докладывалъ шейхъ Юнисъ, — можетъ выплатить лишь 300 кошелековъ, но для этого онъ долженъ быть выпущенъ на поруки, чтобы собрать требуемую сумму». (л. 146). Джеззаръ-визирь уступилъ ходатайству шейха Юниса и согласился принять 300 кошелековъ съ Фѣриса, но съ условіемъ только—не выпускать Фѣриса Деххана изъ заключенія въ серафъ, пока онъ не внесетъ этой суммы. Онъ вѣдь опасался, что Фѣрисъ можетъ сбѣжать, и отвѣтственность за невзысканныя деньги падетъ на шейха. Насчетъ срока уплаты никто Фѣриса не стѣснялъ: онъ вносилъ понемногу, причемъ попрежнему его торговые агенты ѣздили въ Египетъ и другія страны съ важными порученіями, и дѣятельно шла у него упаковка шелка. Когда же наступило время, что Фѣрисъ успѣлъ выплатить черезъ шейха-Юноса въ казну уже 200 кошелековъ, шейхъ Юноса написалъ Джеззару, что Фѣрисъ въ силу старости не можетъ нажить требуемой суммы, и она ему не по силамъ. Были, молъ, у

него нѣкоторыя деньги, причитавшіяся съ разныхъ ливанскихъ князей, — ихъ-то онъ и вносилъ теперь, да и то пришлось не мало самому признавать какъ у ливанскихъ князей, такъ и у крестьянъ Ливана; у бейрутинцевъ же онъ ничего и занять не могъ, ни піастра. Вслѣдствіе ряда усиленныхъ письменныхъ ходатайствъ передъ Джеззаромъ, шейхъ Юнисъ успѣлъ выхлопотать Фѣрису грамоту, по которой ему великодушно прощались 100 кошелековъ и по которой онъ отпускался домой для пріисканія средствъ пропитанія семьѣ.

(л. 147). Ферисъ однако не успокоился. Онъ былъ, какъ сказано выше, злопамятенъ, мстителенъ. Предполагая, что все преслѣдованіе противъ него поднято было шейхомъ Юносомъ, онъ отрицалъ всякое значеніе послѣдняго въ поворотѣ его дѣла къ лучшему и не вѣрилъ, что шейхъ ходатайствовалъ за него и сберегъ ему его капиталъ. Дождался онъ, когда шейхъ, въ свитѣ его превосходительства-визиря, долженъ былъ съѣздить въ Іерусалимъ, направляясь сухимъ окольнымъ путемъ черезъ Дамаскъ. По пути шейха къ Джеззаровой резиденціи, Аккѣ, Ферисъ догналъ ѣдущаго шейха. Началъ онъ здѣсь его молить и плакаться на то, что съ тѣхъ поръ какъ онъ въ опалѣ, должники его, жители Ливана, не желаютъ платить ему долговъ. Онъ просилъ шейха устроить ему свиданіе съ Джеззаромъ, чтобы онъ могъ взыскать съ должниковъ свои деньги, и добавилъ, что онъ будетъ служить визирю въ Бейрутѣ безъ всякой выгоды для себя. Между тѣмъ, при дворѣ Джеззара онъ уже подкупилъ кой-кого. И визирь Джеззаръ отдалъ распоряженіе, чтобы «таможня» была на началахъ товарищества между шейхомъ-Юносомъ и Фѣрисомъ Деххѣномъ. Вернулись оба они въ Бейрутъ и стали совмѣстно завѣдывать таможней. Но о согласіи между ними не могло быть и рѣчи. Шейхъ отказался отъ должности въ пользу Фѣриса и вышелъ въ отставку. Фѣрисъ остался единственнымъ податнымъ откупщикомъ города съ прилегающими округами. (л. 148). Тѣмъ временемъ вспыхнуло обычное волненіе жителей Ливана противъ Джеззара. Приказано было не допускать подвоза провіанта изъ Бейрута въ Ливанъ. Возставшимъ былъ князь Хейдаръ съ нѣкоторыми земляками, а эмиръ Бширъ правилъ отъ имени визиря - Джеззара. Фѣрисъ тайкомъ началъ снабжать возставшихъ пшеницей. Бширъ, узнавъ объ этомъ, донесъ Джеззару. Тотъ немедленно отдалъ распоряженіе бейрутскому намѣстнику схватить Фѣриса и посадить въ тюрьму. Приказаніе было исполнено. Откупившись отъ тюрьмы обѣщаніемъ уплатить 100 кошелековъ, Фѣрисъ, раздобывая ихъ, бросился къ эмиру Бширу и умолилъ ходатайствовать передъ везиремъ, чтобы тотъ простилъ ему его проступокъ. Послѣ Бширова доклада визирь изъявилъ согласіе простить Фѣрису 20 кошелековъ. Заплативши 80 кошелековъ, Фѣрисъ освободился отъ тюрьмы и отправился домой. Таможню опять получилъ шейхъ-Юноса.

Въ этотъ годъ случилась чума въ Бейрутѣ. Шейхъ поставилъ на время своей отлучки повѣреннаго въ таможнѣ, а самъ отправился жить въ свою деревню Мансуріе, бывшую его имѣніемъ. Фѣрисъ Деххѣнъ тѣмъ временемъ прибылъ въ Зукъ и узналъ, что Джеззаръ изъ хажжа уже

вернулся въ Дамаскъ. Онъ поспѣшилъ сюда, бросился къ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, (л. 149) черезъ посредничество ихъ добился свиданія съ Джеззаромъ и оклеветалъ шейха-Юниса. Между тѣмъ, какъ сказано было раньше, Джеззаръ въ характерѣ перемѣнился и охотно принималъ доносы. Получивъ съ Фѣриса за устраненіе шейха отъ должности извѣстную сумму денегъ, Джеззаръ послалъ въ Мансуріе гонца, который потребовалъ, чтобы Юнисъ явился къ Джеззару въ Дамаскъ и захватилъ съ собою отчеты. Шейхъ призвалъ Бога на помощь и, повинуясь приказанію, отправился въ Дамаскъ. Явился онъ къ визирю, провѣрилъ съ нимъ отчеты,—все оказалось въ исправности. Но Джеззаръ въ заключеніе отвернулъ свое лицо и сказалъ: «Задержите его!» Шейхъ едва успѣлъ произнести: «Вотъ конецъ славной моей службы!»—какъ его увели въ комнату тюфекджи-башы,—впрочемъ, съ полнымъ почтеніемъ. Онъ послалъ за обоими учителями изъ семьи Сакружей и спросилъ у нихъ: «Да что же угодно нашему эфендію?»—«Сто кошельковъ»,—отвѣчали Сакружи:—«ты однако не торопись. Ты, дастъ Богъ, не заплатишь ничего: нашъ эфенди знаетъ вѣдь, что ты не богачъ». Но шейхъ изъ самолюбія и отъ непривычки къ чему-нибудь подобному, сказалъ учителямъ: «Хорошо! пусть онъ получитъ сто кошельковъ, но только пусть сегодня же отпуститъ меня!» Учители не желали сообщать этого Джеззару, но до него одинаково это дошло, и скрывать дѣла дальше нельзя было. Тутъ нашелся одинъ табынджи*) по имени Османъ-ага, (л. 150) офицеръ, и поручился за требуемую сумму.

Освобожденный шейхъ отправился домой, въ свою Мансуріе, — нужно было собрать требуемый капиталъ. Когда всюду распространился слухъ, что у него вымогаютъ деньги, то явился Гандуръ эль-Хури, домоправитель эмира Юсифа Шхэба съ подаркомъ; онъ собралъ ему съ его должниковъ 20 кошельковъ. Стали къ нему являться съ подарками жители страны и жители Бейрута, мусульмане и христіане, нѣкоторые предложили деньги заимообразно. И такимъ образомъ удалось собрать 100 кошельковъ, для уплаты въ Джеззарову казну, и успокоить поручившагося табынджы.

Внесши окупъ, шейхъ тотчасъ сталъ распродавать свое имущество, состоящее изъ магазиновъ въ Бейрутѣ, давленъ (точилъ), построекъ и имѣній въ окрестностяхъ, и сполна вернулъ всю ссуду, которую ему ссудили добрые люди; а они и не думали еще ее требовать обратно. Нѣкоторое время шейхъ былъ предметомъ общаго вниманія и въ Мансуріѣ, и внѣ ея. Всѣ освѣдомлялись о его здоровьѣ, причемъ шла у него постоянная переписка съ Аккой, именно съ учителями-Сакружами. Они писали, что визирь ничего не имѣетъ противъ него и всегда освѣдомляется о немъ.

Фарисъ тѣмъ временемъ опять оставилъ таможню. На его мѣсто визирь-Джеззаръ временно послалъ одного изъ своихъ мамлюковъ, заставлявшихъ въ диванѣ, по имени Агу-Халиля. Немного спустя, шейхомъ

*) Въ рукописи пишется то «соунджы» (صونجي), то и «салынджы» (صلينجي), но, повидимому, надо читать «табынджы».

Юносомъ отъ акксскихъ учителей получены были письма о томъ, (л. 151) чтобы онъ соизволилъ прїѣхать съ горъ въ Бейрутъ: Джеззаръ, изъ уваженія къ его старости, не хочетъ утруждать его вызовомъ въ свою резиденцію Акку, а когда прїѣдетъ въ Бейрутъ, онъ ему пришлетъ почетное платье съ назначеніемъ надъ таможеню. Шейхъ началъ готовиться, какъ вдругъ—Богъ знаетъ отъ чего—заболѣлъ *ایلاوص*-омъ. Немедленно онъ призвалъ православнаго священника Мансурійи, исповѣдался и вскорѣ же предалъ душу Богу Всевышнему. Нѣкоторые, въ виду того, что смерть его постигла послѣ обѣда, полагали, что онъ отравленъ врагами. Но скорѣе всего, Богъ, за его добрыя качества, за его христіанское [= православное] рвеніе, за помощь при построеніи многихъ церквей и за дѣла милосердія, соблаговолилъ своевременно взять его къ себѣ, испытаннаго и очищеннаго, чтобъ ужъ больше не приходилось ему имѣть обильное общеніе со свѣтскими правительственными дѣлами и дразгами. И взялъ онъ его къ себѣ со славою и честію.

Тотчасъ, какъ вѣсть о его смерти дошла до Бейрута, христіане съ митрополитомъ Макаріемъ, священниками, отправились къ мѣсту кончины шейха-Юниса и встрѣтили большую толпу жителей Ливана, которые уже несли тѣло покойника на ладоняхъ *),—несли со всею торжественностью, величественностью, въ сопровожденіи громадной процессіи. На встрѣчу процессіи выходили изъ домовъ мусульмане и старики - христіане, которые не имѣли силъ подняться въ горы навстрѣчу шествію. Тѣло усопшаго (л. 152) внесли въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ въ Бейрутѣ, и устроили ему горькое оплакиваніе, подобно тому, какъ оплакали нѣкогда сыны Израилевы отца своего, Іакова **). Похоронили шейха Юноса, съ торжественностью, въ той могилѣ, которую онъ самъ себѣ приготовилъ еще при жизни, рядомъ съ выстроенною имъ въ Бейрутѣ церковью (о ней было упомянуто выше). И было это въ понедѣльникъ второй седмицы Великаго поста, 11 марта 1789 года. Царствіе ему небесное! Аминь.

Узнавъ о смерти шейха, визирь Джеззаръ сильно опечалился. Немедленно онъ вытребовалъ въ Акку брата его, Салима, обласкалъ его и передалъ въ завѣдываніе таможеню и всю казенную отчетность Бейрута, какъ это было при его братѣ. Такимъ образомъ почтилъ онъ и возвеличилъ Салима-Н'улю.

Судьба Бейрутской митрополіи за это время. По настоянію престарѣлаго митрополита Іоанникія, въ 1773 г. бейрутская паства выбрала ему въ преемники, еще при его жизни, краснорѣчиваго Макарія Садаку, триполійскаго араба. При немъ православная община подверглась страшнѣйшимъ испытаніямъ со стороны новаго начальника податныхъ сборовъ—извѣстнаго уже уніата Фѣриса-Деххѣна.

л. 152—163. Возвратимся назадъ, еще ко временамъ Іоанникія, митрополита Бейрутскаго.

*) Знакъ особаго уваженія при похоронахъ на востокѣ.

**) «Исходъ», 50.

Послѣ Пасхи 1773 года, когда русскіе овладѣли Бейрутомъ и когда христіане возвратились въ свои жилища, митрополитъ Іоанникій, собравъ къ себѣ въ покои свою паству, сказалъ: «Я уже немощенъ, старъ и слабъ и служить болѣе не въ силахъ. Изберите себѣ другого митрополита,—кого захотите». Христіане не согласились.—«Пока ты живъ,—говорили они,—мы не допустимъ, (л. 153) чтобы другой кто управлялъ нами!» На это Іоанникій отвѣтилъ имъ: «Нельзя, я старъ. Подумайте же сами, кого бы вамъ выбрать. Если жъ хотите, то предоставьте выбрать мнѣ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ пора на покой: слишкомъ я старъ!» Увидѣвши, что это—непреклонное желаніе митрополита, христіане отвѣтили: «Разъ такъ, то выборъ преемника мы отдаемъ на твое благоусмотрѣніе. Кого бы ты ни пожелалъ, мы на него согласимся, но съ условіемъ, чтобы ты оставался у насъ, въ митрополичьихъ покояхъ, съ подобающимъ тебѣ почетомъ и честию до самой смерти». Дѣло въ томъ, что они часто слышали отъ митрополита Іоанникія о его желаніи уйти въ одинъ изъ монастырей и потому теперь поставили вышеозначенное условіе. Уступая ихъ желанію, митрополитъ далъ слово остаться у нихъ до самой смерти и затѣмъ заявилъ: «Я думалъ бы избрать для васъ митрополитомъ Макарія Садаку, трипольца, рукоположеннаго блаженной памяти патріархомъ Сильвестромъ надъ епархіей Тира, Сидона, Хасбейи и Рашейи».

Этотъ Макарій Садака былъ въ Дамаскѣ патріаршимъ повѣреннымъ (вакиль), какъ при Сильвестрѣ, такъ и при двухъ слѣдующихъ—Филимонѣ и Даніилѣ. Въ Дамаскѣ онъ проповѣдывалъ и училъ, а время отъ времени онъ навѣщалъ своею проповѣдью и Бейрутъ, гдѣ былъ митрополитомъ Іоанникій. Макарій былъ природный арабъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, и митрополитъ охотно позволялъ ему проповѣдывать въ Бейрутѣ.

(л. 154). — «Онъ — хорошей жизни, — продолжалъ митрополитъ, — а какъ арабъ будетъ близокъ къ вамъ. Его вы всѣ знаете и уважаете. Только смѣтрите, какъ бы онъ не ушелъ изъ вашихъ рукъ! Вѣдь Пареній, митрополитъ Трипольскій, умеръ, и триполяне будутъ приглашать къ себѣ Макарія. Если жъ послѣ того я умру, къ вамъ, по всей вѣроятности, будетъ назначенъ митрополитомъ грекъ, чуждый вамъ и по языку, и по натурѣ». Митрополитъ Іоанникій, дѣйствительно, любилъ свою паству и чувствовалъ расположеніе къ Макарію. Какъ при жизни своей онъ желалъ всего лучшаго для паствы, такъ желалъ ей добра и послѣ своей смерти. О, благословенный былъ это часъ, когда Св. Духъ вдругъ сошелъ надъ всѣми во время рѣчи митрополита Іоанникія, намѣтившаго себѣ въ преемники этого единственнаго и самаго безпорочнаго человѣка своего времени! Всѣ рѣшили просить себѣ Макарія. Особенно же ихъ радовала мысль о краснорѣчии ихъ ожидаемаго митрополита Макарія,—краснорѣчии, въ которомъ едва ли равенъ былъ ему кто-либо изъ арабовъ тогдашнихъ, да и врядъ ли кто будетъ равенъ. Немедленно отъ всей общины было приготовлено Его Святейшеству, патріарху Даніилу, прошеніе о назначеніи въ Бейрутъ митрополитомъ Макарія, и составлено два письма къ самому Макарію: одно отъ Іоанникія, другое отъ народа—съ просьбой занять Бейрутскую кathedру.

Отправленъ былъ особый гонецъ. Предсказаніе митрополита Іоанникія дѣйствительно исполнилось: съ прибытіемъ въ Дамаскъ гонца отъ бейрутинцевъ,—въ Дамаскъ прибылъ (л. 155) въ тотъ же день гонецъ трипольскій. Патріархъ Даніилъ вызвалъ къ себѣ епископа Макарія. Сообщивши ему, въ чемъ дѣло, онъ предложилъ ему на выборъ двѣ каведры. Макарій остановился на Бейрутской.—«Триполи—твой родной городъ; почему же ты выбираешь Бейрутъ?» — спросилъ патріархъ. Его Высокопреосвященство отвѣтилъ: «Выбираю Бейрутъ по двумъ причинамъ:—духовной и свѣтской. Духовная требуетъ особаго вниманія. Въ Бейрутѣ есть плевелы между пшеницею, заглушающіе ее. И вотъ туда требуется земледѣлецъ той же народности и того же языка, что и бейрутинцы,—земледѣлецъ, хорошо знающій ту землю, чтобы пшеницу не заглушали плевелы. Триполи же, слава Богу, свободенъ отъ этой бѣды. Вторая причина—свѣтскія отношенія Бейрута. При нынѣшнемъ бейрутскомъ эмирскомъ правительствѣ въ городѣ наступила свобода и водворилось спокойствіе, такъ что у меня будетъ досугъ заняться наукой и популяризацией ея. Въ Триполи же теперь безпокойное турецкое правленіе. А я, правду сказать, боюсь тяжкихъ заботъ правленія, которыя отвлекаютъ отъ сѣянія духовнаго сѣмени. Наконецъ, въ Бейрутѣ есть два ученыхъ богослова, у которыхъ я могу кое чему поучиться. Это—митрополитъ Іоанникій и (л. 156) бывшій діаконъ патріарха Сильвестра—Ееодосій Халъби. Послѣдній, со смертію патріарха Сильвестра, переселился въ Бейрутъ и теперь преподаетъ греческія науки и арабскія». (Это былъ тотъ Ееодосій, который, по просьбѣ и на счетъ Макарія, во время его пріѣздовъ въ Бейрутъ перевелъ съ греческаго на арабскій книгу подъ заглавіемъ: «Предсмертныя наставленія». Макарій въ своихъ проповѣдяхъ почти всегда опирался на это произведеніе.)

Помимо указанныхъ лицъ, въ Бейрутѣ въ это время былъ еще одинъ ученѣйшій книголюбецъ, писатель-полемистъ, священникъ Юсифъ Маркъ, родомъ триполіецъ, открывшій цвѣтущую прекрасную школу съ науками словесными и богословскими. Онъ нѣкогда, въ Триполи, былъ учителемъ митрополита Макарія. Теперь же, съ назначеніемъ въ Бейрутъ на митрополию, Макарій явился главою своего учителя, какъ священника. Но вскорѣ, во время управленія Бейрута русскими, онъ умеръ, этотъ лучшій изъ священниковъ, свѣтило богословскихъ наукъ и слава арабскихъ писателей. Ему были устроены торжественныя похороны. Изъ дома въ церковь его несли при зажженныхъ свѣчахъ (л. 157). Впереди несли святой крестъ, дальше шли священники въ епитрахиляхъ и, наконецъ, у самыхъ носилокъ, митрополитъ съ группой русскихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и множествомъ христіанъ. Отслужена была торжественная литія, и, оплакиваемый горько, онъ былъ похороненъ со всѣми почестями. Въ немъ лишились христіане духовнаго учителя и драгоцѣннаго писателя. Да покроетъ его Богъ своими милостями и да помилуетъ насъ его благословеніемъ и молитвою.—Аминь!

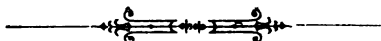
л. 157—163. Прибылъ Макарій въ Бейрутъ 18 мая 1774 года. Еще до своего избранія въ митрополиты онъ внушалъ къ себѣ

уваженіе всѣхъ за услуги, оказанныя вѣрѣ. Съ прибытіемъ турецкаго флота, въ числѣ другихъ христіанъ выселились изъ Бейрута и два нашихъ митрополита. Мѣстомъ жительства своего они избрали аль-Мансурійе на Ливанѣ. Тамъ митрополитъ Іоанникій и кончилъ свои дни. (л. 159). Онъ былъ перевезенъ и похороненъ въ Бейрутѣ 9-го октября 1776 года.

Макарій же (л. 160) съ настойчивостью продолжалъ въ Бейрутѣ дѣла святости и милосердія. Однако, (л. 161), подъ конецъ онъ долженъ былъ выдержать невыносимыя страданія и преслѣдованіе, именно когда умеръ шейхъ Юнисъ, православный начальникъ бейрутской «таможни», собиравшій подати и налоги для Джеззара Аккскаго. Правда, на мѣсто шейха Юниса-Н'ули Джеззаръ поставилъ было его брата—Сѣлима-Н'улю. Но въ концѣ 1791 года злой мстительный уніатъ Фѣрисъ Деххенъ рѣшилъ столкнуть Сѣлима-Н'улю и отомстить. И дѣйствительно, онъ въ этомъ успѣлъ при помощи своихъ интригъ и при содѣйствіи одного фаворита и наушника Джеззарова (Мохаммеда Шихебеддина бейрутинца); Сѣлимъ (л. 162) былъ смѣщенъ, и его должность занялъ Фѣрисъ Деххенъ. При этомъ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе Джеззара налагать пошлины по своему усмотрѣнію, такъ что могъ истощать поборами всѣхъ христіанъ. Въ это же время былъ назначенъ надъ Бейрутомъ новый намѣстникъ отъ Джеззара — турокъ Мохаммедъ - Ага; а съ нимъ пріѣхали и два его подручные, ужаснаго вида и крайне жестокаго характера: когда совершался праведъ или иное наказаніе, они сами присутствовали при мученіяхъ.

(л. 163). Въ грамотѣ, которую привезъ съ собою Фѣрисъ Деххенъ, было дано предписаніе городскимъ властямъ, что они обязаны быть помощниками Фѣриса въ дѣлѣ сбора денегъ и доставленія ихъ въ казну и что никто не долженъ чинить ему препятствій въ его мѣрахъ.

Съ этого времени начинается одинъ изъ самыхъ скорбныхъ періодовъ исторіи православной церкви въ Бейрутѣ.

Въ статьѣ Л. Мсерианиъ — Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи подлежатъ исправленію нижеслѣдующія опечатки:

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	7 св.	5	15
1	16 сл.	dousième	douzième
2	1 сл.	égyrto-	égypto-
10	4 св.	имъ	ими
10	12 св.	размотрѣніе	разсмотрѣніе
13	11 сл.	ק, ינה	מדינה
14	1 сл.	Arsâm	Aršâm
16	19 св.	Dârayava ušahyâ	Dârayavahušahyâ
20	20 св.	דָּבָרִי	דָּבָרִי
27	3 сл.	Sahâka-	Dahâka-
27	8 сл.	Sarmesteteter	Darmesteteter
36	2 св.	אררהשמש	אררהשמש
37	6 св.	נזשביא	דשביא
38	11 св.	פרתך	פרתך (?)
42	4 св.	דחבריא	דְּחַבְרִיא

Страсбургскій египетско-арамейскій папирусь и его значеніе для иранской филологіи.

Предварительное примѣчаніе.

Первою мыслью запясться страсбургскимъ египетско-арамейскимъ папирусомъ мы обязаны статьѣ академика П. К. Коковцова — *Занятія семитической секціи XII-го конгресса ориенталистовъ въ Римѣ (съ 4 по 5 октября нов. ст. 1899 г.)*, появившейся въ XII томѣ «Записокъ восточн. отдѣленія Имп. русск. археолог. общ.» (стр. 076—094) и отдѣльно С.-Петербургъ, 1900). Именно, среди рефератовъ, о которыхъ сообщалось въ этой статьѣ, наше особенное вниманіе остановилъ на себѣ докладъ проф. Ю. Эйтинга (J. Euting) о страсбургскомъ египетско-арамейскомъ папирусѣ (о. с., стр. 087—088). Заинтересовавшись формою, въ которой являлось переданнымъ въ этомъ папирусѣ имя царя Дарія (𐎠𐎼𐎷𐎡𐎴), мы съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидали полученія «Трудовъ» упомянутого конгресса, чтобы ознакомиться съ этимъ интереснымъ документомъ, сумевшимъ внести дань и въ сокровищницу древне-иранской филологіи. Однако, значительно запоздавшіе тома съ трудами римскаго конгресса („Actes du douzième congrès international des orientalistes. Rome—1899“) не принесли съ собою желаннаго удовлетворенія. Въ томѣ, посвященномъ работамъ по семитскимъ языкамъ и мусульманскому міру (томъ III, ч. 1; Florence, 1902), реферата Эйтинга не оказалось вовсе, и все о немъ свѣдѣнія исчерпывались всего лишь пятью строками сухого resumé секціоннаго бюллетеня (о. с., I [1901], р. CLXXII).

Не получивъ отвѣта на интересовавшіе насъ вопросы изъ официальнаго изданія римскаго конгресса, мы рѣшили обратиться къ автору статьи — *Занятія семитической секціи XII-го конгресса ориенталистовъ въ Римѣ и пр.* Въ отвѣтъ на наше письмо отъ 6-го декабря 1903 г., въ которомъ указывалось на важность для исторіи звуковъ древне-персидскаго языка семитской (египетско-арамейской) транскрипціи имени царя Дарія (именно на наличность знака для звука *h* въ положеніи передъ гласнымъ *i*: *Dārayavahuš) и было сдѣлано нѣсколько запросовъ по поводу „консонантнаго остова“ данной семитской транскрипціи, — нами вскорѣ были получены отъ акад. Коковцова необходимыя разъясненія. Однако акад. Ко-

ковцовъ не ограничился этимъ: 16-го декабря мы получили отъ него уведомленіе, что онъ имѣетъ въ виду обратиться къ проф. Эйтингу съ просьбою сообщить in extenso интересующую насъ выдержку изъ его реферата. Въ отвѣтъ проф. Эйтингъ, въ половинѣ января 1904 г., прислалъ акад. Коковцову, для передачи намъ, отдѣльный оттискъ своего только что изданнаго римскаго реферата (*Notice sur un papyrus égypto-araméen de la Bibliothèque Impériale de Strasbourg*. Paris, MDCCCIII).

Ознакомившись съ работою проф. Эйтинга, мы тотчасъ же сообщили акад. Коковцову (въ письмѣ отъ 20-го января 1904 г.) нѣкоторыя предварительныя замѣчанія относительно того иранскаго элемента, который оказался среди семитскаго текста страсбургскаго папируса. Объ нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣчаній акад. Коковцову пришлось упоминать въ своемъ докладѣ—*О новомъ арамейскомъ папирусь Императорской страсбургской библиотеки*, прочитанномъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. русск. археологическаго общества, 19-го февраля 1904 г. (См. «Записки вост. отд. И. русск. арх. общ.», т. XVI, вып. IV-й, стр. XXII—XXVII; отд. изд. вышло подъ заглавіемъ: *Арамейскій папирусь Императорской страсбургской библиотеки*. С.-Петербургъ, 1905, стр. 8).

Уже послѣ того, какъ наша работа, въ общихъ чертахъ, была окончена, намъ пришлось познакомиться со статьею проф. Hübschmann'a—*Armen. qn-շահ dišak* (въ «Z. f. armen. Philologie», II, pp. 264—266), въ которой онъ подвергъ разсмотрѣнію иранскій элементъ текста папируса, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, интересъ, представляемый этимъ элементомъ для изучающихъ исторію персидскихъ заимствованій въ древне-армянскомъ языкѣ.

Желая подвергнуть, прежде чѣмъ приступить къ печати, свою работу предварительному обсужденію со стороны представителей различныхъ отраслей востоковѣдѣнія, мы прочли ее въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. русск. археолог. общества, 28-го октября 1904 г., въ видѣ реферата, озаглавленнаго—*Древне-персидскіе элементы въ египетско-арамейскомъ папирусь, изданномъ Эйтингомъ*¹⁾. Этотъ рефератъ, подъ заглавіемъ—*Египетско-арамейскій страсбургскій папирусь и его значеніе для иранской филологии* былъ нами повторенъ, съ нѣкоторыми дополненіями, въ засѣданіи Восточной комиссіи Имп. московскаго археологическаго общества, 18-го ноября 1904 г.

Оба только что упомянутыхъ реферата легли въ основаніе настоящей работы, причемъ намъ пришлось сдѣлать какъ нѣкоторыя дополненія, отчасти вызванныя появившеюся за послѣднее время литературою предмета²⁾, такъ и внести значительныя измѣненія по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ, напр., по вопросу относительно эпохи происхожденія папируса и пр.

¹⁾ Краткое содержаніе этого реферата, вмѣстѣ съ замѣчаніями акад. Коковцова, акад. Залемама и проф. Марра по поводу отдѣльных частей доклада, появились въ «Запискахъ вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.», т. XVI, вып. IV, стр. XXXII—XXXIII (отдѣлъ протоколовъ засѣданій).

²⁾ Мы имѣемъ въ виду, именно, работы Ch. Clermont-Ganneau (*Textes araméens d'Égypte. I. Le papyrus Euting* въ его *Recueil d'archéologie orientale*, t. VI [Paris, 1904], § 25, pp. 221 sq.; срв. его же краткое сообщеніе въ засѣданіи Académie des inscriptions et belles-lettres, 14 августа [н. ст.] 1903, появившееся въ «Comptes rendus des séances de l'année 1903», p. 364) и Halévy (*Nouvel examen du papyrus égypto-ara-*

Въ заключеніе, считаемъ пріятнымъ долгомъ выразить свою глубокую благодарность какъ академику П. К. Коковцову за неоднократное оказаніе намъ любезнаго содѣйствія во время занятій настоящимъ этюдомъ, такъ и Восточному отдѣленію Императорскаго русскаго археологическаго общества и Восточной комиссіи Императорскаго московскаго археологическаго общества, въ лицѣ ихъ предсѣдателей академика бар. В. Р. Розена и проф. Вс. Θ. Миллера, за предоставленіе намъ возможности прочесть и обсудить настоящую работу въ одномъ изъ ихъ засѣданій.

Москва, апрѣль 1906.

Авторъ.

P. S. Въ транскрипціи мы слѣдовали общепринятымъ способамъ передачи звуковъ извѣстныхъ языковъ знаками латинскаго (отчасти и греческаго) алфавита. Отступленія, допущенныя нами въ этомъ отношеніи, незначительны: такъ, авестійскій зубной спирантъ, близко стоящій къ спирнтамъ θ и δ и физиологическій характеръ котораго остается темнымъ (срв. Bartholomae, *Awestasprache und Altpersisch* въ «Grundriss d. iran. Phil.», I, p. 153; Brugmann, *Grundriss*, I², § 63),—транскрибируется черезъ курсивное *t* (вмѣсто принятой въ настоящее время передачи черезъ *t* съ подписаннымъ знакомъ обложеннаго ударенія); древне-арм. особое *г* (у Hübschmann'a *г* съ надписанною точкою)—черезъ курсивное *г*; древне-инд. *apuvāga*—черезъ курсивное *m* и т. д.

Что касается сокращеній, встрѣчающихся въ настоящей работѣ, то они общезвѣстны.—Заглавія нѣкоторыхъ наиболее часто цитруемыхъ специальныхъ журналовъ обозначены, по общепринятому обычаю, инициалами, а именно: Z. D. M. G. («Zeitschrift der Deutschen Mongenländischen Gesellschaft»), W. Z. K. M. («Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»), I. F. («Indogermanische Forschungen») и т. д.

mén de la bibliothèque de Strasbourg въ «Revue sémitique d'épigraphie et d'histoire ancienne», 1904, janvier, pp. 67 sq.).

По поводу разбора Halévy мы должны замѣтить, что находящіяся въ ней попытки истолкованія иранскихъ элементовъ въ многихъ случаяхъ являются неприемлемыми. На недостаточную удовлетворительность этой части работы обратилъ вниманіе и Clermont-Ganneau (о. с., pp. 235, 237). Съ своей стороны отмѣтимъ особенно бросающійся въ глаза грамматическій анахронизмъ, заключающійся въ попыткѣ чтенія въ A, 1 формы «bendegān» (составленной изъ соединенія въ одно двухъ отдѣльныхъ словъ подлинника) со значеніемъ «serviteurs, esclaves»; исходъ -ān, какъ исходъ nom. plur., каковымъ онъ является въ средне- и ново-персидскомъ (изъ древне-персидскаго суффикса gen. plur. -ānām; см. Salemann, *Mittelpersisch* [въ «Grundriss der iran. Philologie», I], § 54), не можетъ быть допущенъ для эпохи Дарія II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ.— Вопросъ о времени его происхожденія.— Египетско-арамейскіе папирусы персидской эпохи.

1.

Фрагментарный папирусъ, содержащій текстъ на египетско-арамейскомъ нарѣчій¹⁾ и составляющій предметъ настоящаго этюда, былъ приобрѣтенъ въ Луксорѣ профессорами Reizenstein'омъ и Spiegelberg'омъ, во время ихъ научной поѣздки въ Египетъ въ 1898—99 гг., и составляетъ въ настоящее время собственность Императорской страсбургской библіотеки.

Первое изданіе текста этого папируса (съ его фототипическимъ fac-simile), въ сопровожденіи (латинскаго) перевода и обстоятельнаго историко-филологическаго комментарія, было представлено проф. страсбургскаго университета Ю. Эйтингомъ (J. Euting)—авторомъ предварительнаго сообщенія, доложеннаго на римскомъ конгрессѣ ориенталистовъ (см. выше—*Предварит. примѣчаніе*)—и появилось подъ заглавіемъ: *Notice sur un papyrus égypto-araméen de la bibliothèque Impériale de Strasbourg* въ «Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et belles-lettres», I-re série, Tome XI, II-e partie, pp. 297—311, и отдѣльно (Paris, MDCCCXIII)²⁾. Такимъ образомъ, въ спе-

¹⁾ См. *Семитскіе языки и народы* Теодора Нѣльдеке въ обработкѣ А. Бримскаго (съ участіемъ ак. П. К. Коковцова). М. 1903, стр. 126—127 („Труды по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревскимъ институтомъ восточныхъ языковъ“, вып. V).

²⁾ Подробное содержаніе работы Эйтинга находится въ *Répertoire d'épigraphie sémitique*, T. I, 5-me livr. (Paris, 1903), s. n°. 361 [Aram.], pp. 291—297 и сопровождается замѣчаніями Cl[ermont]-G[anneau]. — Дальнѣйшему изслѣдованію текста папируса, а также пересмотру толкованія и перевода, представленныхъ проф. Эйтингомъ, посвятили свой трудъ французскіе семитологи Cl[ermont]-G[anneau] и Halévy, объ соотвѣствующихъ этюдахъ которыхъ уже было упомянуто въ *Предварительномъ примѣчаніи*. Отметимъ здѣсь для полноты, что предварительное сообщеніе Cl[ermont]-G[anneau] объ страсбургскомъ папирусѣ, доложенное въ засѣданіи, 14 авг. (н. ст.) 1903 г., Académie des inscriptions et belles-lettres, появилось въ ея „Comptes rendus“, 1903, p. 364 (срв. также *Répertoire d'épigraphie sémitique*, T. I, 6-me livr., s. n°. 498, p. 385).

Отметимъ также замѣтку египтолога W. Spiegelberg'a — *Zu dem Strassburger aramäischen Papyrus* въ „Orientalistische Litteratur-Zeitung“, 1904, № 1.

Въ *Bulletin papyrologique*, помѣщаемомъ Seymour de Ricci въ „Revue des études

ціальпой литературѣ, на ряду съ названіемъ «страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ», получило право гражданства также наименованіе «папирусъ Эйтинга».

Однородные папирусы, т. е. папирусы съ текстами на египетско-арамейскомъ нарѣчій, пока очень немногочисленны. Доселѣ извѣстно было всего лишь 18 представителей этой палеографической семьи, хранящихся въ музеяхъ Турина, Лондона, Рима, Берлина, Парижа и Гизѣ. Всѣ они собраны въ I-мъ томѣ II-й части *Corporis inscriptionum semiticarum*, изданномъ подъ редакціей de Vogüé. (См. сар. VI, art. VII: Papyri in Aegypto reperti, p. 148 sq.). Такимъ образомъ, страсбургскій папирусъ является по счету 19-мъ ¹⁾.

II.

Съ внѣшней стороны страсбургскій папирусъ представляетъ собою ленту длиною, по измѣренію проф. Эйтинга (*Notice*, p. 2), въ 63 сант. и шириною (наибольшая ширина!) въ 7,3 сант. Recto папируса заключаетъ текстъ, написанный въ два столбца, по пяти строкъ въ каждомъ ²⁾. Такъ какъ данный папирусъ дошелъ до насъ въ фрагментарномъ видѣ, то въ немъ, какъ это выяснено Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, pp. 224—225), недостаетъ нѣсколькихъ строкъ, благодаря чему оба столбца не представляютъ связнаго, непрерывнаго текста. Отсылая за подробностями внѣшняго описанія папируса къ обстоятельной работѣ Clermont-Ganneau (*ibid.*, p. 224 sq.), считаемъ нужнымъ нѣсколько остановиться на вопросѣ о палеографическихъ особенностяхъ папируса.

Сравнивая письмо страсбургскаго папируса съ письмомъ саккарской (Saqqarah) стелы (*Corpus inscriptionum semiticarum*, II, t. 1, № 122), датированной 4-мъ годомъ царствованія Ксеркса (т. е. 482 г. до Р. Хр.), проф. Эйтингъ (*Notice*, p. 4) приходитъ къ заключенію, что она «est...d'un archaïsme indiscutable et il n'est pas hasardé de prétendre qu'une transformation de ces types jusque dans les formes de notre papyrus exige une période d'à peu près 70 ans». Акад. Коковцовъ (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7) также обращаетъ внима-

gresques“, объ изданіи Эйтинга (съ указаніемъ нѣкоторыхъ замѣтокъ и рецензій) говорится на стр. 353—354 тома XVIII (Juillet—Octobre, 1905) этого „Revue“.

¹⁾ Въ настоящее время извѣстенъ уже 20-й египетско-арамейскій папирусъ, восходящій такъ же, какъ и остальные девятнадцать, къ эпохѣ персидскаго владычества исторіи Египта. (См. подробности ниже, въ IV подраздѣленіи настоящей главы). Этотъ папирусъ, открытый на о. Элефантинѣ, хранится въ настоящее время въ бодлеянской библіотекѣ. См. о немъ сообщеніе Clermont-Ganneau, сдѣланное въ засѣданіи, 27 мая (н. ст.) 1904 г., Académie des inscriptions et belles-lettres (см. ея „Comptes rendus“, 1904, p. 330).

²⁾ Что касается verso папируса, то оно, вслѣдствіе сильной порчи текста, почти совершенно не поддается истолкованію, представляя собою арену для болѣе или менѣе остроумныхъ догадокъ и построеній. Въ настоящемъ этюдѣ мы его совершенно не касаемся и интересующихся отсылаемъ къ соответствующимъ мѣстамъ работъ Эйтинга, Clermont-Ganneau и Halevy.

ніе на нѣкоторыя особенности языка (сравнительно съ библейско-арамейскими формами въ кн. Эзры), указывающія скорѣе на болѣе позднюю эпоху происхожденія страсбургскаго папируса.

Для ознакомленія съ содержаніемъ текста даннаго папируса ¹⁾ мы приводимъ его въ русскомъ переводѣ ²⁾, сдѣланномъ акад. Коковцовымъ (о. с., стр. 5—6):

Столбецъ А.

1. ...мы..., что египтяне возмущались, мы господина нашего не оставили (?)
- 2 и никакого вреда не было за нами замѣчено. Въ 14 году царя (?) Дарьявахуша, когда нашъ господинъ Аршамъ
- 3 пошелъ къ царю, вотъ злое дѣло, которое учинили въ вѣрѣности Іебъ жрецы Хануба...
- 4 ... вмѣстѣ съ..., который тамъ (?) находился. Серебро и драгоценности они ему дали. Есть нѣкоторые
- 5 изъ ...царя, которые... вѣрѣность... и одна стѣна... въ проломѣ (?) вѣрѣности Іебъ (?)

Столбецъ В.

1. И теперь эта стѣна выстроена въ проломѣ (?) вѣрѣности. Есть одинъ володецъ, который сооруженъ
- 2 внутри вѣрѣности и который доставлялъ всегда достаточное количество воды для питья войску, такъ что въ случаѣ, если (люди) бывали въ осадѣ (?),
- 3 они воду пили изъ этого колодца. Эти жрецы Хануба колодецъ этотъ закрыли. Если (дѣло) будетъ
- 4 разузнано судьями, тифтями, гаушаками, поставленными въ области Та-шет-ресь,
- 5 то господинъ нашъ узнаетъ, (что оно было такъ), какъ мы сказали или какъ мы изложили.

Какъ можно видѣть изъ только что приведеннаго перевода текста лицевой стороны страсбургскаго папируса, въ немъ, повидимому, идетъ рѣчь о злодѣянствѣ, совершенномъ египетскими жрецами бога Хнуба ³⁾, которые воспользовались

¹⁾ Желающіе ознакомиться съ самимъ текстомъ страсбургскаго папируса найдутъ его, помимо изданія Эйтинга и др., также въ работѣ акад. Коковцова — *Арамейскій папирусъ и пр.* въ „Зап. вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.“ т. XVI, в. IV-й, стр. XXIV (= отд. изд. стр. 5).

²⁾ Срв. также переводы: Эйтинга (латинскій), Clermont-Ganneau и Halévy (оба французскіе). Среди этихъ переводовъ особеннаго вниманія заслуживаетъ принадлежащій Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 224).

³⁾ Хнубъ или Хнумъ (ΣΝΤ нашего папируса, изъ древне-егип. формы Hnḥw, обратившейся у грековъ въ Χνὸβις, Χνὸβρις [Χνὸβρις] и т. д.)—извѣстное (по преимуществу нильское) божество египетскаго пантеона, творецъ міра, боговъ и человѣ-

какими то работами въ крѣпости (ремонтъ крѣпостной стѣны?) на о. Элефантин¹⁾, закрыли колодезь, находившійся внутри этой крѣпости и предназначенный для пользованія ея гарнизона на случай осады. Этотъ проступокъ египетскихъ жрецовъ, уже и раньше успѣвшихъ подкупить кого то изъ мѣстныхъ властей (см. текстъ столбца А), и составляетъ предметъ донесенія сатрапу персидскаго царя въ Египтъ.

Кто авторъ даннаго донесенія, пока остается невыясненнымъ. Въ то время какъ проф. Эйтингъ думаетъ, что авторомъ нашего документа является египетско-персидскій чиновникъ, подчиненный мѣстному сатрапу (*Notice*, p. 1), — Clermont-Ganneau убѣдительно доказываетъ (см. *Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 227 sq.), что текстъ даннаго папируса коллективнаго происхожденія, т. е. восходитъ къ опредѣленной группѣ лицъ египетскаго населенія и представляетъ собою доносъ. Такъ какъ въ періодъ персидскаго владычества надъ Египтомъ среди его населенія, помимо туземнаго элемента, мы встрѣчаемъ и персовъ и семитовъ и грековъ и нѣкоторыя другія народности, то вопросъ о болѣе точномъ опредѣленіи національности составителей нашего документа является не изъ легкихъ. Судя по манеру изложенія, Clermont-Ganneau полагаетъ, что авторы доноса не египтяне, и склоненъ признать въ нихъ евреевъ (главнымъ аргументомъ чего служатъ для него то обстоятельство, что, говоря о богѣ Хнубѣ, авторы «ne lui donnent pas son qualificatif de «*le dieu*», *ibid.*, VI, p. 229, будучи исключительно поклонниками Іеговы). Акад. Коковцовъ также стоитъ за коллективный характеръ «официальной жалобы»; что же касается національности составителей этой жалобы, то онъ склоненъ видѣть въ нихъ «персовъ и въ частности... лицъ персидскаго гарнизона, состоявшаго изъ инородцевъ подъ командою персовъ и имѣвшаго свое постоянное мѣстопробываніе въ Элефантинѣ для охраны южной границы Египта» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

ческаго рода — пользовался особеннымъ почитаніемъ на о. Элефантинѣ и величался „господиномъ Элефантины [=Ieba]“. (См. Wiedemann, *Die Religion d. alten Aegypter*. Münster i. W., 1890, p. 71 sq., его же — *Herodots zweites Buch mit sächlichen Erläuterungen*. L. 1890, p. 118; Spiegelberg, „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, № 1, p. 11 съ подстрочн. прим. 3). Въ виду этого понятно, какое значеніе могли играть въ мѣстной жизни жрецы этого бога.

Выясненіе имени бога Хнуба въ текстѣ нашего папируса явилось результатомъ опредѣленія значенія группы *𐤊𐤁* = „въ Іебѣ [Элефантинѣ]“ (см. ниже) и принадлежитъ проф. Spiegelberg'у (см. „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, p. 10 sq.), который до этого полагалъ, что *𐤊𐤁* = егип. ha-nub („la maison d'or“) и что здѣсь дѣло идетъ о мемфисскомъ серапеумѣ. (Это мнѣніе Spiegelberg'a, приведенное у Эйтинга, *Notice*, pp. 9—10, было принято и Halévy, „Revue sémitique“, 1904, p. 71).

¹⁾ Элефантина это и есть находящееся въ текстѣ нашего папируса *𐤊𐤁* [A, 3: *𐤊𐤁* *𐤊𐤁* = „въ крѣпости Іебѣ“]. Выясненіемъ значенія этого *𐤊𐤁*, соответствующаго др.-егип. *ibw* [въ вокализированномъ видѣ *Iebew*; cf. Spiegelberg, „Orient. Litt.-Zeit.“, 1904, № 1, p. 11], въ транскрипціи греч. ассуанской надписи *-tjβ* (Clermont-Ganneau, *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 234) — мы обязаны Clermont-Ganneau (см. „Comptes rendus“ за

III.

Если эпоха, къ которой долженъ быть отнесенъ страсбургскій папирусъ является вполне опредѣленною, какъ это мы увидимъ далѣе, то нельзя сказать того же о времени написанія этого документа. Единственнымъ хронологическимъ даннымъ, могущимъ служить (до извѣстной степени), въ этомъ отношеніи, руководящею нитью—является находящаяся во 2-й строкѣ столбца А нашего папируса дата, которая читается слѣдующимъ образомъ: «въ 14-мъ году царя Дарія».

На выясненіи значенія этой даты мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться. Проф. Эйтингъ принимаетъ вышеприведенную дату какъ указаніе времени, къ которому относится *самый документъ*. Въ самомъ началѣ его *Notice* мы читаемъ: «La pièce en question (страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ) a d'autant plus d'importance (сравнительно съ другими однородными папирусами) qu'elle porte une date; elle remonte à la 14-e année du règne de Darius» (р. 1.). Такимъ образомъ, проф. Эйтингъ находитъ возможнымъ отнести страсбургскій папирусъ «къ 14-му году царствованія Дарія» и сосредоточиваетъ далѣе свое вниманіе на выясненіи вопроса, о которомъ, именно, Даріѣ идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ, о Даріѣ ли I-мъ (521—485) или же о Даріѣ II-мъ (424—405) ¹⁾.

Внимательное разсмотрѣніе египетско-персидскихъ отношеній въ царствованіе Дарія I и Дарія II приводитъ проф. Эйтинга къ заключенію, что упоминаемый въ нашемъ папирусѣ Дарій это—Дарій II. Главнымъ основаніемъ раз-

сѣданій Académie des inscr. et belles-lettres за 1903, стр. 364; *Rec. d'arch. orient.*, VI, р. 222; срв. также у Halévy, „Revue sémitique“, 1904, р. 71, которому, повидимому, осталось неизвѣстнымъ исправленіе Clermont-Ganneau, внесшему исправленіе въ толкованіе проф. Эйтинга, считавшаго группу 𐤁𐤓 (т. е. 𐤁𐤓𐤕) за одно слово (см. *Notice*, р. 10) со значеніемъ „canalis“ („fecerunt canalem arcis“). Это важное исправленіе въ настоящее время является общепринятымъ (см., напр., Spiegelberg, *l. c.*).

Какъ извѣстно, элефантинская крѣпость была однимъ изъ пограничныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, а именно предназначенная для охраны южной границы Египта. О персидскомъ гарнизонѣ элефантинской крѣпости мы въ частности знаемъ изъ повѣствованія Геродота, который, упоминая о трехъ египетскихъ крѣпостныхъ гарнизонахъ (φύλακai) времени Псамметиха, говоритъ: „ἐτι δὲ ἐπ' ἐμεῦ καὶ Περσέων κατὰ ταῦτά αἱ φύλακai ἔχουσι, ὥς καὶ ἐπὶ Ψαμμήτιχου ἦσαν· καὶ γὰρ ἐν Ἐλεφαντίνῃ Πέρσαι φρουρέουσι καὶ ἐν Δάφνησι“ (II, 30).

Выясненіе группы 𐤁𐤓 , помимо того, что даетъ возможность локализовать сообщаемые въ нашемъ фрагментѣ историческіе факты,—является важнымъ и для опредѣленія мѣста происхожденія данного папируса, который, какъ думаетъ Clermont-Ganneau (*Rec. d'arch. orientale*, VI, р. 222), происходитъ или изъ Ассуана (егип. Sun, Sunni, на правомъ берегу Нила, напротивъ Элефантины) или изъ самой Элефантины, подобно многимъ другимъ однороднымъ документамъ. (Такого же мнѣнія держится и проф. Spiegelberg, *l. c.*).

1) О Даріѣ III не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ его царствованіе обнимаетъ всего шесть лѣтъ (336—330 до Р. Хр.).

сужденія проф. Эйтинга служить то обстоятельство, что о возстаніи въ Египтѣ въ 14-й годъ царствованія Дарія I (т. е. въ 508 г. до Р. Хр.) не имѣется никакихъ извѣстій и что таковое произошло лишь въ предпоследній годъ его жизни, когда дошедшія до Египта вѣсти о пораженіи Персовъ при Марафонѣ (490) подготовили неудавшуюся попытку освободиться отъ персидскаго владычества. Исходя изъ этихъ соображеній, проф. Эйтингъ склоняется къ приуроченію египетскаго возстанія къ 14 г. царствованія Дарія II, т. е. къ 411—410 г. до Р. Хр. Онъ, именно, имѣетъ въ виду то возстаніе, о которомъ намъ было извѣстно и раньше, какъ о событіи, падающемъ на вторую половину царствованія Дарія II, когда Египтяне, увлеченные начавшимися повсюду въ персидскомъ государствѣ смутами, подняли, въ свою очередь, мятежъ подъ главенствомъ Амирта. «Tandis que, — читаемъ мы у Эйтинга, — le premier soulèvement sous le règne de Darius I-er fut combattu par Xerxès et étouffé sous Artaxerxès, malgré le secours prêté par les Grecs, les Égyptiens parvinrent, cette fois, à secouer le joug perse, à recouvrer leur indépendance et à la maintenir pendant plusieurs décades. La XXVIII-e dynastie nationale des Saïtes, fondée par Amenrout, dont les Grecs ont fait Amyrtaïos (414 à 408 av. J.-C), chassa avec l'assistance de mercenaires grecs les Perses du territoire égyptien. Amyrtaïos avait su profiter de certaines circonstances exceptionnellement favorables en agissant pendant que les forces militaires perses étaient occupées à étouffer le soulèvement de Pissouthnès en Lydie contre Tissaphernès (415—414) et celui d'Amorgès en Carie (413—412). Amyrtaïos se vit bientôt maître de toute l'Égypte jusque dans les régions de Thèbes...» (*Notice*, pp. 3—4).

Въ заключеніе проф. Эйтингъ приходитъ къ тому выводу, что «с'est dans cette période seule (царствованіе Дарія II) que peut se situer le rapport d'un employé perse au satrape... sur un épisode du soulèvement des Égyptiens *dans la 14-e année du roi Darius*» (*l. c.*), т. е. нашъ папирусный фрагментъ.

Предположеніе проф. Эйтинга не можетъ быть принято цѣлкомъ. Возраженіе вызываетъ, именно, приуроченіе нашего документа къ 14-му году царствованія Дарія, такъ какъ на такое хронологическое фиксированіе контекстъ, заключающій вышеприведенную дату, не даетъ намъ надлежащаго основанія. Внимательно вчитываясь въ содержаніе нашего папируса, мы не можемъ не замѣтить, что та часть текста, гдѣ упоминается 14-й годъ царствованія Дарія, относится собственно къ событію уже *прошлому*, а не *современному*, къ эпизоду, о которомъ сочли нужнымъ вспомнить, чтобы имъ воспользоваться въ извѣстныхъ цѣляхъ. Авторы документа указываютъ на одно уже *раньше* учиненное жрецами Хнуба злодѣяніе, а именно «въ 14-й годъ царя Дарія, когда нашъ господинъ Аршамъ пошелъ къ царю» (А, 2—3). Вслѣдъ за этимъ, тѣми же лицами указывается на новое, современное написанію документа, злодѣяніе тѣхъ же жрецовъ. Нельзя, такимъ образомъ, не видѣть, что въ документѣ мы имѣемъ дѣло съ двумя фактами: прошлымъ и (близкимъ къ нему) современнымъ, и что первый долженъ служить или для дополненія или для поддержанія второго. Въ первомъ случаѣ — авторы документа имѣли въ виду указать на факты изъ близкаго прошлаго, находящіеся, вѣроятно, въ

известной связи съ фактами настоящаго; во второмъ—нельзя не видѣть известнѣйшій пріемъ со стороны составителей донесенія, желавшихъ, указаніемъ на уже имѣвшее мѣсто нелойальное поведеніе жрецовъ Хнуба, заручиться болѣе широкимъ довѣріемъ къ сообщаемому имъ новому факту. Акад. Коковцовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что вышеприведенная дата (14-й годъ царя Дарія) «даетъ только известнѣйшій *terminus a quo...*» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7). Такимъ образомъ, приходится установить, что дата: «въ 14-й годъ царя Дарія» не имѣетъ прямого, непосредственнаго отношенія ко времени написанія самого папируса.

Но, тѣмъ не менѣе, эта дата, служа точкою отправленія, можетъ, до известной степени, способствовать опредѣленію времени написанія страсбургскаго папируса. Какъ мы уже видѣли, подробное разсмотрѣніе исторіи египетско-персидскихъ отношеній привело проф. Эйтингга къ тому выводу, что возстаніе, упоминаемое въ нашемъ папирусѣ, есть, именно, то, которое произошло въ царствованіе Дарія II. Этотъ выводъ врядъ ли можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Всѣ изслѣдователи, въ томъ числѣ и тѣ, которые сначала склонны были видѣть въ Даріѣ нашего папируса—Дарія I, пришли къ тому же заключенію, какъ и Эйтингъ. (Срв. Clermont-Ganneau, *Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 230¹⁾; Halévy, *Nouvel examen etc.* въ «*Revue sémitique etc.*», Janvier 1904, p. 68). Акад. Коковцовъ считаетъ дату 411—410 г. (т. е. 14-й годъ царствованія Дарія II) болѣе близкою къ истинѣ «въ виду упоминанія въ папирусѣ возстанія Египтянъ» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

Теперь переходимъ къ вопросу: что же даетъ находящаяся въ текстѣ дата для приблизительнаго опредѣленія времени написанія? Мы полагаемъ, что разъ авторы нашего документа сочли нужнымъ (для подкрѣпленія достовѣрности своего сообщенія или его дополненія) сослаться на известнѣйшій фактъ, современниками и свидѣтелями котораго они являются, то уже eo ipso промежутокъ времени между моментомъ составленія документа и прошлымъ фактомъ не можетъ быть особенно значителенъ, и, такимъ образомъ, можно вполне присоединиться къ формулировкѣ, представленной акад. Коковцовымъ, а именно, что страсбургскій папирусъ слѣдуетъ «приурочить къ концу V или, пожалуй, къ началу IV в. до Р. X.» (*Арамейскій папирусъ и пр.*, стр. 7).

Весьма важнымъ обстоятельствомъ, не говорящимъ въ пользу особенной древности нашего папируса, являются, конечно, его палеографическія особенности. Какъ мы уже знаемъ, проф. Эйтингъ предполагаетъ (*Notice*, p. 4), что на видоизмѣненіе письма саккарской стелы въ письмо нашего папируса тре-

¹⁾ Особеннаго вниманія заслуживаетъ предлагаемое Clermont-Ganneau исправленіе встрѣчающагося у Ктесія (ed. Didot, p. 55a, § 47) имени Ἀρξάνης въ Ἀρξάμης (= Ἀρσάμης; срв. подобную же описку у Діодора Сицилійскаго, XVII, V, 5: Ἀρσάνου [cf. Pape's *Wörterbuch d. griech. Eigennamen* 3, s. v.]—имя отца Дарія III), которое носитъ сатрапъ, правившій Египтомъ при воцареніи Дарія II, въ 424 г. «Il n'est pas inadmissible,—говорятъ дажѣ Clermont-Ganneau,—que ce personnage... se soit encore maintenu pendant 14 ans dans son gouvernement, jusqu'au moment où il y fut remplacé par le satrape inconnu destinataire de notre lettre...» (l. c.).

буется около семи десятилѣтій. Такимъ образомъ, приуроченіе времени написанія страсбургскаго папируса на нѣсколько лѣтъ позже 411 — 410 года со стороны арамейской палеографіи не можетъ вызывать возраженій. Далѣе, среди намъ извѣстныхъ папирусовъ, страсбургскій не представляетъ типа древняго письма (какъ туринскій, что отмѣчаетъ акад. Коковцовъ, *Арам. папирусъ и пр.*, стр. 7). Наконецъ, какъ уже было отмѣчено, нѣкоторыя особенности языка также указываютъ на болѣе позднюю эпоху (см. по этому поводу у акад. Коковцова, *тамъ же*, стр. 7, который приводитъ въ качествѣ примѣра нѣкоторыя глагольныя формы, представляющія болѣе позднюю фазу развитія въ сравненіи съ библейско-арамейскими формами въ книгѣ Эзры).

Намъ пришлось нѣсколько подробнѣе остановиться на вопросѣ о времени написанія страсбургскаго папируса, такъ какъ выясненіе этого пункта представляетъ особенный интересъ при изученіи того иранскаго элемента, который сохранился въ этомъ папирусѣ.

IV.

Страсбургскій папирусъ принадлежитъ къ извѣстной серіи египетско-арамейскихъ папирусовъ, восходящей къ эпохѣ персидскаго владычества въ Египтѣ и имѣющей, по своему содержанію, то или другое отношеніе къ этому владычеству. Какъ извѣстно, обстоятельнымъ изученіемъ этой группы папирусовъ мы обязаны Clermont-Ganneau, который въ своемъ изслѣдованіи — *Origine perse des monuments araméens d'Égypte*, появившемся въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ «Revue archéologique» (начало въ т. XXXVI, 1878, Août), показалъ, что почти всѣ памятники арамейскаго языка, открытые въ Египтѣ, восходятъ къ эпохѣ персидскаго владычества въ странѣ фараоновъ. «Je propose donc, — говоритъ почтенный ученый, — de regarder presque tous, pour ne pas dire tous ces fragments de papyrus araméens, comme remontant à l'époque perse, comme écrits sous l'influence perse, et comme provenant très probablement des archives de l'administration perse en Égypte, ou des dossiers d'individus qui avaient quelque rapport avec elle» («Rev. arch.», t. XXXVII, 1879, Janvier, pp. 23—24). Своимъ изслѣдованіемъ Clermont-Ganneau устранилъ раньше господствовавшее въ наукѣ мнѣніе, согласно которому египетско-арамейскіе папирусы разсматривались какъ «des écrits rédigés pendant la période ptolémaïque et... par des Juifs aramaïsants» (*ibid.*, 1878, pp. 94—95). Этотъ новый взглядъ Clermont-Ganneau на время происхожденія египетско-арамейскихъ папирусовъ — взглядъ, составившій эпоху въ исторіи изученія этихъ памятниковъ — подтверждается каждымъ вновь открытымъ фрагментомъ египетско-арамейскаго папируса, въ числѣ которыхъ, въ этомъ отношеніи, особенно важное мѣсто должно быть отведено фрагменту, изданному проф. Эйтингомъ.

V.

Арамейскій языкъ египетскихъ папирусовъ персидской эпохи объясняется тѣмъ въ настоящее время хорошо выясненнымъ обстоятельствомъ, что онъ являлся официальнымъ, канцелярскимъ языкомъ древне-персидской администраціи

при ея сношеніяхъ съ западными областями, подвластными «царю царей». Арамейскій языкъ въ этой своей функціи—языка древне-персидской администраціи—широко перепахнулъ за собственныя границы семитическаго міра, и мы видимъ его господство не только въ свирійскихъ земляхъ, но и въ Малой Азіи и Египтѣ ¹⁾. (Обстоятельное разсмотрѣніе этого вопроса, весьма важнаго въ лингвистическомъ и культурно-историческомъ отношеніяхъ, см. у Ed. Meyer'a, *Die Entstehung des Judenthums*. Halle a. S., 1896, p. 3 sq.).

Остановливаясь въ частности на египетско-арамейскихъ памятникахъ персидской эпохи, представляется естественнымъ задаться вопросомъ, насколько отразилось на упомянутыхъ памятникахъ, въ отношеніи языка, и прежде всего на его лексическомъ составѣ, персидское вліяніе—предполагать которое (хотя бы и въ ограниченныхъ размѣрахъ) возможно уже *a priori*, благодаря связямъ съ мѣстной и, въ особенности, съ центральной администраціей ²⁾. До послѣд-

¹⁾ „Nous savons pertinemment,—говоритъ Clermont-Ganneau,—que toute la chancellerie de l'empire perse, et en particulier des satrapies occidentales, était araméenne. C'était un legs de l'organisation assyrienne. En Cilicie, en Lycie, en Syrie, etc., les bureaux étaient araméens. Les légendes des monnaies frappées en ces pays par les satrapes qui les gouvernaient au nom de grand roi étaient araméennes. Araméenne était la langue employée dans la correspondance de l'État et le libellé des édits royaux. Notre débris de papyrus nous prouve qu'il en était de même en Égypte, et que l'araméen y jouait la même rôle que dans le reste de l'empire („Rev. archéologique“, t. XXXVI, 1878, Août, p. 103). Срв. также *Corp. inscr. sem.*, II, 1, p. VI.

На основаніи такой роли арамейскаго языка, ставшаго какъ бы языкомъ международныхъ сношеній, профессоромъ Th. Nöldeke уже давно была высказана мысль, что подъ выраженіемъ 'Assûria ḡrammāta у Эукидида, кн. IV, 50 (гдѣ говорится о перехваченныхъ письмахъ Артаксеркса, адресованныхъ въ Лаккедемонъ: „... οἱ Ἀθηναῖοι τὰς μὲν ἐπιστολάς μεταγράφεμενοι [здѣсь въ значеніи: сдѣлавъ переводъ] ἐκ τῶν Ἀσσυρίων ḡrammātōn ἀνέγνωσαν“) — „весьма вѣроятно“ разумѣется „арамейское письмо и языкъ“, а не клинописное письмо, какъ это можно было бы предполагать. См. его вступъ — 'Assûrios, Σύριος, Σύρος въ „Hermes“, V, 3 (1871 г.), p. 461.

[Впрочемъ, сношенія были возможны и на языкахъ соотвѣствующихъ народовъ и странъ. Характерное указаніе въ этомъ отношеніи представляютъ извѣстныя мѣста въ книгѣ Эсеири (I, 21; III, 12; VIII, 9). Въ качествѣ же конкретнаго случая можетъ служить, напр., извѣстное письмо царя Дарія I къ Гадату, написанное по гречески (или, по крайней мѣрѣ, переведенное на греческій), о которомъ намъ придется говорить ниже].

²⁾ Подобно тому какъ связь съ персидскою культурою проявляется нерѣдко и въ памятникахъ другихъ языковъ — памятникахъ, имѣющихъ извѣстное отношеніе къ персидскимъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи прежде всего должны быть упомянуты извѣстныя библейскія книги (напр., книги Даниила, Эзры, Эсеири), дающія много цѣннаго матеріала какъ для древне-персидскаго словаря, такъ и для изученія стилистическаго вліянія древней Персіи. (Изученіе этого матеріала можно найти, помимо нѣкоторыхъ старыхъ работъ, какъ напр., Benfey'a, Haug'a и др., — у Ed. Meyer'a въ упомянутомъ его изслѣдованіи *Entstehung des Judenthums*, p. 21 sq., у Andreas'a въ словарѣ при грамматикѣ библейско-арамейскаго нарѣчія K. Marti [*Kurzgef. Gramm. d. biblisch-aram. Spr.* B., 1896], въ диссертациі Scheftelowitz'a — *Arisches im Alten Testament. I.* Königsberg i Pr. [1901] и пр.).

наго времени такое вліяніе не могло быть отмѣчено. Во всѣхъ доселѣ извѣстныхъ намъ египетско-арамейскихъ папирусахъ персидской эпохи мы имѣли (за исключеніемъ именъ собственныхъ) почти одни лишь *отдѣльные арамейскіе термины, имѣющіе болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ персидской администратіи и государственному устройству вообще.*

Такъ, мы встрѣчаемъ въ ватиканскомъ папирусѣ слово מְרִיטָא (fragm. B, l. 8). «Ce mot, — читаемъ у Clermont-Ganneau, — qui veut dire littéralement *juridiction, diocèse*, désigne d'une façon spéciale, dans les livres araméens de la Bible, *les provinces de l'empire perse, les Satrapies*» («Rev. archéol.», 1879, p. 24)¹⁾. Или мы находимъ такіа обозначенія чиновныхъ лицъ, какъ מְרִיטָא²⁾ — «une espèce particulière de *gouverneur perse*... préposé à une circonscription d'importance moindre que la satrapie» (Clermont-Ganneau, *ibid.*, p. 25), или въ качествѣ титула сатрапа מְרִיטָא — «dominus» (срв. у Clermont-Ganneau, *ibid.*, 1878, pp. 104—105, подстрочн. прим. 1) и т. д.

Подобные спеціальныя арамейскіе термины мы встрѣчаемъ и въ нашемъ папирусѣ. Такъ, въ B, 4 мы имѣемъ: מְרִיטָא בְּמִיטָא «in districto (T-š-t-r-s)». Сатрапъ, упоминаемый въ донесеніи, называется מְרִיטָא «dominus noster» (A, 2; B, 5), подобно тому какъ въ туринскомъ папирусѣ титулуется Митравахишта (1 строка: מְרִיטָא מְרִיטָא מְרִיטָא מְרִיטָא מְרִיטָא «ad dominum meum M. servus tuus P.»; C. *inscr. sem.*, II, 1, no. 144). Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи страсбургскій папирусъ

Далѣе, среди памятниковъ греческаго языка, интересно отмѣтить уже упомянутое нами письмо царя Дарія I къ правителю Гадату, сохранившееся въ надписи, открытой въ 1886 году въ Деирмеджитѣ (въ древней Карин) и изданной G. Cousin и G. Deschamps (*Lettre de Darius fils d'Hystaspes* — въ „Bull. de corr. hell.“, XIII [1899], pp. 529—542). Въ этомъ письмѣ не трудно отмѣтить факты, указывающіе на вліяніе древнеперсидскаго стиля. Отмѣтимъ прежде всего вступленіе: βασιλεὺς βασιλέων Δαρείος ὁ Ὑστάσπης... τάδε λέγει — что было бы по древнеперсидски, имѣя образцомъ стиль клинообразныхъ надписей, приблизительно такъ: ūātiy Dārayavañuš ūšāyadīya³⁾ ūšāyadīyānām Vištāspahyā ruñga⁴⁾; далѣе, характерно названіе правителя Гадата — ὁδῶλος, что, конечно, представляетъ переводъ др.-перс. bandaka „рабъ, слуга“ (срв. среднеперс. bandak, новоперс. bāndā[h]), каковымъ терминомъ Дарій I называетъ (Bh V, 8) перса Гобрюаса, поставленнаго имъ начальникомъ (mašīšta-, собс. superl. со значеніемъ: „maximus, μέγιστος“) Сусіаны; наконецъ, интересно отмѣтить выраженіе: ἐμ βασιλέως οἶκος и пр. (Срв. также, что говоритъ о значеніи этого документа Ed. Meyer — *Entstehung des Judenthums*, p. 19 sq.).

¹⁾ Gesenius-Buhl, *Hebr. u. Aram. Handwörterbuch* ü. A. T. (ed. XII), s. v. מְרִיטָא: „Ein aram. Wort: eig. Gerichtsbezirk [отъ корня מְרִיט „richten etc.“], dann übertr. 1) Provinz...; von den Statthalterschaften Persiens, Esth. 1, 1. 22; 3, 12. 14... 2) Landschaft. — Siegfried — Stade, *Hebr. Wörterb. z. A. T.* (Leipzig, 1893): „Landschaft, Gau...; übertr. auf die pers. Satrapien...“ (s. v.).

²⁾ Въ библейскомъ текстѣ מְרִיטָא: „Statthalter einer Provinz (der aber zugleich Militärführer war) bei den Assyriern... Chaldäern, Persern...“ (Gesenius-Buhl, *Словарь*, s. v.). „Titel des Landspfleger (Satrapen, Statthalter) des pers. Reiches (Siegfried-Stade, *Словарь*, s. v.). [Терминъ этотъ вавилонско-ассирійскаго происхожденія: по ассирійски paḫātu значитъ: 1) „Verwaltungsbezirk“ (отсюда bel paḫāti „Statthalter“), 2) „Statthalter“ (сокращено изъ bel paḫāti); см. Delitzsch, *Assyr. Handwörterb.*, s. v.

не представляет ничего новаго въ сравненіи съ другими однородными памятниками. Особенность его заключается, именно, въ томъ иранскомъ, точнѣе «древне-персидскомъ» (въ широкомъ смыслѣ этого термина) лексикальномъ элементѣ, который спорадически встрѣчается среди основного семитскаго текста. Каждый, кто изучалъ тексты доселѣ извѣстныхъ египетско-арамейскихъ папирусовъ, знаетъ, что въ нихъ иранскаго элемента нѣтъ совершенно (за исключеніемъ именъ собственныхъ). Въ этомъ отношеніи нашъ папирусъ, какъ заключающій извѣстное количество древне-персидскихъ формъ, занимаетъ совершенно особое мѣсто и представляетъ собою особенно цѣнный документъ. Мы позволяемъ себѣ даже выразить надежду, что страсбургскій папирусъ, повидимому, открываетъ собою новую серію египетско-арамейскихъ папирусовъ, въ которыхъ иранскій элементъ является перемѣшаннымъ съ основнымъ семитскимъ.

Къ разсмотрѣнію этого иранскаго элемента въ нашемъ папирусѣ мы теперь и обращаемся.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иранскіе элементы, встрѣчающіеся въ страсбургскомъ египетско-арамейскомъ папирусѣ.

А, 2: 𐤀𐤓𐤕𐤕𐤕 (Dārayavahuš, т. е. Dārayavahuš).

Когда намъ стало извѣстно содержаніе реферата проф. Эйтинга о страсбургскомъ папирусѣ (см. выше—*Предварительное примѣчаніе*), мы не могли прежде всего не обратить вниманія на приведенную въ немъ семитскую транскрипцію формы имени царя Дарія: Dārayavahuš¹⁾. Транскрипція эта являлась интересною въ виду передачи звука *h* (𐤕), который въ соответствующей древне-персидской формѣ (пош. Dārayavahuš) фактически отсутствовалъ въ клинописномъ письмѣ, но наличность котораго въ живой рѣчи уже давно предполагалась многими иранистами.

Какъ извѣстно, въ древне-персидской графика *h* въ положеніи передъ *u* не передается (см. Bartholomae, *Avestasprache und Altpersisch*, § 270, с. 5 въ «Grdr. d. iran. Phil.», I, p. 160); мы имѣемъ, такимъ образомъ, при формѣ gen. Dārayavahuš (Bh. III, 57) формы: пош. Dārayava-uš и асс. Dārayava-uḥ;

¹⁾ Относительно *-u* въ *-uš* отмѣтимъ, что оно въ данномъ случаѣ (равно какъ и въ duškart [A, 3]) служитъ лишь для выраженія качества гласнаго (scriptio plena), а не обозначаетъ долготы.

Что касается *h* (Dārayavahuš), то оно оставалось безъ особаго внѣшняго обозначенія; срв. ниже А, 2: Arsām.

точно также первая часть имени верховнаго иранскаго божества изображена какъ а-ига-, съ чѣмъ сравните авест. ahuga-.

Уже одно сопоставленіе древне-персидскихъ надежныхъ формъ имени царя Дарія (съ одной стороны *genitivi*, съ другой — *nominativi* и *accusativi*) не могло не наводить на мысль, что и въ данномъ случаѣ намъ приходится считаться съ явленіемъ недостаточнаго соответствія древне-персидской графической системы фонетической дѣйствительности. Въ данномъ случаѣ это несоответствіе между внѣшнимъ, графическимъ обозначеніемъ и звуковой реальностью обращаетъ на себя вниманіе еще и потому, что у древнихъ персовъ была возможность выразить звукъ *h* и, напримѣръ, *ahuga-* могло бы быть изображено слѣдующими илинописными знаками: а—h^a—и—г^a—. Такимъ образомъ, мы, собственно, имѣемъ дѣло не съ недостаткомъ, такъ сказать, «графическихъ силъ», по съ извѣстною манерою или приѣмомъ письма: не изображать звука *h* въ положеніи передъ звукомъ *и*. Въ виду этого, не безъ основанія, за послѣднее время входитъ въ обычай изображать въ латинской транскрипціи надстрочнымъ *h* соответствующій звукъ древне-персидскаго языка въ указанномъ положеніи.

Какъ мы только что видѣли, древне-персидскіе писцы, имѣя возможность выразить графически слогъ *hi*, не обозначали *h* передъ *и*. Это обстоятельство давало поводъ предполагать, что придыханіе передъ *и* въ древне-персидскомъ произношеніи отсутствовало. Подтвержденіемъ такого предположенія, казалось, являлись таія стороннія показанія, какъ напр. эламская (сусіанская) транскрипція имени Дарія въ видѣ *Tariyamaš* (срав. также формы: вав.-асс. *Da-a-ri-ia-mi-š*, *Da-a-ri-mi-š* и пр., Schrader, *Keilinschr. Bibl.*, IV, 304 sq.; др.-евр.) или вав.-ассир. *šramazdā*, передающая древне-перс. *A^huramazdā*¹⁾, тогда какъ вав.-ассир. *Ahūramazdā*, по замѣчанію Foy'a (K. Z. XXXV, p. 67; XXXVII, p. 508), представляетъ авестійское заимствованіе (иначе—*Darmesteter, Etudes iraniennes*, I, p. 6). Но, съ другой стороны, таія транскрипціи, какъ арамейская нашего папируса, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ произношеніи звукъ *h* передъ *и* дѣйствительно звучалъ въ тѣхъ, именно, случаяхъ, когда мы теоретически, на основаніи показаній фактовъ какъ самаго древне-персидскаго, такъ и близко родственныхъ языковъ, въ правѣ предполагать его фонетическую наличность въ живой рѣчи. Такимъ образомъ, мы можемъ писать: *Dārayava^huš*, *ahuga-*, *^hvaspa* «*pferdereich*, *εὐπρεος* (срв. авест. *hvaspa-*, др.-инд. *svaśva-*).

Арамейская транскрипція имени царя Дарія въ нашемъ папирусѣ представляетъ собою цѣнное показаніе по вопросу о звукѣ *h* въ древне-персидскомъ языкѣ. Транскрипція черезъ семит. *h* соответствующаго древне-персидскаго звука является новымъ подтвержденіемъ со стороны, что отсутствіе въ письмѣ *h* передъ *и* въ древне-персидскомъ было лишь явленіемъ графическимъ²⁾. Кромѣ

¹⁾ Въ настоящее время основу этого собств. имени Bartholomae (*Altiran. Wörterbuch*) выставляетъ въ видѣ *a^hura^hmazdah-* (m.), поясняя: „aus der syntakt. Verbindung *a^hura^h mazdā*. N.S. hervorgegangen...“ (s. v.).

²⁾ Значеніе арамейской транскрипціи имени царя Дарія было отмѣчено и проф. Эйтингомъ, который говоритъ: „Cette orthographe du nom Darius est très remarquable, car elle correspond exactement à la forme du persan vieux *Dārayawa[h]u...*“ (*Notice*, p. 7).

того, эта же транскрипция, въ связи съ другими, наводитъ насъ на нѣкоторыя соображенія относительно характера самого звука *h*. Сопоставляя, именно, всѣ эти противоположныя показанія можно, какъ намъ кажется, притти къ тому предположенію, что въ древне-персидскомъ *h* въ положеніи передъ *и*, хотя и слабо, но всетаки звучало, вслѣдствіе чего одни были въ состояніи улавливать этотъ звукъ (арамейская транскрипція нашего папируса), другіе (срв. выше-приведенныя транскрипціи вавилонскія и эламскія) нѣтъ ¹⁾.

Проф. Эйтингъ и, вслѣдъ за нимъ, нѣкоторые другіе ученые обратили вниманіе на отсутствіе передъ именемъ царя Дарія арамейской частицы *genitivi* *zī* (или *i*), которую мы въ правѣ были бы ожидать, такъ какъ это имя, какъ зависящее отъ другого, должно было быть поставлено въ родительномъ падежѣ (*Notice*, p. 7). Въ виду этого проф. Hübschmann («*Zeitschr. f. arn. Phil.*», II, p. 264) былъ бы склоненъ читать форму *genitivi* ²⁾, а именно *Dārayavahauš* (= *Dārayavahōš*), если бы только подобная форма, какъ это отмѣчаетъ онъ самъ, могла появиться въ документѣ временъ Дарія II. Въ самомъ дѣлѣ, форма род. пад. *Dārayavahauš*, являющаяся въ надписяхъ Дарія I и Ксеркса, была бы слишкомъ «классическою» или книжною для эпохи Дарія II, такъ какъ уже въ самой Персіи, на подписи его преемника — Артаксеркса II Мнемона (404—361) мы встрѣчаемъ форму не *Dārayavahauš*, но *Dārayava ušahyā* (*Art. Sus.* a, 1; см. изд. Weissbach-Bang, *Die altpers. Keilinschr.* I, p. 44), представляющую новообразование, заключающееся въ присоединеніи исхода *gen. sg.* *-ahyā* (отъ основъ на *-a*) въ формѣ именительнаго, который уже начинаетъ приниматься за основу.

Помимо этого, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что было бы въ высшей степени странно среди сплошного арамейскаго текста встрѣтить одиночную древне-персидскую форму *genitivi*. Всего вѣроятнѣе въ данномъ случаѣ предположить пропускъ арамейской частицы *zī* или *i* — пропускъ тѣмъ болѣе интересный, что онъ не является единичнымъ. Акад. Кожовцовъ обратилъ наше вниманіе на аналогичное явленіе въ датировкѣ саккарской стелы (482 г.), гдѣ точно также опущена передъ именемъ царя Ксеркса частица *zī* ³⁾. «Такое

¹⁾ По поводу сопоставленія древне-армянской формы имени Дарія *Dareh* (встрѣчается въ текстахъ Библии, Хроникъ Евсевія Памфила, у Моисея Хоренскаго и т. д.) съ древне-персидскою *Dārayavahauš* (черезъ посредствующую средне-персидскую ступень), сдѣланнаго Hübschmann'омъ (намъ пришлось коснуться его въ своихъ рефератахъ о страсбургскомъ папирусѣ), мы имѣемъ въ виду высказаться особо, когда выяснимъ нѣкоторые возникшіе вопросы. Одновременно мы рассмотримъ и указанія, сдѣланныя проф. Марромъ (см. «Зап. вост. отд. И. русск. арх. общества», т. XVI, вып. IV, стр. XXXIII).

²⁾ Какъ видно изъ указанія, сдѣланнаго акад. Залеманомъ («Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.», т. XVI, вып. IV, стр. XXXIII), за признаніе формы *genitivi* высказался и г-нъ Н. Д. Мироновъ.

³⁾ Срв. также, что говоритъ по этому поводу Clermont-Ganneau въ *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 231.

совпаденіе, — говоритъ акад. Коковцовъ, — намятниковъ изъ одной мѣстности и одной эпохи въ допущеніи одинаковой грамматической неправильности въ однородномъ случаѣ наводитъ на мысль о неслучайномъ характерѣ упомянутой неправильности и даетъ право предполагать, что въ арамейскихъ текстахъ персидской эпохи писцами допускалась въ датировкахъ грамматическая вольность относительно употребленія частицы *zī* передъ собственными именами царей» («Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXII—XXXIII).

А, 2: ארשם (Aršām, т. е. Aršāsh).

Н. рг. персидскаго сатрапа (правившаго въ Египтѣ въ 411—410 г.) ארשם мы должны транскрибировать и читать какъ Aršām. Данной формѣ въ др.-перс. клинописи соответствуетъ Aršamaš (напр. Bh. I, 4—5), срв. въ греч. передачѣ: 'Αρσάμας (Хен.), 'Αρσάμης (Herod., Aeschyl. и др.); въ др.-армянскомъ это собств. имя является какъ Արշամ (Aršam) — cf. Justi, *Iran. Namenbuch*, p. 29, s. v. 'Αρσάμης; Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 27, n°. 25, pp. 211—212, n°. 473, I. F., VIII, «Anzeiger», p. 44, «Z. f. armen. Phil.», II p. 265 — и по своей формѣ соответствуетъ средне-персидскому оригиналу *Aršām.

Сопоставляя форму нашего папируса Aršām съ соответствующей формой древне-персидскихъ клинописей (Aršamaš¹⁾), мы наблюдаемъ исчезновеніе конечнаго слога, т. е. одно изъ явленій, характерныхъ уже для эпохи такъ называемаго «средне-персидскаго» языка. Наша форма интересна въ томъ отношеніи, что она является съ вполне выраженной средне-персидскою фizioноміей, каковая засвидѣтельствована, какъ мы только что видѣли, древне-армянскимъ заимствованіемъ.

А, 3: דושכרתא (duškart).

Проф. Эйтинъ совершенно справедливо считаетъ эту форму древне-персидскимъ обозначеніемъ понятія «*méfait, mauvaise action*» (въ лат. переводѣ текста: *maleficium*); она транскрибируется имъ въ видѣ др.-перс. основы «*duškṛta-» (*Notice*, p. 8). Эта основа, т. е. *duškarta- или *duškṛta- (если слѣдуетъ читать со слоговымъ *r*¹⁾ вм. слога *ar*), представляетъ собою извѣстный видъ сложения (cf. Brugmann, *Grundriss d. vergl. Gramm.*, II, §§ 14, 23), состоящаго изъ

¹⁾ В вопросъ о томъ, было ли получено изъ индо-иранскаго (арійскаго) *ṛ (изъ индо-европ. *ṛ и *r) въ древне-персидскомъ ṛ (ṛ слоговое) или же изъ него развился слогъ ar — остается невыясненнымъ (см. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen*, § 57, 2 — въ „Grdr. d. iran. Phil.“ I, p. 24 и его же *Avestasprache u. Altpers.*, § 290, 3 — *ibid.*, pp. 168—169; срв. также Brugmann, *Grundriss d. vergl. Gramm. etc.* I, § 502). Литература (важнѣйшая) по данному вопросу указана у Bartholomae, „Grdr. d. iran. Phil.“, I, p. 24, а также у Brugmann'a, *l. c.*; въ дополненіе отмѣтимъ: Bartholomae, *Arica* X (№ 53. Zur Vertretung des urig. ṛ in Altiranischen) въ I. F., IX, p. 261 sq. — Въ послѣдующемъ мы будемъ писать въ данныхъ случаяхъ исключительно ar, не предпрѣшая этимъ самого вопроса о судьбѣ индо-иранскаго *ṛ въ древне-персидскомъ языкѣ.

отрицательной частицы *duš-*, соответствующей др.-инд. *duṣ-*, авест. *duš-*, греч. *δοῦ-* и т. д., и *karta-* «factus», partic. praeteriti passivi от глагольного корня, означающего «дѣлать» (срв. др.-инд. *kṛtā-*, авест. *kəṛtā-*) — такъ что др.-перс. **duškarta-*, какъ основа среднего рода, собственно значить «male factum», т. е. «maleficium» и вполне соответствует др.-инд. *duṣkṛta-* «Übelthat, Sünde»; срв. также авест. *duš-kəṛət-* «übelthuend, Übelthäter» = др.-инд. *duṣ-kṛt-* «id.».

Что же касается того обстоятельства, уже обратившаго на себя внимание проф. Эйтинга, а именно, что «l'u bref est exprimé... par *waio*» (*Notice*, p. 8), то мы полагаемъ, что какъ и въ *𐭠𐭣𐭥𐭥𐭥* (A, 2), такъ и въ данномъ случаѣ, являясь, при передачѣ персидскихъ словъ, не для обозначенія количества извѣстнаго гласнаго, но для выраженія его качества ¹⁾.

Сохраненное въ арамейской транскрипціи *duškart* (конечное *-ā* въ *duškartā* служитъ для образованія такъ называемаго *status emphaticus*) представляетъ собою вполне средне-персидское (несохранившееся) образование **duškart* ²⁾, состоящее изъ *duš-* = древне-перс. *duš-* [срв., напр., *duš-xēm* «vom schlechtem Character» (откуда др.-арм. заимствование — *դիվի*, *dixem* «злой, злонаправный, дурной») — въ противоположность *hu-xēm* «von gutem Character», Salemann, *Mittelpersisch*, § 52, 2—3] и *-kart* ³⁾ — формы partic. praeteriti.

Такимъ образомъ, арамейская транскрипція *duškart* нашего папируса представляетъ собою форму съ характерною средне-персидскою фizioноміею.

¹⁾ Такого же взгляда держится и Clermont-Ganneau; см. *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 232.

Аналогичными являются случаи *scriptio plena* и въ такихъ болѣе позднихъ памятникахъ, каковы средне-персидскіе манихейскіе тексты изъ Турфана (см. ниже *Эккурсы*), записанные видоизмѣненнымъ сирийскимъ алфавитомъ эстрангело. Здѣсь мы имѣемъ, напримѣръ, такіе случаи написанія (приводимъ въ транскрипціи издателя — F. Müller'a), какъ напр.: *dūšmēn* „Feind“, *dūšqērdagān* „die Südner“ и т. д. Срв. однородныя явленія въ хотанскомъ еврейско-персидскомъ отрывкѣ (не позже конца VIII в.) — документъ древнѣйшаго періода ново-персидскаго языка, о чемъ см. у акад. Залемана — *По поводу еврейско-персидскаго отрывка изъ Хотана*. С.-П. Б., 1904 (= „Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.“, т. XVI, стр. 048), а также вообще въ еврейско-персидскихъ памятникахъ (переводы книгъ Ветхаго Завета и пр.; cf. Geiger, „Grdr. d. iran. Phil.“, I, 2, p. 408 sq.), *scriptio plena* которыхъ (і какъ ' , и какъ ') составляетъ одну изъ орфографическихъ ихъ особенностей (см. Salemann, *Literatur-Blatt f. oriental. Phil.*, II, p. 79; Nöldeke, *Judenpersisch* въ *Z. D. M. G.*, LI, p. 669; Geiger, *o. c.*, p. 411, § 202, 1).

²⁾ Въ качествѣ средне-персидскаго заимствования въ древне-армянскомъ Hübschmann („Z. f. arm. Phil.“, II, p. 265) предполагаетъ [несохранившееся въ текстахъ] **dž-kert*: срв. *dž-* въ *dž-xēm* (изъ средне-перс. *duš-xēm*, см. ниже) и *-kert* въ многочисленныхъ сложеніяхъ (Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 168 sq., s. n°. 314).

³⁾ Мы читаемъ средне-персидскую форму вслѣдъ за Bartholomae, Salemann'омъ (*Mittelpersisch*, § 43, p. 274; § 50, 24) и др. какъ *-kart*. Напротивъ, Hübschmann, имѣя въ виду др.-армянское заимствование *-կերտ* (*-kert*) [изъ средне-персидскаго], какъ второй членъ многочисленныхъ сложеній (преимущественно названій мѣстностей) — читаетъ *-kert* (см. его *Pers. Studien*, § 7, p. 130; § 34, b, p. 145; *Armen. Gramm.* I, p. 168 sq. n°. 314). Однако, слѣдуетъ имѣть въ виду возможность также иного истолкованія средне-перс. *-kart* (ново-перс. *-gird*; см. Horn, *Neupersische Schriftsprache*, § 105, въ „Grdr. d. iran. Phil.“, I, 2, p. 190), являющагося въ концѣ названій мѣстностей, которое ука-

Экскурсъ.

По поводу термина *duš-karta-m «maleficium» слагаемъ пужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее. Изъ различныхъ источниковъ намъ хорошо извѣстно, какъ строго карались въ древней Персіи проступки и правонарушенія и, съ другой стороны, съ какою справедливостью оцѣнивались заслуги и общепользныя дѣла; мы знаемъ, далѣе, съ какою осмотрительностью при произнесеніи приговоровъ принимались во вниманіе не только проступокъ даннаго лица, но и имѣющіяся за нимъ заслуги (срв., что сообщаетъ Геродотъ, кн. VII, 194), и какъ, вообще, строго проводилась грань между заслугами и проступками (срв. Justi, *Geschichte Irans etc.* въ «Grdr. d. iran. Phil.», II, p. 433; Ed. Meyer, *Entstehung des Judenthums*, p. 20 sq.; Scheftelowitz, *Arisches im Alten Testament. I*, p. 29 sq.). Весьма характернымъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ признать, вмѣстѣ съ извѣстнымъ мѣстомъ багистанской надписи (Bh. IV, § 62, lineae 65—67), письмо Дарія I-го къ правителю Гадату, въ которомъ, отдавая должное за его заслуги, персидскій царь въ то же время грозитъ ему за несогласные съ законностью поступки: на ряду съ «ἐπαυῶ σὴν πρόθεσιν καὶ διὰ ταῦτα σοὶ κεῖσεται μεγὰλὴ χάρις ἐν βασιλείᾳ οἴκῳ» — мы читаемъ: «δῶσω σοὶ μὴ μεταβαλομένῳ πεῖραν ἡδικομένην θυμοῦ». Можно думать, что въ нашемъ *duš-karta-m мы имѣемъ одинъ изъ техническихъ терминовъ древне-персидскаго юридическаго кодекса, которымъ обозначали правонарушеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Противоположнымъ ему должно было являться *hu-karta-m со значеніемъ соотвѣтствующаго древне-индійска. su-kṛta-m («Gutthat, Tugend, Verdienst etc.»); отголосокъ этого *hu-karta-m¹⁾ мы имѣемъ, быть можетъ, въ греч. εὐεργεσία²⁾, встрѣчающемся въ переданномъ у Фукидида (кн. I,

зано проф. Bartholomae: „Ich sehe darin,—читаемъ въ его *Altiran. Wörterbuch* (s. v. kar-, p. 448),—ein Nom. von der Bedeutung „Aufenthalt, Heim“, das zu *kar- [sich einherbewegen, „versari“], gr. πελομαι usw. gehört.“ Въ такомъ случаѣ др. арм. -kert въ названіяхъ мѣстностей, какъ Tigran-a-kert (=Τιγρανόκερτα, лат. Tigranocerta) должно быть отдѣляемо отъ -kert, являющагося въ такихъ образованіяхъ, какъ напр. jer-a-kert „собс. рукою сдѣланное; дѣло рукъ и т. д.“ (срв. средне-перс. dast-kart „Flecken“ [др.-арм. заимствованіе *դաստկարտ*, Hübschmann, *Arm. Gramm.* I, p. 135, no. 169, въ значеніи котораго употребляется и jerakert]—др.-перс. *dasta-karta- „собс. рукою сдѣланный“), phait-a-kert „сдѣланный изъ дерева, деревянный“ etc.,—гдѣ оно имѣетъ значеніе „factus“ (=средне-перс. kart).

¹⁾ Въ авестійскомъ соотвѣтствовало бы *hu-kərətā-(n.); встрѣчаемое въ текстахъ hu-kərətā- является со значеніями „wohl gefertigt, schön geformt etc.“ и соотвѣтствуетъ древне-инд. sú-kṛta- („recht gemacht, wohlbestellt etc.“); въ средне-персидскомъ авестійскому hu-kərətā- соотвѣтствуетъ hu-kart.

²⁾ Относительно εὐεργεσία нужно имѣть въ виду, что это слово (какъ и εὐεργέτης) употребляется, между прочимъ, и относительно заслугъ, оказанныхъ государству; см. въ словарѣ Pape или Passow'a, s. v. Противоположнымъ ему понятіемъ является χαχοῦρία (χαχοῦρος), о соотвѣтствующемъ значеніи котораго см. тамъ же, s. v.

129) письмѣ Ксеркса къ Павсанію, гдѣ оно является въ характерномъ оборотѣ: «*χεῖται σοι εὐεργεσία ἐν τῷ ἡμετέρῳ σίῳ ἐς αἰ ἀνάγκητος*» ¹⁾).

Если древне-перс. **duškarta* означало «законнарушение, проступокъ» вообще, то, быть можетъ, позволительно въ качествѣ термина для обозначенія «законнарушителя, преступника, злодѣя» предположить образование **duš-karta-ka*; этому образованию мы имѣемъ соотвѣтствія въ средне-персидскихъ формахъ *duš-kardag* и *duš-kardagān*, встрѣчающихся въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ, недавно изданныхъ F. Müller'омъ ²⁾, и имѣющихъ значеніе: «*der Übelthäter, der Sünder*» ³⁾. Съ другой стороны, противоположнымъ понятіемъ могло бы

¹⁾ По поводу упоминаемаго здѣсь древне-персидскаго обычая записыванія достойныхъ памяти дѣлъ въ особую книгу срв. также слѣдующее мѣсто у Геродота: «*Φύλαχος δὲ εὐεργέτης βασιλεὺς ἀνεγράφη*» (VIII, 85). Характерно также и одно мѣсто у Ксенофонта въ „Киропедіи“ (кн. VIII, гл. 8 [позднѣйшая вставка!], § 4), гдѣ перечислены заслуги, дававшія въ древней Персіи оказавшимъ ихъ лицамъ—право считаться «*οἱ τιμώμενοι*».

Эти свѣдѣнія, переданныя греческими историками, находятъ прекрасный комментарий въ книгѣ Эсепри, гл. II, 23 и гл. VI, 1 и слѣд., гдѣ говорится объ увѣковѣченіи въ особой книгѣ памяти о заслугѣ Мардохея, заключавшейся въ предупрежденіи заговора противъ Артаксеркса, замышленного двумя царскими евреями. Здѣсь мы имѣемъ и самое названіе (конечно, приблизительное) этой книги: *אֲשֶׁר יָצִיחַ אֶת הַמֶּלֶךְ* — „*Acta diei ut*“ (срв. II, 23: „и было записано въ книгѣ дневныхъ событій—передъ царемъ“—въ переводѣ LXX: «*καὶ ἐπέταξεν ὁ βασιλεὺς καταγράψαι εἰς μνημόσυον ἐν τῇ βασιλικῇ βιβλιοθήκῃ ὑπὲρ τῆς εὐνοίας Μαρδοχαίου ἐν ἐυχωμίῳ*»). [На взаимную связь вышеприведенныхъ мѣстъ классическихъ писателей и библейскаго повѣствованія было обращено вниманіе уже давно; см., напр., Brissonius, *De regio Persarum principatu libri tres*. Ed. altera. A. Chr. MDXCV, p. 93; Seelen, *Guilielmi Burtoni Angli AETHIANA veteris linguae persicae, quae apud priscos scriptores, Graecos et Latinos, reperiri potuerunt etc.* Lubecae, MDCCCXX, p. 64, подстрочн. прим. 11].

²⁾ *Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch Turkistan*, II Teil. Berlin, 1904. (= „Abhandlungen d. K. Preuss. Akademie d. Wissenschaften“, 1904).—Объ этихъ рукописныхъ фрагментахъ, вывезенныхъ изъ Турфана экспедиціей, во главѣ которой стоялъ проф. Grünwedel, и представляющихъ собою отрывки манихейской литературы—см. предварительное сообщеніе F. Müller'a въ „Sitzungsberichte“ прусской академіи наукъ и истор.-филологич. классу, 1904, IX, стр. 348 и слѣд. Эти средне-персидскіе тексты записаны видоизмѣненнымъ сирійскимъ алфавитомъ эстрangelo. По поводу ихъ языка Müller говоритъ: Die... Texten gehören selbstverständlich nicht ein und derselben Zeit an. Es sind Proben aus verschiedenen Sprachschichten, aber kaum weit differierende“ (о. с., р. 96). Кроме того, среди турфанскихъ текстовъ встрѣчаются еще написанные на особой разновидности средне-персидскаго языка („Pehlevi-Dialekt“ у Müller'a, l. c.). Отмѣтимъ также, что одинъ подобный же отрывокъ манихейской литературы, хранящійся въ Азіатскомъ музеѣ Имп. академіи наукъ, былъ изданъ акад. Залеманомъ: *Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiat. Museum* въ „Запискахъ Имп. академіи наукъ, по ист.-филол. отд.“, т. VI (1904), № 6; въ этомъ откудѣ мы находимъ, между прочимъ, характеристику особенностей средне-персидскаго языка турфанскихъ текстовъ на основаніи немногихъ извѣстныхъ (въ то время) отрывковъ. въ связи съ выясненіемъ ихъ значенія для иранской филологіи (о. с., pp. 12–13).

³⁾ Мы находимъ, именно, слѣдующія формы (транскрипція какъ здѣсь, такъ и при дальнѣйшемъ цитированіи турфанскихъ текстовъ, Müller'a): pl. *dūšqerdag-ān* (р. 21),

быть *^hu-karta-ka- «εὐεργέτης» (въ старѣйшемъ средне-персидскомъ *^hu-kartak), хотя бы существовавшее на ряду съ другимъ, недостаточно выясненнымъ терминомъ—*δρσαγγης (Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*. L. 1866, p. 191), сохраннымъ у Геродота: (VIII, 85) «οἱ δ' εὐεργέται βασιλεὺς ὁ ροσαγγαί [по поводу сопоставленія Ногп'омъ, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 1079, этого термина съ ново-перс. vārsāng «würdig, achtbar»—см. Hübschmann, *Pers. Stud.*, p. 104] χαλέονται περσιῶτι». (Срв. также глоссу Гесихія: «ρσαγγης· σωματοφύλαξ ἢ ὁ τὴν βασιλέως οἶκον ποτε εὐεργετήσας»; см. *Hesychii Alexandrini lexicon*³. Ed. min. cur. M. Schmidt, p. 1147, s. v.).

Такимъ образомъ, на основаніи формы *duš-kart нашего папируса мы находили бы возможнымъ предположить въ древне-персидскомъ словарь ниже-слѣдующіе термины:

- а) *duškarta- «χαχοοργία» и opp. *^hukarta- «εὐεργεσία»;
- б) *duškartaka- «χαχοῦργος» и opp. *^hukartaka- «εὐεργέτης (= δρσαγγης, Herod.)».

А, 4: 𐎧𐎠𐎧𐎠 (?)

Проф. Эйтингъ (*Notice*, p. 10) передаетъ эту форму черезъ «écrit, édit» (въ латинск. переводѣ «edictum») и сопоставляетъ съ средне-персидскимъ fravartak «Brief, Schreiben» (соотвѣтствующая форма изъ ново-персидскаго неизвѣстна; срв. Horn, *Grdr. d. neupers. Etym.*, p. 277, s. n°. 86-bis). «On trouve ce mot, légèrement altéré,—говоритъ онъ,—dans la langue pehlie, sous la forme 𐎧𐎠𐎧𐎠...» (l. c.). Проф. Hübschmann («Z. f. arm. Phil.», II, p. 265) исправляетъ чтеніе prēdk въ prērdk, предлагая читать 𐎧𐎠 (vr) вм. 𐎧 (t) подлинника; это prērdk, далѣе, онъ сопоставляетъ съ вышеприведенною средне-персидскою формою fravartak «Schreiben», какъ эта форма была восстановлена имъ (см. *Armeniaca* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 326) изъ чтенія ravvartak у Гейгера, въ *Yātkār i Zarērān etc.* (München, 1890, p. 48)¹⁾, а также изъ ravvānak у акад. Залемана, въ *Mādikān i šatrang* (см. *Mittelpers. Studien* въ «Mél. asiatiques», t. IX, livr. 3 [1887], pp. 222, 232)—на основаніи соотвѣтствующаго заимствованія въ древне-армянскомъ, кото-

pl. dōšqērdagān-an (pp. 11, 14, 15, 21); срв. еще *abstr.* dōšqērdagānih (p. 24) „Sündhaftigkeit“. Въ болѣе старомъ средне-персидскомъ мы имѣли бы формы: *duškartak и *duškartakan (срв. Hübschmann, *Pers. St.*, pp. 238—239 и pp. 190—191).—Что касается формы duškardagān, то она представляетъ примѣръ сложенія суффикса -k съ суффиксомъ -an, о чемъ см. Salemann, *Mittelpersisch*, § 50, подстрочн. прим. 2.

[Само собою понятно, что долгота гласныхъ въ такихъ случаяхъ, какъ dōš- и т. д., является исключительно графическою (срв. еще, напр., dōšmēn „Feind“, p. 15); здѣсь мы имѣемъ лишь случаи scriptio plena; срв. выше].

¹⁾ Замѣчаніе проф. Nöldeke по поводу чтенія ravvartak и указаніе соотвѣтствующихъ формъ въ арамейскомъ (иранскія заимствованія!) см. въ его статьѣ—*Bemerkungen zu Geiger's Uebersetzung des Pehlewi-Buches Yātkār i Zarērān* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 139.

рое звучит *հրովարտակ* (hrovartak) «epistola, literae etc.» (въ особенности о царских посланиях и грамотах; отсюда hrovartak-a-vor «относящій послание, грамоту, посланецъ»; см. Большой Словарь Мхитаристовъ, s. vv.); ср. также у Hübschmann'a, *Armen. Gramm.* I, p. 184, n°. 359 и «Z. f. arm. Phil.», I, c. [Въ настоящее время соответствующая средне-персидская форма можетъ быть указана въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ, гдѣ читается форма rṣavardag «Epistel» (см. изд. Müller'a, стр. 31 и 33). Форма эта, какъ видно изъ ея фонетическихъ особенностей (d и g изъ t и k, являющихся и въ соответствующемъ древне-армянскомъ заимствованіи) — принадлежить болѣе поздней эпохѣ средне-персидскаго языка].

Нельзя, однако, не обратить вниманія на то обстоятельство, что сопоставленіе формы нашего папируса съ средне-перс. rṣavartak является нѣсколько натянутымъ: съ одной стороны приходится дѣлать извѣстное исправленіе чтенія (vr вм. t), а съ другой оставлять невыясненнымъ странное соответствіе d въ формѣ нашего папируса (rṣavardak?) звуку t иранскаго оригинала (средне-перс. rṣavartak изъ древне-перс. *rṣavartaka-) ¹⁾. Въ виду этого истолкованіе формы 𐭠𐭣𐭠𐭥 не можетъ считаться окончательнымъ. Clermont-Ganneau съ самаго начала отнесся недовѣрчиво къ попыткамъ сопоставленія данной формы съ средне-перс. rṣavartak, заявивъ, что она «n'a rien à voir avec le pehlevi rṣavartak» (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 237); съ своей же стороны онъ предположилъ, что данная форма «doit indiquer la fonction que Wi... occupait à Elephantine» (I. c.). [Начальныя двѣ буквы, принадлежащія, по мнѣнію Clermont-Ganneau, собственному имени должностнаго лица на Элефантинѣ, составляютъ часть сомнительнаго чтенія: 𐭠𐭣𐭠𐭥 ²⁾]. Clermont-Ganneau былъ бы склоненъ ³⁾ къ сопоставленію, по крайней мѣрѣ первой части 𐭠𐭣𐭠𐭥, «avec les 𐭠𐭣𐭠𐭥 [извѣстное иранское заимствованіе въ арамейскомъ!], qui, dans les livres de Daniel et d'Esther, désignent une certaine catégorie d'officiers perses» (I. c.). Далѣе, Clermont-Ganneau ставитъ вопросъ, нельзя ли въ данномъ случаѣ читать «𐭠𐭣𐭠𐭥», correspondant au persan moderne گردبان gardien, chef d'arrondissement, phylarque» (O. c., pp. 237—238). Однако, такое сопоставленіе встрѣчаетъ препятствія со стороны исторіи звуковъ персидскаго языка, такъ какъ ново-персидскому گردبان соответствовало бы въ средне-персидскомъ *girt-pān, не говоря о древне-персидскомъ *garta-pāna- ⁴⁾. Въ заключеніе Clermont-Ganneau говоритъ: «En tous cas, ce doit être quelque mot

¹⁾ Древне-перс. *rṣavartaka- собственно должно было означать «свертокъ, свитокъ (die Rolle)»; ср. др.-инд. глаг. корень vart- „sich drehen, rollen etc.“, средне-перс. vartišn „Drehung“, н.-перс. gārdām „drehe mich“ и т. д. Дальнѣйшія подробности см. у Stackelberg'a—*Beiträge z. pers. Lexicographie* въ W.Z.K.M., XVII, pp. 55—56 и у Hübschmann'a, „Z. f. arm. Phil.“, II, p. 265.

²⁾ Это слово оставлено проф. Эйтингомъ безъ перевода и объясненія.

Акад. Коковцовъ также склоненъ въ чтеніи 𐭠𐭣𐭠𐭥 видѣть собственное имя, какъ это видно изъ его перевода: „вмѣстѣ съ, который тамъ (?) находился“.

³⁾ При условіи „si la lecture était certaine“ (I. c.). Впрочемъ, сомнительность этого чтенія не отмѣчена проф. Эйтингомъ.

⁴⁾ Compositum, состоящее изъ گرد (gird) „Umkreis“ (Cl.-G.: „cercle“) и 𐭠𐭣𐭠𐭥 „-hütend, -schützend“ (въ концѣ сложныхъ словъ; ср. средне-перс. -pān [откуда

définissant l'autorité civile ou militaire, dont était investi le personnage» (о. с., р. 238). Надо полагать, что эти заключительныя слова и послужатъ руководящею нитью при дальнѣйшихъ попыткахъ выясненія даннаго термина.

В, 2: 𐤁𐤍𐤅𐤆 (handēz).

Форма эта соответствуетъ по мнѣнію ираниста проф. Ногн'а, приводимому у Эйтинга (*Notice*, р. 11), древне-индійскому *saṃdēha-* (m.) «jonction à l'aide d'un ciment» [Böhtlingk: «*Zusammenkittung*»]; соответствующая древне-персидская форма должна была бы, конечно, звучать *ha^hdaiza-.

Толкованіе «circumdati» [«si circumdati (?) essent»], данное нашему handēz проф. Эйтингомъ, являлось съ самого начала недостаточно убѣдительнымъ и прежде всего для самого автора, который считъ нужнымъ сопроводить свою передачу знакомъ вопроса.

Послѣдующее толкованіе, принадлежащее Halévy (*Nouvel examen du papyrus égypto-araméen etc.* въ «Revue sémitique», 1904, р. 74), рассматриваетъ handēz какъ форму, которая представляется подобною «à un composé perse¹⁾ réguler handiz (pour hamdiz) = hamadiz (litt. «ensemble-abri») — «abrité emsemble, lantonné»²⁾. «Peut-être, — читаемъ мы дальше у Halévy, — trouvera-t-on une meilleure dérivation, mais le sens ne changera pas beaucoup» (l. c.). Это толкованіе³⁾, если и являлось не вполне удовлетворительнымъ, то во всякомъ случаѣ приближалось къ значеніямъ отдѣльных частей, входящихъ въ составъ нашего сложенія handēz, какъ это мы сейчасъ увидимъ.

Какъ видно изъ переводовъ Эйтинга («circumdati») и Halévy («cantonnés»), тотъ и другой ученый предполагали, что посредствомъ handēz выражены извѣстныя условія или вообще извѣстное положеніе, въ которомъ могли бы оказаться или находиться воины крѣпостного гарнизона. Съ совершенно другой точки зрѣнія взглянулъ на дѣло Clermont-Ganneau и, опираясь на тотъ же матеріалъ, пришелъ къ инымъ выводамъ. Исходя, именно, изъ того, что по общему смыслу

и др.-арм. -*աշխ*, -*րա*], др.-перс. -*рапа*-, cf. Horn, *Grdr. d. neu pers. Etymologie*, р. 41, в. н. 176). Что касается ново-перс. *gird*, то ему соответствуетъ въ средне-персидскомъ *girt* (Gl.-C.: *گرت*), изъ древне-перс. **garta*- (cf. Hübschmann, *Persische Studien*, р. 91, в. н. 901), а не «*varata*», какъ указываетъ Clermont-Ganneau (о. с., р. 238, подстрочн. прим.). Слѣдовательно, въ древне-персидскомъ мы могли бы ожидать форму **garta-rāna*., а въ средне-персидскомъ **girt-rān* (срв. *marz-rān* [откуда и древне-армянское *մարզապետ*, *marzrap* «намѣстникъ пограничной области, Markgraf»] — ново-перс. *mārzbān* «собс. охранитель границы»).

1) Въ «Répertoire d'épigraphie sémitique», t. I, 5-me livr., гдѣ передано въ сокращеніи содержаніе работы Halévy, вкралась неточность въ передачѣ настоящаго мѣста: вм. «*perzan*» (р. 386) должно быть *perze*.

2) Въ переводѣ соответствующаго мѣста въ текстѣ папируса мы читаемъ: «Lorsqu'ils (т. е. les soldats) y sont cantonnés ils boivent de l'eau de ce puits».

3) Обращаетъ на себя вниманіе недостаточно вѣрная реконструкція соответствующей древне-персидской формы въ видѣ *handiz*, т. е. исключительно въ видѣ формы послѣдующей стадіи развитія языка (средне- и ново-персидской): *i < ai*.

контекста особенно выдвигается *численность*, *количество* воинов, на которое может хватить запас воды в колодцах крепости, названный ученым склоняется к мысли «que ce mot énigmatique, à la physionomie assurément étrangère, désigne peut-être une certaine unité militaire de l'armée perse» (*Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 239).

Таким образом, в данном случае, по мнению Clermont-Ganneau, воспользовались техническим термином, заимствованным из организации персидской армии и обозначающим определенный конгломерат людей, известное количество войска. Желая объяснить термин *هندز* из персидского языка, Clermont-Ganneau останавливается на средне-перс. *andāčak* и ново-персидских *انداز* и *انداز* «mesure»¹⁾ (срв. заимствование в арабском: *هندز* «mesure»). Что касается разницы в значении, — с одной стороны: «мѣра, количество», с другой — специальное обозначение подразделения (персидского) войска, — то мы имеем здесь дело с такою же семасиологическою эволюцией, какая наблюдается в таких случаях, как лат. *numerus* (в военном языке — определенная единица). Clermont-Ganneau идет далее и, приводя, в качестве иллюстраций, известный рассказ Геродота (VII, 60) о том, как были пересчитаны военные силы царя Ксеркса посредством ограды (*αἰμασίη*), вмещавшей в себя 10.000 человек, — делает довольно смелое предположение, что «le mot *handis* = *handāz* «mesure» s'expliquerait assez bien, et le chiffre de 10.000 serait celui de cette unité militaire» (о. с., p. 241), если действительно у персов существовал такой способ исчисления (или точнее: *измѣренія*)²⁾. Как ни остроумно это предположение, но оно представляется мало вѣроятным. Что же касается приводимых Clermont-Ganneau средне- и ново-персидских форм: *andāčak*, *āndāzā[h]* — *āndāz*, то слѣдует имѣть в виду, что для древне-персидской эпохи мы должны предполагать форму не «*andāza*», но **ha'tāčaka*- (?) [образование от корня *tak-|tač-* + *ham*: авест. 3 p. sg. praes. act. *avi-hantačaiti* от глагольного корня *tak-|č-* + *avi-ham* «*sich fliessend vereinigen mit—, sich ergiessen in—*», основа *causativi* к *tak-*: *tāčaya-* «*fliessen lassen*»; срв. др.-инд. *tak-ti* «*er schießt*

1) Отмѣтимъ значенія этихъ словъ: средне-перс. *andāčak* „*opinion; a measure of length; manner*“; ново-перс. *āndāzā[h]* „*quantitas, mensura, valor;... mensuram rei agere, dimetiri...*“ (Vullers); *āndāz* „*coniectio...; propositum, intentio...; ...dimetiri; quantitas, mensura*“ (Vullers); cf. Horn—*Grdr. d. neuir. Etym.*, p. 27, s. n° 117. Объ др.-армянскомъ заимствованіи *andač-el* (при *endač-el*, срв. наши *Этюды по армянск. диалектологии*, I, § 3, 4) „думать, размышлять, изслѣдовать, изучать“ (срв. средне-перс. *andāčtan* „*erwägen, ermessen*“ при *andāxtan* „*zusammenrechnen; werfen; sinnen*“ — ново-перс. *āndāxtān* „*facere...; deicere...; propositum, destinatum habere, intendere*“, Vullers) — см. Hübschmann, *Arm. Gramm.* I, p. 98, s. n° 26. — Весьма вѣроятно, что данныя средне-персидскія формы (болѣе стараго періода языка) еще звучали съ начальнымъ *h-*, какъ это можно заключить по нѣкоторымъ заимствованиямъ въ арабскомъ (черезъ арамейскій!) и др. — въ противоположность древне-армянскимъ (срв. Hübschmann, *Pers. Stud.* pp. 216—217, § 107).

2) Считаю нужнымъ предложить нашимъ читателямъ познакомиться съ подлиннымъ изложеніемъ Clermont-Ganneau (о. с., p. 239 sq.), чтобы составить себѣ болѣе отчетливое (чѣмъ это можно по сдѣланному нами краткому резюмѣ) представленіе о ходѣ мыслей уважаемаго ученаго.

dahin, etc.»—индо-европ. *tek¹—каковой не покрываетъ handēz нашего папируса. Наконецъ, сопоставляя ново-перс. āndāz съ handēz, Clermont-Ganneau долженъ предполагать, что ' въ 𐎠𐎡𐎴 служить лишь для обозначенія качества (а не количества) гласнаго (i) и, слѣдовательно, долженъ допустить на ряду съ формою «handāz»—форму *«handiz». Эта разница въ гласномъ звукѣ представляетъ известное препятствіе, отмѣченное и Clermont-Ganneau. Такимъ образомъ, въ виду затрудненій фонетическаго характера сопоставленію handēz съ ново-перс. āndāz должно быть оставлено.

Тѣмъ не менѣе, заключительныя слова Clermont-Ganneau: «au demeurant, si l'on répugne à admettre un rapport linguistique réel entre 𐎠𐎡𐎴 et *andāz*, il resterait toujours la ressource d'expliquer ce premier mot par un composé perse: la préposition *ham*...+la racine *diz*...¹⁾» (о. с., р. 242)—въ связи съ этимологіей Horn'a (𐎠𐎡𐎴 = др.-перс. *ha²daiza- = др.-инд. *samdēha*-)—могутъ служить руководящею нитью при выясненіи нашего термина. А именно, др.-персидское *ha²daiza-, являющееся въ нашемъ папирусѣ въ видѣ handēz и соответствующее фонетически др.-инд. *samdēha*-, представляетъ собою сложеніе, состоящее изъ префикса *ham*- «со-, вмѣстѣ» (авест. *ham*- etc., средне-перс. *ham* [откуда др.-арм. *համ*], ново-перс. *hām*- = др.-инд. *sam*-) и *daiza-, которому соответствуетъ авест. *daēza*- «Häufen, Schichten», ново-перс. *dēz* «Burg» (срв. Horn, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 563 и Hübschmann, *Pers. Stud.*, р. 62); срв. далѣе др.-инд. *dēha*- «Körper. Auch von der *Mas-e* eines Gestirns und einer Wolke» (Böhtlingk) [болѣе близкое значеніе авест. *daēza*- представляетъ др.-инд. *dehī*-(f.) «Aufwurf, Damm, Wall»], др.-арм. ԳԷԶ (dēz) «куча», греч. τεῖχος, τοῖχος [срв. авест. *uzdaēza*- со значеніемъ также «Wall, Damm, Mauer»] и пр. Такимъ образомъ, *ha²daiza- могло бы означать: «куча, накопленіе, скопленіе, скопище», а въ данномъ случаѣ «множество, огромное количество».

В, 3: 𐎠𐎡𐎴 (azd).

Слова: 𐎠𐎡𐎴 (В, 3/4) проф. Эйтингъ переводить: «certius factum est» (Роговцовъ: «будетъ разузнано»). Такимъ образомъ, *azd*, и по формѣ и по значенію, можетъ быть сопоставлено съ *azdā* (осн. ж. р. на -ā?) древне-персидскихъ клинописей (Bh. I, 10: *kārahyā paīy azdā*³⁾ *abava⁴ tyā⁴*, *собс.* у народа не было извѣстія, что... = народу не было известно, что...). Форма, соответ-

¹⁾ Clermont-Ganneau имѣетъ, именно, въ виду авест. глаг. корень *diz*-(*daēz*-) „häufen, schichten“, съ которымъ срв. др.-инд. глаг. корень *dih*- (3 р. sg. praes. *dēgdhi*) „bestreichen, salben“; тотъ же корень въ сложеніи съ *am* (съ тѣмъ же значеніемъ).

²⁾ Bartholomae въ настоящее время принимаетъ др.-перс. *azdā*, какъ и авест. *azdā* (*Altiran. Wörterbuch*, s. v; срв. также I. F., V, р. 215 и, въ особенности, *ib.*, IX, pp. 279—281, гдѣ сведена литература предмета) въ значеніи adv. „kund, gewiss“ въ общепринятомъ до послѣдняго времени—„свѣдѣніе, извѣстіе“ (см. Spiegel, *Altpers. Keilinschr.*, Glossar, s. v.: „Kenntniss“; срв. тамъ же, стр. 86; изъ болѣе новыхъ работъ см. Johansson, I. F., II, р. 29 sq., въ которому присоединяется Gray, *Indo-iranian studies* въ „Amer. J. of Philology“, XXI, р. 13 и *Indo-iranian Phonology etc.* N. Y., 1902, р. 10: „knowledge“).

ствующая др.-персидскому *azdā*, уже давно была известна, въ числѣ другихъ древне-персидскихъ заимствованій, изъ библейско-арамейскаго: אֶזְדָּא (нн. Данила II, 5 и 8) ¹⁾.

Форма нашего папируса является въ средне-персидскомъ видѣ, известномъ изъ *Yātkār i Zarērān*: *Arğasp azd mat* (изд. проф. Гейгера, стр. 48) = «A. certior factus est», а также изъ турфанскихъ манихейскихъ текстовъ: 'azd «Benachrichtigung» (изд. Müller'a, р. 36) ²⁾. Средне-перс. *azd* известно, далѣе, въ качествѣ заимствованія въ др.-армянскомъ, гдѣ оно является какъ ազդ (*azd*) «извѣстіе» ³⁾, начиная съ памятниковъ V в. (cf. Hübschmann, *Armeniaca* въ *Z. D. M. G.*, XLVI, р. 326; *Arm. Gramm.* I, р. 92, s. n°. 3 и «Z. f. arm. Phil.», II, р. 265; наши *Этюды по арм. диалектологии*, ч. I. М., 1897, стр. 5, подстрочн. прим. 2).

Сопоставляя видъ, въ которомъ является форма нашего папируса, т. е. *azd*, съ соответствующимъ въ языкѣ древне-персидскихъ клинописей, мы отмѣчаемъ характерное для средне-персидскаго исчезновеніе конечнаго долгаго гласнаго (въ данномъ случаѣ -ā) уже въ періодъ такъ называемаго «древне-персидскаго» языка; срв. исчезновеніе конечнаго слога, которое мы видѣли въ *Aršām* (A, 2) при древне-персидскомъ (въ клинописи) *Aršāma*⁴⁾.

В, 4: אֶזְדָּא (gōšaka u yā).

Совершенно правильно проф. Эйтингъ видитъ въ формѣ plur. *gōšaka u yā* древне-персидскій терминъ, который онъ вѣрно восстанавливаетъ въ видѣ «*gauschaka» (sch = š обычной транскрипція) и переводитъ черезъ «*écouteur* «отъхочотѣс dans le sens de *rapporteur*, *espion*» (*Notice*, р. 11).

¹⁾ См. словари др.-евр. языка Gesenius—Buhl и Siegfried—Stade (особенно послѣдній), в. v., въ которыхъ эта форма (библейско-арамейскаго) рассматривается какъ заимствованіе изъ древне-персидскаго [при этомъ приводимая др.-перс. форма *azda* должна быть вездѣ исправлена въ *azdā*], согласно съ указаніемъ проф. Nöldeke въ трудѣ Eb. Schrader'a—*Keilinschrift und das A. T.* ², р. 617.

²⁾ Еще можно отмѣтить средне-перс. *azd* въ изданномъ акад. Залеманомъ парсійскомъ глоссаріѣ (по известной петербургской рукописи), гдѣ оно поясняется ново-персидскимъ سخن («слово, рѣчь»); см. Salemann, *Ueber eine Parsenhandschrift d. K. Oeffentl. Bibl. zu St. Petersburg* въ «Travaux de la 3-е session du congrès international des Orientalistes etc.», t. II (1879), р. 578. (Срв. также Bartholomae, *Arica* X въ I. F., IX, р. 280).

³⁾ Таково выставленное некоторыми (главнымъ образомъ въ лингвистическихъ работахъ, но не Б. Словаремъ Мхитаристовъ) значеніе *azd* (въ каковомъ оно употребляется въ ново-армянскомъ литературномъ языкѣ [собс. «извѣщеніе»]). Отмѣтимъ, не вдаваясь въ подробности, что *azd* является въ др.-армянскомъ indeclinabile и употребляется лишь въ известныхъ оборотахъ, составленныхъ, по всей вѣроятности, по персидскимъ образцамъ, а именно: ազդ արնել (*azd arnel*) «возвѣщать, оновѣщать, сообщать, объявлять» (въ средне-персидскомъ *azd kartan*, срв. въ турфанскихъ манихейскихъ текстахъ: 'azd qarēd 'ō simōn [изд. Müller'a, № 18, verso l. 12, р. 36] = «Benachrichtigung macht dem Simon»), ազդ արնել (*azd linel*) «быть объявляему, возвѣщаему, становиться известнымъ (кому—dat.)» [Срв. ազդ եղև քմա (*azd e'ev pma*) = «ему было возвѣщено; ему стало известно» и вышеприведенное др.-персидское—*kāgabyā* (gen. въ значеніи dat.) *uay azdā abava*^{h)}].

Такимъ образомъ, въ страсбургскомъ папирусѣ мы впервые встрѣчаемся съ терминомъ, обозначающимъ представителей одной изъ наиболее важныхъ должностей въ древней Персіи: *gaušaka- это—ὦτα βασιλέως, на ряду съ которыми были извѣстны и ὀφθαλμοὶ βασιλέως; то и другое представляетъ собою извѣстный институтъ правительственныхъ ревизоровъ—институтъ, о которомъ намъ переданы свѣдѣнія писателями классической древности (напр., Ксенофонтъ въ «Киропедіи», кн. VIII, гл. 2, 10; гл. 6, 16; срв. также Herod., I, 100, по которому этотъ институтъ—οἱ κατὰ σκοπὸν [= ὀφθαλμοὶ] τε καὶ κατὰ χοῶν [= ὦτα]—былъ введенъ основателемъ мидійской монархіи Дейокомъ).

Читая форму нашего папируса gōšakaууā, мы думаемъ, что древне-персидскій оригиналъ, который въ языкѣ клинописей былъ бы *gaušaka¹ (какъ форма пом. sing.), перешелъ въ языкъ нашего документа въ видѣ *gōšak, т. е. въ томъ видѣ, какъ онъ звучалъ въ средне-персидскомъ. Что же касается образованія *gaušaka-, то форма эта могла возникнуть двоякимъ образомъ: или она образовалась отъ осн. *gauša- «auris» (авест. gaōša-, средне- и ново-перс. gūš) съ суффиксомъ -ка- и, такимъ образомъ, первоначально могла обозначать *имѣющій уши* = *слушающій* (срв. др.-перс. ba^ada-ka- «слуга, рабъ, подданный» [средне-перс. bandak, н.-перс. bāndā(h) «servus»] отъ *ba^ada- [= авест. banda- «Bande, Fessel», средне- и ново-перс. band «vinculum, ligamentum, compes»]—сбс. «der [Jemand] Fesseln trägt», Bartholomae, *Altiran. Wörterbuch*, s. v.); или же она представляетъ собою образованіе, приближающееся по значенію къ *potina agentis* и *participia praes. act.* (срв. такіа древне-инд. образованія, какъ abhi-krōṣaka-, bōdhaka-, pāṣaka-, Whitney, *Ind. Gramm.*, § 1181, a, или такіа авестійскія, какъ напр. ара-хгаосака- «schmächsüchtig», cf. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen* въ «Grdr. d. iran. Phil.», I, § 201; объ осет. суффиксѣ part. praes. -āg будетъ сказано ниже); такимъ образомъ, *gaušaka- можетъ значить: *слушающій, выслушивающій* и далѣе: *доносящій выслушанное, оповѣщающій объ услышанномъ*. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что если gōšak должно читать съ ā (которое такъ же оставалось безъ обозначенія, какъ и ā въ Aršām и Dārayavahuš—A, 2), т. е. какъ gōšāk (срв. приводимое ниже мнѣніе акад. Залемана),—то въ языкѣ древне-персидскихъ клинописей мы могли бы предположить форму *gaušāka- («слушающій и пр.»), образованную съ суффиксомъ -āka-¹) (срв. подобныа образованія на -āka- въ древне-индійскомъ, Whitney, *o. c.* § 1181, b, авестійскомъ, напр. dah-āka-²), а также въ средне-

¹) Изъ индо-европ. *-ākʷo- (откуда индо-иранс. *-āka-), о чемъ см. у Brugmann'a, *Grundriss d. vergl. Gramm. etc.*, II, p. 257 sq.

²) Имя змѣя (имен. ažiš Dahākō), котораго побѣдилъ Θραέταона. Образованіе даннаго имени посредствомъ суффикса -āka- принимается Sarmesteter 'омъ (*Ét. ir.*, I, § 215, 4), Horn'омъ (*Neupers. Schriftspr.*, § 86, d) и др. Однако, въ виду невыясненной этимологіи dahāka- (срв. Bartholomae, *Altiran. Wb.*, s. v.), быть можетъ было бы лучше не приводить этого парадигма; во всякомъ надежнымъ является авест. mašyāka- «человѣкъ» (отъ mašya- «id.») изъ пра-иранс. *martijāka- (см. Bartholomae, *Vorgesch. d. iran. Sprachen*, § 201).—О соответствіяхъ авест. aži- Sahāka- въ средне- и ново-персидскомъ см. у Horn'a, *Grdr. d. neupers. Etym.*, s. n°. 76; объ древне-армянскомъ заимствованіи см. у Hübschmann'a—*Arm. Gramm.*, I, pp. 32—33, s. n°. 41.

персидскомъ на -āk и ново-персидскомъ на -ā, о чемъ см. Ногн, *Neupersische Schriftspr.*, § 86, d; Darmesteter, *Études iraniennes*, I, § 215, 4, p. 267 sq., осетинскомъ на -ag, о чемъ см. Миллеръ, *Осетинскіе этюды*, II, М. 1881, стр. 102, Hübschmann, *Osset. Nominalbildung* въ Z. D. M. G., XLI, p. 330, и т. д.).

О средне-персидскомъ gōšag (въ compositum: vīsp-gōšag) — изъ болѣе стараго *gōšak — встрѣчающемся въ уже упомянутомъ средне-персидскомъ манихейскомъ отрывкѣ Азіатскаго музея, см. въ изслѣдованіи акад. Залемана — *Ein Bruchstück Manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum*. St.-Petersbourg, 1904 (= «Записки Импер. академіи наукъ», VIII сер., ист.-филол. отд., т. VI, № 6), pp. 3—4 съ подстрочн. прим. 2. Акад. Залеманъ для сложенія vīsp-gōšag (въ текстѣ: Padik [п. gr.] maḡ vīsp gōšag — строки 2—3) предпочитаетъ значеніе «der alles hört» значенію «(herr) aller hörer». — Средне-персидское *gōšak въ качествѣ заимствованія является въ древне-армянскомъ ¹⁾ въ видѣ գուշակ (gušak), какъ это отмѣтилъ проф. Hübschmann («Z. f. arm. Phil.», II, pp. 265—266).

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе еще и на то обстоятельство, что отдаленный эквивалентъ древне-персидскаго *gaušaka — мы имѣемъ въ эпиграфическихкихъ памятникахъ сѣвернаго берега Чернаго моря: мы разумѣемъ тавандское Γώσαχος (см. изд. акад. Латышева — *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*, II, p. 264, s. n°. 446). Среди «варварскихъ» собственныхъ именъ, сохранныхъ въ текстахъ этихъ памятниковъ, значительная часть, какъ показали изслѣдованія проф. Müllenhoff'a и В. Миллера, иранскаго происхожденія, т. е. принадлежитъ той живой иранской рѣчи, которая нѣкогда звучала въ припонтійскихъ областяхъ и которую проф. Миллеръ считаетъ предкомъ пытѣшняго осетинскаго языка, такъ сказать «древне-осетинскимъ» (см. его этюдъ — *Эпиграфическіе слѣды иранства на югѣ Россіи* въ Ж. М. Н. Пр., 1886, сент., стр. 280, а также *Осетинскіе этюды*, III. Москва, 1887, стр. 82 и *Die Sprache der Osseten* въ «Grdr. d. iran. Phil.», I. Anhang, pp. 5—7). Но, кромѣ именъ, принадлежащихъ припонтійскому иранскому языку, въ тѣхъ же памятникахъ встрѣчаются «иранскія» имена другого типа, именно древне-персидскія, которыхъ присутствіе объясняется заимствованіемъ, вслѣдствіе культурнаго вліянія персидской монархіи, отражавшагося и на черномор-

¹⁾ Др.-арм. gušak значить «προϋνώστης, προφήτης, մանուկ; vates, propheta (Б. Слав. Мхитаристовъ, s. v.). Срв. далѣе производныя отъ gušak: *verb. denom.* gušakem „vaticinor; indico, significo“, *abstr.* gušakuthiun „пророчество, предвѣщаніе, тайное указаніе“ (срв., особенно, у Моисея Хоренскаго, „Исторія Арменіи“, кн. III, гл. 50: ի հրապարակս գուշակութեան = „вслѣдствіе подстрекательства наговоромъ, доносомъ“ (въ новомъ переводѣ Эмша: „подстрекаемый наущеніями“). Значеніе указанія (явнаго или тайнаго) присуще какъ gušak, такъ и производнымъ, что уже было отмѣчено составителями Большаго Словаря Мхитаристовъ. Съ своей стороны считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на выраженіе, въ которомъ значеніе „доносчикъ, предатель“ для gušak выступаетъ особенно рельефно, а именно — matn ev gušak linim, равнозначущее matn linim „proditor (собс. digitus) fio, prodo, nuntio, defero, indico“ или matnem (*denom.* отъ matn „digitus“).

скомъ сѣверномъ побережьѣ» (*Этирафические слѣды и пр.*, стр. 280, срв. *Осетинские этюды*, III, стр. 82; см. также въ нашей статьѣ— *Къ боспорской ономастикѣ. Собственное имя ΣΩΡΑΚΟΣ* въ «Юбилейномъ сборникѣ въ честь В. Θ. Миллера». Москва, 1900, стр. 24=стр. 1 отд. изд., М. 1899).

Къ которому же изъ обоихъ типовъ можетъ быть отнесено тавандское пом. *rgorgium* Γῶραχос? Одно время намъ представлялось возможнымъ относить его къ послѣднему типу, т. е. собс. имя Γῶραχос мы считали за заимствованное древне-персидское **Gaušaka*-.— Съ точки зрѣнія первоначальнаго значенія даннаго собственнаго имени (Γῶραχουστῆς¹) противъ подобнаго предположенія не могло быть особыхъ возраженій, такъ какъ переходъ нарицательныхъ именъ самыхъ разнообразныхъ категорій въ разрядъ поміна *rgorgia*—явленіе хорошо извѣстное. Но врядъ ли есть настоящая необходимость въ подобномъ предположеніи, разъ данное пом. *rgorgium* можетъ быть удовлетворительно объяснено изъ припонтійско-иранскаго языка, тѣмъ болѣе, что собственныя имена, заимствованныя изъ древне-персидскаго, составляютъ въ немъ лишь незначительный процентъ. Въ виду этого, въ настоящее время, мы считаемъ Γῶραχос за туземную, припонтійско-иранскую форму, родственную древне-персидскому **gaušaka*-. Γῶραχос образовано, какъ это уже указано было проф. Миллеромъ (см. *Этирафические слѣды и пр.*, стр. 246), отъ корня, восходящаго къ пра-иранскому **gauš-* «audire» (срв. авест. *gaos-*, вост.-осетинс. *qūsin*, зап.-осетинс. *i-γοςιν* «audire» и т. д.), при помощи суффикса *-ak* (изъ пра-иранс. **-aka-*; срв. древне-перс. *-aka-*, напр. *bandaka-* «рабъ, слуга», средне-перс. *-ak*, напр. *bandak* «id.», ново-перс. *-ā[h]*, напр. *bändā[h]*)—которому соответствуетъ въ современномъ осетинскомъ *-äg*, образующій главнымъ образомъ *participia praesentis* и *nomina agentis* (см. тамъ же, стр. 271, а также *Die Sprache der Osseten*, § 95, 2; срв. еще *o. c.*, § 75, 2, а)¹). Такимъ образомъ, изъ самого припонтійско-иранскаго языка эллинизированная форма Γῶραχ-ос (туземная, вѣроятно, звучала бы **gōš ak*) можетъ быть объясняема какъ форма съ первоначальнымъ значеніемъ: «слышашій, слушающій, слушатель и т. д.» и сопоставляема (см. Miller, *Sprache d. Oss.*, pp. 6, 7) съ современными осетинскими: *qūsäg* «слышашій», *i]γος-äg* «хорошо слышашій, чуткій».

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести взглядъ, высказанный акад. К. Залеманомъ: «Если слово Γῶραχ... читать съ долгимъ ā (*gōšāk-āyā*), то въ этой формѣ мы имѣли бы древнѣйшій примѣръ средне-перс. причастія наст. вр. на *āk*, отъ предполагаемаго глагола **gōšitan* «слушать» («Зап. вост. отдѣл. II. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXIII). [Огмѣтимъ, что соответствующая форма на *-āk* извѣстна изъ средне-персидскихъ манихейскихъ текстовъ изъ Турфана, въ которыхъ мы находимъ: *ni]gōšäg* (изд. Müller'a, p. 54), plur. *ni]γōšāgān* (pp. 32, 85, 86)=«die Zuhörer, auditores, *хаттхоръмеуи*»²].

¹) См. также у Миллера—*Осетинские этюды*, II, стр. 101 и 221 и специальную работу проф. Hübschmann'a—*Osetische Nominalbildung* въ *Z. D. M. G.*, XLI, p. 326 sq.

²) По поводу этихъ параллельныхъ формъ (съ *-g-* и *-y-*) срв. средне-перс. *ni-gōšitan* и *ni yōšitan* «слушать» (ново-перс. *نیوشیدن*); см. Salemann, *Mittelpersisch*, § 21, d; Horn, *Neupers Schriftsprache*, § 19, 6.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Что даетъ для иранской филологіи страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ?

Разсмотрѣвъ древне-персидскіе лексикальные элементы, встрѣчающіеся въ текстѣ страсбургскаго египетско-арамейскаго папируса, мы можемъ сдѣлать нѣкоторые общіе выводы и подвести итоги тому, что даетъ для иранской филологіи этотъ памятникъ. Выводы и итоги эти мы распредѣляемъ по двумъ слѣдующимъ категоріямъ: а) языкъ и б) realia.

а) Я з ы к ъ.

1) Прежде всего мы должны обратить вниманіе на тотъ видъ, въ которомъ являются отдѣльные персидскіе термины въ страсбургскомъ папирусѣ.

За исключеніемъ собственнаго имени царя Дарія (A, 2: Dārayavahuš), всѣ остальные лексикальныя данныя уже обнаруживаютъ характерную средне-персидскую физіономію; таковы: Aršām (A, 2), duškart (A, 3), azd (B, 3), gōšak (B, 4) и пр. Что же касается формы Dārayavahuš (A, 2), являющей въполнѣ древне-персидскій обликъ, то она можетъ найти себѣ объясненіе въ желаніи сохранить традиціонную, освященную стариною форму царскаго имени¹⁾.

Въ качествѣ характерныхъ средне-персидскихъ чертъ сравнительно съ древне-персидскимъ мы должны отмѣтить слѣдующія:

а) Исчезновеніе старыхъ конечныхъ гласныхъ (какъ краткихъ, такъ и долгихъ), равно какъ и конечныхъ слоговъ (изъ гласнаго + согласнаго), о чемъ см.: Darmesteter, *Études iraniennes*, I, § 88 (pp. 112—113); Hübschmann, *Pers. Studien*, p. 116; Salemann, *Mittelpersisch*, § 47.

Иллюстраціей этого закона объ исходѣ словъ (Auslautgesetz) могутъ служить слѣдующія формы нашего папируса:

azd (B, 3)—въ языкѣ древне-персидскихъ надписей azdā;

Aršām (A, 2)— въ языкѣ надписей Aršāma^h;

gōšak (B, 4)— въ языкѣ надписей соответствовало бы *gaušaka^h;

duškart (A, 3)—въ языкѣ надписей соответствовало бы *duškartam и пр.

б) Обращеніе старыхъ дифтонговъ ai и au въ монофтонги ē и ô (объ этомъ явленіи см.: Darmesteter, *Ét. iraniennes*, I, §§ 79 и 81 [pp. 104—106]; Hübschmann, *Pers. St.*, p. 141 sq.; Salemann, *Mittelpersisch*, § 36).

¹⁾ Поэтому намъ кажется нѣсколько преждевременнымъ на основаніи данной формы заключать, какъ это дѣлаетъ проф. Hübschmann, что въ ту эпоху, когда конечныя -a и -ā древне-персидскаго уже отпали, „auslautendes -uš... und danach auch -iš noch erhalten war“ („Z. f. arm. Phil.“, II, p. 266).

Примѣрами изъ нашего папируса могутъ служить:

handēz (B, 2)—при предполагаемомъ древне-персидскомъ *ha^adaiza ;

gōšak (B, 4)—при предполагаемомъ древне-персидскомъ *gaušaka^h

Такимъ образомъ, въ нашемъ папирусѣ мы имѣемъ новый матеріалъ для изученія того эволюціоннаго процесса въ жизни персидскаго языка, завершеніе котораго открываетъ новую эпоху въ исторіи этого языка — такъ называемую эпоху средне-персидскую.

Съ первыми моментами этого процесса, въ отношеніи извѣстныхъ грамматическихъ фактовъ, мы уже знакомы изъ немногочисленныхъ памятниковъ самого древне-персидскаго языка. Если мы сравнимъ наиболѣе древнія ахеменидскія надписи (Дарія I, Ксеркса) съ болѣе поздними (Артахсеркса II и Артахсеркса III), то мы увидимъ, какъ значительно измѣнилась фізіономія древне-персидскаго языка на протяженіи всего двухъ столѣтій (послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ надписей—Артахсеркса III—относится къ половинѣ IV в. до Р. Хр.). Здѣсь мы замѣчаемъ, во 1-хъ, разложеніе склоненія, обнаруживающееся въ переходѣ однихъ основъ въ другія ¹⁾; во 2-хъ, мы видимъ, что языкъ начинаетъ терять способность къ различенію родовъ именъ, вслѣдствіе чего является неправильность въ согласованіи именъ прилагательныхъ и мѣстоименій съ существительными ²⁾; въ 3-хъ, начинаетъ проявляться смѣшеніе падежей (напр. асс. plur. съ ном. plur. и т. д.). Словомъ, уже на самихъ памятникахъ царей ахеменидской династіи можно прослѣдить проявленіе въ древне-персидскомъ языкѣ признаковъ разложенія, подготовляющаго переходъ къ эпохѣ средне-персидскаго языка, когда на смѣну языка синтетическаго появляется языкъ аналитическій ³⁾.

¹⁾ Срв., напр., переходъ основъ на -i въ основы на -ā: въ надписи Артахсеркса III мы имѣемъ форму būmām (Art. Pers. a[b], 1; ed. Weissbach-Bang, p. 46), какъ асс. sing. отъ основы būmi- „земля“ (срв. авест. būmi-, др.-инд. bhūmi-), тогда какъ слѣдовало ожидать būmīm (читай: būmim; о написаніи mī см. Bartholomae, *Handb. d. altiran. Dialekte*. L. 1883, p. 19, § 21, Anm. 1), каковая форма дѣйствительно и встрѣчается въ надписяхъ Дарія I и Ксеркса.

²⁾ Такъ, напр., въ надписи Артахсеркса III читаемъ: imam ustašanām „эту постройку“ (Art. Pers. a[b], 3; ed. Weissbach-Bang, p. 46); здѣсь imam, форма асс. sing. masc. (срв. др.-инд. imam „hunc“), отнесена къ вин. п. имени женск. р. (или, по крайней мѣрѣ, являющагося въ формѣ женск. р.; срв. Bartholomae, *Altiran. Wörterbuch*: us-tašanā-, f. „Treppenhaus, Treppe“, s. v.) ustašanām, тогда какъ слѣдовало ожидать imām (срв. др.-инд. imām „hanc“).

³⁾ Прекрасный очеркъ разложенія древне-персидскаго данъ у Darmesteter'a въ его *Études iraniennes*, I, § 2 (Décomposition de la langue à la fin de la période perse), § 93 (Décomposition des formes persanes) и т. д. Срв. также, что говоритъ Spiegel въ *Altpers. Keilinschriften*, p. 126 sq., по поводу особенностей языка надписей Артахсеркса II и Артахсеркса III.—См. еще у Marquart'a, *Z. D. M. G.*, XLIX, pp. 671—672, а также у Foüy'a, *Beiträge z. Erklärung d. altpers. Keilinschr.* въ *K. Z.* XXXV, p. 53 sq., обратившаго вниманіе и на нѣкоторыя фонетическія явленія позднѣйшихъ ахеменидскихъ надписей, представляющія переходную ступень отъ явленій древне-персидскихъ къ средне-персидскимъ.

Какъ мы уже замѣтили, всѣ персидскія формы нашего папируса (за исключеніемъ лишь формы имени царя Дарія) представляютъ фizioномію, являющуюся характерной для эпохи средне-персидскаго языка, подѣ которымъ *обыкновенно* принято разумѣть языкъ аршакидскаго и сасанидскаго періодовъ исторіи Персіи. Значеніе этого факта, т. е. средне-персидскій характеръ почти всѣхъ персидскихъ формъ текста страсбургскаго египетско-арамейскаго папируса, для изученія исторіи эволюціи персидскаго языка представляется весьма важнымъ. Онъ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что то видоизмѣненіе языка, о нѣкоторыхъ проявленіяхъ котораго мы могли судить по свѣдѣніямъ текстовъ надписей Артаксеркса II и Артаксеркса III, было гораздо значительнѣе и глубже. Правда, ахеменидскою придворною канцеляріей (которой единственно и принадлежать дошедшіе до насъ памятники древне-персидскаго языка) уже дѣлались уступки новымъ явленіямъ *народной, живой* рѣчи, но въ общемъ она, все-таки, держалась старыхъ образцовъ, и, такимъ образомъ, традиціонный языкъ ея документовъ уже не соответствовалъ обыденной рѣчи. Быть можетъ, послѣдующія открытія дадутъ возможность еще болѣе подкрѣпить это положеніе новыми фактами. Факты же, обнаруживаемые въ нашемъ папирусу, представляютъ матеріалъ, на основаніи котораго наше обычное пониманіе термина «средне-персидскій языкъ» — должно быть значительно видоизмѣнено въ смыслѣ расширенія его хронологическихъ предѣловъ, причемъ древнѣйшій періодъ этого языка, его такъ сказать зачатки, приходится уже помѣщать въ эпоху, до сихъ поръ всецѣло отводившуюся «древне-персидскому языку», т. е. въ эпоху Ахеменидовъ.

2) Далѣе, древне-персидскіе термины, встрѣчающіеся въ страсбургскомъ папирусу, не только даютъ интересныя указанія для отдѣльных вопросовъ по исторіи самого древне-персидскаго языка, но и обогащаютъ насъ новыми фактами и свѣдѣніями по этому языку.

Въ области *фонетики* мы можемъ отмѣтить:

a) показаніе относительно произношенія *h* въ положеніи передъ *u* (A, 2: Dārayavahuš = древне-перс. Dārayava^huš);

b) показаніе относительно произношенія *n* передъ мгновенными (B, 2: handēz = древне-перс. *haⁿdaiza-).

Въ области *лексики* мы должны отмѣтить обогащеніе древне-персидскаго словаря нѣсколькими новыми данными:

duškart (A, 3) — въ языкѣ древне-персидскихъ надписей было бы *duškarta- (n.) «maleficium»¹⁾;

handēz (B, 2) — въ языкѣ надписей было бы *haⁿdaiza- «скопленіе, куча; множество (?)»;

gōšak (B, 4) — въ языкѣ надписей было бы *gaušaka- (m.) «ωταχο»зтῆς, τό [βασιλέως] ὄτα, .χτῆχος».

¹⁾ См. выше (гл. 2-я) Экскурсъ къ duškart, гдѣ на основаніи этого термина мы предположили возможность существованія въ древне-персидскомъ словарѣ, помимо *duškarta-, также и слѣдующихъ терминовъ: *hukarta- (n.) «εὐεργεσία»; *duškartaka- (m.) «χαχο»ρρος; *hukartaka- (m.) «εὐεργετής».

Среди этого лексикального матеріала мы должны отдѣльно обратить вниманіе на одинъ изъ терминовъ, имѣющихъ отношеніе къ персидскому административному устройству, а именно *тифайа* (*tišaya*; plur.). Этотъ терминъ встрѣчается и въ книгѣ Даниила (III, 2 и 3) подъ формою *тифай*; что касается его значенія¹⁾, то между лексикографами не достигнуто согласія.

Отмѣчая это обстоятельство, проф. Эйтингъ говоритъ (*Notice*, p. 11): «Il reste à espérer qu'un jour des monuments perses ou assyriens nous apporteront la lumière à ce sujet». Надеждѣ уважаемаго ученаго пришлось осуществиться скорѣе, чѣмъ, быть можетъ, онъ предполагалъ; у проф. Halévy въ его разборѣ страсбургскаго папируса по поводу этого термина мы читаемъ: «J'ai plaisir de confirmer les prévisions de l'éminent épigraphiste [Euting]: *тифай* est la transcription letterale du mot anzanite *tepti* «commandant», composé de *tep* «commandement, ordre», et de l'élément *ti* «donnant». Ce mot est très fréquent dans les inscriptions non sémitiques de Suse et entre souvent dans la composition de noms propres...» («Revue sémitique», 1904, p. 75).

Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ нашемъ текстѣ эламскій (сусианскій, аншанскій) терминъ. Появленіе его въ египетско-арамейскомъ текстѣ, т. е. въ текстѣ, написанномъ въ эпоху и въ сферѣ персидскаго владычества, возможно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, по всей вѣроятности, уже издавна получилъ, какъ культурное заимствованіе, право гражданства въ древне-персидскомъ языкѣ (хотя и остается неизвѣстнымъ изъ дошедшихъ до насъ клинообразныхъ текстовъ Ахеменидовъ). Въ этомъ послѣднемъ, равно какъ и вообще въ исторіи древне-персидской культуры, мы, на ряду съ фактами, унаследованными отъ ассиро-вавилонянъ, должны предполагать существованіе болѣе древняго культурнаго наслѣдія, идущаго изъ Элама²⁾. Однимъ изъ эламскихъ лексикальных заимствованій было и *tepti*, перешедшее къ древнимъ персамъ, оче-

¹⁾ Gesenius-Buhl: „eine Würde an Hofe, die nicht mehr zu bestimmen ist“; Siegfried-Stade: „babylonischer Würdenträger“ (s. v.); срв. Ed. Meyer, *Entstehung des Judenthums*, p. 23, подстрочн. прим. 2: „gänzlich unbekannt“.

²⁾ Сверхъ того, при изученіи вопроса объ культурныхъ заимствованіяхъ древней Персіи отъ ассиро-вавилонянъ, должно постоянно имѣть въ виду возможность посредствующей роли Элама.

Такимъ культурнымъ заимствованіемъ въ древне-персидскомъ изъ эламскаго является, напримѣръ, *dipi*- „надпись, письмо“, которое, въ свою очередь, представляетъ заимствованіе изъ ассирійскаго (эламс. *tipi* изъ ассир. *duppu* „Thontafel, Schriftstück, Urkunde, Schein, etc.“; срв. Scheftelowitz, *Altiranische Studien* въ Z. D. M. G., LVII, p. 167; v. Stackelberg — *Beiträge z. pers. Lexicographie* въ W. Z. K. M., XVIII, p. 289; Hüsing, *Semitische Lehnwörter im Elamischen* въ „Beiträge z. Assyriologie etc.“, V, 3, p. 405). Черезъ эламс. *de(i)nim* (передающее въ эламскомъ переводѣ ахем. надписей древне-перс. *framāna*- „Gesetz“) проф. Jensen (у Horn'a — *Grdr. d. neuers. Etymologie*, p. 133, подстрочн. прим. 2) сближаетъ древне-персидское (въ дошедшихъ текстахъ не встрѣчающееся) **dainā*- (срв. авест. *daēnā*- „религія“, ср.-перс. *dēn* [откуда др.-арм. *dēn* „вѣра, законъ“], н.-перс. *dīn* „вѣра, религія“) съ ассир. *dīnu* (*dēnu*) „Gericht, Recht“. Въ данномъ случаѣ, однако, надо думать, что др.-перс. **dainā*- можетъ представлять собою терминъ, перешедшій изъ авестійскаго (т. е. изъ языка зороастрійскаго вѣроученія), въ который оно могло проникнуть изъ ассиро-вавилонскаго. Какъ извѣстно,

видно, вмѣстѣ съ обозначаемою имъ должностью. Итакъ, въ основаніи египетско-арамейской формы *tiṭauyā* (равно какъ и соответствующей библейско-арамейской) мы въ правѣ предполагать древне-персидское **tiṭi-* (**tipti-*?).

3) Разсматривая соответствующія встрѣчающимся въ нашемъ папирусѣ персидскимъ элементамъ заимствованія въ древне-армянскомъ языкѣ (*Aršān* при *Արշաճ*, *azd* при *ազդ*, *gōšak* при *գոշակ*), мы можемъ отмѣтить, что формы этихъ заимствованій соответствуютъ формамъ данныхъ персидскихъ элементовъ ахеменидской эпохи.

Это обстоятельство снова выдвигаетъ вопросъ (который мимоходомъ былъ затронутъ нами въ *Этюдахъ по армянской диалектологии*, I, стр. 5, подстрочн. прим. 2; срв. тамъ же, II, стр. 22—23) о возможности считать нѣкоторыя персидскія заимствованія въ древне-армянскомъ перешедшими уже въ до-аршакидскую эпоху. (Срв. Hübschmann, «Z. f. armen. Phil.», II, p. 266).

Примѣчаніе. Считаемо нелишнимъ отмѣтить также тѣ семитскія заимствованія въ др.-армянскомъ, соответствующія формы которыхъ встрѣчаются въ нашемъ египетско-арамейскомъ папирусѣ, а именно: *khurm* (жрецъ) (см. Hübschmann, *Semit. Lehnwörter in Altarmenischen* въ Z. D. M. G., XLVI, p. 254, n. 134 = *Armen. Gramm.* I, p. 320, n. 130) при *ܟܠܡܐ* (pl.)¹⁾ и *berd* («крѣпость» при *ܒܝܪܐ*. По поводу др.-арм. *berd* слѣдуетъ замѣтить, что проф. Hübschmann, сначала (Z. D. M. G., XLVI, p. 233, n. 15) затруднявшійся считать его за заимствованное «*syg. merdā*», потомъ (*Armen. Gramm.* I, p. 301, n. 130) совершенно отвергнувъ такое сопоставленіе. Форма нашего папируса (срв. съ нею ассир. *birtu* «fest umschlossener Ort, Festung, Burg» и др.-евр. *בִּירָה* «Schloss, Burg etc.») является болѣе близкою къ др.-арм. *berd*, чѣмъ приводимое проф. Hübschmann'омъ «*syg. merdā*», и мы думаемъ, что связь между арамейскимъ и др.-армянскимъ терминами (см. Lagarde, *Gesam-*

ассиро-вавилонская культура оказала извѣстное вліяніе и въ области зороастрійскаго вѣроученія, очагомъ котораго была Мидія. Аналогичнымъ примѣромъ могло бы служить древне-персидское названіе маговъ — *magu-* (о формахъ въ средне- и ново-персидскомъ и т. д. см. Horn, *о. с.*, pp. 220—221, s. n. 984; Hübschmann, *Armen. Gramm.* I, p. 195, s. n. 410), полученное, вмѣстѣ съ обозначаемымъ имъ институтомъ, изъ Мидіи, гдѣ оно звучало (по авестійски) *moṣu-* (въ сложеніи: *moṣu-tbiš-* „der die Magier... befeindet“), что восходитъ къ ассир. *maḫḫū* „Prophet, Wahrsager“. (Подробности по поводу др.-перс. *magu-* см. въ упомянутой работѣ Scheftelowitz'a, Z. D. M. G., LVII, p. 168 sq.; противъ ассир. происхожденія высказываются Nöldeke и Bezold у Bartholomae, *Altiran. Wörterb.*, s. v. *magav-*). Такимъ образомъ, ассиро-вавилонскія заимствованія могли проникнуть въ древне-персидскій, помимо Элама, также черезъ родственную Мидію.

¹⁾ Срв. соответствующія формы даннаго слова и въ древнѣйшихъ арамейскихъ надписяхъ: въ обихъ ипирабскихъ — *ܡܪܐ* (Коковцовъ, *Древне-арамейскія надписи изъ Нираба*. Спб., 1899 = „Зап. вост. отд. И. русск. арх. общ.“, т. XII, стр. 153 и 158; Lidzbarski, *Handbuch d. nordsemit. Epigraphik etc.*, p. 445) и въ теймской — *ܡܪܐ* (Lidzbarski, *о. с.*, p. 447; срв. также у Коковцова, *о. с.*, стр. 154).

melte Abhandlungen, p. 64, n°. 165; аго же, *Armenische Studien*. L. 1877, p. 29, n°. 384) врядъ ли можетъ быть оспариваема.

b) Realia.

Въ области древне-персидскихъ древностей можно отмѣтить слѣдующіе факты:

1) «Tā [βασιλεως] ὄτα». Впервые появляется древне-персидскій терминъ *gaušaka-, обозначающій должностныхъ лицъ нашъ давно извѣстнаго института, называвшихся «ушами и очами царя» (срв., напр., у Justi, *Geschichte Irans etc.* въ «Grdr. d. Iran. Phil.», II, p. 438; Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'orient*¹, p. 615 sq.); терминъ *gaušaka- образованъ, какъ мы уже видѣли, отъ древне-персидскаго корня gauš- «audire» и, слѣдовательно, долженъ значить: «выслушивающій (и затѣмъ доносящій), хатъхоосъ (ὄταχοοστής)». Такимъ образомъ, въ *gaušaka- мы имѣемъ лицъ, называвшихся «ушами (царя)»¹).

2) *Satrapē Egypta Aršamē*.—Аршамъ, упоминаемый въ нашемъ папирусѣ, какъ сатрапъ Египта, является, по мнѣнію проф. Эйтинга (*Notice*, p. 8), новою личностью въ исторіи ахеменидскаго періода персидской монархіи и, такимъ образомъ, долженъ быть присоединенъ къ тѣмъ, перечисляемымъ проф. Юсти, въ *Iranisches Namenbuch* (s. v.), 12 лицамъ, которые носили это имя. Другого мнѣнія держится Clermont-Ganneau, склоняющійся къ тому, что Аршамъ нашего папируса та же самая личность, которая упоминается Ктесіемъ подъ формою Ἀρσάμης. Французскій ученый говоритъ: «...il ne serait pas impossible, moyennant une légère correction paléographique d'identifier notre Aršam avec Ἀρσάμης (corr. Ἀρσάμης = Ἀρσάμης) qui, selon Ctésias [Ed. Didot, p. 55^a, § 47], était satrape d'Égypte à l'avènement de Darius II, en 424, et fut l'un des premiers à se rallier à lui...» (*Recueil d'arch. orientale*, VI, p. 230; срв. *Répertoire d'épigraphie sémitique*, I, p. 297). Это предположеніе Clermont-Ganneau, — интересное и въ томъ отношеніи, что оно, какъ мы уже видѣли (гл. 1-я, III), даетъ извѣстную точку отправленія для фиксированія времени происхожденія нашего документа²), — заслуживаетъ особеннаго вниманія.

3) *Kъ титулованію персидскихъ царей*.—Въ нашемъ папирусѣ персидскій царь титулуется не «царь царей», но просто «царь» (malkā)³). Подобное титу-

¹) Срв. въ Ὀνομαστικόν (кн. II, 84) лексикографа Поллукса (II в. по Р. X.): «ἐχάλοοντο δὲ τινες ὄτα καὶ ὀφθαλμοὶ βασιλεως, οἱ τὰ λεγόμενα διαγγέλλοντες καὶ τὰ ὀρώμενα. ἀπὸ δὲ τοῦ ὄτων τοῦτων τὸ ὄταχοοστὴν πεποιήται» (см. изд. Bethe въ тейб-неровской серіи *Lexicographi graeci*, v. IX, p. 109).

(Указанія на аналогичныя мѣста классическихъ писателей и ихъ схолиастовъ можно найти у Эйтинга, *Notice*, pp. 11—12, и въ капитальномъ трудѣ покойнаго проф. Шпигеля по иранскимъ древностямъ — *Erânische Alterthumskunde*, III, pp. 627—628. У Бругша, *Aegyptologie*. L. 1891, p. 206, приводятся мѣста изъ египетскихъ надписей, въ которыхъ упоминаются «уши и очи царя»).

²) Именно устанавливая, что Аршамъ былъ сатрапомъ Египта въ царствованіе Дарія II.

³) Впрочемъ, мы должны замѣтить, что самое чтеніе *𐎠𐎢𐎡𐎢𐎠* принадлежитъ къ числу сомнительныхъ въ папирусѣ.

Addenda.

Когда настоящая работа уже была набрана, намъ пришлось познакомиться съ только что появившимися въ свѣтъ двумя статьями, содержаніе которыхъ составляетъ дальнѣйшее истолкованіе страсбургскаго египетско-арамейскаго папируса—мы разумѣемъ *Aramäische Texte auf Stein, Ton und Papyrus* проф. Лидзбарскаго (съ примѣчаніями проф. Андреаса), въ издаваемомъ имъ «Ephemeris für semitische Epigraphik» (II, 2, p. 200 sq.), и *Encore l'inscription araméenne d'Éléphantine* («Rev. sémitique», 1906, Juillet, p. 278 sq.) проф. Halévy (статья, вызванная главнымъ образомъ только что упомянутою работою въ «Ephemeris» Лидзбарскаго). На этихъ обѣихъ статьяхъ мы считаемъ нужнымъ остановиться и отмѣтить все, что служитъ къ выясненію нашего текста. Попутно мы сдѣлаемъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній, вызванныхъ изученіемъ статей Лидзбарскаго-Андреаса и Halévy.

Проф. Лидзбарскій въ томъ отдѣлѣ своей статьи, который посвященъ обзору арамейскихъ памятниковъ, открытыхъ за послѣдніе годы въ Египтѣ, останавливается также и на разборахъ страсбургскаго папируса, сдѣланныхъ его предшественниками: Эйтингомъ, Clermont-Ganneau, Halévy и Spiegelberg'омъ (pp. 210—217). Кроме того, проф. Лидзбарскій даетъ небольшое вступленіе, воспроизведеніе арамейскаго текста и переводъ этого папируса. Къ этой работѣ Лидзбарскаго проф. Андреасъ присоединилъ (въ примѣчаніяхъ) свои замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ иранскихъ элементовъ.

Итакъ, на основаніи обѣихъ статей дѣлаемъ нижеслѣдующія addenda:

Къ А, 1: 𐤁𐤍𐤂𐤂. Предположеніе Halévy читать 𐤁𐤍𐤂𐤂—«bendegān» («les serviteurs») проф. Андреасъ также считаетъ совершенно невозможнымъ (p. 212), главнымъ образомъ съ точки зрѣнія исторической грамматики персидскаго языка. При этомъ имъ отмѣчается, что если бы въ данномъ случаѣ дѣйствительно имѣлась бы форма отъ древне-перс. baⁿdaⁿka-, то ее слѣдовало бы ожидать въ видѣ 𐤁𐤍𐤂𐤂𐤀 (подобно тому, какъ отъ *gaušaka- является 𐤁𐤍𐤂𐤂𐤀). Насколько можно видѣть изъ того, что говоритъ по поводу замѣчаній Андреаса проф. Halévy (p. 278), послѣдній склоненъ признать свою конъектуру неудачною.

Къ А, 4: 𐤁𐤍𐤂𐤂. По мнѣнію проф. Лидзбарскаго этотъ терминъ «dürfte etwas wie «zusammen», «gemeinschaftlich» bedeuten und ist wohl aus einem persischen Worte gebildet» (p. 213). Это мнѣніе раздѣляетъ и Андреасъ, которому

Это предположеніе проф. Андреаса во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и для насъ непонятно, почему въ обзорѣ успѣховъ интерпретаціи нашего папируса оно какъ бы игнорируется проф. Halévy, который ограничивается лишь словами: «rien de saillant» (p. 279).

Проф. Андреасъ полагаетъ (р. 213), что если подъ вышеприведеннымъ сомнительнымъ чтеніемъ скрывается собств. имя, то выборъ такового представляется возможнымъ лишь между Vidarna- (у грековъ Ὡδάρνης) и Viñdafarna- (Ἰνταφέρνης). въ первомъ случаѣ слѣдуетъ читать 𐎧𐎠𐎢𐎡, во второмъ—𐎧𐎠𐎢𐎡𐎠.

указанную Юсти и Андреасомъ литературу предмета]—то, во всякомъ случаѣ, объясненіе, данное проф. Андреасомъ егип.-арам. термину должно быть признано тѣмъ болѣе удачнымъ, что оно устраняетъ необходимость прибѣгать къ измѣненію чтенія. Данное толкованіе отмѣчается и проф. Halévy (р. 279).

Съ своей стороны мы желали бы обратить вниманіе специалистовъ на слѣдующее сопоставленіе, дѣлаемое нами лишь въ видѣ предположенія. Если слова папируса: $\text{הַיְהוּדִים הָיוּ בְּכֹהֵן}$ = «der hier [т. е. въ Іебѣ] Befehlshaber war» (переводъ проф. Лидзбарскаго) дѣйствительно содержатъ указаніе на извѣстную должность и, повидимому, на должность начальника крѣпостного гарнизона — то данный персидскій терминъ (𐎧𐎠𐎧𐎡𐎹) можно было бы сопоставить съ соответствующимъ египетско-арамейскимъ, встречающимся въ ассианской стелѣ маркиза de Vogüé, гдѣ мы читаемъ (2-я линія): 𐎧𐎠𐎧𐎡𐎹 = «глава ассианскаго (𐎧𐎠𐎧𐎡𐎹) гарнизона» (см. «Académie des inscr. et belles-lettres. Comptes rendus», 1903, р. 269 = «Ephemeris» Лидзбарскаго, II, 2, р. 221)¹⁾. Сіена, какъ извѣстно, была одна изъ крѣпостей южнаго Египта, въ которой персы содержали пограничный гарнизонъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду также и слѣдующее. Элефантинская крѣпость находилась подъ начальствомъ лица, которое по египетски называлось *mer ā res* «Vorsteher des südlichen Thores» [scil. Египта] (Wiedemann, *Herodots zweites Buch etc.*, р. 129). Не есть ли *fratarak* нашего папируса *неполный* отголосокъ даннаго египетскаго термина, соответствующій лишь его первой части?

Такимъ образомъ, къ лексикальнымъ даннымъ (а также къ *realia*) мы могли бы сдѣлать слѣдующее добавленіе: *fratarak* (A, 4),—въ языкѣ др.-перс. надписей было бы **fratara-ka-* (ш.), — терминъ, служившій, слѣдуетъ думать, обозначеніемъ лица, облеченнаго извѣстною административною властью, по всей вѣроятности военною; быть можетъ, подъ нимъ разумѣется начальникъ (пограничнаго) крѣпостного гарнизона.

Примѣчаніе. Считаемо не лишнимъ привести въ подкрѣпленіе значенія, даваемого проф. Андреасомъ термину *fratarak*, нижеслѣдующее. Въ др.-персидскомъ къ *comrag*. **fra-tara-* «prior» (которому въ авест. соответствуетъ *fratara-*) было извѣстно образованіе формы *superlativi*, а именно: *fra-tama-* «primus» (авест. *fra-tama-*, средне-перс. *fratum*, cf. Horn, *Grdr. der neupers. Etym.*, р. 277, п°. 86; срв. древне-инд. *pra-thamā-* съ *-th-* вм. ожидаемаго *-t-*, о чемъ см.: Brugmann, *Grundriss etc.*, II, 1², § 156; Thumb, *Handbuch des Sanskrit*, I, § 380). Это *fratama-* употреблялось, повидимому, помимо обычнаго («primus») еще въ особомъ значеніи, обозначая или привилегированныхъ лицъ или лицъ, облеченныхъ извѣстною властью (такъ сказать «первыхъ»), какъ это видно изъ встречающагося въ Библии (кн. Даниїла, I, 3, кн. Эсѣири I, 3; VI, 9) др.-перс. заимство.

¹⁾ Отмѣтимъ еще араб. 𐤀𐤓𐤕𐤓𐤕 , являющееся въ пальмирской надписи 271 г. по Р. Хр. (см. у Лидзбарскаго, *Handbuch d. nordsemit. Epigraphik*, р. 426), строки 2 и 3, — чему въ греч. текстѣ данной надписи соответствуетъ *στρατηλάτης*.

ванія פֶּרְשֵׁי (Gesenius-Buhl: «die Vornehmen, Edlen, bei den Persern», s. v.; Clermont-Ganneau: «une certaine catégorie d'officiers perses», *Rec. d'arch. orientale*, VI, p. 237). Понятие «первепства», «власти», заключающееся въ др.-перс. fratama-, находитъ подтвержденіе также въ авестійскомъ, гдѣ мы встрѣчаемъ отъ fratama- производное *abstractum* fratama-tāt-(f.) со значеніемъ: «principatus, Obrigkeit» (цитаты см. въ словарѣ Bartholomae, s. v.)¹⁾. При этомъ остается невыясненнымъ взаимное отношеніе *fratara- (*fratara-ka-) и fratama- (въ ихъ специальныхъ значеніяхъ).

Къ В, 2: פֶּרְשֵׁי. — Проф. Лидзбарскій, признавая остроумнымъ предположеніе Clermont-Ganneau относительно обозначенія этимъ терминомъ отряда въ 10.000 человекъ, не находитъ всетаки возможнымъ считать такое предположеніе вѣроятнымъ (p. 214).

Проф. Андреасъ²⁾ считаетъ (l. c.) פֶּרְשֵׁי за иранское слово (*handēz, älter *handaiza) съ первоначальнымъ значеніемъ: «Aufschüttung, Zusammenhäufung, Anhäufung», т. е. со значеніемъ, которое было предположительно указано и нами. Въ данномъ случаѣ, по мнѣнію проф. Андреаса, этотъ терминъ имѣетъ «die Bedeutung einer grösseren Menge, einer grösseren Zahl, und zwar von Gruppen» (l. c.), причѣмъ остается неяснымъ, обозначалось ли имъ определенное большое число или только вообще скопленіе людей.

Проф. Halévy отнесся (p. 279) недовѣрчиво къ переводу Андреаса («le terme «masse» [Haufe] est trop vague») и предпочитаетъ толкованіе Clermont-Ganneau.

¹⁾ Въ семасіологическомъ отношеніи интересно отмѣтить переходъ значенія: *первый > первый по вліянію, должности, власти (начальникъ, глава и пр.)*, встрѣчаемый въ разныхъ языкахъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ др.-арм. առաջնորդ (arağnord), которое, будучи собственно числ. порядковымъ со значеніемъ „primus“ (изъ *arağinord: распространенная посредствомъ суфф. -ord форма обычного առաջին [arağin] „primus“; см. Маррѣ, *Грамм. древнеармянскаго языка. Этимологія*, С.-П.Б., 1903, § 151) — употребляется обыкновенно въ значеніи главы какъ въ гражданской, такъ и духовной сферахъ: „dux, princeps, praeses, rector, praepositus, praefectus etc.“ (см. Б. Слав. Мхитаристовъ, s. v.). Это значеніе верховенства мы находимъ и въ производныхъ, напр. въ глаголѣ arağnordel, *abstr.* arağnorduthiun и т. д. (см. *ibid.*, s. vv.). Далѣе отмѣтимъ πρόμο-ς (объ образованіи см. Brugmann, *Griech. Gramm.*³, § 184, 3 = *Grundriss*, II¹, § 72, p. 157) — собс. „primus“, затѣмъ: „передовой боецъ (у Гомера = πρόμαχος), вождь, глава“ (срв. Aesch. Eum. 377, Soph. O. C., 888, O. R. 661). См. Pape, *Handwörterbuch d. gr. Spr.*², s. v.

Равнымъ образомъ интересно отмѣтить встрѣчающееся въ раввинской литературѣ заимствованіе פֶּרְשֵׁי „der Vornehme“, являющееся, какъ показалъ Krauss (*Zur griech. u. lat. Lexicographie aus jüd. Quellen* въ „Byz. Z.“, II, p. 544 sq.) = *πρωτάτος (прев. ст. отъ πρῶτος): „Das Wort tritt uns entgegen... als Titel eines Staats- oder Stadtbeamten...“

²⁾ Проф. Андреасъ въ числѣ переводовъ פֶּרְשֵׁי приводитъ также и „jonction à l'aide de ciment“. Но это не есть переводъ нашего термина, но соответствующаго (этимологически) др.-инд. эквивалента samdēha- („Zusammenkittung“), сдѣлавный Ногномъ у Эйтинга (*Notice*, p. 11).

Къ В, 3: 𐤀𐤌. — Проф. Андреасъ (р. 214), вмѣстѣ со своими предшественниками, считаетъ эту форму, равно какъ и соответствующую библейско-арамейскую, тождественною съ древне-перс. *azdā* и пр. Проф. Halévy (pp. 279—280) не соглашается признать переводъ, даваемый словамъ: 𐤀𐤌 𐤀𐤌 («wenn Nachricht... gegeben wird»), хотя съ своей стороны не предлагаетъ новаго. Также рѣшительнымъ образомъ Halévy высказывается противъ отождествленія др.-перс. *azdā* съ библ.-арам. 𐤀𐤌. Мѣста, въ которыхъ встрѣчается эта библ.-арам. форма (ин. Даниила II, 5 и 8), не даютъ, по Halévy, смысла, если исходить изъ значенія др.-перс. *azdā*; поэтому онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими гебранстами, стоитъ за производство данной библ.-арам. формы отъ корня 𐤀𐤌 (синонимъ 𐤀𐤌 «aller»), сообразно съ чѣмъ и даетъ переводы соответствующихъ мѣстъ. Рѣшающій голосъ въ этомъ вопросѣ, конечно, долженъ принадлежать семитологамъ.

По поводу формы 𐤀𐤌 проф. Андреасъ высказываетъ свой взглядъ на языкъ иранскихъ элементовъ нашего папируса, совпадающій со взглядомъ, уже высказаннымъ другими исследователями, напр. акад. Залеманомъ («Зап. вост. отдѣл. И. русск. арх. общ.», т. XVI, в. IV, стр. XXXIII) и у насъ. Выписываемъ дословно относящееся сюда мѣсто: «Die Form *azd...* zeigt, was auch aus anderen Gründen sicher steht, dass zur Zeit des Darius II, die Sprache der Perser, durch den Abfall des auslautenden Vokale und Diphthonge sowie der auf Nasale endigenden Schlussilben, in dasjenige Stadium ihrer Entwicklung getreten war, das als älteres Mittelpersisch bezeichnet werden muss» (l. c.) ¹⁾.

Къ В, 3: 𐤀𐤌𐤀𐤌. — Проф. Андреасъ подъ этимъ терминомъ склоненъ разумѣть «Polizeibeamte» и считать его иранскимъ сложнымъ словомъ, вторую часть котораго составляетъ «*pat* (älter *pāti*) «Herr» oder *pāt* (älter *pātā*, Nom. v. *pātār*) «Hüter, Schützer»; первая же часть *compositi* остается для него неясною (р. 215). Ни проф. Лидзбарскій, ни Андреасъ не упоминаютъ, почему то, объ объясненіи, данномъ этому термину Halévy. Такъ какъ толкованіе Андреаса не выясняетъ данный терминъ въ его цѣломъ, то пока не будетъ представлено болѣе удачнаго, объясненіе проф. Halévy остается, по нашему мнѣнію, единственно удовлетворительнымъ ²⁾.

¹⁾ Срв. также формулировку Halévy, находящуюся въ его статьѣ—*Notes et conjectures sur le pehlevi* (въ которой онъ также касается и фактовъ нашего папируса): «Ces formes jeunes ...semblent induire à croire que, dès le IV-e siècle avant notre ère il existait en Perse, à côté de la langue littéraire officielle, une langue populaire assez puissante pour se glisser même dans les compositions destinées aux hauts fonctionnaires de l'état. Dans ces circonstances, le pehlevi ne serait que le dernier écho orthographique des formes anciennes limitées aux rédactions administratives ou religieuses» («Revue sémit.», 1904, p. 174).

²⁾ Попытка видѣть въ библ.-арам. 𐤀𐤌𐤀𐤌 иранское *pāti* была уже сдѣлана Benfey'емъ (о чемъ упоминаетъ и Эйтингъ, *Notice*, p. 11) въ его экскурсѣ «Versuch einige in der Bibel vorkommende persische Wörter und Eigennamen zu erklären» (Benfey—Stern, *Ueber die Monatsnamen einiger alten Völker, insbesondere der Perser, Cappadocier, Juden und Syrer*. В., 1836, pp. 187—203). Benfey, именно, сопоставлялъ дан-

По поводу трех терминов: «судья, тифтаи, гошаки» проф. Лидзбарский замѣчаетъ, что «die Aufzählung der Beamten ist wegen Dan. 3, 2 interessant» (pp. 214—215). Общимъ для обоихъ мѣстъ является терминъ «тифтаи». Интересно отмѣтить, что нашему «судья» въ вв. Даниила соответствуетъ 𐤔𐤓𐤕𐤕, являющееся заимствованнымъ др.-перс. *data-baga- «судья» (срд.-перс. dātavar [др.-арм. заимствование 𐭌𐭎𐭏𐭐𐭑𐭒, datavor], ново-перс. داور), которое образовано изъ dāta- «законъ» и -baga- «-форосъ» (срв. лат. legifer). Употребленіе въ нашемъ текстѣ арамейскаго термина на ряду съ двумя другими персидскими не можетъ не обратить на себя вниманія.

Къ В, 3: 𐤔𐤓𐤕𐤕.—Въ толкованіи этого термина проф. Андреасъ сходитсѣ со своими предшественниками (Эйтингомъ и др.) и только обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что «die pers. Form nicht *gōšak(a), sondern gōšāk gelautet hat und ein mittelpers. Part. Praes. von der Wurzel *γeus ist» (p. 215)—что уже было указано акад. Залемапомъ (см. выше). Далѣе, Андреасъ указываетъ (на приведенныя уже у насъ) nigōšāg (Андреасъ: niγōšāγ) и Γώσῆς, а также приводитъ встрѣчающееся въ словарѣ Asadī (см. изд. Horn'a, fol. 6 и 39) — древнѣйшемъ (XI в.) дошедшемъ до насъ ново-персидскомъ глоссаріѣ—и у другихъ персидскихъ лексикографовъ نفوشا, نفوشاك съ новымъ значеніемъ: «formulae Muhammedanae non addictus, ut Iudaeus, cultor ignis s. Magus omnisque infidelis...» (Vullers), «Ungläubige im Allgemeinen» (Андреасъ)¹⁾.

ный библ.-арамейскій терминъ съ „zend. aiti über und paiti Herr“ и указывалъ, что въ санскритѣ соответствующая форма была бы atipati „Oberherr“ (о. с., pp. 196—197). [Цитата у Эйтинга, Notice, p. 11—откуда и у Halévy, „Rev. sémi.“, 1904, p. 75 — неточна]. — Срв. еще попытку толкованія (изъ др.-перс. *adipati- = др.-инд. *adhipati- „Oberherr“) Berhmann'a—Das Buch Daniel (въ серіи „Handkommentar zum A. T.“), Göttingen, 1894, p. IX.

¹⁾ Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду возможность иного толкованія ново-перс. nāγōšā, -āk. Эти формы могутъ быть разсматриваемы какъ побочныя образованія къ nāγōšā „Magier“, принадлежа, такимъ образомъ, къ случаямъ, въ которыхъ мы имѣемъ „ein Sprachfehler“, о чемъ см. у Horn'a, Neupers. Schriftsprache, p. 13 (Einleitung) и § 49, 1, pp. 101—102. Срв. также Salemann, Mittelpersisch, § 21, d.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ привести переводъ текста обоихъ столбцовъ страсбургскаго напируса, сдѣланный проф. Лидзбарскимъ («Ephemeris etc.», II, 2, pp. 216 - 217):

а.

- 1 «...wir (?)..., dass die Ägypter sich empört haben; wir aber haben von unserem Herrn nicht gelassen,
- 2 und etwas Verderbliches konnte uns nicht nachgewiesen werden. Im Jahre 14 des Königs Darius, als unser Herr Aršam
- 3 sich zum Könige begab,—dies ist die Verräterei, welche diese Priester des Chnub in der Feste Jeb begangen haben,
- 4 gemeinschaftlich mit....., der hier Befehlshaber war. Geld und Gut haben sie ihm gegeben! Es gibt einen Teil
- 5 von..... des Königs... Festung..... und eine Mauer [baute er?] in die Bresche der Festung Jeb hinein.

b.

- 1 Nun ist jene Mauer in die Bresche der Festung hineingebaut.—Da gibt es einen Brunnen, der gebaut ist
- 2 in der Festung, und an Wasser fehlt es ihm nicht, die Garnison damit zu versorgen, derart, dass wenn sie selbst ein «Haufe» sein sollte,
- 3 sie aus jenem Brunnen Wasser trinken könnte. Nun haben jene Priester des Chnub jenen Brunnen verschüttet. Wenn zuverlässige Nachricht
- 4 seitens der Richter, der Polizeibeamten und der Geheimagenten, die in der Südprovinz beamtet sind, gegeben wird (oder werden sollte),
- 5 dann wird sie (die Nachricht) sich unserem Herrn als übereinstimmend mit dem herausstellen, was wir gesagt oder klar ausgesprochen haben» ¹⁾.

Считаемъ также нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующія дополненія:

Къ гл. 1-й, V: Объ арамейскомъ, какъ о международномъ языкѣ передняго Востока въ эпоху Ахеменидовъ, см. еще въ недавно появившейся работѣ Streck'a—*Über die älteste Geschichte der Aramäer, mit besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse in Babylonien und Assyrien* въ «Klio. Beiträge zur alten Geschichte», VI, Heft 2, p. 223.

Къ гл. 2 ой. А, 3: duškart. — Во второмъ переработанномъ изданіи 1-й части II-го тома *Grundriss*'а Бругмана и Дельбрюка (Strassburg, 1906) приведеннымъ у насъ мѣстамъ 1-го изданія II тома (§§ 14, 23) соответствуетъ § 32, с (p. 71).

¹⁾ Переводъ послѣдняго предложенія, какъ заявляетъ Лидзбарскій, сдѣланъ согласно указаніямъ Андреаса.

Къ гл. 2-ой. А, 4: 𐎧𐎠𐎧𐎠 (?).—Въ началѣ этого отдѣла допущена нѣкоторая неточность въ изложеніи, требующая исправленія. Именно, мы должны отмѣтить, что данную форму проф. Эйтингъ (какъ видно изъ приведенной у насъ цитаты) сопоставляетъ собственно не съ формою *gravartak*, но «פרורק», т. е. держится относительно вида этой средне-персидской формы (*d* вм. *r*) взгляда, высказаннаго проф. Nöldeke въ *Z. D. M. G.*, XLVI, p. 139 (и вызвавшего исправленіе проф. Hübschmann'a, *ibid.*, p. 326).

Къ гл. 2-ой. В, 4: *gōšak*.—Въ второмъ изданіи 1-й части II-го тома *Grundriss'a* Бругмана и Дельбрюка приведенному мѣсту: II, p. 257 sq. — соответствуетъ § 381, p. 498 sq.

Въ статьѣ египтолога проф. Spiegelberg'a — *Ägyptisches Sprachgut in den aus Ägypten stammenden aramäischen Urkunden der Perserzeit* (въ посвященномъ проф. Th. Nöldeke сборникѣ *Orientalische Studien*. Giessen, 1906, и отдѣльно) — мы находимъ занесенными также и соответствующіе факты нашего папируса; см. з. н. н. 60 (𐎧𐎠𐎧), 79 (𐎧), 82, а также специальную рубрику: «Das aramäische Transkriptionsalphabet der Perserzeit» (p. 1113 sq. = p. 21 sq. отд. изд.).

Евангеліе Никодима.

(Грузинскій апокрифъ изъ Цагерскаго сборника XVI в.).

Евангеліе Никодима, какъ видно изъ словъ грузинскаго текста, переведено съ греческаго языка. Снабдивъ грузинскій текстъ русскимъ переводомъ, мы присоединили подстрочныя примѣчанія и въ концѣ нѣскольکو замѣчаній, выясняющихъ, въ какомъ отношеніи находится нашъ памятникъ къ извѣстнымъ редакціямъ „Евангелія Никодима“.

დიდსა პარასკევსა საკითხავ ვნებისათჳს და სიკუდილისა მოსაკანთებელი
მაცხოვრისა ჩნისა იჲ ჩუი, თჳსული ანანია მზარაელისაჲ. მამარ ზახნ
ოჲ იჲ ჟე ლო ჩუო ჟნ ჩნ.

რამეთუ ვცან უჲ ჩნისა იჲ ქსი წიგნთაგან სწოთათაჲ და სარწმუნოებით გულმოდ-
გინედ ვისწრაფენ და აღესწერენ მოსახსენებელნი, რაჲ იგი თქუეს ჰრიათა ღუთისათჳს
პონტიელისა პილატესზე მსაჯულისაჲ, რომელ იგი აღწერა ნიკოდიმეოს წიგნითა
ებრაელთა, ხოლო მე გარდმოვწერე წიგნითა ბერძულთაჲ საც-
ნობელად ყთათს.

ანაჲ და კაიფაჲ, სუმეს და დიოდან, გამალიელ და იუდაჲ, ლევ და ნეფთალი,
მალექსანდრე და იაროს და სხუანთა ჰრიათაგან მოვდეს პილატესსა იჲსთჳს და შეას-
ენდეს მას, მრავალთათჳს საქმეთა მისთა და იტყოდეს ესრეთ:

ჩნ ვიცით იოსებისა ზუროსა მის ძედ და მარიამისგან შობილად და იტყვს თავსა
თჳსსა ძედ ლჲ და მფედ, არა წთუ ამასოდენ იტყვს, ან შაბათსაჲ შეაგინებს და მა-
მულისა ჩნისა ზგულისა ჰნებაჲს დარღუებაჲ.

ქაჲ მთ პილატე: რაჲ არს რლსა იქმს, რლ ჰნებაჲს დარღუებაჲ, ჰრქუეს
ჰრიათა მათ: ჩნ ზგული გუაქეს, შაბათსა შა არა ჯერ არს კურნებაჲ.

წ ესე მკელობელთა და ბრმათა, კეთროვანთა და ეშმაკეულთა და განრღუპულთა
განჰკურნებს დღესა შაბათსაჲ და ბელზებლითა ეშმაკთმთაერთა განასხმნ ეშმაკთა? და

ყოველნივე მისდა დამორჩილებულ არიან. ჰრქუა მათ პილატე: ესე არა, არაწისა სულითა განასხამს ეშმაკთა, არამედ ღუთისაგან ლეოპილისსა. ჰრქუეს ჰრიათა მათ პილატეს: ვევედრებით აწ შენსა კელმწიფებასა, რათა წარმოადგინო იგი აწ საყდარსა შენსა წე და სმინო მისი. რქუა მათ პილატე: და ვითარ შემძლებელვარ მე ვარა ი განკითხუად მეუფისა?—ჰრქუეს ჰრიათა მათ პილატეს: ჩუენ არა ვტყვთ მას მეუფედ, არამედ თაით თვსით იტყვს. მოუწოდა პილატე ერთსა პასენაგსა—მიუტლ, მშვდობით გამოიყვანე იკ. და ვრ მივიდა პასენაგი იხილა, იცნა იგი და თაყუანისცა მას პდ, მოიღო ოლარი, რლი აქნდა ხელთა მისთა და დაუფინა ქანასა და ჰრქუა ამას: ოვფალო ამას ზა შემოედ, რ გხადის შენ ვარა ი. ხ ჰრიათა მთ ვა იხილეს, რაჲ იგი ქმნა პასენაკმან მან, ლაღადებდეს პილატეს პრთ და იტყოდეს: რად არა სეფე კაცთა ბრძანე შემოყვანება მისი, ად პასენაკისაგან? რ ვა იხილა პასენაკმან მან თაყუანისცა მას და მოიღო ოლარი მისი, რი აქუნდა კელთა მისთა და დაუფინა ქანასა და ჰქვა: ო, ამას ზა შემოდევ, რ გხადის მსაჯული. ხოლო პილატე მოუწოდა პასენაკსა მას და ჰრქუა: რაჲ ყავ ესე, რასა იტყვან ჰრიანნი ესე? ხ პასენაკმან ჰრქუა პილატეს: ო, ოდეს იგი მიმავლინე მე იბრუსალიმ, უბანთა ზა ვიხილე ეგე მჯდომარე ვირსა ზა, ღყრმანი ებრაელთანი ლაღადებდეს და რტოები ზეთის ხილთა აქუნდა კელთა მათთა.

და რლი დაუფენდეს სამოსელსა მათსა და იტყოდეს—გუაცხოვნენ ჩნ რლი კარ მაღალთა შინა, კურთხეულ არს მომავალი სახელითა უფლისაჲთა. ლაღადჰყუეს ჰრიათა მათ და იტყოდეს: ებრაელნი ებრაელ ებრკმობდეს და შენ ვითა სცნობდი ამას, რ არა იცი შენ ებრაელებრ. ჰრქუა მათ პასენაკმან: მუნ ვკთხე ვისმე მათგანსა და ვარქუ: რაჲ არს, რასა კმობენ ყრმანი ესე ებრაელნი? და მან მითხრა: ოსანაჲ! ესე სიტყვაჲ—ესრე არს: გუაცხოვნენ ჩნ. ჰრქუა მას პილატე: ებრაელემრ ვრ კმობდესა? ჰრქუეს მას ჰრიათა მათ: ოსანაჲ. ჰრქუა მათ პილატე: ოსანა ვრ გამოითარგმანების. ჰრქუეს ჰრიათა მათ: გუაცხოვნენ ჩნ. ჰრქუა მათ პილატე: უკეთუ თქულნ ეწამებით კმასა მას, რასა იგი ყრმები იტყოდეს, პასენაკმან მან რაჲ ცოდაჲ? ხ იგინი ღუმნეს. ჰრქუა პილატე პასენაკსა მას: წარვედ და რაჲთაჲ სახითა გენებოს, შემოიყვანე იკ. ხ პასენაკი იგი ვრ გამოდა, ყო პირველსაებრვე სახისა და ჰქა იკს. ო ო, შემოვედ, რამეთუ გხადის მსაჯულ. და ვრ შემოვიდა იკ, მუნ ეპყრნეს ღრაუჯნი იგი პილატესნი და მოდრკეს ძელნი იგი ღრაუჯთანი. და თაყუანისცეს იკს. და ეტყოდეს ჰრიანი მათდა მიმართ, რლითა ეპყრნეს ღრაუჯნი იგი: რასათვს მოსდრიკენით ძელნი იგი ღრაუჯთანი. ხ პილატე ჰქა მათ: არა გიკვრსა, ვრ იგი მოდრკეს ძელნი იგი ღრაუჯთანი, თაყუანისცეს იკს. და თუ კმობთ მათდა მიმართ, რთა უპყრიან ღრაუჯნი იგი, იტყვთ ვითარმედ მოდრკეს ღრაუჯნი იგი და თაყუანისცეს იკს. ეტყოდეს ჰრიანი იგი პილატეს და ჰქს: ჩნ უწყით ვლ მოდრიკნეს, რთა ეპყრნეს ღრაუჯნი *) იგი. ჰქაჲ მათ: რასა ჰყავთ ესრეთ. ხ მათ ჰქს პილატეს ჩნ კაცნი წარმართნი ვართ და მსახურნი ტაძრისანი და ვითარმცა თაყუანის ვეცით მას. ხ ჩნ ვითარ გუტყრნეს ძელნი იგი ღრაუჯთანი, თავთ თვსით მოდრკეს და თაყუა-

*) Слово это встречается и въ другой транскрипціи: ღრაუენი.

ნისცეს მასა“. ჰქა პილატე მთავართა კრებულისათა და მოხუცებულთა ერისათაჲ. გამოჩინით თქუპნგანნი კაცი მხნენი და ძლიერნი ძალითა და იპყრენით დრაუჯნი იგი. უკეთუ მოდრკენ თავით თვსით და თაყუანისსცენ ივს. ხოლო მოხუცებულთა მათ ჰრიათა გამოიჩინეს კაცი მხნენი და ძლიერნი ძალითა ექუს ექუსთა პყრობად სცეს დრაუჯნი იგი, და დადგეს წე საყდართა მსაჯულსათაჲ. ჰქა პილატე პასენაკსა მას: „განიყვანე ივ ტაძრით და შემოიყვანე ვითარ სახედცაგნებაეს. და გამოვდა ივ ტაძრით და პასენაკი იგი მისთანა. და მოუწოდა პილატე, რთა ეპყრნეს დრაუჯნი იგი. და ბუნნი იგი დრაუჯთანი. პდ ჰქა მთ.: გეფუცები ცხოვრებასა კეისრისასა, უკეთუ არა მოდრკენ აწ დრაუჯნი ესე შემოსლვასა ივსსა, თავნი თქნნი აღვხუენე თქნენით“. და ბრძანა შემოყვანება ივსა. და პასენაკმან მან ყო პირველვე იგი სახე. და ფდ ევედრებოდა ივს, რამცა შეუდგა ოლარსა მს ზა. და შეუდგა ივს და შევიდა ტაძრად. ხოლო შესლვასა მას მისსა კდ მოდრკეს დრაუჯნი იგი და თაყუანის სცეს ივს. ხოლო პილატე ეა იხილა, შეეშინა ფდ და უნდა აღდგომა საყდრით და ერ განოდენი ზა ხვდა, ცოლმან მისმან მოაგლინა მისსა და ჰქა: რაჲ ძეს შენი და კაცისა მაგის მართლისა, რ ფდ მევენო მე მაგისთვის ამას ღამესაჲ. ხოლო პილატე მოუწოდა ჰრიათა მათ და ლევიტელთა და ჰქა მათ: თქნ თვთ უწყით, რ ცოლი ჩემი ღვთის მსახურ არს ფდ, და უფროსდა ჰრიაობს *) თქნთანა. ჰრქს მას: უწყით, რ ეგრეთ არს. ჰრქაჲ მათ პილატე: ესერა მომივლინა და მრქაჲ მე ცოლმან ჩემმან, ედ რაჲ ძეს ში და მართლისა მაგისი, რ ფდ მევენო მე მაგისთვის მას ღამესაჲ.

მიუგეს ჰრიათაჲ მათ და ჰრქუს პილატეს: არა გარქუთაჲ, ედ მაცთური არს ეგე, ესერა სიზმარიცა მაჩუპნებელი მიავლინა ცოლისა შენისა. ხოლო პილატე მოუწოდა ივს და ჰქა: რასა ესენი შეგწამებენ შენ, შენ რასა იტყვ? ივს ჰრქაჲ მათ: უკეთუმცა არა აქნდა კელმწიფებაჲ, არამცა იტყოდეს. ხოლო აწ კაცად კაცადსა აქუს კელმწიფება პირსა თვსისა სიტყვაჲდ კეთილისა და ბოროტისა, მაგათ იციან, რასა იტყვან.

მიუგეს მდღელთმოდღვართა მათ და ჰრათა და ჰქს მას: ჩნ რაჲ ვიხილოთ? პდ სიძვით შობილზარ; მეორედ შობასა შენსა ბეთლემს ყრმათა სრაცა იქმნა; მესამედ რ მამა შენი იოსებ და დედა შენი მრმ ეგვპტელ ივლტდეს ამისთვის; რ არა აქუნდაჲ განცხადებულება ერსა შორის.

იტყოდეს რწიმე მუნ მდგომარეთა მათგანნი კაცი ღწმოყვარენი: ჩნ არა ვიტყვთ მაგას ბოროტის მყოფელად, ად არი კეთილისმოქმედად. მიუგო პილატე ჰრიათა მათ და ჰრქაჲ, რწნი იტყოდეს ედ ბოროტის მოქმედ არს: ესე სიტყუაჲ თქვენი არს ჰეშმარიტ, უკეთუ სათხოველ იქმნა, ერ ესე იტყვან თქნგანივე? ჰქს ანნა და კაიფაჲ ესე ყი სიმრავლე ერისა ეგვობთ და შენ არა გრწამს, ედ არა კეთილ არს ესე, ხოლო ესე მწირნი არიან და მოწაფენი მაგისნი. მიუგო პილატე ანნას და კაიფას: რაჲ არს მწირობა იგი? ჰქს მას: წარმართთა შვლნი იყვნეს და აწლა იქმნეს ჰრია. მიუგეს და ჰქს, რწნი იგი იტყოდეს, ედ არა ბოროტის მოქმედი არს—ლაზარ და ასტერი, დანატონ, იაკობ,

*) *ισαβηλ*.

მანასე, ზერას, სამოელ, ისაკ, ფინეზ, კრისპა, აგრიპა, იუდა: ჩნ არა მწირთაგანნი ვართ, ად ჰრინი ღ სამართალსა ვიტყვთ: ესე არს ჭტდ ცხოვრება ყოვლისა სოფლისაჲ.

ჰქაჲ პილატე ათორმეტთა მათ კაცთაჲ, რნი იტყოდეს, ედ ესე არს ცხოვრება სოფლისაჲ: გაფუცებ თქვენ ცხოვრებასა კეისრისასა, უკეთუ ჭტდ არს რი იგი სთქუთ, კეთილ არს ყითურთ. ჰქს მათ პილატეს: ჩნ სჯული გუაქს, ნუ ვინ ფუცავენ ცუდად, რ ცოდვაჲ არს ღიდი. მაგათ ფუცონ ცხოვრებასა კეისრისასა, ედ არა ეგრეთ არს. რლსა ესე ჩნ ვიტყვთ, ღ თანამდებ ვართ სიკუდილისაჲ. ჰქა პილატე ანნას ღ კაიფას: არას მიუგებთაჲ ამისთვის? ჰქა ანა ღ კაიფაჲ პილატეს „თორმეტთა საჩინოჲ ღ სარწმუნო გიჩნს, რ იტყვან ედ არა ბოროტისმოქმედი არს ღ ჩნ ყი ესე კრებულ ვლადებთა, ედ წინააღმდეგობი არს მეუფე ეგე კეისრისა ღ იტყვს თავსა თვსსა ძედ ღმდ ღ მფდ ღ არა გრწამს ჩნი. უბრძანა პილატე გამოსლვაჲ მათი თვნიერ ათორმეტთა მათ კაცთა, რთა იგი თქს ედ ჭტმაჲ არს ყთა ღ ივსიცა უბრძანა განშორება მათგან ღ ჰქა ათორმეტთა მათ პილატე: რისა საქმისა თვს უნებს მოკლვა ივსი? — „შური აქს, რ შაბაჲთსა ჰკურნებს. ჰქა პილატე: კეთილისა საქმისათვს ჰნებაჲს მოკლვა მისი? ჰქს მას: ცე.

ალიესო გულის წყრომითა პილატე ღ გამოვდა ტაძრით: მოწამე არს ჩემდა მხე, რ არცა ერთსა რას ბრალსა ვპოვებ შე კაცისა ამისთანა. მიუგეს ჰრიათა მათ ღ ჰქს პილატეს: უკეთუმცა არა ბოროტისმოქმედი იყო, არამცა მიგეციოთ იგი კელთა შენთა. ჰქა მათ პილატე: მიიყვანეთ ეგე თქნ ღ სჯულითა თქნითა განიკითხეთ ეგე. ჰქს ჰრიათა მათ: ჩნი არა არს მოკლვა არავისი. ჰქა პილატე ჰრიათა მათ: თქნ გაქუთ არავისი მოკლვა. ად შევიდა პილატე ტაძრად. ღ მოხალა ივს ღ ჰქა მხ: შენ კარაჲ მფე ჰრიათა? მიუგო ივს ჰქა პილატეს: შენ თავით თვსით იტყვ მაგას, ანუ სხუაჲთა გითხრეს ჩემთვის? მიუგო პილატე ღ ჰქაჲ: ნუ უკვემცა ურია ვარია? ად ნათესავთა შენთა ღ მღდელთ მოძღვართა მომცეს ეგე შენ, რაჲ გიქმნიეს? მიუგო იესო ღ ჰქაჲ მას: მეუფებაჲ ესე ჩემი არა ამის სოფლისაგანი იყო. უკეთუ ამის სოფლისაგანი იყო, უკეთუ ამის სოფლისაგანი იყო, მსახურნიცა ჩემნი ილუწიდეს ჩემთვის, რათამცა არა მივეცი კელთაჲ ჰრიათასა. აწ მფბა ჩი არა არს ამიერ სოფლით. ჰქაჲ პილატე ივს: უკეთუ მფბ კარ შენ? ჰქაჲ მას ივს: შეხ იტყვ, ედ მფბ ვარმე, მე ამისთვის შობილ ვარ ამისთვის მოვედ სოფლად, რ ყი რომელ იყო ჰებმარიტებისაგან, ისმინოს კმისა ჩემისა. ჰრქეა მას პილატე: ღ ქყანასა ზა არსა ჰეშმარიტებაჲ? ჰქაჲ ივს პილატეს: ჰხედავაჲ, რლნი ჰეშმარიტებასა იტყვან, ვრ განიკითხვან, რლთა აქს კელმწიფება ქყანასა ზა. ღ დაუტევა ივს ტაძრსა შა ღ პილატე გამოვდა გარე ღ ჰქაჲ ჰრიათა მათ: მე არცა ერთსა ბრალსა ვპოვებ ამისთანა. ჰქს ჰრიათა მათ: მაგან თქუა შემძლებელ ვარ მე ტაძრისა ამის დარღუპვად ღ მესამესა დღესა აღშენებად. ჰქა მათ პილატე: რი ტაძარი? ჰქს ჰრიათა მათ: რი სოლომონ აღაშენაჲ ორმოც ღ ექუსსა წელსა, იგი იტყოდა დარღუპვად ღ აღშენებად მესამესა დღესა. მერმე კდ ჰქა ჰრიათა პილატე: უბრალო ვარ მე სისხლისა ამისგან უბრალოსა, თქნ უწყით. ჰქს ჰრიათა მათ სისხლი მაგისი ჩნ ზა ღ შვლთა ჩნთა ზა.

მოუწოდა პილატე მდღელთა და ლევტელთა და მოხუცებულთა ერისათა და ჰქაჲ მთ: თჳსაგან, ნუ ეგრე იქმთ, რა არა რაჲ არს შესმენა იგი მისი თანამდებ სიკუდილისაჲ, რა შესმენა თქნი მისა მიმართ არს განკურნებისათჳს და შეგინებისათჳს შაბათისაჲ. ჰქს პილატეს მოხუცებულთა მათ, მდღელთა და ლევტელთა: უკეთუ ვინმე კეისარი აგინოს თანამდებ არს სიკუდილირა.

ბრძანა პილატე ჰრიათა მათ გამოსლვა მათი ტაძრით და არა აგინა, თანამდებ ბარსა სიკუდილისაჲ?

ჰქს ჰრიათა პილატეს: რა კეისარსა ვიტყვთ გმობად, თანამდებარს სიკუდილისაჲ. მაშინ მოუწოდა პილატე ივს და ჰქა: რაჲ გიყო შენ? ჰრქაჲ მას ივს: ესრეთ მოცემულ არს შენდა და ჰქაჲ პილატე ივს: ვრ მოცემულ არსა? ჰრქაჲ ივს მოსე და ყნი წინასწარმეტყველნი წინათვე ქადაგებდეს სიკუდილისა ჩემისათჳს და აღგომისდა ჩემისათჳს.

ესმა ესე ჰრიათა მთ, ჰქს პილატეს ამის გმობისა უფროსი რა გნებავს სმენად? ჰქა მათ პილატე უკეთუ სიტყუ ესე გმობისა არს, მიიყვანეთ ეგე თქვენ და სჯლისა თქვენისაებრ განიკითხეთ ეგე. ჰქს მათ პილატეს: სჯულსა ჩნსა წერილ არს, კაცმან კაცსა თუ შესცოდოს წერილ არს, რა სცენ მას ოც და ცხრამეტი შალტითა; ხ რა ღნ და გმოს ქვთაჲ განიტვნოს. ჰქა მათ პილატე: მიიყვანეთ ეგე თქვე და ვრ სახედ გნებავს, ეგრეთა ყავთ. ჰქს ჰრიათა მათ პილატეს რა გუენებავს, რათ აჯვარს ეცვას. ჰქა მათ პილატე: არა წერილ არს ჯრცმა მისი. მიმოიხილა პილატე ერსა მას შორის ჰრიათასა, რაი დგა მუნ და ხედვიდა, რა მრავალნიცა მათგანნი ცრემლედეს ივსთჳს და თქა პილატე: არა ყთა უნებს სიკუდილი მისი. ჰქს მდღელთ მოძღვართა მათ პილატეს ამისთჳს მოდიოთა ყი ესე ერისა სიმრავლე, რა მოკუდეს ეგე. ჰქაჲ მათ პილატე: რასათჳს მოკუდეს? ჰქს ჰრიათა მათ: რა თქა, ვდ ძე და ვარიმე და მფუ.

წარმოდგა კცი ვინმე სახელით ნიკოდიმოს წე პილატესსა და თქვა: ვევედრები შენსა კელმწიფებასა, მიბრძანე მე თქმაჲ სიტყუათა მცირეთა: ჰქაჲ პილატე იტყოდე. და თქა ნიკოდემოს. მე ვარქუ მოხუცებულთა მდღელთა და ლევტელთა და ყა ამას სიმრავლეს ჰრიათასაჲ შესაკრებელსა შინა მათსა-რამსა ეძიებ კაცისა მისთანა? კაცმან ამან მრავალნი სასწაულნი ქმნა მიუწოდებლნი და საშინელნი, რომელ არა სადა ვინ ქმნა სხუამან, და არცა ვინ ქმნეს. დაუტევეთ ეგე და ნუ ზრახავთ მაგისთჳს ბოროტსა უკეთუ ღთჳ არიან სასწაულნი ეგე მისნი, რომელთა იქმს დაემტკიცოს, და უკეთუ საცთურ არიან—დახსნდენ. რამოსე მიივლინა დაგან ეგვპტელ წე მეფისა მის მეგვპტელთასა და იყვნეს მუნ კაცი, რომელნი ჰმსახურებდეს ფარაოს იანე და იამბრე, მათცა ქმნეს სასწაულნი, რაცა ქმნა მოსე არა მცირედნი და ეგრეთ ხედვიდესა მეგვპტელნი იგი იანეს და იამბრეს ეა ღთთაჲ. ხ სასწაულნი იგი, რა ქმნეს, არა ღვთიე იყვნეს და წარწყმდეს იგინი და მორწმუნენიცა მათნი აწ დაუტევეთ კაცი იგი, რა არა ბრალეულ არს სიკუდილად. ჰქს ჰრიათაჲ ნიკოდემოს: შენ მოწაფე იყავ მისი და სიტყუაჲსა ამას მისთჳს იტყი. მიუვო ნიკოდემოს და ჰქა: ნუ უკუჲ მსაჯულიცა მოწაფე იყო ამისაჲ და მის წილ სიტყუაჲსა იტყვს? არა კეისარმან დადგინა ამას პატივსაჲ? ხ ჰრიათა მათა გულწყრებითა ნიკოდემოსისთჳს და კბილთა მათთა იღრპენდე მს ზა. ჰქს არიათა

მათ ნიკოდიმოსს: კტაბა მისი მიიღე შენ და ნაწილიცა მისი მიგიღებოც მისთანა. ჰქმ ნიკოდიმოს. ან ან იყავნ, მოვილოვო თქუთ. კდ სხუა წარმოდვა და ეკლერებოდა მსაჯულსა რა მანცა თქს სიტყუა; ხ მსაჯულმან თქა: რაცა გნებავს იტყოდე. და თქა კაცმან: მე ოცდაათრემეტი წელი დამეყო ცხედარსა ზა და დიდსა საღმრთასა შინა ვიყავ, და მოვიდა ივ და მრავალნი ეშმაკეულნი და მრავალთა სახლთა სნეულნი მღებარენი განიკურნეს მისგან. და მეცა რომელთამე კაბუკთა შემიწყალეს და აღმიღეს ცხედრით და მიმიღეს მისსაჲ. და ენა მიხილ მე თვ, შემიწყალა მენც სიტყვთ, მრქუა—აღდე, აღილე ცხედარა შენი და ვიდოდე—და მუნ თქუბხუბ განიკურნე. და აღვილე ცხედარი ჩი და ვილოდე. ჰქუბს ჰრიათა მათ პილატეს ჰკითხელა მაგას, რაჲ დღე იყო, ოდეს განიკურნა? ჰქუა პილატე კაცსა მას: რლსა დღესა განიკურნე? ჰქმ განკურნებულმან მან—შაბათსა. ჰქს ჰრიათაჲ პილატეს—არა გითხართა შენ, ედ შაბათსა განკურნებსა და ეშმაკთა განასხანს? და სხუაჲ ჰრიაჲ წარმოდვა და თქა: მე ბრმა ვიყავ და კმაჲ მესმოდა და პირსა არა ვხედვედი. და ვრ წარმოვიდოდა ივ, ღალადეყავ კმითა დიდით და ვარქუ: შემიწყალე, მე ძველ დავითისო! შემიწყალამე და მსხნა კელნი მისნი თუალთა ჩემსა და მუნთქასსე, აღვხილენ. და ედ სხუაჲ წარმოდვა და თქუა: მე მკვლელი ვიყავ. სიყრმით ჩემითგან და განმკურნა მე სიტყვთ. და დედა კაცი ვინმე შორით ღალადებდა და იტყოდა: წილოვარ ვიყავ ათორმეტ წელ და შევეხე ფესუსა სამოსლისა მისისასა და დადგომლინარე იგი სისხლისა—ათორმეტისა წლისა. ჰქს ჰურიათა მათ ჩნ სჯული მაქუს დედაკაცი წამებად ნუწარმოდგებიან.

და სხუანი მამანი და დედანი ღალადებდეს და იტყოდეს: ესე კაცი წინასწარმეტყუპლი არს, ეშმაკნი დამორჩილებულ არიან. ჰქა მათ პილატე: რასათვს ნოდლუარნი თქნი არა დაემორჩილნეს მას? ჰქს მას: ჩნ არა უწყით და სხუანი იტყოდეს ღაზარე ოთხისა დღისა მკუდარი აღადგინა. შეეშინა მსაჯულსა მას ფდ და ჰქა ენა მას სიმრავლესა ჰრიათასა: რასათვს გნებავს დათხევა სისხლისა უბრალოსა? და მოუწოდა პილატე ნიკოდემოსს და ათორმეტთა მათ, რთა თქს, ედ არა ბოროტის მყოფელი არს ქე, ჰქა მათ: რაჲ უყო, რ შფოთი დიდი იქმნების ერსა შორის?—და ჩნ არა უწყით, მათ იხილონ რასა იქმან. ჰქა პილატე სიმრავლესა ჰრიათასა უწყი, რ ჩუბულედა არს დღესასწაულსა ზატიკობისა ერთი პყრობილთაგანი განტევებად; მაქს ერთი დასჯილი საპყრობილესა შა კაცის მკულეელი, რლსა ჰრქვან ბარაბა და მდგომარე შს თქნსა ივ, რლსა თანაბრალი არა არს. აწ ვისი გნებავს მიგმადლო და განუტევეო?—ხოლო მათ ჰქს მას: ბარაბა. ჰქა მათ პილატე—რაჲ უყო ივს, რლსა ჰქნ ქე?—ჯუ.რსაცუ. და რომელნიმე ჰრიათაგანნი იტყოდეს, უკეთუ ეგე განუტევეო, არა კარ მოყვარე კეისრისაჲ, რ თქვა თავისა ძე ღჲ ვარი მეგო და მეუფს, ამისთვის ვიდრემე გუნება ვს მეუფებაჲ და არა კეისრისათვს, განრისხნა პილატე და ჰქა მათ ნათესავი თქენი მარადის მაშფოთებელი არს და შემწეთა თქნთა წინააღუდეგებით. ჰქს პილატეს, რთა შემწეთა იტყვ? ჰქა მათ პილატე: ღნ თქუბმან მონებისაგან ფიცხელისა გამოგიყვანნა თქნ ეგვპტით და შს ზღასა გიძლოდაჲ თქნ, ენა ხველსა და უდაბნოთა ზა გამოგზარდნა თქნ, მანანაჲ და მწყერ მარხილი მოგცა თქნ საკმლად და კლდისაგან წყალი გამოგიდინა თქნ სასუმლად, და სჯული მოგცა თქნ და ამას ენა ზა განარასხეთ ღთი

იგი თქნი და ქმენით ხო შებერული, და განარისხეთ ღი თქნი. და ევედრა მოსე თქუპნთვს და არა მოგსრნა და აწ ძვრსა იტყვოთ ჩემთვის, ედ მეფე მძულს მე. ღალადებდეს ჰრიანი იგი და იტყოდეს: ჩნ მეფედ არა ვინ ვიციოთ გარნა კეისარი და ივს მოგუთაცაჲ ძლუპნი მოარულს აღმოსავალთათ, ენა მეფესა. და ესმა ჰეროდეს მოგუთა მათგან, ედ მეფე იშვაჲ და უნდა მოკლვა მისი. ცნა იოსებ მამამან მისმან და წარიყენა იგი და დედა მისი და ივლტოდა ეგვტედ. ესმა ჰეროდეს და მოსრა ყრმები ებრაელთა, რნი შობილ იყვნეს ბეთლემს. და მოითხოვა წყალი და დაიბანა კე: ნი წე ივსა და ყვსა ერისა და ჰქაჲ მათ: უბრალომცა ვარ მე სისხლსა ამის მართლისა, თქუპნ უწყით. ედ ღალადებდეს ჰრიანი იგი და ეტყოდეს პილატეს: სისხლი მაგისი ჩნ ზა და შვილთა ჩნთა ზა იყავნ. მაშინ ბრძანა პილატე ეზოსა მის წარმოტევაჲ, რი გენებაჲ წე საყდართა და მისთა და დაჯდა.

განჩინება პილატისი სიკუდილისათჳს ივსაჲ.

ნათესავთ შენთა თქს შენი მეუფებაჲ. ამისთვისცა განჩინა შენი სიკუდილი; და მაშინდა ცემა შოლტითა მისი სჯულსათჳს უძლეველთა მეფეთასა: მაშინ ბრძანა დამოკიდება მისი ჯნ მტილსა მისთა და ორთა მათ ავაზაკთა თა. და ოდეს გამოვდაჲ იგი ადგილსა მას, განძარტუს მას სამოსელი თვისი, შემოსეს მას ძოწეული და გვრგვნი ეკლისა დაადგეს თავსა მისსა და ორნი ავაზაკნი დამოკიდნეს—ერთი მარჯუპნიით მისსა და ერთი მარცხენით.

ხ ივს იტყოდა—მამაო მიუტევე ამათ, რ არა იციან, რასა იქმნ და განიყოფდეს სამოსელსა მისსა ერის ვაცნი იგი. ხ ერი დგა და ხედვოდაჲ. და თლ უყოფდეს მღელთ მოძღვარნი და მთავარნი მათნი და იტყოდეს — სხუადნი აცხოვნნა, ეცხოვნივე თავიცა თვისი, უკეთუ ძე ღჲ არს და რჩეული მისი. ეკიცხევდეს მას ერის კაცნი იგი და გარემოვდოდეს მისსა და ძმარი მიუპყრეს და ეტყოდეს, უკეთუ შეხ ხარ მეუფს ჰრიათა, აცხოვნენ თავითვისი. ოვბრძანა სიკუდილსა განჩინებისა შდ პილატე ფიცარსა რვალისასა დაწერად ბრალი მისი წიგნითა ბერძულითა და ებრაელებრაევითა ენა თქს ჰრიათა მათ, ედ მფე არს ჰრიათაჲ. ერთმან ავაზაკმან, რი დამოკიდებულ იყო მისთანა, რლსა სახელი ერქვაჲ გესპას, ჰრქუაჲ მას: უკეთუ შენ კარ ქე, აცხოვნენ თავი შენი და ჩნცა. მიუგო მოყუაჲსმან მისმან, რომელსა სახელი ერქუაჲ დომაქსი, შერისხნა და ჰქა მას: არა გეშინის შენ ღჲ: არ მასვე სასჯელსა შინა კარ. და ჩნ სამართლად მოგუტგების, რაცა ექმენით და სამართლად გუტენების, ხ ამან რაჲ ჰქმნა უჯერო? და იტყოდა რი იგი შერისხნა მოყვასსა თვისსა: მომიხსენე ო, ოდეს მოხვდე სუფევეთა შენითა. ჰქა მას: ივ მართლიად გეტყვ, დღეს ჩემთანა იყო სამოთხესა.

ხ ეამი იყო მეექუსე და დაბნელდა ეე მეცხრედ ეამადმდე და მზე მოაკლდა, და განიპო კრეტსაბმელ ტაძრისა მის შუაჲ და კმა ყო ივ კითაჲ დიდითა და თქაჲ: ობია დაქემი ფირლო, რო გამოითარგმანების: მამაო კელთა შენთა შევედრებ სულსა ჩა. და ესე ენა თქა, აღწოუტევა სული ჰესე. ენა იხილა ასისთავმან მან, აღიღებდა ღა და

იტყოდა: ჰტდ კაცი ესე მართალი იყო. ჰ ყელნი, რლნი მოსრულიყვნეს ზედვად მისსა, იტყოდეს მკერდსა მისსა ჰ გარეშოიქცევოდეს. ხ ასის თავმან მან ეა იხილაჲ, მივდა ჰ უთხრა მსაჯულსა, რაჲ იგი იქმნა. ჰ ეა ესმა მსაჯულსა მას ჰ ცოლსა მისსა შე-წუხნეს ფდ ჰ არა ჰამეს ჰ არცა სულს მას ღლესა შა. მოუწოდა პილატე ჰრიათა მათ ჰ ჰქა: იხილეთ რა ესე იქმნაჲ? მოკლება მისა იქმნაჲ, ეა ჩუტულება არს. ჰ მუნ ღგეს ყლნი მეცნიერნი მისნი ჰ ღედანიცა, რნი აღმოსრულ იყვნეს გალილიათ მისთანა ჰ ზედვიდეს მას. ჰ მოვდა კაცი ერთი, რლსა სახელი ერქვა იოსებ სახიერი ჰ მართალი, ესე არა მისთანა იყო ზრახვასა მას ჰ საქმესა მათსაჲ, რ იყო იგი არა მათიელი ქალაქისაგან ჰრიათასა, რ იგიცა მოელოდა სასუფეველსა ღმს, ესე მოვდა ჰ ევედრება და პილატეს ჰ მოსთხოვნა კორცნი იკსნი ჰ გარდამოიხუნა ჰ წარგარაგნა ჰ დასხნა იგინი საფლავსა მას გამოკუთილსა, რლსა არა სადა ვინ დადებულ იყო, ეა ესმა ესე ჰრიათა, ედ კორცნი იესოსნი გარდამოიხუნა იოსებ, ეძიებდეს მას ჰრიათი იგი, ჰ ათორმეტთა მათ ჰ ნიკოდემოსს ჰ სხუათაჲ მრავალთა, რლნი წარმოდგეს პილატეს წე ჰ წამეს სასწაულნი იგი იკსნი ჰ გამოცხადნეს, ერ ენი დაემალნეს. ნიკოდემოს ხ ერუშნა მათ ჰ კაცი იგი იყო მთავარი ჰრიათა შს ჰ ჰქა მათ ნიკოდემოს: ერ მოხუდლით შესაყრებელსა? ჰქს მას ჰრიათა მათ: შენ ერ მოხუდლ შესაყრებელსა, რ იკს თვალ იყავ ჰ ნაწილიცა მისთანა გაქუს მერმესა მას საუკუნესა. ჰქა მათ ნიკოდემოს: ან ან ან.

ეგრეთვე იოსებ წარმოდგა ჰ ჰქა მათ: რასათვს შესწუხენით ჩემზა ამისთვის, რმე მოვითხოვნი კორცნი იკსნი ჰ ახალსა საფლავსა დაესხენ ჰ არმენავსა წა წარგარაგნე იგი ჰ მივაგორე ღოდი კარსა საფლავისასა. ხ თქნ არა კეთილი საქე ჰქმენით მართლისა მისთანა ჰ არა შეიშინეთ, ად ჯუარს აცვთ იგი ჰ ლახურიითა გუბრდსა გურეჲად ეციოთ. ხ ჰრიათ მათ შეიპყრეს იოსებ ჰ ბრძანეს მისი დაკრძალვა, ეე ერთ შაბათამდე ჰ ჰქს მას ესემცა უწყით, რ ეამი არა არს შენ ზა განკითხვსა, რ შაბათი განთენდების.

უწყოდე, რ არა დაფლავდ ღირს კარ შენ, ად მივსცნი კორცნი შენნი საქმლად მფრინველთა ცისათა ჰ მხეტთა ქყმნისათა. მიუგო იოსებ ჰ ჰქა მათ ესე: სიტყუა ამპარტავანისა გოლიათისა არს, ერ იგი აყუდრებდა ღა ცხოველსა ჰ წა დავითს, რ თქვა ღნ, ედ წინასწარმეტყულისაგან ჩემისა არს შურისგებაჲ ჰ მივაგო, იტყვს ოი; ხ აწ წინადაუტუთელმან გულითა მოითხოვა წყალი ჰ დაიბანო წე თქმსა კელნი ჰ თქაჲ: უბრალომცა ვარმე სისხლისაგან ამის მართლისაჲ, თქნ უწყით ჰ თქნ მიუგეთ ჰ არქუთ სისხლი მაგისი ჩნ ზა ჰ შვლთი ჩნთა ზედა იყავნ. ჰ აწ მებინის მე ნუ უკუტ მოიწიოს რისხვაჲ ღმ თქნ ზა, ეა იგი თქნ სოტუთ. ჰ ეა ესმნეს სიტყუანი ესე ჰრიათა მათ განმწარდეს სულითა მას ზედა ჰ შეიპყრეს იგი ჰ შეაყენეს საპყრობილესა ბნელსა, რლსა სარკმელი არა იყო ჰ მტუპლნი დაადგინნეს მის ზა ჰ კარნი დაბეჭდნეს, სადა იგი შეაყენეს იოსებ.

ხ შაბათსა განაჩანეს მთავართა მათ კრებულსათა ჰ მღდელთა ჰ ღეგეტელთა, რნი მუნ იპოვნეს შესაყრებელსა მას ერთშაბათისასა ჰ აღიწხოთ ყოველმან სანრავლე-მან ჰ მოვიდეს შესაყრებელად ჰ ზრახვა ყელს, რომლითა სიკუდილითა მოკლან იოსებ.

დ ვრ დასხდა კრებული, ბრძანეს მოყვანება მისი გინებითა დიდითა დ ვრ განაღდეს კარი, შაჰარა ვინპოვეს დ განკრთეს დ დაუკვრდა ყა მას სიმრავლესა, რ ბეჭედი ეგო ეგო ცცხლი დ კლიტენი მის კარისანი აქუნდეს კაიფას დ მიერთგან არლარა იკადრეს კელის მიყოფად სხუაფთა მათ მრთ, რნი იტყოდეს წე პილატესსა ივსის. დ ვიდრე იგინი სხდესლა შესაკრებელსა შა დ დაუკვრდებოდა იოსებისთვს,—მოვიდეს დასისაგანნი იგიცა, რნი გამოეთხოვნეს ჰრიათა პილიტესგან დაცვად საფლავისა მის, სადა ისხნეს კორცნი იესოსნი, რა აბა მოვდენ მოწაფენი მისნი დ წარიპარონ იგი, დ უთხრობდეს დ ეტყოდეს მთავართა მათ კრებულისათა, მდღლთმოდართა დ ლევტელთა, რაჲ იგი იქმნა, ედ ძრეა იყო დიდი დაცვასა მას ჩნსა, რ ანგელოზი ოჲ გარდამოკდა დ გარდაგორვა ლოდი იგი კარისა მისგან საფლავსა დ დაჯდა მასზა, იყო ხილვა ეა ელვამ დ სამოსელი მისი სპეტაკ ეა თოვლი დ შიშისა მისგან ჩნ ვიქმენით ეა მკუდარნი დ გუბსმოდა ჩნჲ ანგელოზისა მის, ვრ ეტყოდა დედათა მათ, რნი სხდეს საფლავსა მასთანა ივსა დ ჰქაჲ დედათა მათ: «ნუ გეშინინ თქნ, უწყი, რ ივს ეძიებთ ჯვრცმულსა, არა არს აქა, აღდგამ ეს თქვაჲ დ აჰა ეგერა წინა გიძღვას თქნ გალილიას. ჰქს კრიათა მათ, რლეთა დედათა ეტყოდა» ნ მათ ჰქს ჩნ: «არა უწყით ვინა იყვნეს. ჰქს ჰრიათა რი ეი იყო? ჰქს დასისაგანთა მათ: შუალამე იყო. ჰქს ჰრიათაჲ: რად არა შეიპყრენით დედანი იგი? ჰქს დასისაგანთა მათ: ჩნ ეა მკუდარნი ვიქმენით შიშისაგან დ არა ეგონებდით ხილვად ყდვე ნათელსა მზისასა. დ ვრმცა შევაპყრენით დედანი იგი? დ ჰქს ჰრიათა მათ: ცხოველ არს ონი, რ არა გურწამს თქნი. ჰქს დასისაგანთა მათ: თქნ ესოდენნი სასწაულნი იხილენით კაცისა მისთა მიუწდომელნი დ არა გრწმენა მისი, ჩნიმცა ვრ გრწმენეს, რამეთუ კეთილად ეფიცავთ, რ ცხოვერ არს ონი! დ ესეცა გუბსმამ, ედ იოსებ, რნი მოითხოვნა კორცნი ოჲ შეაყენეთ საპყრობილესა დ დაჰბეჭდეთ კარსა საპყრობილისასა დ განრალეთ—არა პოვეთ იგი. აწ თქნ იოსებ მოგუტით დ ჩნ ივს მოგცემთ. ჰქს ჰრიათა მათ: იოსებ თვსად ქალაქად წარვიდაჲ. ჰქს დასისაგანთა მათ: იესოსიცა, ეა გუბსმა ანგელოზისაგან, რნი გარდაგორვა ლოდი კარისა მისგან საფლავსა, ესე ჰქა დედათა მათ: აჰა ესერა წინა გიძღვას თქნ გალილიას მუნ იხილოთ იგი. ნ ეა ესმა სიტყუაჲ ესმე ჰრიათა მათ ფდ დ იტყოდეს ჰურთიერთას: ნუ უკუტ განთქნ სიტყჲ ესე ამათ დ ჰრწმენეს ყთა ივსი. დ ზრახუაჲ ყუბს ჰრიათა მათ ურთიერთას დ მოიღეს ვეცხლი დიდძალი დ მისცეს ერისაგანთა მათ დ ჰქს ესრეთ: თქუთ, ედ მოწაფენი მისნი ლამე მოვდეს დ წარიპარეს იგი ეე ჩნ მეძინაჲ. დაღაცათუ ესმას სიტყუაჲ ესე მსაჯულსა მას ჩნ ვირწმუნოთ დ თქნ უზრუნველ გყუნეთ. ნ მათ მიიღეს ვეცხლი იგი დ ყუბს, ეა ისწავეს მათგან. დ განითქვა სიტყუაჲ ესე ჰრიათა შორის, ეე დღენდელად დღედმდე.

**Чтеніе въ великую (страстную) пятницу въ воспоминаніе
о страстяхъ и смерти Спасителя Нашего І. Христа, ска-
занное евреемъ Ананіей¹⁾.**

Такъ какъ я узналъ о Господѣ нашемъ І. Христѣ изъ книгъ священныхъ, то съ ревностной вѣрой поспѣшилъ описать все достойное воспоминанія, что сказано іудеями о судѣ Господа Понтійскомъ Пилатѣ и написано Никодимомъ въ еврейскихъ книгахъ (на еврейскомъ языкѣ), я же переписалъ (перевелъ) изъ книгъ греческихъ для сообщенія всѣмъ.

Анна и Каіафа, Сумесь и Діодаесъ, Гамаліель и Іуда, Левъ и Нептали, Александръ и Іаросъ и другіе изъ евреевъ пришли къ Пилату съ доносомъ²⁾ на Іисуса, на множество Его дѣяній³⁾ и говорили такъ: мы знаемъ Его сыномъ плотника Іосифа и рожденнымъ отъ Маріи, Самъ же называетъ Себя сыномъ Божіимъ и царемъ. И не только это Онъ говоритъ, но сквернитъ субботу и хочетъ разрушить законъ нашей страны.

Сказалъ (спросилъ) имъ Пилатъ: что Онъ дѣлаетъ (такого), чѣмъ Онъ хочетъ разрушить (его)? Отвѣтили ему іудеи: мы имѣемъ законъ, по которому не подобаетъ исцѣлять въ субботу. А этотъ хромыхъ и слѣпыхъ, прокаженныхъ и бѣсноватыхъ и разслабленныхъ исцѣляетъ въ день субботній и силою вельзевула, начальника злыхъ духовъ, изгоняетъ дьяволовъ, и всѣ ему повинуются. Сказалъ имъ Пилатъ: Онъ не силою нечистаго духа изгоняетъ дьяволовъ, а отъ (съ помощью) Бога Леопіала⁴⁾. Сказали іудеи Пилату *просимъ твою власть* привести Его въ это судилище (предъ лицо твое и выслушать Его. Отвѣтилъ имъ Пилатъ: какъ я могу «игемонъ»⁵⁾ (въ груз. текстѣ — *варани*) судить царя? Отвѣтили іудеи Пилату: мы не считаемъ Его царемъ, Самъ Онъ Себя (называетъ). Призвалъ (тогда) Пилатъ одного «курсора» (по-груз. — *пасенаи*): поди и съ миромъ выведи («призови») Іисуса. И пришелъ пасенагъ, увидѣлъ Его, узналъ и поклонился, прежде всего взялъ убрουςъ (слав. — «платно»), который

¹⁾ Ясно отсюда, что нашъ апокрифъ восходитъ къ греческому источнику, — транскрипція собственныхъ именъ подтверждаетъ это. Апокрифъ заимствованъ изъ паперскаго сборника XVI в. Сборникъ этотъ найденъ нами въ 1903 г. во время путешествія въ Сванетіи.

²⁾ Κατηγορημα, по-слав. церковно славянск. «обваживающе».

³⁾ Περὶ πολλῶν πράξεων, слав. о чудесахъ злыхъ

⁴⁾ τῷ Ἀσκληπιῷ.

⁵⁾ Въ кавычкахъ приведены слова въ слав. переводѣ.

имѣлъ въ рукахъ, и, разостлавъ его по землѣ, сказалъ Ему: Господи *вступи на это*, ибо воветъ тебя варани («игемонъ»). А іудеи, увидѣвъ то, что сдѣлалъ пасенакъ, завопили предъ Пилатомъ, говоря: почему ты не велѣлъ именитымъ людямъ привести Его, а пасенаку (отдалъ приказаніе?), ибо пасенакъ, увидѣвъ Его, поклонился Ему, снялъ убрουςъ свой, который имѣлъ въ рукахъ (слав.—«съ главы»), разостлавъ по землѣ и сказалъ: вступи на это, ибо воветъ тебя судья. Пилатъ же призвалъ того пасенака и сказалъ: правда, что ты сдѣлалъ то, о чемъ говорятъ іудеи? и пасенакъ отвѣтилъ Пилату: когда ты меня послалъ въ Іерусалимъ, по улицамъ видѣлъ я Его сидящимъ на ослѣ и дѣти іудейскія славили Его, держа въ рукахъ вѣтви масличныя (слав.—«финики»), а нѣкоторыя разстилали платье свое, говоря: спаси насъ ты, Который еси въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне. Завопили іудеи, говоря: іудеи оглашали по-іудейски, и какъ ты (слав.—«грекъ») понялъ это, не зная по-еврейски. Отвѣтилъ имъ пасенакъ: я спросилъ одного изъ нихъ (славящихъ), говоря: что значитъ то, что эти дѣти еврейскія говорятъ, и тотъ отвѣтилъ: слово *Осанна* значитъ «Спаси насъ». Спросилъ Пилатъ: какъ зывали дѣти по-еврейски? Отвѣтили іудеи: осанна. Спросилъ ихъ Пилатъ, какъ переводится (слово) «осанна»? Отвѣтили іудеи: «спаси насъ». Сказалъ имъ Пилатъ: если вы подтверждаете воззваніе дѣтей, то въ чемъ же повиненъ пасенакъ? Они же молчали. Сказалъ Пилатъ пасенаку: иди и какъ хочешь введи Іисуса. Когда пасенакъ вышелъ, поступилъ онъ попрежнему и сказалъ Іисусу: Господи войди, ибо воветъ тебя судья. Когда же вошелъ Іисусъ, то стоящія деревянныя изображенія боговъ въ палатахъ Пилата склонились, и поклонились Іисусу; спросили іудеи тѣхъ, которые держали изображенія. Зачѣмъ вы склонили деревянныя изображенія? А Пилатъ сказалъ имъ: развѣ не удивляетесь, что они сами склонились и поклонились Іисусу? спросите и ихъ, которые держатъ рукоятки съ изображеніями, какъ они преклонили ихъ и поклонились Іисусу.

Возразили іудеи Пилату, говоря: мы знаемъ, какъ преклонили тѣ, которые держали изображенія. Сказалъ имъ Пилатъ: зачѣмъ вы это сдѣлали? Отвѣтили они Пилату: мы люди язычники («греки») и служители храма, какъ мы поклонимся Ему? Но изображенія (*прѣтома*) которыя мы держали, сами преклонились и поклонились ему. Сказалъ Пилатъ первѣйшимъ собранія и старѣйшинамъ народа: выберите изъ своей среды людей крѣпкихъ и сильныхъ, возьмите тѣ изображенія (*сѣуа*) и (посмотрите) преклонятся ли сами и поклонятся ли Іисусу? Іудейскіе же старѣйшины избрали людей крѣпкихъ и сильныхъ, по 6 человекъ на изображеніе и стали предъ кресломъ судьи. Сказалъ Пилатъ пасенаку: выведи Іисуса изъ залы и введи, какъ хочешь. Вышелъ Іисусъ изъ залы и тотъ пасенакъ съ нимъ. Призвалъ Пилатъ тѣхъ, которые держали изображенія и рукоятки отъ нихъ. Прежде всего сказалъ имъ: клянусь жизнью Кесаря, если не преклонятся теперь изображенія при входѣ Іисуса, сниму съ васъ головы. И велѣлъ привести Іисуса. Пасенакъ сдѣлалъ (все) попрежнему и просилъ Іисуса послѣдовать за нимъ. Іисусъ же послѣдовалъ и вошелъ въ залъ. При входѣ же Его вновь

преклонились боги и поклонились Иисусу (отсюда по-славянски начинается «Глава II»). А Пилатъ, увидѣвъ это, испугался очень и хотѣлъ оставить судилище, и когда вознамѣрился это сдѣлать, жена его прислала челоуѣка къ нему сказать: что тебѣ до этого Праведнаго Челоуѣка, ибо я много испытала изъ-за Него въ эту ночь. Пилатъ призвалъ іудеевъ и левитовъ и сказалъ имъ: вы сами знаете, что жена моя очень благочестива и очень іудействуетъ. Отвѣтили тѣ: знаемъ, что она такова. Сказалъ имъ Пилатъ: вотъ только что прислала челоуѣка сказать жена моя: что тебѣ до этого Праведнаго Челоуѣка, ибо я много испытала въ эту ночь. Отвѣтили іудеи и сказали Пилату: не понимаете развѣ, какъ Онъ лукавъ, навелъ даже сновидѣніе на жену твою. Обратился же Пилатъ къ Иисусу и сказалъ: что ты скажешь относительно того, что они на Тебя взводятъ? Иисусъ же отвѣтилъ: если бы не было у нихъ власти, то не сказали бы. Каждый имѣетъ власть говорить отъ себя доброе и злое, они знаютъ, что говорятъ.

Отвѣтили первосвященники іудейскіе и сказали: что намъ смотрѣть? во-первыхъ Ты рожденъ въ прелюбодѣянніи, ¹⁾ во-вторыхъ при твоёмъ рожденіи въ Виѣлеемѣ было (истребленіе?) дѣтей, въ-третьихъ: отецъ твой, Іосифъ и мать твоя, Марія, бѣжали въ Египетъ, чтобы не показываться среди народа. Говорили нѣкоторые изъ предстоящихъ благочестивыхъ людей: мы Его считаемъ не злодѣемъ, но благодѣтелемъ. Отвѣтилъ Пилатъ іудеямъ, говоря: кто называетъ Его злодѣемъ. Если это ваше слово истинно *то будетъ по просьбѣ*, какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ. Сказали Анна и Каіафа: вся эта толпа народа называетъ, и ты не вѣришь, что Онъ не благодѣтель, эти же чужеземцы или же ученики Его. Отвѣтилъ Пилатъ Аннѣ и Каіафѣ: Что значитъ чужеземцы? Отвѣтили іудеи: они были дѣти язычниковъ и нынѣ стали іудеи. Отвѣтили тѣ, которые говорили что онъ не злодѣй, Лазарь и Астеръ, Данатъ, (Ἀντόνιος) Іаковъ, Манасіи, Зерасъ, Самоэль, Исаакъ, Пинезъ, Криспа, Агрина, Іуда; мы не изъ чужеземцевъ, но іудеи и говоримъ правду. Онъ по истинѣ спасеніе всего міра. Сказалъ Пилатъ тѣмъ 12 лицамъ, которыя говорили, что Онъ спасеніе міра: закликаю васъ жизнью Кесаря, истинно ли по вашимъ словамъ Онъ благодѣтель. Сказали они Пилату: мы имѣемъ законъ не клясться всуе, ибо (это) большой грѣхъ. Пусть они клянутся жизнью Кесаря, что это не такъ, что мы говоримъ, и мы повинны смерти. Спросилъ Пилатъ Анну и Каіафу: ничего не отвѣтите вы на это? Отвѣтили Анна и Каіафа Пилату: ты вѣришь 12 именитымъ мужамъ, которые говорятъ, что онъ не злодѣй, а мы—весь народъ взываемъ, что этотъ противникъ Кесаря («волхвъ») и называетъ Себя Сыномъ Божьимъ и царемъ, и ты не вѣришь намъ. Велѣлъ Пилатъ выйти имъ за исключеніемъ 12 тѣхъ мужей, говорившихъ объ Немъ, что Онъ истина и Иисусу велѣлъ уйти отъ нихъ. И спросилъ тѣхъ 12 Пилатъ, зачѣмъ желаютъ они убить Иисуса.—«Они питаютъ вражду за исцѣленіе въ субботу». Спросилъ Пилатъ: такъ за доброе дѣло они хотятъ Его убить? Отвѣтили ему: да.

¹⁾ Ἐκ πορνείας γενένηται пропущено въ слав. текстѣ.

(Глава III) Исполнился гнѣвомъ Пилатъ вышелъ изъ «притвора»: (πραιτώριον): солнце свидѣтель мнѣ, что я не нахожу ни одной вины въ этомъ человѣкѣ. Отвѣтили Пилату іудеи и сказали: если бы онъ не былъ злодѣемъ, то мы не отдали бы Его въ твои руки. Сказалъ имъ Пилатъ: возмите Его и судите по законамъ вашимъ. Отвѣтили іудеи: намъ не дозволяется убивать кого-либо. Сказалъ іудеямъ Пилатъ: вамъ не подобаетъ никого убивать? и вошелъ въ залъ («притворъ») и, обратившись къ Иисусу, спросилъ Его: Ты царь іудейскій? Отвѣтивъ ему, Иисусъ сказалъ Пилату: Ты отъ себя говоришь это или же другіе сказали обо Мнѣ? Отвѣтилъ Пилатъ и сказалъ: развѣ и я еврей? Но родъ твой (ἔθνος τοῦ σοῦ) и первосвященники предали Тебя мнѣ за то, что ты сдѣлалъ. Отвѣтилъ Иисусъ и сказалъ ему: Царство мое не отъ міра сего. Если бы оно было отъ міра сего, то и слуги мои подвизались со мною, чтобы не отдавать меня въ руки іудеевъ. Нѣтъ царство мое не отъ міра сего. Сказалъ Пилатъ Иисусу: Царь ли Ты? Отвѣтилъ ему Иисусъ: Ты говоришь, что Я царь. Я для того рожденъ и для того пришелъ въ міръ, чтобы всякій, кто отъ истины, слышалъ гласъ Мой и принялъ жизнь вѣчную. Сказалъ ему Пилатъ: есть на землѣ истина? Отвѣтилъ Пилату Иисусъ: видишь ли, какъ тѣ, которые говорятъ истину, и судятъ имѣющіе власть на землѣ.

(Глава IV) Оставивъ Иисуса въ залѣ («внутри»), Пилатъ вышелъ и сказалъ іудеямъ: Я не нахожу никакой вины въ немъ. Отвѣтили ему іудеи: Онъ сказалъ: «Я могу разрушить этотъ храмъ и на третій день его построить». Спросилъ ихъ Пилатъ: «Какой храмъ?» Отвѣтили іудеи: «Тотъ, который построилъ Соломонъ *) въ 46 году. Онъ заявлялъ разрушить и построить въ третій день». Опять сказалъ Пилатъ іудеямъ: я не повиненъ въ крови этого невиннаго, знайте сами. Отвѣтили ему іудеи: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ.

Призвавъ Пилатъ священниковъ, левитовъ и старѣйшихъ изъ народа, сказалъ имъ отъ себя: не дѣлаете этого, ибо доносъ на него не есть достойное основаніе для смерти Его, ибо доносъ вашъ на него явился по поводу исцѣленія въ субботу и ея нарушенія. Отвѣтили старцы, священники и левиты Пилату: кто хулитъ кесаря, тотъ заслуживаетъ смерти.

Велѣлъ Пилатъ іудеямъ выйти изъ собранія.—Кто не противъ Бога заслуживаетъ смерти? Отвѣтили іудеи Пилату: мы говоримъ провозносящій хулу противъ Кесаря заслуживаетъ смерти. Тогда Пилатъ, призвавъ Иисуса, сказалъ Ему: что мнѣ дѣлать съ Тобою? Отвѣтилъ ему Иисусъ: это дано тебѣ. Спросилъ Пилатъ Иисуса: какъ дано? Отвѣтилъ Иисусъ: еще Моисей и всѣ пророки предсказали о смерти Моей и воскресеніи Моемъ.

Іудеи, услышавъ это, сказали Пилату: болѣе этой хулы что еще желаешь слышать? Отвѣтилъ имъ Пилатъ: если это слово хула, то возьмите вы и по закону вашему судите Его. Отвѣтили они Пилату: въ законѣ нашемъ писано: если человѣкъ предъ человекомъ согрѣшилъ, то бить его 70 разъ плетью, кто же хулитъ Бога, того камнями побить. Сказалъ имъ Пи-

*) ὁ ὑποδομάρχης ὁ Σολομῶν; въ слав. „его же мы создахомъ“.

латъ: возьмите Его и какъ хотите поступите съ Нимъ. Сказали іудеи Пилату: мы хотимъ, чтобы Онъ былъ распятъ. Сказалъ имъ Пилатъ: не написано о распятіи Его. Оглядѣлъ Пилатъ народъ іудейскій, предстоящій тутъ, и видѣлъ, что среди него у нѣкоторыхъ навернулись слезы за Иисуса. И сказалъ Пилатъ: не всѣ хотятъ смерти Его. Отвѣтили Пилату первосвященники: потому пришло такое множество народа, чтобы Онъ былъ убитъ. Спросилъ Пилатъ: зачѣмъ Ему умереть? Отвѣтили іудеи: ибо Онъ сказалъ, что Онъ Сынъ Божій и Царь. (Глава V) Выступилъ нѣкто, по имени Никодимъ, и сказалъ предъ Пилатомъ: умоляю твою власть, позволь мнѣ сказать нѣсколько словъ... Сказалъ ему Пилатъ: говори. И сказалъ Никодимъ: я спрашивалъ старѣйшинъ, священниковъ и левитовъ и все собраніе іудейскаго народа, въ чемъ вы обвиняете этого Человѣка? Человѣкъ этотъ сотворилъ много чудесъ, непостигаемыхъ и страшныхъ, которыхъ никто другой не творилъ и не сотворитъ. Оставьте Его, не замышляйте зла противъ Него. Если отъ Бога чудеса Его, которыя творитъ, утвердятся, и если соблазнительны они, то оставятъ (Его), ибо и Моисей, посланный Богомъ въ Египетъ предъ царемъ Египетскимъ, и лица, служившія фараону—*Іане и Іамбре* («Анній и Амврій»), и сотворили чудеса не меньше, чѣмъ Моисей, и сочли египтяне *Іане и Іамбре* за боговъ. А чудеса, сотворенныя имъ, не отъ Бога были; погибли и они, и увѣровавшіе въ нихъ. Нынѣ же оставимъ этого Человѣка, такъ какъ Онъ неповиненъ смерти. Сказали іудеи Никодиму: ты былъ ученикъ Его и потому такъ говоришь. Отвѣтивъ, Никодимъ сказалъ: развѣ и судья («игемонъ») былъ Его ученикъ, что сказалъ слово за Него? Развѣ не кесарь поставилъ его на эту должность? ¹⁾ Но іудеи исполнились гнѣвомъ на Никодима и точили зубы противъ него. Сказали іудеи Никодиму: ты истину имѣешь отъ Него и примешь часть съ Нимъ. Сказалъ имъ Никодимъ: да будетъ аминь, аминь, приму, какъ вы говорите.

(Глава VI) Выступилъ другой и умолялъ судью [разрѣшить] сказать ему слово. Судья же отвѣтилъ: скажи, что хочешь. И сказалъ тотъ человѣкъ: я болѣе 28 лѣтъ провелъ на одрѣ болѣзни и былъ одержимъ тяжкимъ недугомъ. Пришелъ Иисусъ и много бѣсноватыхъ и больныхъ, лежащихъ во многихъ домахъ, исцѣлилось отъ Него. И надо мною нѣкіе юноши («*νεανίσκοι*, вѣрныхъ») сжалились, взяли съ постелью и принесли къ Нему. И Иисусъ, увидѣвъ меня, помиловалъ меня и сказалъ мнѣ: встань, возьми постель свою и иди. Сказалъ Онъ это, и я исцѣлился, взялъ свою постель и пошелъ. Сказали ²⁾ іудеи Пилату: спроси-ка его, какой былъ день, когда онъ исцѣлился. Спросилъ Пилатъ того человѣка: въ какой день ты исцѣлился? Отвѣтилъ исцѣлившійся: въ субботу. Сказали іудеи Пилату: не говорили ли мы тебѣ, что онъ исцѣляетъ въ субботу и изгоняетъ духовъ?

¹⁾ Ἐπὶ τοῦ ἀξιωματοῦ τοῦτου, слав. «надъ таковыми словесы».

²⁾ Отсюда до слова «изгоняетъ духовъ» пропущено въ слав. текстѣ.

И выступилъ другой еврей и сказалъ: я былъ слѣпъ, я слышалъ голосъ, но лица не видалъ. И когда шелъ Иисусъ, я воззвалъ громкимъ голосомъ, говоря: помилуй меня, Сынъ Давида! Онъ помиловалъ меня, положилъ онъ руки на глаза мои, и я прозрѣлъ. Выступилъ еще одинъ и сказалъ: я былъ хромой отъ рожденія, и Онъ исцѣлилъ меня словомъ. (Гл. VII) А женщина.¹⁾ иудеи звали, говоря: я страдала кровотечениемъ 12 лѣтъ и когда я коснулась подола Его платья, то остановилась кровь, истекающая 12 лѣтъ. Сказали иудеи: у насъ законъ—женщина да не явится свидѣтельницей. (Глава VIII) Многіе мужья и жены зывали и говорили: этотъ человѣкъ пророкъ, дьяволы Ему повинуются. Спросилъ ихъ Пилатъ: почему учителя ваши не повинуются ему. Отвѣтили ему: мы не знаемъ. Иные же говорили: Лазаря на четвертый день смерти Онъ воскресилъ. Испугался очень судья («игемонъ») ихъ и сказалъ собравшейся толпѣ иудеевъ: зачѣмъ вы хотите пролить кровь невиннаго? (Гл. IX) и, призвавъ Никодима и 12 (лицъ) изъ тѣхъ, которые говорили, что Христосъ не злодѣй²⁾, сказалъ имъ Пилатъ: что мнѣ дѣлать, ибо будетъ большое волненіе среди народа?—Мы не знаемъ, пусть они увидятъ, что дѣлаютъ. Сказалъ Пилатъ народу иудейскому: вы знаете, что есть обычай къ празднику Пасхи одного изъ заключенныхъ отпускать (на волю); у меня есть въ темницѣ одинъ осужденный человѣкоубійца, называемый Барабба [«Варавва»], и стоящій предъ вами Иисусъ, у котораго нѣтъ вины. Кого хотите, чтобы по вашей просьбѣ отпустилъ? Они же отвѣтили ему: Бараббу. Спросилъ ихъ Пилатъ: а что дѣлать съ Иисусомъ, который именуется Христомъ?—Распни его!—Иные же изъ евреевъ говорили: если ты Его отпустишь, ты не другъ кесаря, ибо Онъ называлъ Себя Сыномъ Божьимъ и паремъ, значитъ ты желаешь власти для Него, а не для кесаря. Разгнѣвался Пилатъ и сказалъ имъ: родъ вашъ вѣчно безпокойный и неблагодарный благодѣтелямъ своимъ. Спросили они Пилата: о какихъ благодѣтеляхъ ты говоришь? Отвѣтилъ имъ Пилатъ: Господь вашъ изъ тяжелаго рабства вывелъ васъ изъ Египта и чрезъ Чермное море провелъ васъ, какъ по сушѣ и въ пустынѣ питалъ васъ, пославъ манну и растеній въ пищу, извлекъ³⁾ изъ скалы воду для питья, далъ вамъ законы и послѣ всего этого вы разгнѣвали Бога вашего и сдѣлали тельцы и разгнѣвали Бога вашего. Просилъ же за васъ Моисей и не истребилъ васъ, а теперь порицаете меня, будто я ненавижу. Завопили иудеи, говоря: мы не знаемъ другого Кесаря, а Иисусу маги принесли дары съ Востока, какъ царю. И услышалъ Иродъ отъ маговъ, что будто родился царь, и захотѣлъ убить его. Узнавъ объ этомъ, отецъ Его взявъ Его съ Матерью и бѣжалъ въ Египетъ. Услышалъ (объ этомъ) Иродъ и убилъ дѣтей иудейскихъ, которыя родились въ Вифлеемѣ. [Пилатъ-же] потребовалъ воды и, умывъ руки предъ Иисусомъ и всѣмъ народомъ, сказалъ имъ: я не виновенъ въ крови этого праведника, знаете вы.

¹⁾ Въ греч. текстѣ имени женщины нѣтъ; въ лат. называется Yeronica, въ слав. Рерунія или Вероникуи.

^{*)} Въ слав. пропушено, въ греч.: *ὅτι οὐ γεγέννηται ἐκ πορνείας.*

3) Пропускъ въ слав. текстѣ отсюда до слова «а теперь».

Иудеи же завопили на это, говоря Пилату: кровь Его да будетъ на насъ и дѣтяхъ нашихъ! Тогда велѣлъ Пилатъ предстать Ему его судилищу, гдѣ онъ возсѣдалъ.

Постановленіе [„Слово“] Пилата о смерти Іисуса.

Соплеменники Твои говорили о Твоемъ царствѣ (что царства ищетъ), поэтому опредѣлили Тебѣ смерть и тогда же (опредѣлили) бить бичемъ за *нарушеніе* ненарушимаго царскаго закона. Тогда онъ велѣлъ распять Его и двухъ разбойниковъ на крестѣ въ саду. Когда (гл. X) Онъ вышелъ, то сняли съ Него платье, одѣли въ багряницу, возложили терновый вѣнецъ на главу Его и повѣсили двухъ разбойниковъ—одного по правой, другого по лѣвой сторонѣ Его. Іисусъ говорилъ: Отецъ, прости, что творятъ. Стали дѣлать платье Его межъ собою, а народъ стоялъ и смотрѣлъ. Взирали первосвященники и князья ихъ, говоря: другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя, если онъ Сынъ Божій и посланникъ ¹⁾. Дразнили его люди мірскіе и толпились вокругъ Него, принесли уксусъ, говоря: если Ты царь іудейскій, спаси Себя. Велѣлъ Пилатъ послѣ приговора Его къ смерти написать на доскѣ вину Его на языкѣ греческомъ и еврейскомъ, какъ сказали іудеи, что Онъ царь іудейскій. Одинъ изъ разбойниковъ, повѣшенныхъ съ Нимъ, по имени Геспасъ ²⁾, сказалъ Ему: если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ. Отвѣтивъ ему товарищъ, именовавшійся Домакси (Дизема) въ гнѣвѣ, сказалъ ему: развѣ не боишься Бога, находясь въ томъ же осужденіи! Намъ по справедливости воздали и справедливо наказуемся, но этотъ что сдѣлалъ недостойнаго? И говорилъ тотъ, который упрекнулъ товарища: помяни мя, егда приидеши во царствіе Твое. Отвѣтилъ ему Іисусъ: аминь говорю тебѣ, сегодня ты будешь со Мною въ раю.

Былъ (гл. XI) ужъ часъ шестой и стемнѣло до 9 час. Солнце затмилось и разодралась завѣса церковная надвое и Іисусъ, воззавъ громкимъ голосомъ, сказалъ: обі а даѣмийирло ³⁾, что значитъ въ переводѣ: Отецъ, въ руки твои передаю духъ Мой. Сказавъ это, Онъ испустилъ духъ. Сотникъ, увидѣвъ это, славилъ Бога, говоря: по истинѣ Человѣкъ этотъ былъ праведный. И всѣ, пришедшіе посмотрѣть на Него, били себя въ грудь, отходя прочь. А сотникъ увидѣвъ это, пришелъ и сказалъ судѣ все, что случилось. Судья и жена его, услыхавъ это, такъ сильно опечалились, что въ тотъ день не ѣли и не пили. Призвалъ Пилатъ іудеевъ и сказалъ имъ: видѣли, что случилось и затмѣніе солнца по предсказанію. Были тутъ всѣ ихъ ученые, и жены, пришедшія изъ Галилеи, и взирали на Него. Пришелъ нѣкій мужъ, по имени Іосифъ, благій, благообразный и справедливый. Онъ не участвовалъ въ ихъ совѣтѣхъ и дѣлѣхъ, будучи не изъ ихъ іудейскаго го-

¹⁾ Въ слав. «избранный», въ греч. нѣтъ.

²⁾ Слав.: Гевъста; въ греч. нѣтъ.

³⁾ Въ слав. нѣтъ этихъ трехъ словъ.

рода, и ожидалъ царствія Божьяго. Этотъ пришелъ и просилъ у Пилата тѣло Іисуса. Снялъ онъ Его, покрылъ и положилъ въ высѣченную могилу («гробъ»), въ которую еще никто не былъ положенъ. (Гл. XII) Іудеи, услышавъ, что Іосифъ снялъ тѣло Іисуса, стали искать его 12 (учениковъ), Никодима и многихъ иныхъ, которые предъ Пилатомъ свидѣтельствовали о чудесахъ Іисуса. Объявили они, что всѣ они скрылись. Только Никодимъ показался. Онъ былъ князь [первый] іудеевъ. Спросилъ ихъ Никодимъ, какъ вы пришли въ собраніе? Отвѣтили ему іудеи: ты какъ пришелъ въ собраніе, ибо ты былъ причастникъ Іисуса и будешь имѣть часть въ грядущемъ Его вѣкѣ? Отвѣтилъ имъ Никодимъ: аминь, аминь, аминь. Также Іосифъ, выступивъ, сказалъ имъ: зачѣмъ вы оскорбляетесь по поводу меня, что я выпросилъ тѣло Іисуса и положилъ въ новое мѣсто, плащаницею обвилъ и приложилъ камень къ входу въ гробъ. Вы же не доброе дѣло содѣяли съ тѣмъ праведнымъ, не побоялися, распявъ Его и копьемъ прободали Его. Іудеи взяли Іосифа и повелѣли посадить его въ темницу до субботы слѣдующей, говоря ему: знайте и то, что не время судить, такъ какъ наступаетъ суббота. [И продолжали] Знай же, что ты не достоинъ погребенія и отдадимъ тѣло твое на съѣденіе птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ. Іосифъ, отвѣтивъ имъ, сказалъ: это слово гордаго Голіаѳа, который укорялъ Бога живого и св. Давида, ибо сказалъ Господь чрезъ пророка: Мое отмщеніе и Азъ воздамъ. Нынѣ же необрѣзанный отъ сердца потребовалъ воды, умылъ предъ вами руки, сказавъ: неповиненъ я въ крови этого праведнаго. Вы знаете сами, какъ вы отвѣтили ему, сказавъ: кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ. Нѣтъ я боюсь, что васъ постигнетъ гнѣвъ Божій, какъ вы говорили. Іудеи, услышавъ эти рѣчи, пришли въ глубокую ярость и, взявъ его, отвели въ мрачную темницу, не имѣющую оконъ. Приставивъ стражу, запечатали двери темницы, въ которую бросили Іосифа.

Въ субботу начальники, священники и левиты созвали огромное собраніе для рѣшенія, какой смерти предать Іосифа. Члены собранія, усѣвшись, повелѣли привести его съ бранью великою («съ безчестіемъ»). Но открывъ двери [темницы], никого тамъ не нашли. Это очень изумило собраніе, такъ какъ печать была цѣла, а ключи отъ дверей были у Каіафы. Послѣ этого они не рѣшались задержать никого изъ тѣхъ, которые говорили за Іисуса предъ Пилатомъ. (гл. XIII) И въ то время какъ они еще засѣдали въ собраніи, удивляясь [исчезновенію] Іосифу, пришли тѣ изъ числа воиновъ, которыхъ выпросили іудеи у Пилата съ цѣлью оберегать гробъ, гдѣ покоилось тѣло Іисуса, чтобы не пришли ученики Его и не украли Его. Они рассказали начальникамъ собранія, первосвященникамъ и левитамъ: когда мы стояли на стражѣ, случилось великое землетрясеніе, [затѣмъ] ангелъ Господень сошедши, отвалилъ камень съ дверей гроба и сѣлъ на него. Представилось видѣніе въ родѣ молніи, платье его блистало бѣлизной, какъ снѣгъ, и отъ страха мы стали какъ мертвые. Мы слышали голосъ того ангела, говорящаго женамъ, сидящимъ у гроба Іисуса: не бойтесь! знаю, что вы ищите распятаго; Его нѣтъ здѣсь, Онъ воскресъ, какъ сказалъ, и идетъ впереди васъ въ Галилею. Спросили его іудеи: о какихъ женахъ ты

говоришь? Они отвѣтили: мы не знаемъ, кто такія были. Спросили іудеи: какой былъ часъ? Отвѣтили ему воины: была полночь. Спросили іудеи: почему вы не схватили тѣхъ женщинъ? Отвѣтили воины: мы сдѣлались какъ мертвые отъ страха и не надѣялись больше видѣть свѣтъ солнечный. Какъ же намъ было схватить женщинъ! Сказали [на это] іудеи: живъ Господь! Мы не вѣримъ вамъ! Отвѣтили имъ воины: вы видѣли столько непостижимыхъ челоѣкамъ чудесъ Его и не вѣрите, какъ же вы повѣрите намъ, [хотя] истинно клянемся, что живъ Господь! Мы слышали и то, что Іосифа, выпросившаго тѣло Іисуса, бросили въ темницу и запечатали ея двери, но когда открыли ее, не нашли его. Нѣтъ, давайте намъ Іосифа, а мы вамъ дадимъ Іисуса. Сказали іудеи имъ: Іосифъ пошелъ въ свой городъ. Отвѣтили имъ воины: объ Іисусѣ мы тоже слышали отъ ангела, отвалившаго камень отъ дверей гроба; онъ сказалъ женамъ: Онъ передъ вами идетъ въ Галилею, тамъ увидите Его. Іудеи же, услышавъ эти рѣчи, очень [опечалились], говоря межъ собою: они могутъ распространить это и увѣруютъ всѣ въ Него! Посовѣтовались іудеи и, собравъ большую сумму денегъ, отдали имъ, говоря: говорите, что ученики Его ночью пришли, когда мы спали, и украли Его. Если услышитъ объ этомъ судья, то мы его увѣримъ, а вы будьте спокойны. Тѣ же (воины) взявъ серебро [деньги] и поступили такъ, какъ ихъ научили. И распространился слухъ этотъ среди іудеевъ до нынѣшняго дня.

Евангеліе Никодима напечатано Сперанскимъ въ изслѣдованіи «Славянскія Апокр. евангелія», Порфирьевымъ (изъ сборника Соловецкой библіотеки XVI—XVII в. (№ 854, л. 17 — 39), у Фабриція I, 238 — 298, у Тило 490 — 495, у Тишендорфа *Evangelia apocrypha*, Lipsiae 1853, 203 — 367—410; въ памятникахъ стар. рус. литер. III, 91—108; въ Starine IV, 131—146. Заглавіе и начало евангелія Никодима въ Соловецкомъ спискѣ, какъ и въ большей части списковъ, испорчены. Порфирьевъ поправилъ ихъ по другимъ спискамъ. Въ греческомъ спискѣ (по изданію Тишендорфа подъ Л. А.) заглавіе такое: *Ἐκδημήματα τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ πατρὸς ἐκ τῆς Πουτίου Πιλάτου*. Далѣе слѣдуютъ два краткихъ предисловія. Въ первомъ изъ нихъ переводчикъ апокрифа говоритъ, что онъ Ананія (*Ἀνανίας*, въ латин. редакціи *Aenias*) еврей и защитникъ евреевъ, увѣровавъ въ І. Христа и крестившись, отыскалъ воспоминанія объ І. Христѣ, составленныя въ то время и перевелъ ихъ съ еврейскаго языка на греческій. Это предисловіе сжато имѣется и въ грузинскомъ спискѣ (см. выше). Въ другомъ предисловіи греческаго списка говорится, что все описанное происходило въ 15-е лѣто владычества Тиверія кесаря и при Иродѣ, царѣ Галилейскомъ въ 19-е лѣто его правленія, въ 8 календъ апрѣля или 25 мѣсяца марта и все это написалъ и предалъ Никодимъ на еврейскомъ языкѣ. Это предисловіе объ авторствѣ Никодима сохранилось въ грузинскомъ спискѣ въ немногихъ словахъ съ пропускомъ имени и времени царствованія Тиверія и Ирода. Въ славянскихъ спискахъ вовсе не упоминается о составителѣ евангелія. Въ сборникѣ Соловецкой библіотеки XVI—XVII вв. имѣется слѣдующее всту-

плєніє (заглавіє): „Написаніє о преданіи Іа нашего Іса Хѣ еже воспомянувъ еврейскимъ языкомъ и философскомъ Никодимъ, иже со благообразнымъ Іосифомъ снемъ погребоща тѣло Ісѣо. Въ 31 лѣто Θεοδοσία ἱερὰ преложиша изъ еврейскія въ греческія, елика здѣяшася при понтѣй-стемъ Пилатъ“ (ср. заглавіє и начало грузинскаго текста).

Въ греческомъ текстѣ первая глава начинается словами: Συμβούλιον γὰρ ποιήσαντες οἱ ἀρχιερεῖς καὶ οἱ ὑραμματαῖς Ἀννας καὶ Καϊάφας ..

Въ славянскомъ спискѣ первая глава начинается словами: Въ лѣто-же єі царства Тиверіа Кесаря, цѣствѣющѣ въ Римѣ и обладающу вселенною всею. Ироду же црю владычествующу въ Галилеи въ лѣто 01 власти его 11ца марта 8г, при архіереахъ іудейскихъ Іосиппа и Каіафа и Анна и Дафаила Гамалеила, Іоуда и Левкыа и Неофалима и Александра и Аира... Объяснительныя вставки въ слав. текстѣ (см. стр. 165, 171 у Порфирьева) въ груз. и греч. спискахъ отсутствуютъ. Въ груз. спискѣ сравнительно съ греческимъ и славянскимъ не хватаетъ главъ XIV—XVI. На XIII гл. обрывается грузинскій апокрифъ. Замѣтимъ, что въ грузинскомъ спискѣ дѣленія на главы не сохранилось.

К. Тишендорфъ ¹⁾, согласно со всѣми другими изслѣдователями, различаетъ двѣ половины въ Никод. ев.: гл. I—XVI, содержащія разсказъ о судебномъ процессѣ надъ Христомъ, распятіи Его, погребеніи, воскресеніи и вознесеніи Его, и гл. XVII—до конца (число главъ колеблется по редакціямъ), рассказывающую о сошествіи въ адъ І. Хр. Обѣ эти половины, по его мнѣнію, принадлежатъ разнымъ авторамъ, что доказывается у него слѣдующимъ: 1) греческіе древніе тексты состоятъ только изъ 16 главъ (за исключеніемъ двухъ изъ 12 списковъ); въ Коптскомъ переводѣ нѣтъ второй части. Латинскіе же тексты, редакции не первоначальной, сливаются обѣ части. 2) Языкъ и стиль въ обѣихъ частяхъ различны. 3) Рѣчь покаявшагося на крестѣ разбойника въ обѣихъ частяхъ передается различно въ гл. X: Μνησθητί μου, κύριε, ὅταν ἔλθῃς ἐν τῇ Βασιλείᾳ σου ²⁾; такъ передается и въ груз. переводѣ. Большинство текстовъ снабжено двумя введеніями: первое начинается словами: Εὐὼ Ἀναγίας..., второе: Εὐ ἔτε πεντεχαίδεκάτῳ. Иные тексты или оба введенія отбрасываютъ, или одно изъ нихъ первое — принадлежитъ лицу-редактору, выпустившему книгу при имп. Θεοδοσίи и Валентиніанѣ, второе—древнѣе перваго. Позднѣе уже было присоединено имя Никодиму, при чемъ Никодимъ считался переводчикомъ Ананія или обратно. Въ груз. переводѣ Ананія говоритъ себѣ въ первомъ лицѣ, какъ въ заглавіи и началѣ Евангелія. Евангеліе Никодима въ древности носило заглавіє Acta Pilati, греч. Ὑπομνήματα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (πραχθέντα ἐπὶ Ποντίου Πιλάτου. Въ груз. переводѣ сохранился слѣдъ этого заглавія въ видѣ «Воспоминанія о страстяхъ и смерти Спасителя Нашего І. Христа». Происхождение новаго заглавія (съ именемъ Никодима) относится къ VI в. Названіе же памятника Евангеліемъ принадлежитъ исключительно латинскому пере-

¹⁾ См. *Сперанскій*. Славянскія апокрифическія евангелія, стр. 11. (М. 1895)

²⁾ Ср. Descens. Κύριε ὅτε βασιλεύσεις, μὲ μοα ἐπιλάθου.

воду и вошло во всеобщее употребление въ Европѣ послѣ Карла Вел. Тишендорфъ возводитъ происхождение Акта къ II в. Время соединенія обѣихъ частей опредѣлить трудно. Акта писаны съ извѣстной тенденціей,—съ желаніемъ доказать подлинность событія воскресенія и того, что Христосъ есть Мессія; по національности авторъ могъ быть іудей изъ христіанъ, писавшій на популярномъ греческомъ языкѣ (упоминаніе объ еврейскомъ оригиналѣ—фигія).

R. Lipsius въ изслѣдованіи Die Pilatus Acten также отличаетъ двѣ редакціи памятника: старшую безъ имени Никодима и озаглавленную «Ἑπομνήματα» и пр. и младшую Διήγησις περὶ τοῦ πάθους τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ι. Χ. καὶ τῆς αἰῶνος αὐτοῦ ἀναστάσεως. Старшая редакція имѣетъ два введенія, въ которыхъ Ананія (Эней)—современникъ имп. Θεοδοσία II и Валентиніана и переводчикъ сочиненія, младшая—одно введеніе, указывающее на Ананію, какъ на современника Ι. Христа. Вторая редакція вышла изъ первой. Составитель первой редакціи, авторъ перваго введенія и лицо, присоединившее «Descensus» тождественны.

Древнѣйшій текстъ «Актвъ» состоитъ изъ одиннадцати первыхъ главъ, Грузинскій переводъ состоитъ изъ 13 главъ, а не изъ 16; гл. XII—XVI «Актвъ» присоединены позднѣе. Эти главы, по мнѣнію Липсіуса, могли существовать и отдѣльно, такъ какъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ онѣ носятъ отдѣльное заглавіе. Къ дальнѣйшимъ нарощеніямъ памятника относятся Πλάτου Ἀναφορά присоединяется къ текстамъ той и другой категоріи, Παράδοσις καὶ θάνατος Πλάτου, находящійся преимущественно въ спискахъ, не имѣющихъ Descensus. Грузинскій текстъ заключаетъ въ себѣ переводъ тринадцати главъ греческаго оригинала безъ сохраненія его дѣленія на главы; «Descensus» а—нѣтъ, Ананія является повѣствователемъ, Никодимъ—авторомъ на еврейскомъ языкѣ, грузинскій же переводчикъ беретъ изъ «греческихъ книгъ». Заглавіе груз. перевода какъ и число главъ «Воспоминанія о страсти и смерти Ι. Христа» не соотвѣтствуетъ въ точности ни той (11 главъ), ни другой (16 главъ) редакціи, устанавливаемой Тишендорфомъ и Липсіусомъ. «Воспоминаніе» по грузинскому переводу предназначалось въ великую пятницу» по славянскому «Въ св. великую субботу воспоминаніе страсти Господа Бога» и пр. (Сперанскій, назв. соч., стр. 106). «Слово о преданіи» въ груз. переводѣ представляетъ продолженіе гл. IX до XIII, соотвѣтствующаго же «Слову» перевода въ грузинскомъ текстѣ не имѣется.

Переводчикъ — грузинъ плохо разбиралъ греческую рукопись: онъ смѣшивалъ заглавныя греческія буквы Λ и Α съ Δ, ζ смѣшивалъ ε поэтому онъ, Ασχληπιός прочиталъ въ формѣ Λεοπίαλ, Αὐτόνιος воспроизвелъ въ видѣ Данатнъ.

А. Хахановъ.

Протоколы засѣданій Восточной Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

№ 85. Протоколъ засѣданія 14-го ноября 1903 г. подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттай, Ю. Г. Гендуне, А. С. Хаханова, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, Д. И. Иловайскаго, О. Е. Корша, референта П. П. Введенскаго, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ гг. Долгополова, Ф. Шлиппе, Романовскаго и Шумскаго и секретаря Восточной Коммиссіи А. Е. Крымскаго.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Предсѣдатель доложилъ письмо бывшаго секретаря Восточной Коммиссіи М. В. Никольскаго изъ Петербурга. М. В. Никольскій, изслѣдовавши коллекцію клинописныхъ памятниковъ, привезенную Н. П. Лихачевымъ въ Петербургъ, нашелъ въ ней одну чрезвычайно важную серію таблеть, которую слѣдовало бы опубликовать по возможности скорѣе и, притомъ, съ наибольшей тщательностью. Эти таблети добыты арабами въ числѣ прочихъ предметовъ, найденныхъ ими на мѣстѣ раскопокъ въ Телло послѣ смерти Сарсека; онѣ составляютъ нѣчто вродѣ домашняго архива царей Сирпурлы (ок. 4500 л. до Р. Х.). Часть этой коллекціи попала въ Лувръ и уже издана въ *Recueil de tablettes chaldéennes* (1903) Tureau Dauguin'омъ, а остальная, большая часть этой же серіи (свыше 80) досталась Н. П. Лихачеву; нѣкоторыя изъ таблеть г. Лихачева сохранились во много разъ лучше, чѣмъ таблети луврскія, и текстъ ихъ по объему больше. И по содержанію онѣ важнѣе, потому что большая часть ихъ носитъ имя самого царя Сирпурлы (Урукегина) и его женъ, тогда какъ луврскія таблети принадлежатъ болѣе вицецарямъ Сирпурлы (патеси) и ихъ женамъ или придворнымъ. Характеръ этихъ документовъ—хозяйственный: отчетность по содержанію указанныхъ особъ и по завѣдыванію ихъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Онѣ могутъ бросить яркій свѣтъ на многія общественныя явленія тогдашняго отдаленнаго времени. Это—древнѣйшій архивъ такого рода. Подлинность памятниковъ, по мнѣнію М. В. Никольскаго, безусловно несомнѣнная. Своимъ письмомъ (адресованнымъ къ предсѣдателю общества, графинѣ П. С. Уваровой) М. В. Никольскій проситъ Археологическое Общество издать таблети фототи-

пически и съ транскрипціей, съ переводомъ его, М. В. Никольскаго, и съ его изслѣдованіемъ.—Предсѣдателемъ Общества письмо было передано въ Восточную Комиссію для обсужденія.

Восточная Комиссія нашла желательнымъ посвятить этому изданію особый выпускъ своихъ трудовъ (напр. очередной 2-ой выпускъ III тома), который могъ бы быть изданъ въ Петербургѣ подъ наблюденіемъ самого М. В. Никольскаго. Однако въ виду того, что средствъ, обыкновенно ассигнуемыхъ Обществомъ на изданіе „Древностей Восточныхъ“, не можетъ хватить на напечатаніе такого дорогого выпуска, постановлено просить предсѣдателя Общества графиню П. С. Уварову ходатайствовать передъ Совѣтомъ Общества о назначеніи необходимой суммы на изданіе, предложенное М. В. Никольскимъ.

3) Предсѣдателемъ Восточной Комиссіи В. Θ. Миллеромъ былъ принесенъ въ даръ библіотекѣ Общества его новый трудъ: „Die Sprache der Osseten“ (Страсб. 1903), входящій въ составъ извѣстнаго ирановѣднаго свода Grundriss der iranischen Philologie, и „Тридцатилѣтіе Специальныхъ Классовъ Лазар. Инст. Вост. яз.“, а секретаремъ А. Е. Крымскимъ принесена въ даръ той же библіотекѣ его обработка „Семитскіе языки и народы“, напечатанная въ V вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ“.

4) В. Θ. Миллеръ доложилъ письмо А. А. Семенова изъ Асхабада по поводу одного персидскаго заклинанія, или ментера, противъ болѣзни, извлеченнаго имъ изъ старой персидской рукописи. В. Θ. Миллеръ отмѣтилъ, что въ словахъ заговора, обращенныхъ къ вѣтрамъ, есть старинныя черты, которымъ можно найти параллель въ Авестѣ; нѣкоторыя слова не понятны (напр., айюхуни, айюхуни); ментеръ — срв. санскр. mantra.— Въ этомъ же письмѣ г. Семеновъ сообщаетъ и одну туркменскую пѣсню о борьбѣ съ русскими (взятіи Гѣкъ-Тепе) *).

5) М. О. Аттая сообщилъ объ арабскихъ надписяхъ, присланныхъ изъ Асхабада тоже г. Семеновымъ въ видѣ сдѣланныхъ имъ рисунковъ и фотографическихъ снимковъ. Сняты они съ развалинъ раскапываемаго города Анау (انو), недалеко отъ Асхабада. Срисованныя надписи—куфическія, съ именами علی, الله, محمد и выраженіями, الحمد لله, الله احد, لا اله الا الله, расположенными въ видѣ орнамента; сфотографированныя же надписи—почеркъ насхи, надъ гробницами строителей мечети, къ сожалѣнію, безъ хронологическихъ датъ.

6) П. П. Введенскій, въ очень обстоятельномъ докладѣ, сообщилъ свои впечатлѣнія изъ пребыванія въ Персіи лѣтомъ и осенью 1903 года. Предполагая изложить свои наблюденія археологическія и историческія въ одномъ изъ будущихъ засѣданій Комиссіи, г. референтъ въ нынѣшнемъ засѣданіи остановился преимущественно на описаніи дороги отъ Энзели до Техрана, читая по слѣдующему конспекту:

*) Теперь матеріалъ г. Семенова напечатанъ въ „Этнографическомъ Обзорѣ“, кн. 59, стр. 125—129.

Въѣздъ въ Персію: Энзели; утро, картина залива и кипящей кругомъ работы. Ожиданіе тѣла садр-а'зама, ложный слухъ объ его убійствѣ. Шахскій дворецъ въ Энзели, его архитектура. Разговоръ двухъ персіянъ на баркасѣ Энзели-Техранской дороги; бесѣда о „Москвѣ“, нелюбимыхъ Каджарахъ и современныхъ чиновникахъ. Персидская таможня, осмотръ вещей, курьезный случай съ паспортомъ, затрудненіе по поводу слова „манать“. По дорогѣ къ самому городу: снующіе кержимы, мѣстный татаринъ въ лодочкѣ везетъ на базаръ хесяры. Толпа на берегу. Энзелийскій базаръ, типичность его.

Персидскіе бурлаки и ихъ пѣсня. Встрѣча на рѣкѣ Базаркѣ идущихъ другъ противъ друга кержимовъ. Обычный крикъ и суматоха. Пиръ-Базаръ. Общій характеръ Гиляна, богатая природа послѣдняго. Первая персидская деревушка, непривлекательность ея. Начало Энзели-Техранской шоссеиной дороги, движущіяся группы гиляковъ и татовъ. Полдень — зной, ѣдкая пыль. Угрюмость персидскаго ямщика и причины этого. Бусарская застава, родныя картинки. Любопытство персіянъ. Рештъ и его окрестности. Впечатлѣнія при въѣздѣ въ первый персидскій городъ. Базаръ Решта. Каковъ востокъ? Профессіональное нищенство, персидскія женщины. Фанатизмъ жителей Решта. Гилянская лихорадка. Нарѣчіе, на которомъ говорятъ здѣсь. Моэззины, призывъ къ вечерней молитвѣ — поэтичность звуковъ ихъ.

Дорога. Ночь на востокѣ, проходящій караванъ, пѣсня персіянина и ея отличіе отъ нашей народной. Придорожныя лавочки-чайныя: „духаны“. Персидскіе народные разказчики повѣстей и былинъ „реваянъ“ и отношеніе къ нимъ массы. Мешхеди Али Эскеръ.

На заставѣ въ Ноглаберѣ. Проведенная ночь, богатая природа, растительность, высокія горы. Прощанье съ Гиляномъ.

Скальные участки Энзели-Техранской дороги, отсутствіе всякой растительности. Мысль о прошломъ Иранѣ. Зной. Картинка на берегу Сефидъ-руда. Горы вокругъ мѣстности Менджиля, ихъ составъ. Суровость природы — здѣшніе жители. Менджильская застава, остановка. Развалины и явная любовь персіянъ къ нимъ. Караванъ-сарай. Перевалъ горный — рѣзкій переходъ отъ жары къ холоду. Юзба-чай и спускъ на Иранское плоскогоріе. Персидскія деревушки этой мѣстности.

Казвинъ и краткая исторія его существованія. Въѣздъ въ него, богатые виноградники и сады фисташковыхъ деревьевъ. Обработанныя поля. Достопримѣчательности Казвина: Шахская мечеть XVI столѣтія, народная площадь, гдѣ въ старину происходили конныя ристалища и караванъ-сарай. Описаніе ихъ. Казвинскій базаръ. Пятница — праздникъ. Толны гуляющихъ персіянъ и персіянокъ. Персидскій театръ — представленіе „смерти Хосейна“. Впечатлѣнія и описаніе видѣннаго въ театрѣ. Вечеръ — обѣдъ у губернатора. Персидскій балетъ — переодѣтые мальчики.

№ 86. Протоколъ засѣданія 1 декабря 1903 года подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Мирзы-Абдуллы Гаффарова, Θ. Е. Корша, М. О. Атѣя, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Ю. Р. Гендуне, гостей: настоятеля Антиохійскаго подворья о. Игнатія Абу-р-Руса, г. Жазаре, Д. В. Солодова, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Введенскаго, Долгополова, Данилова, Виноградова, Евреинова, Владимірскаго, Крылова, Петрова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель доложилъ новое письмо М. В. Никольскаго по поводу изданія клинописной коллекціи г. Лихачева. М. В. Никольскій предполагалъ бы разбить изданіе на два выпуска: а) снимки, б) изслѣдованіе и разработка,—которые могли бы издаваться или одновременно, или независимо другъ отъ друга. Восточная Комиссія согласилась съ такимъ предложеніемъ М. В. Никольскаго, постановивши, чтобы изданные имъ выпуски образовывали собою 2-й и 3-й выпуски III тома „Восточныхъ Древностей“.

3) Предсѣдатель В. Θ. Миллеръ доложилъ о статьѣ Б. Халатянца, напечатанной въ W. Z. K. M. и озаглавленной „Der Ursprung der armenischen Fürstenthümer“. Авторъ сближаетъ свѣдѣнія объ Урарту со старинными свѣдѣніями объ извѣстныхъ намъ армянахъ, географическую номенклатуру урартійцевъ—съ номенклатурой армянской у Моисея Хоренскаго и др., равно какъ съ фамиліями армянскихъ княжескихъ родовъ. Отмѣтивши правдоподобіе нѣкоторыхъ сближеній Б. Халатянца, при натянутости другихъ (у него же), В. Θ. Миллеръ отвергаетъ однако конечный выводъ автора, будто бы сходствомъ урартійскихъ и армянскихъ именъ доказывается генеалогическое происхожденіе армянскихъ „нахараровъ“ отъ народа Урарту; сходство объясняется естественнѣе тѣмъ, что всякое новое племя, селясь на мѣстѣ стараго, не искореняетъ всецѣло прежней географической номенклатуры, и новые князья, получая свои фамиліи по мѣсту жительства, сохраняютъ въ нихъ старинныя имена данной страны (срв. фамиліи нѣмецкихъ бароновъ—по тѣмъ замкамъ, гдѣ они поселились).—Съ мнѣніемъ В. Θ. Миллера согласились и Θ. Е. Коршъ, и Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, сдѣлавши по этому поводу рядъ своихъ замѣчаній.

4) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ прочиталъ докладъ: „О рукописныхъ открытіяхъ проф. Н. Я. Марра на Синаѣ и въ Іерусалимѣ. Средства для экспедиціи въ Синай и Іерусалимъ, въ которой, кромѣ проф. Марра, приняли участіе проф. А. А. Васильевъ и кн. И. А. Джаваховъ, дали факультеты Восточный и Филологическій Имп. С.-Петербургскаго Университета, Импер. Православное Палестинское Общество и Восточное отдѣленіе Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Поѣздка г. Марра продолжалась съ 3-го апрѣля по 14-ое ноября 1902 года. На Свѣтлой недѣлѣ члены экспедиціи были въ Каирѣ, откуда направились на Синай. Поработавъ здѣсь три мѣсяца, одинъ изъ членовъ экспедиціи А. А. Васильевъ выѣхалъ въ Россію; 1-го августа и Марръ съ А. Джаваховымъ на верблюдахъ двинулись съ Синая. Въ Суэсѣ узнавъ, что противъ Египта

учрежденъ карантинъ и что сообщеніе съ Палестиной возможно только кружною линією, — съ 12-дневнымъ карантинномъ въ Бейрутъ, они вернулись въ Александрію. Здѣсь Джаваховъ удачно попалъ на русскій пароходъ и уѣхалъ домой, а Марръ остался помя въ Египтѣ. Только черезъ мѣсяцъ онъ попалъ въ Іерусалимъ.

Синайскія и Іерусалимскія работы Марра размѣщены въ рамкахъ исторіи армянской и грузинской литературъ. Референтъ остановился на первой и указалъ на тѣ важныя открытія, которыя сдѣлалъ Марръ въ области древней армянской письменности.

1) Арабскій переводъ исторіи Агаѳангела—Обращеніе Арменіи; переводъ сдѣланъ съ греческаго. Судя по выдержкамъ, приводимымъ г. Марромъ, греческій переводъ восходитъ къ древней армянской редакціи Агаѳангела, сильно отличавшейся отъ имѣющагося нынѣ оригинала этого писателя. Новооткрытый арабскій переводъ названнаго автора чрезвычайно важенъ для критики исторіи Арменіи М. Хоренскаго.

2) Найдено извлеченіе изъ утраченной Исторіи армянскаго писателя IX-го вѣка, Шапуха Багратуни.

3) Въ монастырѣ св. Якова, въ Іерусалимѣ, Марромъ списана версія Житія св. Нины (просвѣтительницы Грузіи) и особенно Исторія св. Креста Нины, составленная Аарономъ Ванандскимъ на основаніи армянскихъ и грузинскихъ источниковъ и, въ томъ числѣ, исторіи Агаѳангела, изъ которой составитель приводитъ цѣлый отрывокъ. Очевидно, говоритъ Марръ, Ааронъ Ванандскій имѣлъ въ рукахъ ту армянскую версію исторіи Агаѳангела, какою располагалъ Моисей Хоренскій.

4) Въ одной изъ рукописей монастыря св. Якова оказалась Исторія Христовыхъ подвижниковъ Татула, Гюта, Өомы и Вароса въ болѣе полной редакціи, чѣмъ въ извѣстномъ, печатномъ текстѣ ея. Любопытно, что въ этой рукописи герой возстанія Армянъ въ V вѣкѣ, Варданъ Мамиконіанъ названъ „Кагшигъ“—Краснымъ, чего не знаютъ Египіе и Лазарь Парпскій, оставившіе намъ описаніе означеннаго возстанія. Далѣе, въ этомъ памятникѣ приводится цитата отъ исторіи Моисея Кертотгаханра, какъ называютъ обыкновенно Хоренскаго, но въ дошедшихъ до насъ редакціяхъ трудовъ М. Хоренскаго нѣтъ цитруемаго мѣста.

5) Въ Іерусалимѣ Марромъ списаны книги Эздры (Библия), въ томъ числѣ апокрифическая, называемая въ грузинскомъ и въ армянскомъ книгою Эздры Салатиела. Въ армянскомъ она считалась переведенною въ позднѣйшее время, такъ какъ до сихъ поръ былъ извѣстенъ только текстъ, встрѣчающійся въ спискахъ Библии XVI—XVII вѣковъ. Грузинскій переводъ въ спискѣ XI в. сохранилъ древне-армянскую версію, несомнѣнно архаичнаго, по самому содержанію, характера. Самъ переводъ грузинскій ни въ какомъ случаѣ не позднѣе VII вѣка, но возможно, что онъ и древнѣе. Изъ двухъ сохранившихся каноническихъ книгъ Эздры Марръ сравнилъ вторую съ арм., сир., греч. и еврейскимъ текстами и замѣтилъ, что грузинскій текстъ этой книги буква въ букву воспроизводитъ армянскій текстъ.

тотъ именно арм. текстъ, который имѣется въ обычномъ изданіи Библіи и называется вульгатнымъ.

6) Въ монастырѣ св. Якова найдена та армянская редакція житія Нерсеса Великаго, которой, между прочимъ, пользовался М. Хоренскій въ своей Исторіи.

7) Тамъ же списано посланіе вардапета Саркавача (XI в.). Въ немъ заключается отвѣтъ армянскаго ученаго на вопросъ какого-то грузинскаго епископа касательно одного мѣста въ Псалмахъ.

Оставляя въ сторонѣ рядъ другихъ открытій по армянской и грузинской литературамъ, референтъ заключилъ свое краткое сообщеніе замѣчаніемъ, что экспедиція проф. Марра въ отдаленный христіанскій востокъ увѣнчалась блестящими успѣхами и открытіями, за которые армянскіе и грузинскіе ученые вмѣстѣ съ западными оріенталистами всегда будутъ ему признательны.

5) А. Е. Крымскій прочиталъ сообщеніе: „Первые шаги европейскаго востоковѣдѣнія въ XVI вѣкѣ“ *).

№ 87. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Имп. Моск. Арх. Общ. 12 февраля 1904 года, подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: М. О. Атаи, Г. А. Халатьянца, бар. Р. Р. Штакельберга, Θ. Е. Корша, С. Н. Тэръ-Саргсянца, Мирзы-Джафара, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, нѣсколькихъ студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и секретаря Восточной Комиссіи А. Е. Крымскаго.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь А. Е. Крымскій доложилъ адресованное къ нему частное письмо нашего сочлена изъ Петербурга М. С. Щеккина относительно греческой, по его предположенію гностической, надписи и мистическаго рисунка на геммѣ, найденной на востокѣ Персіи, въ Сеистанѣ:

„Пишу Вамъ—отчасти, чтобы сообщить нѣкоторыя не лишеныя интереса свѣдѣнія, отчасти—чтобы освѣдомиться о Вашемъ мнѣніи по ихъ поводу.

„Бывшій нашъ консулъ въ Сеистанѣ, А. Я. Миллеръ, подарилъ мнѣ камень-печатку, изъ числа древностей, найденныхъ на мѣстѣ и попадающихъ вообще въ большомъ количествѣ, особенно на правомъ берегу р. Гильменда. На одной сторонѣ—греческая надпись

ΕΒΟΙ

ΦΟΝΙ

ΝΝΟΥΝ

ΑΧΝΑ

ΖΩ (Эта послѣдняя строка написана, впрочемъ, очень своеобразно) **).

*) Въ переработанномъ видѣ это сообщеніе напечатано въ 3-мъ выпускѣ II-го тома „Древностей Восточныхъ“.

**) Къ этому засѣданію подлинная гемма не могла быть М. С. Щеккинымъ прислана и получила въ Москвѣ уже послѣ. Издана она ниже въ протоколѣ № 89, стр. 11. Ред.

„По мнѣнію Г. Е. Кизерицкаго (Эрмитажъ), хорошаго знатока греческой эпиграфики, къ которому я направилъ А. Я. Миллера, надпись—гностическая, приблизительно V вѣка по Р. Х. Читается она: Εὐοὶ! φωνήν υοὺν ἀχούζω—„Эвой! презираю голосъ (=звукъ, рѣчь?) и умъ“.

„На другой сторонѣ медали — голая женская фигура съ завязанными глазами и поднятыми на грудь руками, сидящая на тростниковомъ плоту, совершенно схожемъ съ сеистанскимъ тутиномъ ^{نوٹین} *), который и теперь служить единственнымъ средствомъ переправы. Оба конца плота украшены цвѣтами лотоса.

„Читая въ здѣшнемъ Археол. Обществѣ очеркъ стараго и современнаго Сеистана, А. Я. Миллеръ, въ числѣ прочихъ древностей, показывалъ и этотъ камень. Но никто изъ присутствовавшихъ не сдѣлалъ къ опредѣленію Кизерицкаго дополнительныхъ замѣчаній.

„Вывезены были Миллеромъ монеты первыхъ вв. по Р. Х., значительное число геммъ (въ громадномъ большинствѣ того же времени) греческой работы, и, наконецъ, мелкія греческія украшенія изъ бронзы, по преимуществу булавки и обломки. Этими послѣдними вещами занимался я. Къ сожалѣнію, ихъ было всего 4 штуки. Химическій анализъ ничего не далъ: 90 и 10,—т.-е. самая обычная пропорція для древней бронзы въ мелкихъ издѣліяхъ. По формѣ ихъ можно отнести со II в. до Р. Х. до III в. послѣ Р. Х.; на всемъ этомъ протяженіи ихъ находятъ гдѣ угодно и сколько угодно. Три совсѣмъ позеленѣли, и только одна шишечка отъ булавки приобрѣла очень красивую окраску. Чисто субъективно, по сравненію съ другими видѣнными вещами, я отнесъ ее къ I в. по Р. Х. Въ общемъ эта сторона дѣла, кромѣ установленія греческой работы, почти ничего не дала.

„Сопоставляя обиліе греческихъ вещей, валяющихся—такъ сказать—на поверхности земли, съ нѣкоторыми бросающимися въ глаза особенностями правописанія, а главное—съ сюжетомъ рисунка, приспособившаго незамысловатую аллегорію къ чисто-мѣстному, бывшему постоянно на глазахъ предмету, я рискнулъ бы высказать мнѣніе, что камень былъ вырѣзанъ въ Сеистанѣ же. Устанавливаемый отсюда фактъ, что (въ V ли вѣкѣ по Р. Х., или пожалуй и позже) въ самой коренной Персіи былъ человекъ, вырѣзывавшій, быть можетъ, по заказу, гностическія надписи по-гречески,—этотъ одинъ фактъ представляетъ собою интересъ даже безотносительно къ хронологической датѣ камня, которая едва ли можетъ быть установлена съ полной достовѣрностью.

„Въ виду вашихъ занятій, связанныхъ съ изученіемъ суфійства, возможно, что все вышесказанное наведетъ васъ на какія-либо размышленія. Было бы очень любопытно знать ваше мнѣніе и тѣ свѣдѣнія, которыя могли бы у васъ оказаться. Искренно преданный вамъ **М. Щекинъ**“.

Доложивши это письмо, А. Е. Крымскій высказалъ сожалѣніе, что М. С. Щекинъ не успѣлъ прислать самой геммы для осмотра, а прислалъ

*) Обыкновенное общеперсидское значеніе этого слова (срв. и словарь „Ворхан-и ва-ти“) есть просто کشتی, т. е. корабль, лодка, судно. А. Кр.

только свое чтение надписи, которое, быть может, и не окончательно-безспорно; напимѣрь, глаголѣ $\alpha\gamma\alpha\zeta\omega$ (вообще-то не слишком употребительный въ греческомъ языкѣ) читается, по сообщенію самого же М. С. Щеккина, не съ полной ясностью. Но въ основѣ своей предположеніе М. С. Щеккина могло бы быть вполне основательнымъ. Греко-Бактрійское царство (III—I в. до Р. Х.), лежавшее по верхней системѣ Аму-Дарья, должно было прочно вкоренить употребленіе греческаго языка въ тѣхъ мѣстностяхъ; и даже когда періодъ т. н. эллинизма собственно ужъ кончился, индо-скинское царство довольно долго еще пользовалось греческимъ языкомъ въ качествѣ письменнаго (срв. греческія надписи на индо-скинскихъ монетахъ). Почему же не могли появляться тамъ и гностическія надписи? А писать ихъ могъ бы даже и не грекъ, а мѣстный уроженецъ.

Противъ этого послѣдняго мнѣнія рѣшительно возразилъ О. Е. Коршъ, основываясь на чрезчуръ фонетическомъ характерѣ греческаго правописанія этой надписи. О. Е. Коршъ высказалъ свое мнѣніе, что она начертана не въ Персіи, гдѣ правописаніе греческаго языка, изучаемаго при помощи зрительной памяти, должно было бы оказаться болѣе этимологическимъ (съ буквою η , а не ϵ), и что, по всему вѣроятію, надпись на этой печати сдѣлана въ Византіи, а въ Персію печатка лишь занесена; и не доказано, чтобы она содержала въ себѣ что-либо гностическое: по крайней мѣрѣ этого ясно не видать въ содержаніи*); притомъ, едва ли она относится къ V вѣку: должно быть, она — гораздо болѣе поздняго времени. Противъ послѣдняго заключенія О. Е. Корша возражалъ В. О. Миллеръ, отмѣчая, что, если не сомнѣваться въ точности описанія М. С. Щеккина, то плоть, лотось, поза женщины со сложенными на груди руками — все это черты мѣстныя, восточныя, азіатскія, не византійскія. А вотъ, что значитъ надпись, это рѣшить трудно**). Постановлено просить М. С. Щеккина о присылкѣ подлинника.

В. О. Миллеръ прочелъ свой докладъ о персидскомъ нарѣчіи мусульманъ-татовъ, относительно котораго въ наукѣ до сихъ поръ не было достовѣрныхъ свѣдѣній: сообщенія Березина и Дорна — и отрывочны, и ошибочны, такъ что и краткій сводный очеркъ, составленный Гейгеромъ, гиланскаго, талышскаго и татскаго нарѣчія — тоже очень смутенъ и ошибоченъ. Нарѣчіе горскихъ евреевъ, говорящихъ по-татски, изслѣдовано было В. О. Миллеромъ уже давно, но оно, оказывается, имѣетъ значительныя отличія отъ того же татскаго нарѣчія татовъ-мусульманъ. Всѣхъ татовъ-мусульманъ насчитывается только около 140.000; они шиты. Изъ устъ одного изъ нихъ, Аги-балы изъ Могича (Шемахъ у., Бакинск. губерніи), В. О. Миллеръ и произвелъ свои записи. Записи — обильны; кромѣ текстовъ,

*) При чтеніи протокола О. Е. Коршъ добавилъ, что онъ сомнѣвается въ истинномъ или гностическомъ смыслѣ надписи на Сенставской печати только потому, что надпись коротка, и смыслъ ея не ясенъ, но отрицать возможность появленія гностическаго памятника въ Сенставѣ и вообще въ тѣхъ мѣстностяхъ онъ не думаетъ, потому что извѣстны нѣкоторые манихейскія письменныя данныя именно оттуда же.

**) Въ послѣдствіи (см. протоколъ № 89), когда В. О. Миллеръ взглянулъ на подлинный рисунокъ, онъ его призналъ за египетскій, приблизительно Александрійской эпохи.

записанъ и словарь, содержащій болѣе 2300 словъ. Въ нынѣшнемъ засѣданіи референтъ обстоятельно познакомилъ Восточную комиссію съ вокализмомъ мусульманско-татскаго нарѣчія, который имъ изслѣдованъ въ системѣ и подведенъ подъ законы; многія фонетическія явленія объясняются однако путемъ нефонетической аналогіи и вліяніемъ литературнаго персидскаго, а особенно сосѣдняго тюркскаго (азербейджанскаго) языка, который татамъ хорошо знакомъ. Рефератъ будетъ напечатанъ цѣликомъ въ „Трудахъ по востокоевѣдѣнію издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ“.

По прослушаніи реферата, Ѳ. Е. Коршъ обратилъ вниманіе на исчезновеніе въ этомъ языкѣ всякихъ слѣдовъ разницы между *йе* и *waaw* маджхуль и *йе* и *waaw* ма'рфъ, — исчезновеніе интересное потому, что тутъ же, у сосѣднихъ тюрковъ-азербейджанцевъ, слѣды этой разницы въ заимствованныхъ ими персидскихъ словахъ далеко не затерлись: срв. азерб. *дост* (=другъ, при обычномъ персидскомъ *дуст*); также въ татскомъ *дѳ* (=دیو), звукъ *ѳ* не есть отраженіе *ё* (дѣв), а легко объясняется азербейджанскимъ *дѳв* (=дивъ). Соглашаясь съ мыслью В. Ѳ. Миллера о необходимости объяснять многія явленія татскаго вокализма не фонетическимъ путемъ, а путемъ заимствованія изъ азербейджанскаго или литературнаго персидскаго языка, Ѳ. Е. Коршъ въ дополненіе отмѣтилъ еще фонему *лаш* (падалъ لاش), какъ взятую прямо отъ азербейджанцевъ. Въ параллель къ указанному В. Ѳ. Миллеромъ вставочному *б* въ „домбор“ (перс. داماد = зять), Ѳ. Е. Коршъ съ своей стороны указалъ старинное персидское „Дамбаванд“ (гора Демавендъ, دماوند), принятое такъ разъ въ этой формѣ и армянами. Звукъ „у“ въ заимствованныхъ изъ русскаго языка словахъ „пуднус“ (=подносъ) и „накус“ (насосъ) Ѳ. Е. Коршъ отнесъ прямо къ вліянію азербейджанскому. Многія догадки, теоретически свидѣтельствующія объ азербейджанскомъ фонетическомъ вліяніи, фактически подтверждены были С. Н. Тэръ-Саргсянцомъ, который со своей стороны тутъ же приводилъ совпаденія или параллели изъ фактовъ азербейджанскаго языка.

Г. А. Халатьянцъ прочиталъ:

а) Некрологъ Маттаеи Гарагашяна, скончавшагося въ декабрѣ 1903 года. Присутствующими память его была почтена, по предложенію Предсѣдателя, поднятіемъ съ мѣстъ.

б) Докладъ: Итоги научной критики „Исторіи Арменіи—Моисея Хоренскаго“. Докладъ будетъ напечатанъ цѣликомъ.

Г. А. Халатьянцъ принесъ въ даръ бібліотекѣ Археологическаго общества свой трудъ: „Армянскіе Аршакиды въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго“ (М. 1903), а А. Е. Крымскій — изданная подъ его редакціей и съ его введеніемъ „Турецкія народныя пѣсни“ (М. 1903) и свой оттискъ изъ Записокъ Академіи Наукъ: „Отзывъ о книгѣ И. Степенка: Поэзія И. Котляревскаго“.

№ 88. Протоколъ засѣданія 5-го марта 1904 года подъ председательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи предсѣдателя Общества графини

П. С. Уваровой, гг. членовъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. О. 'Аттаи, А. С. Хаханова, Мирзы-Джафара, Мирзы 'Абдаллаха Гаффарова, Ѳ. Е. Корша, гостей В. Д. Габинова, Д. В. Солодова, П. П. Введенскаго, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ Евреинова, Крылова, Владимірскаго, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

- 1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.
- 2) В. Ѳ. Миллеръ прочиталъ сообщеніе о консонантизмѣ мусульманско-татскаго языка *), причемъ обратилъ особенное вниманіе на слѣдующія его черты:

- а) Языкъ этотъ имѣетъ склонность къ палатализациі.
- б) Соблюдается изглашеніе словъ на звонкіе.
- в) Кромѣ того, замѣчательная общая черта съ еврейско-татскимъ языкомъ — переходъ *ḡ* въ *p* (*ḡ* въ *p*).

По выслушаніи сообщенія, Ѳ. Е. Коршъ отмѣтилъ, что нѣкоторыя характерныя черты татскаго консонантизма имѣются и въ обыкновенномъ ново-персидскомъ языкѣ, только не такъ ярко выражены; срв. ново-персидскій *ورشکسته* = „банкротъ“ (см. *برشکسته*). Далѣе Ѳ. Е. Коршъ съ большимъ вниманіемъ остановился на случаяхъ тюркскаго фонетическаго вліянія на татскій консонантизмъ, — вліянія, которое отмѣчено было и въ рефератѣ В. Ѳ. Миллера. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ нѣкоторыя свои дополненія къ тѣмъ или другимъ наблюденіямъ референта.

3) М. О. Аттая демонстрировалъ куски шелковой матеріи съ арабскими надписями, присланные въ наше Археологическое Общество изъ Местской церкви въ Сванетіи, гдѣ они и были разысканы, и представляющіе изъ себя лишь лоскутья, а также найденный тамъ щитъ и сосуды. Общаго текста надписи на матеріи разобрать теперь нѣтъ возможности, и видны только отдѣльныя слова, какъ *الله* или *اللاقم*. Относятся они къ вѣку, вѣроятно, X—XI. А одинъ изъ кусковъ матеріи — персидскій. Надпись на щитѣ — одна изъ суръ Корана, начертанная куфійскимъ письмомъ. Надписи на сосудахъ — крайне неразборчивы, хотя общій куфійскій ихъ характеръ ясенъ. Референтъ высказалъ надежду, что, быть можетъ, онъ еще сумѣетъ въ нихъ разобраться.

№ 89. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 22 марта 1904 года, подъ председательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Ѳ. Е. Корша, М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, А. С. Хаханова, гостя В. С. Мусатова, К. А. Фрейтага, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ гг. Евреинова, Данилова, Попова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

- 1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

*) Печ. въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“, изд. Лазар. Инст. Вост. яз.

2) Представлена была для разсмотрѣнія гг. членамъ Восточной Комиссіи присланная М. С. Щекинымъ греческая медаль изъ Сисѣана, о которой было читано въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій его письменное сообщеніе (см. протоколъ № 87).

Непосредственное разсмотрѣніе памятника привело теперь Восточную Комиссію къ совершенно иному заключенію о немъ, чѣмъ то, которое было сдѣлано раньше просто по письменному описанію. В. Θ. Миллеръ призналъ теперь эту медаль, по ея рисунку, за египетскій памятникъ, поздняго времени, — эпохи, пожалуй, Александрійской. Θ. Е. Коршъ подтвердилъ, что это должно быть именно такъ и что позднее фонетическое греческое правописаніе, употребленное въ надписи на медали, тоже подходитъ къ Египту: египтяне писали греческія слова по слуху, а не придерживаясь этимологій.

3) В. Θ. Миллеръ прочиталъ очеркъ морфологій мусульманскотатскаго языка, какъ именъ, такъ и глаголовъ *).

90. Протоколъ засѣданія 28 сентября 1904 года подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера въ присутствіи гг. членовъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. О. Аттаи, гостей: Д. В. Солодова, гг. студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ ф. Шлиппе, Разумовскаго, Данилова, Остромысленскаго, Евреинова, Рогальскаго, Козакевича, Гильдебрандта, Попова, Мацкевича, Е. Ильина, Никитина, Коссовскаго, Некоры, Максимова, Иванова, Былинкина, Рыбакова, Захаржевскаго, Радугина, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель В. Θ. Миллеръ представилъ въ Комиссію для передачи въ бібліотеку Общества три новыхъ изданія „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: 1) свои „Ossetica“, служащія необходимымъ дополненіемъ къ его „Осетинскимъ этюдамъ“, 2) „Курдскій эпосъ“, составляющій одинъ изъ томовъ „Эминскаго Этнографическаго сборника“ и содержащій въ себѣ очень интересные современные

*) Докладъ цѣликомъ теперь изданъ въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію, изд. Лазаревск. Инст. Вост. языковъ“.

отзвуки старо-персидскаго былиннаго эпоса, и 8) „Исслѣдованія въ области 1001 ночи“ Эструпа со „Вступительнымъ очеркомъ литературной исторіи арабскихъ повѣствовательныхъ сборниковъ“ А. Крыжскаго.

8) Онъ же прочиталъ слѣдующее письмо г. Ю. Воронова изъ Сухума:

„Во время своей прошлогодней поѣздки въ сѣверо-западные Саяны и Уранхайскую землю, въ верхнемъ бассейнѣ р. Кала мнѣ пришлось встрѣтиться съ угасающими остатками какого-то неизвѣстнаго мнѣ племени, сильно меня заинтересовавшими. Племя это въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ старѣйшій представитель его, служившій намъ проводникомъ, Иванъ Андреевичъ Шальбаи, состоитъ въ настоящее время всего изъ 18 „бойцовыхъ“ душъ и сосредоточено въ одномъ улусѣ—Верхне-Ильбинскомъ (Канскій Округъ, Енисейской губ.). Называютъ они себя „таежными татарами“ и принадлежать къ роду Кгламаджи. Русскіе называютъ ихъ, какъ всѣхъ инородцевъ въ Сибири, „ясачными“ и не отдѣляютъ отъ татаръ.

„Однако, при самомъ поверхностномъ сравненіи ихъ языка съ языкомъ сибирскихъ татаръ (качинскихъ, сагайскихъ и кирагозовъ) бросается въ глаза полное ихъ различіе. Я позволю себѣ привести небольшой параллельный списокъ словъ таежныхъ и степныхъ татаръ и ихъ счисленіе.

Отекинне.	Таежине.
вода —су	бу
оверо —кѣль	тѹ
олень —нды	то
лошадь —ат	инэ
собака —адай	мэн
медвѣдь —обѣ	ругабѣ
Холодный переваль —сок-кыр	шишти бѣра]
1—быр	он
2—ыхы	шидэ
3—уч	нагһыр
4—торт	тэты
5—бэш	сумна
6—алты	мухтѹ
7—джида	себбѣ
8—сез	шишуэгһы
9—тоз	амѣтун
10—он	бѣн
20—джибрби	шидубѣ
30—бтуз	нагһырбэ
40—кырк	тэтыбы и т. д.
100—джюз	дусюз

для 1000 слова въ языкѣ нѣтъ.

„Кромѣ разницы въ самихъ корняхъ, сильно замѣтны и звуковыя отличія обоихъ нарѣчій; такъ, для звуковъ *н* и *т* существуетъ два произноше-

нія, вполне совпадающія съ твердыми *з* (*п*) и *ф* (*пн*) и *с* (*т*) и *о* (*тн*) кавказскихъ языковъ. Кочевали они въ верховьяхъ рѣкъ Кала и Майчи, и всѣ сохранившіяся названія рѣкъ, озеръ и горъ звучатъ на языкѣ этихъ „таежныхъ“ татаръ: Подд-бу (теперь его называютъ буквально русскимъ переводомъ—Козель), Памэй-бу (теперь Шаровары, тоже буквальный переводъ), Тэби-бу (Талая рѣчка), Сурнугнэй (Спотыканово) и т. д. Явились они сюда, повидимому, съ запада, въ памяти у нихъ сохранилась р. Иртышъ. Теперь ихъ осталось, какъ я уже говорилъ, всего 18 бѣлыхъ душъ, остальные вымерли отъ кори и оспы. Для меня было бы въ высшей степени интересно выяснить, что это за племя, и какое оно имѣетъ отношеніе къ другимъ сибирскимъ инородцамъ; по языку они совершенно не сходны и съ соседними сойотами. Поэтому я и взялъ на себя смѣлость обратиться къ вамъ и просить вашей помощи и указаній. Совершенно почти незнакомый съ литературою по этнографіи нашихъ сибирскихъ инородцевъ, разобраться самъ въ этомъ вопросѣ я не могу. А между тѣмъ, можетъ быть, этотъ угасающій отпрыскъ какого-то, повидимому, раньше многочисленнаго племени, представилъ бы не мало интереснаго для науки. Я самъ не имѣю въ виду посѣтить снова этихъ мѣстъ, но, я думаю, среди интеллигентныхъ работниковъ минусинскаго общества нашлись бы желающіе заняться изученіемъ калмажлинцевъ, если они дѣйствительно могутъ представить интересъ и еще не служили объектомъ научнаго изслѣдованія. Прошу васъ не отказать написать мнѣ, извѣстны ли вамъ эти „таежные татары“, и въ такомъ случаѣ указать, гдѣ бы я могъ найти литературу по интересующему меня вопросу. Приношу вамъ свои извиненія за беспокойство и надѣюсь, что вы не оставите меня своимъ отвѣтомъ, хотя бы въ двухъ словахъ.

Адресъ мой: Сухумъ-Кале, Ботаническій садъ, Юрію Николаевичу Воронову“.

Прочитавши письмо г. Ю. Воронова, В. О. Миллеръ указалъ, что инородцы, о которыхъ онъ пишетъ, представляютъ собою несомнѣнно остатокъ южныхъ самоѣдовъ. Среди самоѣдовъ надо отличать вѣдь сѣверныхъ и южныхъ. Сѣверные живутъ на востокѣ Арханг. губ., въ Сибири по низовьямъ Оби и Енисея до Хатангской губы. Южные—въ южныхъ частяхъ Енисейской губ. и Томской, почти отатарились. Къ послѣднимъ причисляются: Камасинцы, Койбалы (150 д.), Маторы, Бельтиры, Карагасы и Обскіе самоѣды. Родиной самоѣдовъ была область Саянскаго нагорья, гдѣ Кастрень въ 50-хъ годахъ видѣлъ отатарившіеся народцы, коихъ старики помнили еще прежній (самоѣдскій) языкъ. Оттѣсненные къ сѣверу самоѣды спустились по Оби и были затѣмъ отодвинуты къ морю остяками, съ которыми (судя по народнымъ преданіямъ) они вели нѣкогда ожесточенную борьбу. Въ настоящее время урянхайцы въ верхнемъ бассейнѣ р. Кана говорятъ тюркскимъ языкомъ. „Таежные“ помнятъ р. Иртышъ.

Вотъ сопоставленіе числительныхъ:

	Ю	ж	н	ы	е	с	а	м	о	ѣ	х	и
Калмаки (таежн. татары). На верхн. Кана въ Енис. губ. южн. части.	Между Енисеемъ и Хатангой.	Въ Тоб. и Енис. губ. сѣв. Остяко- самойдн. Юраки.										
1. оп	об, ом	нб	но'аі'	бкер	ноб, нопой							
2. шідэ	шідэ	сідэ, сирэ	сигі	седе	сидеа							
3. наіур	наіур	неһу	нагур	нагур	нянар, няр							
4. тэт	тѣде	тет	тата	тет, тет	тет, тет, тјет							
5. сүмна	сүмүла	собрлего	санфалжанка	самлян	самлян							
6. мухтү	муктүд	моту'	матү'	мукхтут	мат'							
7. сеобі	сеібу	се'о	бѣйбуа	с'елдје	сіу, шеу							
8. шиндэгі 2×4	шинтеде	сірі-ото	сіті-дата	седе-чан-кѣт	сіден-дјет							
9. аміун	аміун	нѣсѣ	намеайтома	бкер-чан-кѣт	хасава-ју							
10. баһ	біен, біед	біү'	бі'	кѣт	ју							
20. шідэбі 2×10	шідэ біед	сідіу'	сигі бі'	седе сарм	сиде ју							
100. джюз	тјос	јү	јір	тон, тот	јур							
оленъ	то		ѣтѣ									

4) Доложено было письмо прив.-доц. А. Гляйе изъ Томска отъ 13/IX 1904 г. о новыхъ, готовыхъ къ напечатанію его работахъ, въ частности—относительно народа „Митани“. Письмо адресовано къ г. Предсѣдателью Восточной Комиссіи, который прежде его прочтенія напомнилъ, что г. А. Гляйе (магистръ сравнительной грамматики), учившійся за границею (въ 1892 г.) и служившій на Кавказѣ, уже извѣстенъ своимъ изслѣдованіемъ: Die ethnologische Stellung der Lykier (Helsingfors 1900); онъ изучалъ и армянскій и грузинскій языки и другіе кавказскіе, съ которыми сближаетъ нѣкоторые загадочные европейскіе. По поводу народа „Митани“ В. Ө. Миллеръ напомнилъ Комиссіи, что Митани упоминаются въ знаменитой Телль-эль-амарнской перепискѣ (фараоновъ Аменготповъ). Они принадлежали къ хаттійской группѣ народовъ и жили по обоимъ берегамъ верхняго Ев-

фрата (въ Месопотаміи) и на востокъ отъ Евфрата до Ассиріи *). Въ такъ наз. Нахарина въ 15 вѣкѣ цари Митани, владѣвшіе въ то время Ниневіей, находились въ сношеніяхъ съ царями 18-й династіи египетской. Митанійское государство занимаетъ видное мѣсто между Вавилонскимъ (въ то время подъ Касситской династіей) и Египетскимъ. Митанійскіе цари (Душратта) пишутъ на вавилон. языкѣ письма Аменфису III и IV, главнымъ образомъ прося у нихъ золота и посылая своихъ дочерей въ гаремъ египетскаго фараона. Дошло только одно письмо на митанійскомъ языкѣ.

Что касается письма г. Гляйе, то оно слѣдующее:

Von mir liegen jetzt einige Sachen so ziemlich fertig und harren der Übersetzung ins Russische. Mir fehlt nur noch einiges aus der Literatur,— ich hoffe jedoch noch in diesem Jahre die betreffenden Artikeln dem Drucke übergeben zu können. Als Mitglied der Vorderasiatischen Gesellschaft (Berlin) erhielt ich von Dr. Messerschmidt dessen Mitanni-Studien zugeschickt. Ich glaube nun Ihnen mitteilen zu können, dass es mir gelungen ist in der Sprache der Mitanni eine mit dem Abchazischen und Tscherkessischen verwandte Sprache zu erkennen. Ich beabsichtige in den nächsten Tagen Herrn L. L. Lopatinski nach Tiflis einen Aufsatz über diese Frage zu senden. Nach meiner Ansicht haben sich die Kolchier von Norden her über das ganze westliche Armenien bis nach Mesopotamien hin ausgebreitet. Nach der Auffassung verschiedener deutscher Gelehrten ist die Sprache der Mitanni mit der Sprache der Van-Bevölkerung verwandt. Ich bin stets ein Gegner der Ansicht gewesen, die Keilschriften von Van enthielten einen Kartwelischen oder—horribile dictu—armenischen Dialect. Gleichermassen ist auch nicht die Auffassung Prof. Хаханов's dass die Kolchier Vorfahren der heutigen Lazen seien. In den Kolchiern sehe ich einen nordwest-kaukasischen, dem Abchazischen-Tscherkessischen nahe verwandten Stamm. Sind nun die Mitanni wirklich mit der Sprache der Van Bevölkerung verwandt, so müssten wir auch in der letzteren einen abchazisch-tscherkessischen Dialect erkennen. Ich wage diese Frage jedoch noch nicht zu entscheiden, bevor ich nicht die Arbeiten von Nikolskij und Anderen über die Van-Denkmalen kennen gelernt habe. Es wäre nicht undenkbar, dass die Van-Bevölkerung von Süd-Osten her in ihre späteren Wohnsitze eingewandert sei und sprachlich mit der südlichen und östlichen Caspi-Bevölkerung verwandt ist, deren ugro-finnisch Charakter für mich keinem Zweifel unterliegt. Eine Arbeit über die Ugro-finnen werde ich noch in diesem Jahre Prof. Setälä nach Helsingfors senden. Ich möchte Sie nun, hochgeehrter Herr Professor, ganz ergebenst bitten mir,—eventl. leitweise die Arbeiten von Nikolskij über die Inschriften von Van zusehen zu wollen. Wenn ich nicht irre, hat auch Prof. Mseriantz über die Van-Inschriften einiges geschrieben. Ich kann meine Arbeit über die Ugro-finnen nicht früher nach Helsingfors absenden, bevor ich nicht über die ethnologische Stellung der Van-Bevölkerung eine Entscheidung getroffen habe. Da es sehr möglich ist, dass über kurz oder lang von Seiten ausländi-

*) Вообще Мелитена, сѣвер. Сирія и сѣверн. Месопотамія въ XVII, XVI в. были во власти Митани (и даже даже до Ассирии).

seher Gelehrten ein Zusammenschlag zwischen Mitanni und Abchazisch (Tscherkessisch) behauptet werden sollte, so bitte ich Sie ganz ergebenst gegebenen Falles zu bezeugen, dass mir die Priorität gebührt...

Arthur Gleye.

По мнѣнію В. Θ. Миллера самая идея г. Гляйе въ принципѣ своемъ вполне допустима, но, покажѣтъ, письмо его ничего еще не даетъ: надо подождать опубликованія его изслѣдованія, и лишь тогда можно будетъ судить, доказательно ли оно.

б) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ армянскихъ надписяхъ, найденныхъ имъ въ Кишиневѣ, въ мѣстной армянской церкви Св. Богородицы. Первая изъ нихъ на полукругломъ мраморномъ камнѣ и хранится на хорахъ, другая — на четырехугольной мраморной доскѣ и вѣдѣлана въ стѣну надъ дверью, ведущей изъ паперти въ церковь. Въ этихъ надписяхъ говорится объ основаніи вышеозначенной церкви. Последняя, какъ видно изъ первой надписи, была построена въ 1803 году, на средства Іоаннеса, — сына Акопджана. Церковь недолго просуществовала: вслѣдствіе ли пожара или ея малыхъ размѣровъ, ее пришлось перестроить и на этотъ разъ на средства всѣхъ прихожанъ, коихъ имена перечислены во второй надписи, датированной 1804 годомъ. Далѣе г. референтъ разобралъ особенности и нѣкоторыя погрѣшности въ текстѣ надписей и, между прочимъ, замѣтилъ, что указаніе въ нихъ на современника патріарха Давида не совсемъ точно, ибо въ то время законнымъ патріархомъ эчміадзинскимъ былъ Даніилъ, а Давидъ являлся лишь узурпаторомъ. По настоянію русскаго правительства, эриванскій сардаръ въ 1807 году свергъ Давида съ престола и возстановилъ Даніила въ его правахъ. Упоминаніе же Давида въ разбираемыхъ надписяхъ слѣдуетъ приписать сторонникамъ Давида, во главѣ которыхъ стоялъ архимандритъ Григорій, впослѣдствіи архіепископъ кишиневскій, о коемъ имѣются обстоятельныя свѣдѣнія въ Архивѣ фамиліи гг. Лазаревыхъ, въ библіотекѣ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ.

6) Секретарь Комиссіи А. Е. Крымскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Школа, просвѣщеніе и литература у руссійскихъ мусульманъ“ *).

01. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 3 ноября 1904 года, подъ предѣлательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Г. А. Халатьянла, А. С. Хаханова, М. О. Аттаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, находящагося проѣздомъ изъ Персія Б. В. Миллера, референта Д. В. Солодова, студентовъ

*) Напечатано по-малорусски въ его книгѣ „Мусульманство і його будучність“, Львів, 1904, стр. 176—212. (=Літературно-наукова Бібліотека, кн. 88—90). Съ малорусскаго статьи переведена на русскій языкъ г. Разумовскимъ и напечатана въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“, кн. 63.

Лазаревского Института Восточныхъ языковъ — Радугина, Анспаха, Захаржевскаго, де-Бояръ-Боярскаго, П. Попова, Иванова, Никитина, Рыбакова, Якубовскаго, Козакевича, Разумовскаго, Рогальскаго, Покровскаго, Данилова, Коссовскаго, Гильдебрандта, Евреина, ф. Шлиппе, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Д. В. Солодовъ прочиталъ „Опытъ сводной біографіи Саадія“. Въ основу была положена референтомъ старинная диссертация о Саадіи И. Н. Холмогорова, которую онъ дополнилъ и подправилъ на основаніи болѣе новыхъ изслѣдователей.

3) Прочитана А. С. Хахановымъ присланная статья о Джана-швили о различныхъ старинныхъ грузинскихъ церковныхъ надписяхъ, снятыхъ имъ и переведенныхъ. Восточная Комиссія предложила А. С. Хаханову взять на себя предварительную обработку реферата. Джанашвили, чтобы онъ могъ быть напечатанъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“.

4) А. С. Хахановъ прочиталъ свой переводъ открытаго имъ грузинскаго апокрифа о судѣ Понтія Пилата надъ І. Христомъ. Докладчикъ относитъ рукопись къ XVI вѣку, но самый переводъ — къ первымъ вѣкамъ христіанства, — вѣроятно, съ греческаго языка *). — Г. А. Халатьянцъ оспаривалъ правильность послѣдняго предположенія и высказалъ догадку, что грузинскій переводъ сдѣланъ съ армянскаго языка. Часто употребляемое въ грузинскомъ текстѣ слово „пасенагъ“ (тѣлохранитель, стражникъ) тоже, по мнѣнію Г. А. Халатьянца, намекаетъ на армянскій оригиналъ (срв. армянское *paḥnak*, изъ *paḥenak*).

5) К. Г. фонъ-Шлиппе представилъ сдѣланный имъ снимокъ со старинной армянской надписи на Елеонской горѣ въ Іерусалимѣ. Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ уже сдѣлалъ переводъ этой надписи, но обнаружилъ, что она снята г. Шлиппе неполностью. М. О. Аттая сообщилъ, что и у него имѣется фотографическій снимокъ этой же надписи, сдѣланный покойнымъ архимандритомъ Антоніемъ, и высказалъ надежду, что сопоставленіе обоихъ снимковъ дастъ возможность установить вполне правильное чтеніе. Г. А. Халатьянцъ обѣщалъ г-ну ф. Шлиппе помочь ему сообщеніемъ надлежащихъ историческихъ свѣдѣній, чтобы онъ могъ сдѣлать докладъ объ этой Елеонской надписи въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Сирію и Палестину, слушаніе котораго предполагено въ ближайшемъ засѣданіи.

92. Протоколъ засѣданія 18 ноября 1904 года, подъ председательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, референта К. Г. ф. Шлиппе, студентовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ: Данилова, Никитина, Рыбакова, Рогальскаго, Некоры, Балакина, М. Иванова, Гильдебрандта, Былинкина, Евреина, Александровича, Остромысленскаго, Лойко, Хури, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

*) Постановлено издать въ „Древностяхъ Восточныхъ“.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія,

2) Л. З. Мсеріанцъ сообщилъ: „Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для древне-персидской филологіи“ *). Сдѣлавъ общій историческій очеркъ состоянія Персіи въ царствованіе Дарія II Оха (Нота), къ эпохѣ котораго относится изданный проф. Euting'омъ (Парижъ, 1903) страсбургскій папирусъ („въ 14-й годъ Дарія царя“, т. е. 411 — 410 а. Ch. N.), и отмѣтивъ значеніе этого документа для болѣе точнаго фиксированія даты начала возстанія въ Египтѣ при Даріѣ II (по мнѣнію референта 412 а. Ch. N.), Л. Мсеріанцъ остановился главнымъ образомъ на лингвистическомъ анализѣ встречающихся среди арамейскаго текста папируса древне-персидскаго лексикальнаго элемента. Референтъ отмѣтилъ весьма точную транскрипцію имени царя Дарія (съ наличнымъ *h* передъ *u*: *Dārauaḥuṣ), а также обратилъ вниманіе, что всѣ прочія др.-персидскія слова являются уже съ средне-персидскою (пехлевійскою) фizioноміей, напр. *azd* „извѣстіе“ (въ др. перс. надписяхъ: *azdā*), *Aṣaṣ*, и пр. (др. перс. **Aṣaṣaḥ*) и т. д.

Попутно референтъ обратилъ вниманіе на возможность считать нѣкоторыя изъ персидскихъ заимствованій въ др.-армянскомъ (какъ *azd*) уже за заимствованія изъ эпохи до-аршакидской.

Л. З. Мсеріанцъ отмѣтилъ также, что объясненіе, данное Halévy (Revue Sémitique 1904, 1-я тетрадь) встречающемуся въ страсбургскомъ папирусѣ *ḫbṛ*, которое онъ считаетъ за аншанское (*anzanite*), т. е. эламское *terti* — даетъ возможность установить фактъ присутствія въ др.-персидскомъ эламскихъ заимствованій, что уже и раньше можно было предполагать *a priori*.

3) К. Г. фонъ-Шлиппе далъ описаніе своей поездки на востокъ лѣтомъ 1904 года—черезъ Константинополь въ Сирію. Больше всего онъ останавливалъ свое вниманіе на Константинополѣ и ливанскихъ деревняхъ подъ Бейрутомъ. Подробнѣе о своихъ наблюденіяхъ въ прочихъ мѣстахъ Ливана, въ Баальбекѣ и въ Палестинѣ референтъ обѣщалъ сообщить въ слѣдующемъ засѣданіи.

№ 93. Протоколъ засѣданія 21 февраля 1905 года, подъ председательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи председательницы Общества граф. П. С. Уваровой, гг. членовъ М. О. Аттан, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, А. С. Хаханова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, референта К. Г. фонъ-Шлиппе, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ В. В. Дадилова, Котлярова, Евреинова, де-Бояръ-Боярскаго, Никитина, Захаржевскаго, Разумовскаго, Радугина, при секретарѣ А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель доложилъ сообщеніе Н. Пантусова, присланное изъ Семирѣченской области: „Китайская кумирня Бей-Юнь-Гуанъ въ Аксуйскомъ ущельи Илійскаго края“. Въ нынѣшнемъ своемъ

*) Напечатано въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

видъ кумирня есть постройка новаго времени, но построена, несомнѣнно, на старинномъ святилищѣ. Съ археологической точки зрѣнія описаніе ея у г. Пантусова не представляетъ особаго интереса, и сообщеніе его гораздо интереснѣе въ отношеніи этнографическомъ, хотя, къ сожалѣнію, не охватываетъ самаго главнаго, — именно, не даетъ описанія культа. Несмотря на это, Комиссіей постановлено имѣть въ виду статью г. Пантусова, для напечатанія, хотя бы и не въ ближайшемъ выпускѣ.

3) Предсѣдатель В. Θ. Миллеръ доложилъ статью Мункачи: „Объ аланскихъ (осетинскихъ) элементахъ въ мадьярскомъ языкѣ“, — оттискъ изъ Keleti Szemle. Нѣкоторыя этимологіи автора В. Θ. Миллеръ находитъ рискованными (напр., еспер = лошадь); относительно другихъ словъ, которыя общи не только осетинскому и венгерскому языкамъ, но имѣются также у вогуловъ, В. Θ. Миллеръ сомнѣвается, дѣйствительно ли отъ аланъ заимствовали ихъ мадьяры: быть можетъ, отъ вогуловъ? Въ общемъ, однако В. Θ. Миллеръ призналъ вполне доказанной теорію Мункачи о древнемъ сосѣдскомъ жителствѣ аланъ-иранцевъ и мадьяръ (венгровъ).

4) Онъ же доложилъ письмо кн. Б. Н. Шаховскаго изъ Бургаса объ одномъ загадочномъ орнаментѣ, на бронзовыхъ пластинкахъ, приобрѣтенномъ въ Бургасѣ на пароходѣ и напоминающемъ собою какую-то надпись, буквы которой похожи не то на глаголическія, не то на старинно-грузинскія или уставно-армянскія. Восточная Комиссія, разсмотрѣвши снимокъ *), могла высказать съ увѣренностью, что ни глаголической, ни армянской, ни грузинской азбуки усмотрѣть въ орнаментѣ нельзя, — напротивъ (какъ указалъ А. Е. Крымскій) нѣкоторыя буквы носятъ совершенно ясный сабейскій характеръ. Присутствовавшій здѣсь студ. В. П. Никитинъ выразилъ желаніе разобрать, если возможно, эту надпись поточнѣе и представить результаты своего опыта въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Комиссіи.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ объ армянскомъ манускриптѣ XV вѣка „Нарекъ“, представляющемъ собою твореніе армянскаго духовнаго писателя X вѣка — Григорія Нарекскаго. Рукопись принадлежитъ референту. Писана она на бомбицинѣ, круглымъ почеркомъ, въ одинъ столбецъ и заключаетъ въ себѣ 322 листа; длина и ширина страницы $14\frac{1}{2}$ × 10 сант. На первыхъ пяти страницахъ имѣется стихотворное посвященіе нѣкоего Аракеда Григорію Нарекскому; затѣмъ, — слѣдуютъ оглавленія 95 главъ со вступленіемъ автора. Орнаментировка рукописи очень богата, вообще, и число миниатюръ, особенно узоровъ и различныхъ украшеній, доходитъ почти до ста. Между ними г. референтъ отмѣчаетъ нижеслѣдующія: всю вторую страницу седьмого листа занимаетъ миниатюра Григорія Нарекскаго въ святительскихъ ризахъ, съ тиарой на головѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ молитвенную книгу, вѣроятно „Нарекъ“, въ правой — посохъ; во второй миниатюрѣ онъ изображенъ въ монашескомъ фелонѣ чернаго цвѣта, съ остроконечнымъ клобукомъ на головѣ; въ третьей — онъ въ малиновыхъ

*) Онъ напечатанъ ниже, въ протоколѣ № 94.

священническихъ ризахъ, руки подняты молебнo и вокругъ головы сіяніе; наконецъ, въ четвертой — онъ изображенъ старымъ монахомъ въ обычной одеждѣ, руки сложены крестообразно на груди, а на головѣ шапочка, подобная той, какую и теперь еще носитъ черное духовенство у армянъ. Заставка византійскаго образца занимаетъ половину первой страницы восьмого листа. Попадаются два типа ангеловъ въ красной одеждѣ, съ распущенными крыльями: одинъ стоитъ на колѣнахъ, безъ головного убора, въ правой рукѣ—цвѣточекъ гвоздики, лѣвая протянута впередъ, талія перехвачена синимъ поясомъ; другой изображенъ въ ростъ, на головѣ красная шапочка и въ обѣихъ рукахъ онъ держитъ по рипидѣ. Изъ трехъ миниатюръ сиренъ одна въ красной шапочкѣ, другая въ зеленой, а у третьей—пестрая чалма, заканчивающаяся шарикомъ. Поясное изображеніе Савла въ красномъ облаченіи, съ сіяніемъ вокругъ головы и листочкомъ въ рукѣ. Единственное изображеніе женской фигуры съ неестественно-тонкой таліей, съ головнымъ уборомъ, украшеннымъ цвѣтами, нельзя признать особенно удачнымъ въ художественномъ отношеніи. Изъ другихъ украшеній разбираемаго памятника слѣдуетъ указать на одинъ типъ шатровой башни, съ крестомъ на вершинѣ. Далѣе, идутъ изображенія изъ животнаго царства: львицы, орла съ поросенкомъ въ когтяхъ, неуклюжей фигуры обезьяны, съ синимъ шаромъ на головѣ, надъ которымъ треугольникъ съ кистью; затѣмъ, рогъ изобилія, разные узоры изъ цвѣтовъ и арабесокъ и проч. Всѣ вышеозначенныя миниатюры и украшенія въ художественномъ отношеніи воспроизведены чрезвычайно реально, просто и естественно. Рукопись прекрасно сохранилась благодаря прочному досчатому переплету, который снаружи обтянутъ кожей, внутри обитъ златотканной матеріей; чехолъ также изъ восточной матеріи. Изъ выхода видно, что рукопись писана въ 862 году армянской эры (отъ Р. Хр. 1413 г.). Элегія „Нарекъ“ написана Григоріемъ Нарекскимъ, на основаніи Ветхаго и Новаго завітовъ, псалмовъ прор. Давида и другихъ духовныхъ сочиненій и состоитъ изъ 95 главъ, начинающихся такъ: „Слово изъ глубины сердца, обращенное къ Богу“. Это весьма популярное сочиненіе у армянъ и выдержало немало изданій. Референтъ сличалъ его съ парижскимъ изданіемъ 1860 года и обнаружилъ много варіантовъ. Рукопись, составляющая теперь собственность референта и входящая въ составъ его рукописнаго собранія, получена имъ въ даръ отъ о. Саркиса Татсизяна, въ г. Кишиневѣ. По числу это уже второй его даръ; о первомъ см. Труды Восточной Комиссіи Императорскаго Моск. Арх. Общества т. II, выпускъ III (Москва, 1903 г.), стр. 56.

6) К. Г. фонъ-Шляппе изложилъ свои впечатлѣнія изъ Баальбека и Палестины, вынесенныя имъ во время послѣдней поѣздки на востокъ лѣтомъ 1904 года.

№ 94. Протоколъ засѣданія Восточной Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ. 21 февр. 1906 г., подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Θ. Е. Корша, Мирзы Абдуллы Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, бар. Р. Р. Штакельберга, М. О. Аттаи, Мирзы-Джафара,

В. В. Данилова, референта В. П. Никитина, гг. студентов Лазар. Инст. Вост. язык. Владимірскаго, Котлярова, Радугина, Достоевскаго, Иванова, Гильдебрандта, Зданевича, при секретарѣ Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Прочитанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь демонстрировалъ медаль изъ Вост. Персіи, присланную М. С. Щекинымъ, который въ письмѣ своемъ указываетъ, что эта медаль относится приблизительно къ такому же времени, какъ и присланная имъ раньше (см. протоколы №№ 87 и 89). Точно разобрать ее М. С. Щекинъ не могъ, но кое-чѣмъ надпись заставляетъ его вспомнить повѣрье о фармазонскомъ рублѣ, возвращающемся въ карманъ владѣльца. По предположительному мнѣнію М. С. Щекіна, смыслъ греческой надписи таковъ: „Если ты этотъ камень бросишь, онъ вернется къ тебѣ, бросающему“, но М. С. Щекинъ не настаиваетъ на своемъ пониманіи надписи въ виду крайняго искаженія греческаго языка въ ней. Своего чтенія М. С. Щекинъ не приводитъ и сообщаетъ свое мнѣніе лишь объ общемъ смыслѣ надписи.

Ө. Е. Коршъ высказалъ сомнѣніе, позволительно ли вообще считать эту надпись по языкѣ за греческую (кромѣ отдѣльныхъ словъ). Буквы же, по его мнѣнію, могли бы быть прочитаны такъ:

ΟΥΓΟΣΟΛ ΛΟΓΟΣ ΑΒΑΙ ΧΩΡΜΙΔΦΙΜ ΩΣΟΝΤΟΝΔΟΝ ΕΘΕΚΕΝΤΟΝΘΕΝ
ΑΜΕΑΝΤΙΒΑΛΗΜ ΟΙΕΙΣ ΕΚΑΣΤΟΝ Π ΡΑΜΜΑΘΑΝΤΙ ΒΑΛΑΩΛΓ ΤΩ,

но изъ этого чтенія не выйдетъ ровно ничего понятнаго. На это А. Е. Крымскій возражалъ, что, наоборотъ, большая часть надписи—явно греческая (οὗτος ὁ λόγος..., ὅσον τὸ [ἐ]νδόν ἔθηκε τόν, [οὐ]δὲν ἀμαὶ ἀντιβαλὴν, ...εἰς ἑκαστον πρῶτα ἀντιβάλλω λίθον), но что лишь общая связь текста неуловима.

3) А. Е. Крымскій демонстрировалъ, съ соответствующими историческими справками, греческую серебряную монету Александра Македонскаго, найденную однимъ изъ его слушателей въ сѣверной Персіи, въ Тебризѣ (Азербейджанѣ). Присутствовавшій здѣсь азербейджанецъ Мирза-Абдулла-Гаффаровъ сообщилъ, что Александровы монеты отыскиваются въ Тебризѣ вообще въ большомъ изобиліи.

4) В. П. Никитинъ сдѣлалъ докладъ о двухъ сабейскихъ надписяхъ, которыя прислалъ кн. Б. Н. Шаховской изъ Бургаса (гдѣ онъ приобрѣлъ ихъ на морскомъ пароходѣ) и въ которыхъ онъ готовъ былъ

предположить нечто глаголическое (см. протоколъ № 93). Вотъ уменьшен-
ный снимокъ съ таблестокъ кн. Шаховского:

№ 1.

№ 2.

Надпись на первой таблесткѣ В. П. Никитинъ дешифрируетъ (въ тран-
скрибированіи съ южно-арабскаго алфавита на дополненный русскій) такъ:

←←← ε[?]p	т ε h	ε
→→→ δ p h a	i h p c	
←←← з б	н л т γ.	

А во второй надписи оказываются буквы:

м к q
у с н с γ.

Докладчикъ не считаетъ себя въ силахъ понять смыслъ этихъ над-
писей, но, находя основанія дешифровать ихъ бустрофедономъ (т.-е. читая
одну строку справа налево, другую — слѣва направо), улавливаетъ въ 1-й над-
писи слово „й h p c“ и слово „γ и л н“, въ которыхъ позволительно видѣть имена:
يهريس (чит. „Йуварис“) и غيلن (чит. „γайлан“)*. Второе изъ нихъ (Гайланъ غيلن)

*) Стверно-арабскій алфавитъ примѣненъ здѣсь въ „Древностяхъ Восточныхъ“ потому,
что сабейскаго шрифта типографія не имѣетъ.

встрѣчается у Хадрамаутскихъ властителей періода упадка, а первое (Юхарисъ) можетъ, съ извѣстной натяжкой, быть сближено съ именемъ يهرعش („йухар'иш“). Мы знаемъ Шаммара Юхар'иша, послѣдняго царя Сабейскаго и Зу-Рейданскаго, который въ концѣ своего правленія былъ царемъ Сабы, Зу-Рейдана, Хадрамаута и Йемена, а на престолъ вступилъ между 274—281 гг. по Р. Х. (Срв. Hommel: „Grundlage der süd-arabischen Chronologie“). Если именно этотъ царь Юхар'ишъ и фигурируетъ на нашей таблѣткѣ № 1 подъ начертаніемъ „ihrc“, то въ такомъ случаѣ дата нашихъ таблѣтокъ—III в. по Р. Х. Докладчикъ однако не увѣренъ въ правильности своего сближенія. Прimitивная художественная грубость, съ которою воспроизведены чело-вѣкообразныя фигуры на обѣихъ таблѣткахъ, а также почти навѣрное бу-строфедонный (т. е. архаичный) способъ начертанія надписей могутъ слу-жить основаніемъ для датировки этихъ памятниковъ VIII—IX вѣкомъ до Р. Х.—Памятники, несомнѣнно, надгробные. Характерной для нихъ чертой являются два кружка (глаза), помѣщенные среди изображенныхъ фигуръ.

5) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе: „Новыя осетинскія этимологіи“ *). Θ. Е. Коршъ, выразивши свое полное согласіе почти со всѣми этимологическими объясненіями докладчика, лишь относительно нѣ-которыхъ выразилъ свою неувѣренность; кромѣ того, онъ предложилъ къ нѣкоторымъ изъ этимологій В. Θ. Миллера свои дополнительные параллели.

№ 95. Протоколъ засѣданія Вост. Комм. Имп. Моск. Арх. Общ. 13 сен-тября 1906 г. подъ предѣтельствомъ Вс. Θ. Миллера въ присутствіи ат-членовъ М. О. Аттая, Θ. Е. Корша, мирзы Абдаллаха Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Д. И. Иловайскаго, Д. В. Солодова, студентовъ Лаза-ревскаго Института Восточныхъ языковъ Никитина, Рогальскаго, Радугина, де-Бояръ-Боярскаго, Н. М. Попова, Гильдебранда, Рафальскаго, Щербини, Гоодмана, Милюкова, Былинкина, Зданевича, Понизовкина, при секретарѣ Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

I. Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

П. А. Е. Крымскій сообщилъ, что въ его собраніи арабскихъ рукописей имѣется двѣ полемическія: одна—антихристіанская; другая—антимусульманская; обѣ—изъ Сиріи. О второй сдѣлаетъ сегодня сообщеніе М. О. Аттая, и потому А. Е. Крымскій остановился только на первой—антихристіанской. (Докладъ прилагается къ протоколу, см. стр. 24—81).

III. М. О. Аттая сдѣлалъ докладъ: „О полемическихъ араб-скихъ сочиненіяхъ христіанъ и мусульманъ“, основаніемъ для котораго послужили двѣ рукописи: одна—антимусульманская, изъ собра-нія А. Е. Крымскаго (вывезена имъ изъ Сиріи) **), другая—антихристіанская, принадлежащая бібліотекѣ Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и приобрѣтенная въ Казани. Со стороны языка и стиля можно отмѣтить, что христіанское сочиненіе писано довольно вульгарно; мусульманское же—болѣе приближается къ классическимъ образцамъ. По

*) Печат. въ страсбургскихъ Indogerm. Forschgn.

**) Описаніе прилагается къ протоколу, стр. 31—33.

содержанію христіанское сочиненіе скучно и бездарно, мусульманское—за-
нимательно и талантливо. Главная цѣнность мусульманскаго сочиненія заклю-
чается, впрочемъ, не въ его полемическихъ аргументахъ, а въ тѣхъ инте-
ресныхъ историко-бытовыхъ субъективныхъ подробностяхъ, которыя со-
общаетъ о себѣ авторъ (писалъ 1409 г.), воспитанный испанскими монахами,
а потомъ разочаровавшійся въ христіанствѣ и принявшій мусульманство.

IV. Сообщение Вс. О. Миллера: „Кавказское языковѣдѣ-
ніе и значеніе его для старо-азіатской этнографіи“ *).

V. Секретаремъ А. Е. Крымскимъ прочитано было „Путешествіе
изъ Бушира въ Ширазъ въ 1905 г.“ Б. В. Миллера, присланное
на имя А. Е. Крымскаго и содержащее въ себѣ много цѣнныхъ наблюдений
изъ южной Персіи. По выслушаніи, О. Е. Коршъ обратилъ между прочимъ
вниманіе присутствующихъ на распространеніе тюркскихъ поселеній въ
въ Персіи далеко къ югу, отмѣченное и Б. В. Миллеромъ.

Въ дальнѣйшемъ обмѣнѣ мнѣній О. Е. Коршъ общалъ скорѣ сдѣ-
лать въ комиссіи докладъ о нѣкоторыхъ тюркскихъ этимологіяхъ, недавно
затронутыхъ и П. М. Меліоранскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ПРОТОКОЛУ № 95.

Описаніе двухъ арабскихъ полемическихъ рукописей изъ собранія
А. Е. Крымскаго **).

I. Антихристіанская: „О правой вѣрѣ“ шейха Зіяде ибнъ-Яхъи (Описалъ А. Е. Крымскій).

Точное заглавіе рукописи: كتاب البحث الصحيح فی ایما هوالدین الصحيح
„Книга явно-убѣдительнаго разсужденія о томъ, какая вѣра — истинная“.
Объемъ — 139 страницъ обыкновеннаго тетраднаго формата въ четвертку.
Принадлежала библіотекѣ бейрутской православной школы „Тлетт а'мар“
(=Трехъ Святителей).

На послѣднемъ листѣ приписка, означающая въ русскомъ переводѣ:
„Кончилась переписка („насахат“) этой рукописи рукою презрѣннаго писца
(„каѣб“) Ибрахима ибнъ-Юханна Саррѣфа Дамаскинца въ Іерусалимѣ
15 октября 1862 года“. Этотъ переписчикъ — довольно извѣстный право-
славный дѣятель, теперь покойникъ.

Имя автора сочиненія названо въ предисловіи, на л. 4. Это—шейхъ
Зіяде (زیاده) ибнъ-Яхъи по прозванію ар-Расій. У Хаджи-Хальфы (17-го в.)
свѣдѣній о немъ нѣтъ, такъ-что ужъ изъ одного этого можно бы заключить,
что жилъ онъ послѣ 17-го вѣка. Но и помимо этого есть въ изложеніи мелкія
указанія, позволяющія заключить, что онъ — писатель конца 18-го вѣка.
Между прочимъ о типографіяхъ въ Турціи ибнъ-Яхъи говоритъ, какъ о чемъ-
то общезвѣстномъ. По происхожденію, онъ сиріецъ, и въ языкѣ его есть

*) Издаю теперь въ „Этнографическомъ Обзорѣнн“ 1906, кн. III—IV.

**) Обѣ рукописи въ настоящее время принесены владѣльцемъ въ даръ библіотекѣ Све-
дальскихъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

сирийскіе вульгаризмы; нѣкоторые изъ нихъ — такіе, какіе считаются архи-вульгарными и крайне строго избѣгаются въ литературѣ, — напр. *فانجيب الى الوسط* (= соврем. „та нѣѣб ыла *l-wāṣat*“ = представимъ доказательства).

О цѣли составленія своей книги шейхъ Зіяде говоритъ въ предисловіи такъ: „Я замѣтилъ, что всѣ люди, исповѣдующіе ту или другую религію, считаютъ ее за наилучшую и наиболее правильную; слѣпо, безъ критики, они бывають преданы ей и не входятъ въ ея сличеніе съ другими религіями. Я, напротивъ, мою религію и мою священную книгу Коранъ внимательно сличилъ съ религіей и книгами христіанъ и іудеевъ, — и безъ всякаго пристрастія къ моей религіи я долженъ былъ прійти къ сознательному заключенію, что нѣтъ вѣры правильнѣе и лучше, чѣмъ мусульманская (л. 5). И совѣтую иновѣрнымъ читателямъ моей книги молиться Владыкѣ бытій, чтобы Онъ вразумилъ ихъ. А Онъ — милостивъ“ (л. 6).

Послѣ предисловія (л. 4—6) и конспекта (л. 7—8) идетъ самое сочиненіе, разбитое на пять главъ.

Глава первая направлена противъ ученія о Св. Троицѣ, т.-е. больше всего — противъ божественности І. Христа. По словамъ шейха Зіяде, глава эта „доказываетъ то, что господинъ нашъ Іисусъ (миръ ему!) не есть настоящій Богъ по своей природѣ и не равенъ Отцу по существу, а его наименованіе „Богъ“ (*نسيته اله*) есть просто прозвище и описательный способъ рѣчи, обычные въ книгахъ Ветхаго и Новаго заветъ, въ которыхъ почтенные и достойные люди народа именуются названіями, означающими божество; Христосъ же (миръ ему!) принадлежалъ къ числу почтеннѣйшихъ и величайшихъ пророковъ и заслуживаетъ лично того же прозвища“ (л. 7 *). — „Мнѣніе о божественности господина нашего Христа“, продолжаетъ ибнъ-Яхья (л. 9), „у самихъ христіанъ — новшество: оно принято только въ IV в. по Р. Х.“. Древніе христіане, ближайшіе по времени къ Іисусу, вѣрили въ единство Бога согласно съ Кораномъ (л. 10). Со стороны такихъ христіанъ возрѣнія соборовъ встрѣчали и теперь встрѣчаютъ сильное противодѣйствіе. (— „Святой Коранъ“, прибавляетъ шейхъ Зіяде въ примѣчаніи на полѣ л. 10, „такихъ людей одобрить“). — Изложивши мнѣнія несторіанъ и аріанъ относительно І. Христа, авторъ находитъ, что они понимаютъ св. Евангеліе вполнѣ правильно, и самъ пускается въ разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, которыя послужили основаніемъ для ученія о троичности Бога; приводя такіа мѣста, онъ или прямо отказывается видѣть въ нихъ основаніе для этого ученія, или опровергаетъ ихъ посредствомъ сопоставленія съ другими мѣстами Св. Писанія. Вотъ примѣры его разсужденій. Л. 11: „На основаніи словъ, сообщенныхъ у евангелиста Іоанна въ 10-й гл.: „Я и Отецъ — одно“ заключили, что Іисусъ (миръ ему!) считалъ себя равнымъ Отцу. Но вполнѣ справедливо отвѣчали другіе, что хотя слова, приведенныя у Іоанна, вѣрны, однако въ

*) Слѣдуетъ обратить вниманіе на тотъ почтительный тонъ, съ какимъ говоритъ ибнъ-Яхья про І. Христа. Само собою ясно, что читатель, мусульманинъ уже однимъ этимъ тономъ будетъ расположенъ вѣрить въ идеальное безпристрастіе автора книги „О правой вѣрѣ“.

пользу равенства не свидетельствуют. У того же Иоанна въ 17-й гл. сказано въ молитвѣ Иисуса вотъ что: „Пусть они (апостолы) будутъ одно въ насъ такъ, какъ Ты, Отче во мнѣ, а я въ Тебѣ“. Если слова: „Я и Отецъ—одно“ означаютъ равенство Иисуса съ отцемъ, то слова, приведенныя нами изъ молитвы Иисусовой, должны означать равенство учениковъ Христовыхъ съ Отцомъ, а это рѣчь—неподобающая“. Л. 12: „Какой смыслъ придаетъ Иоаннъ слову „одно“, видно изъ его перваго соборнаго посланія, гдѣ сказано: „Три — свидѣтельствующіе на небѣ: Отецъ, Слово и Духъ, и эти три — одно. И три — свидѣтельствующіе на землѣ: духъ, вода и кровь, и эти три — одно“. Но видимъ же мы, что это — не одно, а три разныхъ элемента, потому что духъ — особое понятіе, вода — особое понятіе, кровь — особое, совсѣмъ противоположное понятіе. А если такъ, то выраженіе „Отецъ, Слово и Духъ — эти три — одно“ не доказываетъ равенства Иисуса съ Богомъ“. — „Къ тому же“, дѣлаетъ примѣчаніе Зіяде (л. 12), „это реченіе и вовсе отсутствуетъ въ старинныхъ спискахъ Евангелія, существующихъ у христіанъ-единичниковъ“ *). „Древніе христіане говорили нововводителямъ ученія о Троицѣ: „и ветхозавѣтная Библия, и Евангеліе учатъ о единствѣ Всевышняго Бога, — есть только одинъ Богъ, создатель всего, и нѣтъ другого божества, кромѣ Него. Признать преславнаго господина нашего Иисуса за божество будетъ нарушеніемъ единства Божія“ (л. 13). „Слова Евангелія: „Крестите во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ такъ же мало говорятъ о равенствѣ названныхъ трехъ идей, какъ не говорятъ о равенствѣ Мохаммеда съ Богомъ слова великаго Корана: „Вѣруйте въ Бога и Его Пророка“, потому что Отецъ — это дѣйствительно Богъ, тогда-какъ пророкъ Мохаммедъ, или Иисусъ, сынъ Божій, или Духъ — всѣ они созданы (л. 13)“. Съ особеннымъ вниманіемъ шейхъ Зіяде останавливается на тѣхъ мѣстахъ евангельскихъ, въ которыхъ І. Христосъ названъ сыномъ Божиимъ, напр.: „Ты — сынъ Божій“, „Слово было Богомъ“, „Это — сынъ Мой возлюбленный“. Для внушенія читателю той мысли, что эти мѣста не доказываютъ божественности І. Христа, шейхъ Зіяде въ параллель къ нимъ приводитъ (л. 14 — 17) рядъ другихъ мѣстъ изъ Библии Ветхаго и Новаго завѣта, въ которыхъ праведные люди названы „сынами Божиими“. Наконецъ, онъ завершаетъ: если христіане видятъ въ Христовомъ имени „сынъ Божій“ доказательство божественности І. Христа, то на основаніи словъ І. Христа ко всѣмъ людямъ вообще: „Отецъ вашъ небесный совершенъ“ христіане должны вообще всѣхъ людей счесть богами. Разобравши подобнымъ образомъ тѣ мѣста Евангелія, въ которыхъ „позднѣйшіе“ христіане **) находятъ указаніе на божественность І. Христа, шейхъ Зіяде приводитъ изъ Евангелія много такихъ мѣстъ, въ какихъ, по его мнѣнію, содержатся неоспоримыя указанія на человѣчество І. Христа. Напр., если въ Евангеліи сказано, что „Богъ-Отецъ далъ власть Сыну“, то отсюда, по

*) Такъ авторъ называетъ нѣсторіанъ.

**) Т. е. жившіе послѣ IV в. и исповѣдующіе мнѣнія не аріанскія и не нѣсторіанскія, — другими словами, всѣ православные и католики и армяне.

словамъ ибнъ-Яхъи, слѣдуетъ, что власти у Иисуса раньше не было, и только отъ Бога онъ получилъ ее, какъ низшій отъ высшаго; если сказано, что „Отецъ послалъ Сына въ міръ“, то надо отсюда понимать, что Сынъ не равенъ, а подчиненъ Отцу, какъ и всѣ люди; если въ Евангеліи сказано, что „Иисусъ — сынъ человѣческій“ и что Онъ — „первое изъ всѣхъ созданий“, то, на взглядъ ибнъ-Яхъи, не остается сомнѣній, что І. Христосъ былъ человѣкъ, созданный Богомъ, а не Богъ (л. 17—21). Такія разсужденія идутъ до конца 1-ой главы (л. 24), и въ результатѣ читатель — не христіанинъ — долженъ вынести убѣжденіе, что ученіе Христа о Богѣ правильно понято только мусульманами.

— Глава вторая (отъ л. 25) говоритъ о великихъ чудесахъ І. Христа, которыми „позднѣйшіе“ христіане гордятся и видятъ въ нихъ свидѣтельство о Его божественности *). Авторъ-мусульманинъ охотно соглашается, что чудеса Іисуса Христа — замѣчательны, но тутъ же приводитъ множество извѣстій изъ Ветхаго завета о чудесахъ Моисея, Іліи и Елисея (даже кости котораго производили воскресеніе) и приходитъ къ выводу, что ихъ чудеса безусловно замѣчательнѣе Іисусовыхъ. — „Мои сравненія“, предупредительно добавляетъ шейхъ Зіяде (л. 28), „не значатъ, будто господинъ нашъ Іисусъ ни же господина нашего Моисея (миръ ему!). Боже упаси меня! вовсе не то! Я хочу лишь сказать, что Христосъ не выше Моисея и не Богъ для Моисея, какъ въ этомъ увѣряютъ христіане“ **). Сомнѣваться въ реальности и подлинности чудесъ Христовыхъ Зіяде вообще не находитъ возможности, но, вотъ, ученіе христіанъ про чудо, состоящее въ томъ, что крестная смерть І. Христа таинственнымъ, чудеснымъ образомъ искупила Адама и родъ его отъ грѣха, проклятія и смерти, шейхъ Зіяде считаетъ неосновательной выдумкой самихъ христіанъ и не допускаетъ реальности такого чуда: вѣдь и послѣ Христа грѣшатъ христіане, — говоритъ онъ, — какъ грѣшили и прежніе люди дохристіанскіе. А что ужъ говорить насчетъ избавленія отъ смерти! По словамъ апостола Павла, Адамомъ вошла смерть въ міръ, а Іисусъ Христосъ принесъ избавленіе. — „Но развѣ послѣ временъ І. Христа люди не умираютъ по прежнему?“ удивляется ибнъ-Яхъи (л. 29). Господь, произнося проклятіе за грѣхъ, велѣлъ Адаму и его потомству снискивать въ потѣ лица хлѣбъ, землѣ велѣлъ произращать терніе и волчцы, Евѣ и ея потомству велѣлъ въ болѣзняхъ рождать дѣтей, — такъ говорятъ христіане; но не по прежнему ли все это осталось и въ новозавѣтное время? — спрашиваетъ авторъ (л. 29) и заключаетъ, что искупленія не состоялось, да и проклятія Божія (—на все человечество! —) не было. По его мнѣнію (л. 30), въ ученіи христіанъ объ Адамовомъ проклятій и Христовомъ искупленіи содержится богохульное отрицаніе справедливости Божіей. — „Вѣдь если вѣрить заветамъ, то Богъ, за

*) Собственно эта глава есть косвенная подготовка къ 3-й, т. е. къ защитѣ Мохаммеда. Мохаммедъ чудесъ не творилъ, и Зіяде хочетъ показать, что тѣмъ не менѣе онъ не долженъ считаться болѣе слабымъ пророкомъ, чѣмъ Мессія.

**) Между строкъ можно читать: „не выше онъ и Мохаммеда“.

грѣхи отцовъ, караетъ потомковъ не далѣе, какъ до третьяго или до четвертаго колѣна, а одинъ изъ пророковъ говоритъ даже: „сынъ не подлежитъ смерти за преступленіе отца“. Значить,—заключаетъ Зіаде,—„здравый смыслъ не выдерживаетъ увѣренія, будто грѣхъ Адама и его наказаніе могли переходить изъ рода въ родъ, отъ личности къ личности, вплоть до прихода Мессіи“.

Глава третья (л. 32—37) посвящена защитѣ личности Мохаммеда противъ христіанскихъ упрековъ. Упреки эти прежде всего обрушиваются на многоженство арабскаго пророка; но ибнъ-Яхъя напоминаетъ о святыхъ патріархахъ и царяхъ, у которыхъ было также много женъ. Ставятъ въ вину Мохаммеду его женитьбу на женѣ своего пріемнаго сына Зейда, а забываютъ, что прямые предки І. Христа, люди святые, женились на родныхъ сестрахъ. Упрекаютъ Мохаммеда въ жестокосердіи—за казнь нѣсколькихъ лицъ и за приказаніе воевать съ невѣрными.—„Но“, отвѣчаетъ ибнъ-Яхъя (л. 36), „нашъ пророкъ умерщвлялъ вѣдь лишь такихъ враговъ, которые ожесточенно воевали съ нимъ и хотѣли истребить его правую вѣру. И святой Коранъ говоритъ: „сражайтесь съ язычниками такъ, какъ они съ вами сражаются“. Между тѣмъ святые мужи Ветхаго завѣта, напр., Моисей и Іисусъ Навинъ, избивали много тысячъ враговъ при совсѣмъ иныхъ условіяхъ: враги не начинали съ ними вражды, евреи сами на нихъ нападали и умерщвляли, да не только мужчинъ, но и женщинъ, и дѣтей, и младенцевъ, съ цѣлю обезопасить свое пребываніе. Нашъ пророкъ чистъ отъ подобныхъ обвиненій“ *).

Глава четвертая—наиболѣе длинная (лл. 38—87). Ибнъ-Яхъя старается въ ней доказать, что въ книгахъ Ветхаго завѣта и Новаго завѣта есть рядъ ясныхъ пророчествъ о Мохаммедѣ. Моисей, напр., сказалъ израильтянамъ: „Богъ воздвигнетъ пророка изъ вашихъ братьевъ, подобнаго мнѣ,—его слушайте“. На взглядъ ибнъ-Яхъя, рѣчь здѣсь идетъ не объ Іисусѣ Христѣ, который вѣдь рожденъ отъ Непорочной Дѣвы, не такъ, какъ всѣ люди, и потому не подобенъ Моисею;—о комъ же Моисей пророчествуетъ? очевидно о Мохаммедѣ (л. 39).—Въ евангеліи Іоанна (гл. І) повѣствуется, что фарисеи послали людей къ Іоанну Крестителю спросить, кто онъ, и тѣ спросили: „зачѣмъ ты крестишь, если ты ни Мессія, ни Ілія, ни (ожидаемый) пророкъ?“ **). Это мѣсто, по изъясненію Зіаде (л. 43), указываетъ на убѣжденіе еврейскихъ законниковъ, что послѣ Мессіи долженъ придти еще одинъ пророкъ. Кто же онъ если не Мохаммедъ? вѣдь кромѣ него не было пророковъ послѣ Іисуса.—И вотъ въ длинномъ рядѣ цитатъ, хитроумно извлеченныхъ изъ Ветхаго завѣта, ибнъ-Яхъя старается показать читателю,

*) Это мѣсто интересно для насъ какъ еще одно лишнее доказательство, что и въ настоящее время не всѣ мусульмане могутъ—и въ прежнее время не всѣ могли—стать на такую узкую точку зрѣнія, на какой стоятъ турки, увѣряющіе, будто Мохаммедъ предпринялъ войну съ невѣрными наступательную, а не оборонительную.

**) Въ текстѣ слово „пророкъ“ сопровождается членомъ, что указываетъ на идею о пророкѣ извѣстномъ, ожидаемомъ.

что тотъ ожидаемый пророкъ не могъ быть безусловно никѣмъ инымъ, кромѣ Мохаммеда, ибо всѣ его признаки осуществились въ Мохаммедѣ. Иногда аргументація очень остроумна и какъ будто достигаетъ цѣли. Мы лишь вкратцѣ объяснимъ, какъ это удастся сдѣлать ибнъ-Яхъ (или вѣрнѣе—его предшественникамъ, потому что доводы его встрѣчаются и у болѣе старыхъ мусульманскихъ полемистовъ). Извѣстно, что евреи составили себѣ представление о Мессіи, какъ о свѣтскомъ царѣ-завоевателѣ, и подбираютъ немало мѣстъ изъ Священнаго Писанія, въ которыхъ находятъ предсказаніе о Мессіи въ этомъ желательномъ для нихъ воинственномъ духѣ. Напротивъ, хрістіане въ тѣхъ излюбленныхъ евреями мѣстахъ Библии не усматриваютъ никакихъ пророчествъ касательно Мессіи, а напротивъ—видятъ въ Ветхомъ завітѣ другія самыя ясныя предсказанія объ иномъ Мессіи—царѣ вовсе не отъ міра сего; срв. у Исаіи: „яко овца, на заклѣніе ведеса“... Шейхъ Зіяде вполнѣ соглашается съ хрістіанами, что качества грядущаго Мессіи, отмѣченны въ библейскихъ пророчествахъ вполнѣ неопровержимо, какъ качества царя не отъ міра сего, какъ пророка кроткаго, беззащитнаго, т.-е. такого, каковымъ оказался Іисусъ Христосъ. Однако тѣ мѣста Библии, въ которыхъ образъ Мессіи увидѣли евреи, тоже остановили на себѣ вниманіе ибнъ-Яхъ: въ нихъ, по его словамъ, заключаются предсказанія о томъ, что послѣ Іисуса Христа придетъ въ міръ еще одинъ пророкъ,—такой пророкъ, который одновременно будетъ имѣть власть и духовную и свѣтскую, который будетъ вооруженъ мечомъ и отличится качествами завоевательными, который будетъ имѣть прекрасную наружность, отъ котораго будутъ исходить благоуханія. Всѣ эти признаки, отмѣчаетъ ибнъ-Яхъ, собрались въ пророкѣ ислама. Пророкъ Захарія предсказалъ, что у того грядущаго пророка будетъ десять товарищей,—и это какъ разъ столько, сколько было у Мохаммеда, тогда какъ у І. Христа ихъ было двѣнадцать. Самое имя исламскаго пророка предсказано-де ветхозавѣтными пророками съ полной точностью: Библия называетъ его „похвальнымъ“, а если перевести это слово на арабскій языкъ, то и выйдетъ „Мохаммедъ“.—И вотъ пришелъ онъ наконецъ въ міръ, и тогда родъ Исмаила (т.-е. арабы), отъ котораго евреи пренебрежительно отrekliсь, прославился,—и сбылось пророчество, сказанное самимъ І. Христомъ: „Камень, который отвергли строящіе, сталъ главою угла; отъ Господа это, и оно дивно въ глазахъ нашихъ“. Добавка Христа, что это давно „въ глазахъ нашихъ“ (=и моихъ—Христовыхъ)“, понимается ибнъ-Яхъ въ томъ смыслѣ, что Христосъ—очевидно—говорилъ свои слова не о себѣ, а о другомъ, грядущемъ пророкѣ,—иначе, о Мохаммедѣ; удивлялся же Христосъ потому, что вообще племя Исмаила не давало ни одного пророка: Мохаммедъ былъ первымъ и послѣднимъ (л. 60).—Наиболѣе обстоятельныя пророчества о Мохаммедѣ ибнъ-Яхъ находитъ у Исаіи: „у него нѣтъ ни одного отрывка, гдѣ бы не было несомнѣннаго указанія и намека на Мохаммеда“ (л. 77). Примѣромъ истолкованій текста Исаіи ибнъ-Яхъ можетъ служить пророчество: „Встрѣчайте жаждущаго съ водой, о жители юга, и выходите къ бѣглецу навстрѣчу съ хлѣбомъ“; по Зіяде, это—болѣе, чѣмъ прозрачное пророчество о бѣгствѣ Мохаммеда изъ Мекки въ Медину.—

Чтобы разстаться съ этой длинной главой, приведемъ еще указанное ибнъ-Яхъей (л. 80) мѣсто изъ Второзаконія, основанное на совпадении библейскаго и арабійскаго географическаго имени Фаранъ. Это именно — предсмертныя слова Моисея (гл. XXXIII, ст. 1—2): „Богъ пришелъ съ Синая, заблисталъ съ Сайра и вполнѣ открылся съ горы Фаранъ“. На Синаѣ—говорить ибнъ-Яхъя—были даны первыя заповѣди пророку евреевъ Моисею; Сайръ находится въ Іудеѣ, гдѣ проповѣдывалъ пророкъ христіанъ Христосъ; гора Фаранъ—возлѣ Мекки *), гдѣ явился пророкъ Мохаммедъ.

Глава пятая (лл. 88—131) посвящена у ибнъ-Яхъя доказательству, что современная редакція Библии не свободна отъ поддѣлокъ или искаженій,—и вотъ ибнъ-Яхъя задался цѣлью обнаружить ихъ, потому-что если ему удастся сдѣлать это, то можно будетъ утверждать, что евреи и христіане вообще не вѣрно толкуютъ откровеніе Божіе. Онъ сличаетъ, на примѣръ, родословную Іисуса Христа, приведенную у Маттея, съ тѣми данными, какія мы имѣемъ въ книгахъ Ветхаго завѣта, и—конечно—находитъ существенную разницу между ними; отсюда онъ дѣлаетъ выводъ о подложности, а значитъ—и общей недостоверности христіанскаго Священнаго Писанія. Ибнъ-Яхъя, очевидно, не знаетъ, что хронологическія разнорѣчія Библии давно обратили на себя вниманіе христіанскихъ отцовъ церкви и, тѣмъ не менѣе, въ соблазнъ ихъ не ввели **). — Или другой примѣръ: ибнъ-Яхъя сопоставляетъ указанія четырехъ евангелистовъ о какомъ-нибудь событіи или о догматѣ ученія Христова, — и усматриваетъ въ нихъ взаимныя противорѣчія. Правда, онъ знаетъ, что свв. отцы (Іоаннъ Златоустъ и др.) предлагаютъ толкованія, которыми противорѣчія устраняются; но ибнъ-Яхъя, анализируя такія толкованія, усматриваетъ въ нихъ отсутствіе логическаго мышленія, а не примиреніе противорѣчій.—Многія мѣста изъ Евангелія и Ветхозавѣтной Библии шейхъ критикуетъ и безъ сличенія: просто старается усмотрѣть въ нихъ внутреннюю несообразность. Далеко не во всемъ онъ оригиналенъ: онъ повторяетъ то, что раньше его писали мусульманскіе апологеты. Интереснѣе всего въ его раціоналистической критикѣ Библии то, что у него высказаны очень многія мысли, впоследствии высказанныя европейской библейской критикой.—Поупражнявшись достаточно въ раціоналистическомъ анализѣ Библии, шейхъ Зіяде считаетъ себя вправѣ спокойно утверждать (безъ злорадства, но съ несомнѣннымъ чувствомъ побѣдителя), что нынѣшняя форма священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта, въ какой онѣ имѣются у евреевъ и христіанъ, недостоверна: въ нихъ есть искаженія. И если выдѣлить искаженія, то богодухновен-

*) Что Второзаконіе говоритъ не о мекканскомъ Фаранѣ, объ этомъ, кажется, и напоминать не къ чему.

**) На примѣръ, святой Іеронимъ въ письмѣ къ священнику Виталію отиѣчаетъ подобную *apponit dissonantiam*, но нисколько не колеблется послѣ этого въ своей вѣрѣ, а просто замѣчаетъ, что заниматься подобными вопросами оказывается скорѣе дѣломъ челоуѣка празднаго, чѣмъ усерднаго: *«huiusmodi haerere quaestionibus non tam studiosi, quam otiosi hominis esse videtur»*.

ное учение какъ Моисея, такъ и Христа окажется чистѣйшимъ мусульманствомъ.

Сочиненій, подобныхъ вышепересмотрѣнному, мусульмане имѣютъ не одно. Срв. Moritz Steinschneider: *Polemische und apologetische Litteratur in arabischer Sprache zwischen Muslimen, Christen und Juden* (въ *Abhandlungen f. d. Kunde des Morgenl.*, VI, 3, Лейпц. 1877). Произведеніе шейха Зіаде ибнъ-Яхъи—образчикъ мусульманской апологетики еще стараго типа. Теперь мусульмане пользуются другимъ, болѣе легкимъ способомъ воевать съ христіанствомъ: они просто берутъ труды европейскихъ ученыхъ библейскихъ критиковъ, извлекаютъ оттуда нужный для себя матеріалъ, подпускаютъ туда большую дозу аргументовъ старо-мусульманскихъ,—и въ такомъ видѣ печатаютъ. Особенно извѣстно изъ новѣйшихъ сочиненій *أظهار الحق* (= „Обнаруженіе истины“) индійца Рахметуллаха Дехлійскаго. Оно имѣется и въ двухтомномъ французскомъ переводѣ итальянца Карлетти (Carletti).

А. Крыжскій.

II. Противомусульманская „Весѣда монаха Георгія съ тремя улемами“.

(Описалъ М. О. Аттас.)

Рукопись 13 с.×9 с., состоитъ изъ 169-ти стр. На первыхъ страницахъ по 13 строкъ въ каждой; отъ 91 страницы по 141-ю — по 15 строкъ на каждой; отъ 142 стр. до конца—по 16-ти строкъ.

Почеркъ всей рукописи — церковный насхи; писана она одной рукой, но разными каламами. Конецъ рукописи написанъ изыщнѣе начала. Дата на рукописи обозначена: 24 сентября 1894 года слѣдующими словами: *قد تم هذا اكتاب بعون الملك الوهاب وكان الفراغ من ذلك في ٢٤ ايلول سنة ١٨٩٤*. Слѣдовательно, рукопись совсѣмъ новая и лишь переписана со стараго оригинала.

Въ этой рукописи два различныя по содержанію сочиненія.

Первое сочиненіе (л. 1—141) носитъ слѣдующее заглавіе: *محاورة بين جرجي الراهب وبين ثلاث من علماء المسلمين بتحقيق الديانة الحسنة* т.-е. „Весѣда монаха Георгія съ тремя мусульманскими улемами о томъ, какая вѣра несомнѣнно лучше“.

Второе сочиненіе (л. 142—до конца) написано въ формѣ патріаршаго посланія, начинающагося слѣдующими словами: „Смирнѣйшаго среди епископовъ, Софроніоса (антіохійскаго патріарха) посланіе, въ отвѣтъ на протесты жителей города Хайфы, отпавшихъ отъ (православной) церкви“.

Первое же сочиненіе начинается такъ:

„Это происходило въ присутствіи князя, прозваннаго Аль-Мушамма-ромъ, брата побѣдоноснаго султана Аз-Загера, сына Іосифа, сына Айюба изъ потомковъ Салахуддина, царствовавшаго надъ мусульманами въ городахъ, Алеппо и Дамаскъ, и въ царствованіе армянскаго Леона, сына Стефана надъ армянскимъ племенемъ (народомъ) 10-го числа въ 6615 году

по отцѣ нашемъ Адамѣ, миръ ему,—каковой годъ соотвѣтствуетъ 1168 году по Р. Х.“.

Далѣе авторъ говоритъ приблизительно слѣдующее: „Случилось, что настоятель Симеонова монастыря, что у моря, явился однажды къ алеппскому султану Аз-Загеру по монастырскимъ дѣламъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ, среди которыхъ былъ и монахъ Георгій, и такъ какъ имъ нужно было остаться въ этомъ городѣ нѣсколько дней, то султанъ приказалъ отвести имъ помѣщеніе во дворцѣ своего брата Ал-Мушаммера, гдѣ они пробыли три дня. Аскетическій видъ Георгія, неземная красота его лица, остроуміе и краснорѣчіе его рѣчи столь поразили Ал-Мушаммера, что онъ вступалъ съ нимъ въ неоднократную бесѣду: узнавъ отъ Георгія объ образѣ жизни монаховъ, князь удивился и спросилъ его, зачѣмъ они ведутъ такую суровую жизнь. Георгій тогда подробно сталъ излагать князю идеалъ христіанской религіи. Во время этого разговора вошли три шейха изъ ученѣйшихъ мусульманъ: Абу-Загеръ, Абу-Салâме, сынъ Са'да изъ Мосула, и Абуль-Фадль Алеппскій, и стали упрекать князя за религіозныя разсужденія съ христіаниномъ, но пораженные его видомъ и краснорѣчіемъ, они захотѣли сами вступить съ нимъ въ споръ. Георгій, боясь ихъ гнѣва и несдержанности, сперва отказывался отъ спора, но, послѣ того какъ князь приказалъ ему вступить въ споръ и въ знакъ безопасности вручилъ ему свой перстень, Георгій согласился.

Первый аргументъ, на который ссылался Георгій, въ подтвержденіе истинности христіанской религіи,—это чудеса Иисуса Христа и распространеніе его ученія во всемъ мірѣ и на всѣхъ языкахъ.

Второй аргументъ—это идеальная нравственность, проповѣдуемая евангеліемъ.

Въ подтвержденіе подлинности Евангелія, Георгій указываетъ на то, что на всѣхъ языкахъ текстъ Евангелія одинаковъ. Далѣе Георгій доказываетъ несостоятельность ученія Мухаммеда и отмѣчаетъ то, что лучшая часть его ученія заимствована у христіанства, да и то лишь по наставленію несторіанскаго монаха Бухайры, который былъ еретикомъ и не зналъ истиннаго ученія Христа. Затѣмъ Георгій излагаетъ міровоззрѣніе арабовъ до ислама и относится очень отрицательно къ ихъ быту и нравственности, которые мало измѣнились благодаря исламу. Въ особенности обвиняетъ онъ Мухаммеда въ сладострастіи: имѣлъ много женъ, предавался соитію по девять разъ въ ночь.

Въ заключеніе Георгій изложилъ ученіе о св. Троицѣ и доказывалъ достовѣрность этого догмата примѣрами. Абу-Салâме слабо возражалъ ему. Князь, радуясь успѣху Георгія, подсмѣивается надъ его противникомъ. Въмѣшивается Абу-Фадль. Абу-Фадль предлагаетъ Георгію много другихъ вопросовъ, и послѣдній отвѣчаетъ на нихъ умно и убѣдительно. Этимъ заканчивается вечеръ, гости расходятся, а князь, ласково простившись съ монахомъ, приказываетъ своимъ слугамъ беречь его и ухаживать за нимъ.

На слѣдующій день вмѣстѣ съ прежними шейхами является еще одинъ ученый факыхъ, по имени Аль-Муршедъ бенъ Аль-Махди, и возбуждаетъ

споръ о божествѣ Христа. Георгій доказываетъ ему правильность этого ученія по самому же Корану. Аль-Муршедь поднимаетъ споръ о поклоненіи кресту,—Георгій излагаетъ ему ученіе о поклоненіи кресту на примѣрахъ. Тутъ же монахъ рассматриваетъ разные догматы сабеевъ, евреевъ и мусульманъ, критикуетъ ихъ и доказываетъ правильность христіанской вѣры. Не будучи въ состояніи оспаривать доводы монаха, Аль-Муршедь предлагаетъ ему слѣдующее: „Пусть каждый изъ насъ,—говоритъ онъ,—напишетъ на запискѣ имя своего бога; я напишу „Аллахъ-Вѣчный“ *الله الصمد*, а ты напишешь „Христосъ“, и обѣ записки положимъ въ коробку. Потомъ сотворимъ молитву и вынемъ записки изъ коробки. Чья записка обратится въ бѣлую, тотъ не правъ, и вѣра его не истинная“. Монахъ не принялъ этого предложенія, сказавъ, что это фокусъ, который онъ и самъ можетъ сдѣлать. Съ своей же стороны, Георгій предложилъ развести большой костеръ и войти въ него вмѣстѣ съ Аль-Муршедомъ, и кто останется въ живыхъ, того вѣра истинная. Аль-Муршедь отъ этого отказывается. Георгій предлагаетъ ему слѣдующее безопасное испытаніе. „Иди,—говоритъ онъ,—если пожелаешь, въ баню, умойся тамъ мыломъ, а я останусь здѣсь; въ жизни я не былъ въ банѣ и тѣла своего никогда не мылъ. Когда вернешься сюда, мы окатимся водой изъ одного и того же колодца, и каждый соберетъ свою воду въ особый сосудъ; чья вода издастъ дурной запахъ и будутъ въ ней черви, тотъ будетъ не правъ, и вѣра его ложная“. На это Аль-Муршедь также не соглашается и говоритъ, что у христіанъ нечистота внутренняя, а у мусульманъ внѣшняя, и несмотря на омовеніе стекающая вода съ мусульманина скоро портится, издастъ дурной запахъ и въ ней бываютъ черви; внѣшняя чистота христіанина зависитъ отъ крещенія и миропомазанія. Последними словами пользуется монахъ, чтобы изложить ученіе о крещеніи и благодати Св. Духа. Этимъ заканчивается споръ на радость князя, который былъ сыномъ христіанки. Князь отпускаетъ Георгія съ подарками и возомъ свѣжихъ рыбъ изъ своего пруда для братіи. Георгія везутъ въ монастырь съ почестями, на княжескомъ мулѣ, который остается тамъ, какъ подарокъ монастырю отъ эмира.

Второе сочиненіе, входящее въ составъ рукописи (л. 142 слѣд. 1), это—патріаршее посланіе, направленное противъ отпавшихъ отъ православной церкви жителей города Хайфы.

Въ этомъ посланіи патріархъ Софроніосъ рассматриваетъ пять положеній, составляющихъ разницу между ученіями православной и католической церквей.

- 1) Вопросъ о главенствѣ папы.
- 2) Исхожденіе Св. Духа.
- 3) Употребленіе прѣснаго хлѣба при таинствѣ причащенія.
- 4) Вопросъ о всемірности римской церкви.
- 5) Безбрачіе бѣлаго духовенства.

Все ученіе римской церкви, относящееся къ этимъ вопросамъ, патріархъ опровергаетъ и доказываетъ правильность ученія православной церкви, ссылаясь на евангеліе, апостоловъ и свв. отцовъ. **М. Аттая.**

№ 96. Засѣданіе 8 марта 1907 года, подѣ председательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, М. О. Аттаи, Д. В. Солодова, А. С. Хаханова, С. И. Тэръ-Саргсянца, мирзы Абдуллы Гаффарова, Г. А. Халатьянца, докладчиковъ—Арсенисъ-хана и К. К. Горыдскаго, студентовъ Лазар. Инст. Восточныхъ языковъ: Никитина, Зорина, Удинцова, Бѣлановича, Цыгана, Родичева, де-Бояръ-Боярскаго, Зданевича, Понизовкина, Гоодмана, Милюкова, Радугина, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Г. Арсенисъ-ханъ сдѣлалъ сообщеніе: „Персидское духовенство, его прошлая исторія и его новѣйшая освободительная роль“,— сообщеніе, основанное на непосредственномъ знакомствѣ докладчика съ Персіей, гдѣ онъ выросъ.

3) В. Ѳ. Миллеръ далъ отзывъ:

I. О новомъ изданіи: „Die Litteratur der Babylonier und Assyrier“ von Otto Weber (Лейпц. 1907 = Der alte Orient, 2-ой дополнительный томъ). Характеризовавши прежніе труды по исторіи вавилонско-ассирійской литературы (Бецольда и Сейса), В. Ѳ. Миллеръ съ полной подробностью изложилъ содержаніе книги О. Вебера, при чемъ съ большимъ вниманіемъ подвергъ анализу слѣдующіе пункты работы Вебера: а) вліяніе клинописи митаннійцевъ на клинопись ассирійскую; б) аккадійскій языкъ (семитскій) и его несовпаденіе съ сумерійскимъ (несемитскимъ); в) ассирійскій эпосъ (Гильгамешъ-Истубаръ) и его составъ; г) псалмы, заклинанія; д) наука: историческія хроники, астрологія, филологія (словари сумерійско-ассирійскіе, школьные силлабаріи; школьныя руководства, учебныя работы) и проч..

II. О работѣ Томаса касательно мѣстожителства саковъ: „Sakastana“—by F. W. Thomas („Journ. of the Royal Asiatic Society“ 1906, January, p. 181—216). В. Ѳ. Миллеръ сперва характеризовалъ по этому поводу мнѣніе Ф. Юсти (въ Grundr. d. iran. Philol.) и потомъ ужъ перешелъ къ анализу работы Ф. Томаса, который считаетъ Сакастану (Сеистапъ) истиннымъ мѣстожителствомъ саковъ, а не вторичнымъ, въ противность общепринятому воззрѣнію, по которому Сакастана получила свое сакское населеніе лишь во II в. до Р. Х. Возможно, что этотъ вопросъ будетъ выясненъ изслѣдованіемъ иранскихъ діалектовъ Памира. В. Ѳ. Миллеръ совѣтуетъ обратить вниманіе на памирское нарѣчіе „ягноби“, сходное — какъ есть свѣдѣнія—съ осетинскимъ, т. е. скифо-сарматскимъ.

III. О раскопкахъ Винклера въ Богазъ-кѳъ и значеніи ихъ для изученія хетскаго языка и исторіи. Основаніемъ для сообщенія В. Ѳ. Миллера послужила статья Г. Винклера: „Die im Sommer 1906 in Kleinasien ausgeführten Ausgrabungen“ въ Orientalistische Litteraturzeitung, 1906, № 12 (декабрь), стр. 622—634.

4) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сдѣлалъ обстоятельный докладъ объ армянскихъ рукописяхъ музея г. Щукина въ Москвѣ *).

*) Докладъ будетъ напечатанъ въ Описаніи восточныхъ рукописей Щукинскаго музея.

5) К. К. Городыскій подробно сообщил о своемъ пребываніи въ Константинополѣ въ 1905—1906 г. *).

№ 97. Засѣданіе 30 марта 1907 года, подъ предѣтельствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Θ. Е. Корша, Г. А. Халатьянца, Мирзы Абдуллы-Гаффарова, М. О. Атаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, референта К. К. Городыскаго, гг. студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ—Никитина, Удинцова, Милюкова, Владимірскаго, Хлѣбникова, Рожновскаго.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ дополненія и замѣчанія по поводу отпечатанной работы Л. З. Мсеріанца о египетско-арамейскомъ папирусѣ, помѣщенной въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“, и отмѣтилъ ея значительный интересъ. Другія замѣчанія сдѣланы были Θ. Е. Коршемъ, который, между прочимъ, еще разъ подчеркнул несомнѣнное присутствіе въ древне-персидскомъ языкѣ звука *h*, не выражаемаго персидской клинописью лишь за неимѣніемъ особаго соотвѣтствующаго клинописнаго знака.

3) Θ. Е. Коршъ прочиталъ критическое сообщеніе о мусульманско-татскомъ словарѣ, который составленъ и изданъ В. Θ. Миллеромъ (въ „Трудахъ по востоковѣдѣнію“ Лазар. Инст.). Θ. Е. Коршъ считаетъ неудобной принятую авторомъ академическую транскрипцію *ai*: по начертанію „*ai*“ читатель не въ силахъ опредѣлить, имѣетъ ли онъ дѣло съ дифтонгомъ (*ai*) или съ двумя слогами (*a+i*). Желательны были бы и обозначенія удареній на словахъ, изданныхъ въ контекстѣ, потому что безъ нихъ, напр., начертаніе „*Bahluṣh*“ (гдѣ *esh*—энклитика) легко можно акцентуировать на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ удареніе падаетъ на *u*; впрочемъ этой сбивчивости можно было бы избѣжать, отдѣляя неударныя энклитики черточкою („*Bahluṣh*“). Затѣмъ Θ. Е. Коршъ сдѣлалъ рядъ своихъ этимологическихъ замѣчаній по поводу многихъ словъ словаря В. Θ. Миллера, которые остались безъ этимологическаго разъясненія; напр., оставленное авторомъ безъ объясненія татское „*azanṣari*“ (=утро) есть, вѣроятно, ничто иное, какъ азербейджанское „*azan-i sāhāri*“ (=утренній призывъ на молитву). Нѣкоторые слова съ начальнымъ *a* дѣлаются этимологически ясны, если въ нихъ признать присутствіе предлога *a* (=и), который плеонастически употребляется у татовъ въ очень большомъ количествѣ. И т. п.

4) А. Е. Крымскій представилъ пріобрѣтенную имъ турецкую грамоту султана Махмуда II, выданную въ 1230-мъ (=1814) г., относительно количества натуральныхъ повинностей, взыскиваемыхъ съ тѣхъ или другихъ селъ. Грамота эта случайно найдена въ Малороссіи. По мнѣнію докладчика, ее могъ туда привезти какой-нибудь офицеръ или солдатъ съ турецкой войны. Главный ея интересъ—экономическій.

*) Съ сокращеніями напечатано въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“ 1907 г.

- 5) К. К. Городыскій закончилъ свое сообщеніе о поѣздкѣ въ Турцію и, главнымъ образомъ, изложилъ свое пребываніе въ Бруссѣ *).
- 6) Г. А. Жалатьянцъ прочиталъ докладъ:

Памяти П. Феттера и Г. Гельцера.

Въ осеннемъ семестрѣ текущаго (1906/07) академ года нѣмецкая наука понесла чувствительную утрату въ лицѣ двухъ талантливыхъ ученыхъ—одного теолога и другого—византиниста, которые, сверхъ своихъ главныхъ предметовъ, занимались также Востокомъ и въ частности по армяновѣдѣнію. Это—тюбингенскій профессоръ Павелъ Феттеръ и іенскій профессоръ Генрихъ Гельцеръ. Вотъ почему я счелъ своимъ долгомъ посвятить памяти почившихъ ученыхъ нѣсколько словъ въ Восточной Комиссіи.

Феттеръ былъ крестьянскаго происхожденія, изъ Швабіи. Онъ родился въ 1850 г. въ одной изъ вюртембергскихъ деревень, въ католической семьѣ, и, по окончаніи средняго образованія, поступилъ 18-ти лѣтъ въ Тюбингенскій университетъ. Тюбингенъ—одинъ изъ типичныхъ германскихъ университетскихъ городовъ; онъ расположенъ на р. Неккарѣ, въ Вюртембергѣ, и имѣетъ жителей до 14-ти тысячъ—изъ лютеранъ и католиковъ; студенты же университета составляютъ обыкновенно 10% числа населенія—слѣд. не менѣе 1.400. Университетъ—очень древній: въ 1877 г. онъ отпраздновалъ 400-лѣтіе своего существованія; имѣетъ богатую бібліотеку—до 300 тысячъ томовъ. Въ немъ, кромѣ общихъ другимъ университетамъ факультетовъ, пользуется извѣстностью богословскій факультетъ или даже два богословскихъ факультета—евангелическо-лютеранскій и католическій, благодаря усиленной научной дѣятельности которыхъ теологія заняла видное мѣсто въ Тюбингенскомъ университетѣ.

На католическомъ богословскомъ факультетѣ, на который поступилъ Феттеръ въ 1868 г., былъ въ числѣ прочихъ профессоровъ и Гимпель (Himpel), читавшій введеніе къ Ветхому Завету, а также армянскій языкъ и литературу; у него были нѣкоторые печатные труды изъ этой области, какъ-то: о Корюнѣ, ученикѣ и біографѣ св. Месропа, и объ армянскомъ переводѣ апологіи Аристиды. Феттеръ занимался подъ руководствомъ Гимпеля и, сверхъ спеціально богословскихъ предметовъ и общихъ курсовъ филологіи, усердно изучалъ армянскій языкъ, исторію и литературу, обогативъ свои познанія самостоятельными работами. По всей видимости, онъ слушалъ лекціи и читавшаго въ томъ же университетѣ знаменитаго историка Гутшмида, который имѣлъ огромное вліяніе на всѣхъ вообще армянистовъ не только З. Европы, но и у насъ въ Россіи, и у армянъ въ Турціи, и у мхитаристовъ—какъ первый, давшій толчокъ къ трезвому критическому изученію армянской исторіи. Надо сознаться, что изслѣдованія Карріера и другихъ, а также мои собственныя работы по критикѣ М. Хоренскаго

*) Докладъ напечатанъ, со значительными сокращеніями, въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“ 1907 г.

явились въ общемъ развитіемъ, продолженіемъ и дополненіемъ идей, высказанныхъ проникательнымъ Гутшмидомъ. Вліяніе Гутшмида отразилось и на трудахъ Феттера.

Въ 1890 г., по смерти Гимпеля, университетъ избралъ на его мѣсто ученика его, Феттера, который занималъ кафедру вплоть до своей смерти.

Собственно говоря, кромѣ немногочисленныхъ трудовъ спеціально по Библии, какъ-то—„О метрикѣ въ книгѣ Іова“, „Свидѣтельство пророковъ до Исхода о Пятикнижїи“, „Объ одномъ еврейскомъ оригиналѣ первой книги Маккавеевъ“ и др., Феттеръ оставилъ до 30 мелкихъ и пространныхъ работъ по армяновѣдѣнію, не считая его критическихъ рецензій и библиографическихъ замѣтокъ въ различныхъ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ по поводу выдающихся новыхъ сочиненій по армяновѣдѣнію. Сюда же нужно отнести и интересную рецензію объ изданномъ Лазаревъ институтомъ I выпускѣ трудовъ по востоковѣдѣнію—древнѣйшемъ арм. переводѣ книгъ Паралипоменонъ, открытыхъ мною въ Эчміадзинѣ лѣтомъ 1896 г.

Работы Феттера по армяновѣдѣнію можно разбить на двѣ группы: по исторіи Арменїи и по исторіи армянской литературы.

Къ первой группѣ относятся: статьи и изслѣдованія—о Маръ-Абасѣ, о М. Хоренскомъ, объ арм. переводѣ Хроники Евсевія, о народныхъ армянскихъ пѣсняхъ въ Исторіи Хоренскаго. Уже первыя два изслѣдованія носятъ на себѣ слѣды вліянія Гутшмида. Хоренскій является у Феттера писателемъ не ранѣе VII вѣка. Въ частности относительно Маръ-Абаса, этого кардинальнаго вопроса въ критикѣ Хоренскаго, Феттеръ держался особаго взгляда. Между тѣмъ какъ предыдущіе критики армянскаго историка—Эминъ, Гарагашіанъ и Каррьеръ—считали сирійца Маръ-Абаса съ его „халдейской книгой“ фикціей, придуманной Хоренскимъ для того, чтобы въ уста „мудрому сирійцу“ вложить языческій народный эпосъ своего отечества, тюбингенскій арменистъ допускалъ возможность существованія книги какого-то сирійца Маръ-Абаса—подлинной или апокрифической,—которая заключала въ себѣ изначальную исторію Арменїи, составленную на основаніи народныхъ армянскихъ легендъ и преданій. Въ изслѣдованіяхъ своихъ объ источникахъ М. Хоренскаго я тоже считалъ возможнымъ существованіе Маръ-Абаса и даже опредѣлилъ довольно точно время его, именно VII в., что черезъ годъ послѣ выхода моей книги оправдалось, такъ какъ былъ найденъ отрывокъ изъ сирійской хроники Маръ-Абаса, очевидно VII в. Но разница между нѣмецкимъ ученымъ и мною въ данномъ вопросѣ заключается въ томъ, что допускаемый имъ элементъ народныхъ легендъ у Маръ-Абаса я ограничиваю до минимума, а такъ называемый „народный армянскій эпосъ“ подъ перомъ Хоренскаго, какъ уже я высказывалъ, въ большинствѣ случаевъ книжнаго происхожденія, явился болѣе или менѣе искусной переработкой мотивовъ изъ Библии и другихъ переводныхъ, а также оригинальныхъ сочиненій.

Болѣе многочисленны работы Феттера по исторіи древне-армянской литературы, и духовной преимущественно. Онѣ появились частью въ „Theologische Quartalschrift“—3-мѣсячномъ богословскомъ журналѣ, и частью въ

Patrologie und Patristik Ниршля,—съ біографіей, подробнымъ содержаніемъ трудовъ изучаемаго автора и указаніемъ литературы о немъ. Таковы обстоятельныя литературныя очерки о св. Месропѣ, ученикѣ его Корюнѣ, Езникѣ, авторѣ опроверженій ересей — въ томъ числѣ гностицизма и маздеизма, Ехише, авторѣ религиозной войны Вардана съ Персами въ V в. и другихъ сочиненій, о Нерсесѣ Благодатномъ (XII в.) и его духовныхъ поэмахъ и пѣсняхъ, о Нерсесѣ Ламбронскомъ, оставившемъ любопытныя свѣдѣнія о Фридрихѣ Барбароссѣ.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить взглядъ, впервые высказанный Феттеромъ о принадлежности св. Месропу т. назыв. „Словъ и бесѣдъ“ (*Wörter und Reden*), которыя приписываются обыкновенно Просвѣтителю Арменіи, св. Григорію.

Кромѣ перечисленныхъ, у Феттера есть и рядъ работъ по армянскимъ апокрифамъ. Онъ издалъ апокрифическое 3-е посланіе Коринѳянамъ съ подробнымъ изслѣдованіемъ его источниковъ, посланіе Діонисія Ареопагита къ Титу объ успеніи Маріи, объ армянскихъ апокрифахъ „Дѣяній апостоловъ“. Сюда же нужно отнести и изслѣдованіе его о Хикарѣ въ связи съ книгой Товитъ. Большая часть перечисленныхъ работъ Феттера были въ свое время переведены на армянскій языкъ и помѣщены въ Вѣнскомъ армянскомъ журналѣ „Hantess“, въ которомъ помѣщенъ (1906, 12) и некрологъ о покойномъ ученомъ.

Феттеръ работалъ неустанно въ теченіе 26-ти лѣтъ въ любимой имъ области, пока подтачивавшая его съ давнихъ поръ жестокая болѣзнь (ракъ желудка) не положила конца его трудовой жизни. И вѣсть о преждевременной кончинѣ его вызвала искреннюю скорбь среди его друзей и учениковъ и не менѣе того среди арменистовъ.

Другой нѣмецкій ученый — іенскій профессоръ по кафедрѣ классической филологіи и древней исторіи тоже удѣлялъ въ своей научной дѣятельности немало мѣста армяновѣдѣнію. — Гельцеръ родился въ Берлинѣ, въ 1847 г.; отецъ его былъ профессоръ; 26-ти лѣтъ самъ онъ получилъ кафедру сначала въ Гейдельбергѣ, а потомъ въ Іенѣ, гдѣ и оставался до самой кончины. Къ сожалѣнію, онъ такъ же, какъ и Феттеръ, рано былъ похищенъ смертію, такъ какъ умеръ въ возрастѣ 59-ти лѣтъ!

Въ своей научной дѣятельности Гельцеръ рано перешелъ отъ древней исторіи къ Византіи, изученію которой онъ оказалъ важныя услуги, а отсюда попутно и къ Востоку, къ которому онъ всегда чувствовалъ живѣйшій интересъ. И этотъ интересъ выражался не только на его лекціяхъ и его работахъ, но и личныхъ отношеніяхъ: онъ находился въ постоянной перепискѣ съ выдающимися духовными и свѣтскими учеными народностей Балканскаго полуострова и Малой Азіи; вокругъ его кафедры всегда тѣснилась молодежь изъ грековъ, армянъ, юго-славянъ. Живой и общительный, Гельцеръ кромѣ того много путешествовалъ: онъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Грецію, былъ въ другихъ балканскихъ странахъ и М. Азіи и весьма интересовался современнымъ положеніемъ христіанъ въ Турціи.

Особенно высоко ставят труды Гельцера по истории и литературѣ Византийской. Прежде всего онъ основательно изучилъ Византийскую хронографію, выяснивъ въ ней важное значеніе Африкана, какъ основателя христіанской хронографіи, за которымъ уже пошли Евсевій и другіе. Въ обширномъ трудѣ, занявшемъ три книги, Гельцеръ задается цѣлью возстановить это утерянное сочиненіе Африкана на основаніи обрывковъ и цитатъ, сохранившихся у послѣдующихъ хронографовъ, не только византийскихъ, но и восточныхъ: 3-я книга его изслѣдованія заключаетъ въ себѣ цѣликомъ извлеченія изъ армянскихъ источниковъ, прямо или косвенно пользовавшихся Африканомъ.

Вообще Гельцеръ, по мнѣнію специалистовъ *), произвелъ переворотъ въ изученіи церковной истории Византіи: онъ былъ первый, учившій, что за догматическими спорами нужно искать народные раздоры, и взглядъ этотъ выяснилъ и углубилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Къ заслугамъ Гельцера относятъ и выясненіе такъ называемаго темнаго періода (т.-е. VII в.) политической истории Византіи; благодаря знакомству съ восточными языками, и въ особенности съ армянскимъ, онъ имѣлъ возможность пополнить пробѣлы греческихъ источниковъ по этой эпохѣ восточными и тѣмъ положилъ основаніе направленію Византийскаго седьмого вѣка, съ котораго, по мнѣнію Гельцера, и начинается собственно византийское или греческое государство, какъ таковое, а именно съ основанія династіи Ираклія, такъ какъ до того оно было государствомъ восточно-римскимъ **).

Изъ многочисленныхъ трудовъ Гельцера по Византіи нужно отмѣтить его „Очеркъ истории византийскихъ императоровъ“, написанный по порученію редакціи „Визант. Журнала“ и въ немъ же появившійся въ 1897 г. По словамъ Крумбахера, этой работой іенскій византиистъ далъ сжатое, но надежное и отвѣчающее новымъ научнымъ требованіямъ пособіе, отсутствіе котораго такъ долго чувствовалось. „Очеркъ“ этотъ вскорѣ послѣ своего появленія, былъ переведенъ на армянскій языкъ.—Въ главѣ пятой этого сочиненія Гельцеръ рельефно излагаетъ исторію армянской династіи въ IX и X вѣкахъ, подъ управленіемъ которой Византія, какъ извѣстно, достигаетъ высшей степени своего могущества; паденіе ея наступаетъ послѣ этой эпохи.

Перехожу къ трудамъ Гельцера по армяновѣдѣнію. Они относятся къ исторіи и міеологіи, и однимъ изъ первыхъ было его интересное историко-критическое изслѣдованіе „О началѣ армянской церкви“ (Die Anfänge der armen. Kirche, 1895). Въ немъ нѣмецкій ученый, на основаніи Фавста Византийскаго, пытается доказать пріоритетъ западно-армянскаго религіознаго центра въ Аштишатѣ Таронскомъ передъ восточнымъ—Эчміадзиномъ, возникшимъ, по его мнѣнію, послѣ IV вѣка и потомъ получившимъ

*) Я имѣю въ виду между прочимъ ученика покойнаго Гельцера, Герланда, помѣстившаго біографическій очеркъ о своемъ учителѣ въ *Byzant. Zeitschrift*. См. также Hantess, 1907, 1.

**) См. предисловіе къ его *«Abriss der Byz. Kaiser Geschichte»*.

обще-національное значеніе.—Далѣе Гельцеръ далъ въ сжатомъ изложеніи исторію Арменіи, къ которой присоединилъ и очеркъ литературы — свѣтской и, болѣе подробно, духовной, съ указаніемъ даже догматовъ армянской національной церкви, такъ какъ пространная статья эта была написана для *Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche* (1896). При этомъ авторъ не упустилъ изъ виду и современнаго положенія армянъ и такъ наз. армянскаго вопроса, къ которому онъ относился сочувственно и въ заключеніи заклеилъ выраженіями возмущенія режимъ главы государства, дозволившій безчеловѣчную рѣзню армянъ въ Турціи лѣтомъ 1896 года.

Кромѣ другихъ мелкихъ сочиненій, какъ-то — „Религіозная система персовъ по Езнику“, „Географическія замѣчанія къ списку отцевъ Никейскаго собора“ по западнымъ и восточнымъ источникамъ, въ томъ числѣ и армянскимъ, и публицистическихъ статей — „О современномъ положеніи армянской церкви“, „Объ армянахъ и Европѣ“, — остается сказать объ изслѣдованіи Гельцера по армянской мифологіи (*Zur armenischen Götterlehre*). Правда, въ этомъ трудѣ онъ въ существенномъ не пошелъ дальше покойнаго нашего профессора Эмина, который еще въ 1864 году первый далъ научно-составленный очеркъ языческой религіи армянъ. Гельцеръ также принимаетъ въ армянской религіи четыре элемента — иранскій, семитическій, греческій и національный и даже повторяетъ за московскимъ арменистомъ легенду о таинственныхъ индійскихъ божествахъ въ Арменіи *) IV вѣка по Р. Х. отвергаемую впрочемъ послѣдующей исторической критикой **). Но все же іенскій профессоръ далъ прекрасное изложеніе предмета, въ нѣкоторыхъ вопросахъ представилъ новое освѣщеніе и пополнилъ литературу, сдѣлавъ такимъ образомъ трактуемый предметъ доступнымъ и интереснымъ не для однихъ нѣмецкихъ читателей.

Вообще оба нѣмецкихъ профессора, и Феттеръ и Гельцеръ, много способствовали распространенію вѣрныхъ свѣдѣній объ языкѣ, исторіи и литературѣ армянской въ широкихъ кругахъ Германіи цѣлымъ рядомъ трудовъ, появившихся въ научныхъ и литературныхъ журналахъ, солидныхъ пособіяхъ и учебникахъ и энциклопедическихъ словаряхъ. Труды эти весьма цѣнны и внѣ Германіи, и за это авторы ихъ заслужили горячую благодарность специалистовъ.

По предложенію г. предсѣдателя Восточной Комиссіи, память усопшихъ ученыхъ была почтена вставаніемъ.

*) *Հայաստանի և Գերմանիայի միջև*.

**) См. мое изслѣдованіе о Зеноб-Глакѣ (Hantess, 1893) и рецензію въ *Byzantin. Zeitschrift*, IV, 2.

- Б. В. Миллеръ:** Путешествіе изъ Бушира *Стр.*
въ Ширазъ въ 1905 г. 24
- В. Ө. Миллеръ:** Персидскій ментеръ (закли-
наніе) изъ Асхабада 2
- Der Ursprung der armenischen Fürsten-
thümer B. Халатьянца 4
- О персидскомъ нарѣчій мусульманъ-
татовъ 8—9, 10
- Работа г. Мункачи объ аланскихъ
(=осетинскихъ) элементахъ въ ма-
дьярскомъ языкѣ 19
- Новая осетинскія этимологіи 23
- Кавказское языковѣдніе и его зна-
ченіе для староазіатской этнографіи. 24
- Die Litteratur der Babylonier und Assy-
rier von Otto Weber (Лейпцигъ 1907). 34
- О работѣ Ф. Томаса: Sacastana (J. R.
As. S. 1907) по поводу первоначаль-
наго мѣстожителства скивовъ-саковъ. 34
- Хаттійскія раскопки Х. Винклера въ
Богазъ-коѣ 34
- По поводу работы Л. З. Мсеріанца
о страсбургскомъ египетско-арамей-
скомъ папирускѣ 35
- Л. З. Мсеріанецъ:** О страсбургскомъ еги-
петско-арамейскомъ папирускѣ 18

- В. П. Никитинъ:** Двѣ южно арабскія таблицы *Стр.*
съ сабейскими надписями, присланныя
кн. Б. Н. Шаховскимъ изъ Бургаса
(съ двумя снимками) 21—23
- М. В. Никольскій:** Клинописная коллекція
Н. П. Лихачева 1—2, 4
- Н. Пантусовъ:** Китайская кумирня Бей-
Юнь-Гуань въ Аксуйскомъ ущельи
Илійскаго края 18—19
- Д. В. Солодовъ:** Опытъ сводной біографіи
Саадія 17
- Г. А. Халатьянцъ:** Маттаея Гарагашянъ . 9
- Итоги научной критики „Исторіи Ар-
меніи“ Моисея Хоренскаго 9
- *Памяти П. Феттера и Г. Гельцера . . 36—40
- А. С. Хахановъ:** Грузинскій окрифтъ о
судѣ Пилата надъ Иисусомъ Христомъ. 17
- Кн. Б. Н. Шаховской:** Письмо о сабейскихъ
пластинкахъ, приобретенныхъ имъ въ
Бургасѣ 19
- К. Г. фонъ-Шлиппе:** Армянская надпись на
Елеонской горѣ 17
- Поездка на востокъ лѣтомъ 1904 г. . 18, 20
- М. С. Щекинъ:** Греческія геммы изъ Систана
(вост. Персіи) съ гностическими надпи-
сами (съ приложеніемъ 4 снимковъ). 6—8, 11, 21

Въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ

(на Берсеневкѣ, у Большого Каменнаго моста, соб. д.)

можно приобрести предыдущіе выпуски „Древностей Восточныхъ“.

- Т. I, вып. 1.** С. С. Слупскій: Семирѣченскія несторіанскія надписи (съ 5 табл. и автографіей).—Ө. Е. Коршъ: О турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей.—В. К. Трутовскій: Гулистанъ Золотой Орды.—М. В. Никольскій: Халдейскій вѣсъ эпохи Гудеа (съ 7 табл. и рис.).—И. И. Соловейчикъ: О вновь открытой еврейско-вавилонской вазѣ (съ табл.).—М. В. Никольскій: О сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи (съ рис.).—Протоколы 1887—1888 г. (съ рис.). 4 рубля.
- Т. I, вып. 2.** В. Ө. Миллера: О сарматскомъ богѣ Уатафарпѣ (съ 3 рис.).—Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Замѣтка о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ.—М. В. Никольскій: а) Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома времени Шамашъ-шумъ-укина, царя вавилонскаго (666 г. до Р. Х.);—б) По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ (съ таблицами и рис.).—С. С. Слупскій: Къ семирѣченскимъ несторіанскимъ надписямъ (съ табл. и рис.).—В. К. Трутовскій: Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями.—Г. А. Муркозъ: О рукописномъ сборникѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія гр. А. С. Уварова.—Г. Е. Церетели: Полное собраніе надписей на стѣнахъ и камняхъ и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря (съ рис.).—А. С. Хахановъ: Отзывъ о вышепомѣщенномъ трудѣ Г. Е. Церетели 4 „

Т. I, вып. 3.	Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Ирано-финскія лексикальныя отно- шенія.—А. С. Хахановъ: Источники по введенію христіанства въ Грузію.— М. С. Щекинъ: Персидская рукопись „О четырехъ обязанностяхъ дер- виша“.—М. В. Никольскій: О двухъ ассирійскихъ фрагментахъ князя П. А. Путятина (съ табл.).—С. С. Слущкій: Девятый международный съездъ оріенталистовъ въ Лондонѣ, сент. 1891.—М. В. Никольскій: Клинообраз- ныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи (съ табл.).— Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: Объ армянской рукописи Ев—ія IX вѣка, принадлежащей Лазар. Инст. Вост. яз. въ Москвѣ.—О. Е. Коршъ: Универ- салы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ 4 „	Цѣна.
Т. II, вып. 1.	М. С. Щекинъ: „Саки-наме“, приписываемая Орфи Ширазскому.— Бар. Р. Р. Штакельбергъ: О персидскомъ эпосѣ „Виса и Раминъ“ Фехри Горгани.—М. В. Никольскій: Клинообразная надпись изъ Ганли-Тапа около Эривани (съ табл.).—А. Е. Крымскій: Очеркъ развитія суфійства до конца XIII вѣка хиджры.—А. С. Хахановъ: Грузинская рукопись поэмы „Барсова коста“ изъ Главнаго архива М. И. Д.—М. В. Никольскій: О раскопкахъ въ сѣв. Сиріи, въ Зенджирли.—Г. А. Муркосъ: а) О служеб- никѣ антиохійскаго патріарха Макарія на Авонтъ; б) О ткани съ арабской над- писью Моск. Румянц. музея (съ табл.).—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: Армян- скія надписи въ г. Григоріополѣ Херс. губ.—О. Е. Коршъ: Опытъ ритми- ческаго объясненія древне-инд. эпико-дидактическаго размѣра <i>ślokaś</i> .— М. В. Никольскій: Двѣ новооткрытыя палмирскія надписи (съ табл.).— Протоколы 1888—1895 гг. (съ рис.) 4 „	
Т. II, вып. 2.	Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Объ иранскомъ вліяніи на религіоз- ныя вѣрованія древнихъ армянъ.—А. С. Хахановъ: Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны.—М. В. Никольскій: Сирійскія пергаменные еван- гелія VII—VIII в. московскаго Археол. Общ. (съ табл.).—Архим. Арсенъ Клитчянъ: Древній городъ Астухини (Астахана) клинообразныхъ надпи- сей.—О. Е. Коршъ: О „Восточныхъ Замѣткахъ“, сборникъ Спб. Восточнаго факультета 1895 г.—Г. А. Халатъянцъ: О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными Ванскихъ надписей.— Протоколы 1895—1900 гг. (съ рис.) 4 „	
Т. II, вып. 3.	В. О. Миллеръ: Къ древнеперсидской надписи NRd. (съ рис.).— О. Е. Коршъ: Слѣды діалектическаго ротацизма въ среднеперсидскомъ языкѣ.—Г. А. Халатъянцъ: а) Лондонскій списокъ древнѣйшаго армян- скаго перевода Паралипоменонъ; б) Къ критикѣ Моисея Хоренскаго; кто былъ побѣдителемъ Креза Лидійскаго?—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ юго-зап. Руси и Крыму (съ 12 рис.).—А. С. Хахановъ: Правила VI всел. собора въ грузин. переводѣ VI в. св. Евфимія.—В. О. Миллеръ: О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчій горскихъ евреевъ.—А. Е. Крымскій и В. В. Миллеръ: Все- мусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность (съ 3 рис.).—А. Е. Крымскій и В. О. Минорскій: Очерки изъ исторіи оріенталистики въ XVI и XVII в.—В. О. Минорскій: „Гѣзъ йашымъ“ Эминъ-бей.—Протоколы 1900—1903 гг. (съ рис.) 4 „	
Томъ III, вып. 1.	 3 „	

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

BN PRINTED IN U.S.A.

3 0000 123 003 646